

А.Н. Стома

В суматохе дней...

Собственное жизнеописание

Издательство «Крымский Афон»
г. Евпатория
2014 г.

Этому человеку, чье жизнеописание перед вами, всё же удалось прыгнуть выше головы, но это случилось только в годы жизненного «листопада». До этого была длинная жизнь, наполненная всевозможными коллизиями, в большинстве случаев, не соответствующих его характеру и устремлениям. Пройти этот нелёгкий путь ему помогли интеллект и добрые люди, сопутствующие на всём протяжении жизни.

Вы предлагаете мне автобиографию;
я сомневаюсь во всех автобиографиях,
какие когда-либо читал, разве только
за исключением автобиографии
мистера Робинзона Крузо.
У. Теккерей, классик английской литературы.

Честно подвести итоги своей жизни человек
мог бы только после смерти, но и тогда ему захотелось
бы выглядеть лучше, чем он был при жизни.
Леонид Шебаршин, «ХРОНИКА БЕЗВРЕМЕНЬЯ».
Заметки бывшего начальника разведки.

- Расскажите о себе в двух словах
- Всякое бывало...

ЖИЗНЬ, ПО ПОРЯДКУ НОМЕРОВ – РАССЧИТАЙСЬ!

1. БУДЕМ ЗНАКОМЫ	5
2. ТЕБЕ МОРЯ ЖАЛКО?	7
3. СЫН ВРАГА НАРОДА	12
4. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	13
5. В ЭВАКУАЦИИ	22
6. В АРМИИ	25
7. ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ГРАЖДАНКЕ	47
8. САМОВОЛЬНЫЙ ЗАСТРОЙЩИК	51
9. АРТЕЛЬНЫЕ ДЕЛА	54
10. КРЫША НАД ГОЛОВОЙ	58
11. ЗАВЕТНЫЙ ДИПЛОМ	61
12. РАБОТА В «ЕЛОЗЕ»	64
13. НА АВИАЗАВОДЕ	70
14. ДЕЛА ДОМАШНИЕ	78
15. НАЧАЛЬНИК ПРОИЗВОДСТВА	78
16. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПОССОВЕТА	90
17. НАЧАЛЬНИК ЖЭКА	96
18. САНАТОРИЙ «ЧАЙКА»	103
19. НА ВИНЗАВОДЕ	115
20. ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПЕНСИИ	118
21. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КООПЕРАТИВА	124
22. В «Трибуне»	134
23. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ МАМЫ	138
24. ПЕРВЫЕ ШАЖКИ В ЛИТЕРАТУРЕ	139
25. ПОМОЩНИК ДЕПУТАТА	140
26. ПО УШИ В ЛИТЕРАТУРЕ	141
27. О ПРЕМИИ ИМЕНИ ДУВАНА	143
28. ВОКРУГ «ЭМИРА ЭДИГЕЯ»	144
29. КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ	149
30. ИНФАРКТ	151
31. ПОСЛЕ ИНФАРКТА	154
32. В КУЧЕ СОБЫТИЙ	156
33. В ОЖИДАНИЯХ	159
34. НОВАЯ БОЛЯЧКА	162
35. ПЕРВЫЙ УСПЕХ	163
36. ЛЕВ ЛИНИЧЕНКО И ДРУГИЕ	165
37. «Очерки ...» КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ	167
38. ДЕПУТАТ В ТУМАНЕ	169
39. АЛИФЕ - ХАНУМ	172
40. СЕМЬЯ ЛУХНЕВЫХ	173
41. ИЛЬЯ МЕЛЬНИКОВ	175
42. В РЕДАКЦИИ «ЕЗ»	176

43. В ГНЕВЕ	177
44. А ЧТО В «ЕЗ»?	179
45. ЭДИГЕЙ «РОДИЛСЯ»!	180
46. ОЛЬГА КАМИНСКАЯ	181
47. БОСПОРСКИЕ АГОНЫ	182
48. ПАМЯТИ ГАЯ МОРОЗА	184
49. РАЗГОВОР С Г. ЗВЕРЬКОВЫМ	185
50. НАТАЛЬЯ МУРАТОВА	186
51. ПУБЛИКАЦИЯ В «ИЗВЕСТИЯХ»	187
52. НОВЫЙ КОМПЬТЕР	188
53. ВЗРЫВ ДОМА	189
54. ПУБЛИКАЦИЯ В «ПОГРАНИЧНИКЕ»	191
55. ВСТРЕЧИ	193
56. ИГОРЬ КОТАР	196
57. ПЕЧАЛЬНЫЙ СПИСОК	198
58. В РЕДАКЦИИ «ЕЗ»	201
59. БУРХАРД МИНИХ И ДРУГИЕ	203
60. ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ЗНАКОМСТВА	205
61. НА РАЗДЕЛЬНОЙ	207
62. СКАЗАНО - СДЕЛАНО	208
63. ДУВАНОВСКАЯ ПРЕМИЯ	209
Z. ЭКСПЕРТЫ ЗАДАЮТСЯ ВОПРОСОМ	210
1. О СОБЫТИЯХ 1937 ГОДА	210
2. ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «ЕЗ» Н.Б. ЩЕРБАКОВОЙ	212
КАК СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ	214
1. NASCUNTUR РОЕТАЕ	215
2. НАД ВЫМЫСЛОМ СЛЕЗАМИ ОБОЛЮСЬ	217
3. ПИШУ - И СЕРДЦЕ НЕ ТОСКУЕТ	218
4. КАК СЕРДЦУ ВЫСКАЗАТЬ СЕБЯ?	222
5. НЕ ЗНАЮ САМ, ЧТО БУДУ ПЕТЬ	224
6. О СТИЛИСТИКЕ	231
7. ИЗ ХАОСА - СОКРОВИЩЕ ВОЗНИКЛО	235
8. БЛАЖЕН, КТО ЧАШУ ЖИЗНИ ВОВРЕМЯ ПРИГУБИТ	236
9. О ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ПИСАТЕЛЯ	239
НАБОР ПОЛЕЗНЫХ СОВЕТОВ НАЧИНАЮЩИМ ПИСАТЕЛЯМ, И НЕ ТОЛЬКО	241

1. БУДЕМ ЗНАКОМЫ

Как-то, уже в пенсионном возрасте, встретил сослуживицу по заводу «Вымпел». В разговоре она сообщила, что очень хотела бы пережитое ею прожить заново. «Вы этого тоже хотите?» - спросила она меня. «Конечно, нет» - ответил я, чем удивил коллегу.

Понимая всю абсурдность такого желания или нежелания, я, уже позже, задумался: почему не поддержал уважаемую даму? Чем не приглянулось мне, удостоенному жизни в XXI столетии, моё же долгое пребывание в веке XX?

Были, конечно, были, трудные и тягостные времена, которые никак не хотелось бы пережить вновь, но были и радости размеренного труда и устроенного быта, а с тем и осознание того, что не зря коптишь небо.

Так в чём дело? Может, стоит обрадовать сослуживицу сообщением, что в ее нелепых мечтаниях иду с нею в ногу? Нет, воздержусь. Хватит, один раз ляпнул. Лучше разбросаю собственную жизнь по полочкам и, забыв, чья она там лежит, посмотрю на неё со стороны, и только тогда решу - нужно ли беспокоить коллегу.

А сейчас вы, взявши в руки эту книгу с целью (надеюсь) прочитать, стали невольным экспертом в моём опыте. Высказывайтесь. Доверительно шепну, что не ждите в моём тексте голливудских ужасов и душераздирающих любовных страстей. Если выразиться литературообразно, то сюжет писания будет основан на не выдуманных событиях, едва художественно причесанных, но не с целью лакировки, а для удобства прочтения.

Итак, я, Стома Александр Николаевич, родившийся в Евпатории в четверг (не в понедельник) 17 марта 1927 года, именно сейчас 2 мая (в четверг же) 2013 года начал описывать прожитые мною годы, с целью... Не буду повторяться.

Отец Стома Николай Семенович, белорус, из крестьян, 1895 года рождения. Родился и жил в Новогрудском районе, в то время – Польша. В 1920 году, будучи солдатом польской армии, участвовал в защите Варшавы от армии Тухачевского. В 1923 году эмигрировал в СССР. После соответствующей проверки, поселился в Евпатории. Работал секретарем ЖАКТа, бухгалтером в райпотребсоюзе. В 1937 году арестован.

Привожу выписку из уголовного дела:

СТОМА НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ, 1895 г.р., м.р. д. Драчиловка Новогрудского р-на, белорус, из крестьян, б/п, женат, обр. низшее, место жит. до ареста г. Евпатория, калькулятор райпотребсоюза, арест. 24.11.1937 г. Евпаторийским ГО НКВД Крыма, ст. 58-6 УК РСФСР: агент польской разведки, осужден 04.02.1938 г. ОСО при НКВД СССР к 10 годам ИТЛ, умер в ИТЛ в Кемеровской обл. 14.02.1941 г., реабилитир. 17.10.1988 г. ВТ Одесского военного округа, ГААРК, ф.р-4808, оп.1, д. 014096.

Мать Морозова Феодора Евдокимовна, украинка, из крестьян, 1907 года рождения. Родилась в деревне Брилёвка, Цюрюпинского района, Херсонской области. До ареста отца не работала – училась в ликбезе, смотрела за детьми. Затем работала санитаркой в санатории, на трикотажной фабрике швеей, потом наладчиком оборудования. Умерла в 1992 году в Евпатории.

Сестра Стома (Ровняго) Ольга Николаевна, родилась в 1932 году, живёт в Симферополе.

Жена Морозова Елена Ивановна, 1942 года рождения.

Дети от первого брака:

Стома (Бахарева) Ольга, 1954 года рождения, живёт в г. Орле.

Стома Владимир, 1958 года рождения.

Пасынок:

Воробьёв Константин Юрьевич, 1969 года рождения, живет Красногорске, Московской области.

Долгое время я считал, что моя фамилия произошла от греческого слова stomatos – рот. Смущало то, что в белорусской деревне, где, как говорил отец, почти все носят фамилию Стома, так широко проникло греческое слово, притом не свойственное крестьянскому укладу.

И только заглянув в «Толковый словарь» В. Даля, выявил действительные истоки своей фамилии. Привожу статью дословно:

Стамливанье ср. длит. стомленье ср. об. стома, стомка ж. об. действ. по глаг. Стомщик, -щица, стомивший, изнузивший кого. Клячу пашней стомили. Скот стомлен бескормицей. Хлеб стомило засухой, неполный налив зерна. С ног стомили малого побегушки эти! Стомчивая лошадь, истомчивая, слабая;-работа, тяжкая, изнурительная,

Современный словарь русского языка толкует слово истома как чувство усталости, утомления.

На мой взгляд, такое понимание гораздо ближе отражает вековую тяжесть крестьянского труда.

Кстати, в школе меня порою называли не Стома, а Стомка.

Мы жили в доме №7, что на ул. Раздельной. Квартира – одна комната площадью 20 кв. м., у стены плита с духовкой. Два окна выходят на улицу Училищную, два на общую веранду. Рукомойник висит в проходном коридорчике, уборная в конце веранды, кухня общая, да и ту заняли под жильё. В то время многие так жили, если не хуже.

И последнее для этой главы. В тексте будут вставки из различных материалов, написанных мною в разное время. Их основное достоинство – достоверность, поэтому они здесь.

2. ТЕБЕ МОРЯ ЖАЛКО?

Казалось бы, первые детские воспоминания должны быть связаны с родителями, окружающей средой, а у меня, как у какого-то изгоя – с тюрьмой. Нет, я там не сидел, а только стоял рядом. Стоял в трусиках (лето), возле меня двоюродная сестра Аня, впереди нас тетя Марфа, её мама. Тётя разговаривает со своим мужем, дядей Андреем. Он-то и сидит в тюрьме. Сейчас же стоит у зарешеченного оконного проёма и слушает, что говорит жена. Это и осталось в памяти.

Признаться, такое мрачное начало жизни мне не нравилось. Пробовал убедить себя, что тюрьма – плод моей фантазии. Раскопал даже научный термин «псевдомнезия» ложные воспоминания.

Да и тюрьма в Евпатории по приходу в Крым советской власти, за ненадобностью, как сообщалось в местной газете, была закрыта. Таким образом, родившийся много позже, я не мог видеть ее действующей.

Правы мудрецы, утверждающие, что лучший адвокат для человека – он сам. В своих мысленных изысканиях я вспомнил, что дядя Андрей был награжден орденом Красной звезды и работал на Евпаторийском ремзаводе простым литейщиком. За что было прятать его в кутузку? Тогда, а это был 30-й год, сажали, но не всех же подряд!

С убеждением, что стал жертвой псевдомнезии, я так и прожил до конца XX века. К тому времени единственно живой из большого рода Морозовых осталась тетя Аня, да и той было за девяносто.

В один из визитов к ней, зашел разговор о тете Марфе. Так и вспомнилось то раннее видение. Я спросил её:

- Дядя Андрей сидел в Евпаторийской тюрьме?

Тетушка с лёту ответила:

- Да кто тогда не сидел?

- И дядя Андрей?

- И его посадили, но только быстро выпустили.

Я был несколько смущен: её возраст не гарант хорошей памяти. Откуда такая уверенность? Осторожно спросил:

- И помните, за что его посадили?

Последовал бодрый ответ:

- А что тут помнить? Конечно, помню!

- Тогда рассказывайте!

И вот что услышал.

У Паши, другой моей тети, на постое был какой-то мужчина. Через неё он познакомился с Андреем. Жили-то почти рядом, в Раздельном переулке. Мужчины иногда выпивали вместе, благо вспомнить было что – оба воевали в гражданскую на стороне красных.

Вдруг постоялец куда-то пропал. Паша начала волноваться, но тут вломилась милиция с обыском. Искали оружие, но ничего не нашли. Тогда Паша и узнала, что постоялец арестован. Через пару дней нагрянули с обыском уже к её сестре Марфе. Андрей был на работе. Под каким-то предлогом его вызвали.

Прибежал он домой, а там милиция ждет, а с нею тот мужик, что у Паши жил.

- Вы его знаете? - спросили у Андрея. – Он говорит, что у вас есть револьвер типа «бульдог».

- Нет у меня револьвера.

- А вот сейчас проверим.

Сени у Марфы были без потолка, вот за балкой и нашли оружие. Тогда и арестовали Андрея.

Оказалось, что тот мужик, пребывая в Москве что-то натворил, а в Евпаторию приехал отсиживаться. Почувствовав слежку, он спрятал оружие у Марфы в сенях. Когда разобрались, то Андрея и выпустили.

Так была повержена моя попытка не верить тому, чему был свидетелем на самом деле. Отсюда следует, что я начал помнить себя с трех лет.

Далее вижу коричневый лист бумаги, на нем буквы. Я учу алфавит. Учить мешает постоянное чувство голода. Помню, отец, будучи в 1930 г. командировке, прислал посылку, а в ней два килограмма халвы. Я объелся ею и сильно страдал животом.

В пять лет случилось настоящее горе – я стал заикаться. Причиной тому следующие обстоятельства.

Нашим соседом был Мукланович, бывший чекист. У него дома имелись винтовка, маузер в деревянной кобуре и сабля. У Муклановича – сын Миша, ему лет 12. Когда родителей Миши не было дома, мы с Петей Каракашьянцем (лет 8) приходили к нему поиграть оружием. Однажды доигрались до того, что ребята повалили меня на кровать и, приставив к голове маузер, а к животу саблю, начали кричать «Убьём!». Я испугался и тоже начал кричать. Их это не остановило: Миша тыкал мне стволом маузера в лицо, а Петя больно колот живот.

На мой вопль отозвалась соседка тетя Циля. Она стучала в дверь, требовала открыть. Ребята попрятались под кровати. Я же на подгибающихся ногах прошел к двери и повернул ключ.

С той поры и начались мои мучения. Слава Богу, меня никто не дразнил. Родители терпеливо выслушивали мои изречения, дворовые ребята, когда я на чём-то затыкался, говорили мне: «Да ладно».

Врачи разводили руками. Моя бабушка по маме, Ефросинья, водила меня к бабкам. На голову ставили тазик с водой, в него, с молитвой, выливали расплавленный воск. Остывая, он приобретал причудливые формы. Бабка видела в нём фигуры людей, держащих оружие.

Потом клали меня на землю и, читая молитву, обводили по контуру тела красной шерстяной ниткой, закрепляя её колышками. Всё бесполезно. С тех пор я не верю всяким заклинаниям.

Мои родители были атеистами, но бабушка, как могла, занималась моим религиозным воспитанием. По её инициативе меня окрестили, с нею же я посещал церковные службы. Она рассказывала мне сказки. Помнятся притчи из Библии и какой-то Бова Королевич.

Ребятня много купалась в море. Оно же рядом! Как ни пытались родители контролировать этот процесс, у них ничего не получалось. Моя мама, например, стремясь изобличить меня, прикасалась языком к предплечью и ощущала вкус соли. Попавшись один раз на лжи, я в последующем по пояс обмывался под краном еще во дворе.

Мне было лет 6, когда произошел запомнившийся случай. Пошел на море без разрешения. Чтобы не намочить трусы, снял их и, присыпав песком, оставил на берегу. Возвратился - трусов нет! Я в рёв. Хорошо, мимо шла старшая девочка из нашего двора. Она прониклась моим горем и принесла трусы, при этом рассказала маме, где я. Мне тогда здорово влетело. Плачу и спрашиваю:

- Тебе, мама, моря жалко? Да?

Шлепая меня, мама приговаривала:

- Ведь утонешь, дурачок! Мне моря не жалко, утонуть можешь!

В 1992 году, читая в музее довоенную городскую газету «Коллективист», в номере от 5 ноября 1933 года прочел сообщение: «Подарок Октябрю: дом, бывший Дувана, восстановлен!» Сразу же всплыло воспоминание: сосед Ваня Володин зовёт меня с собой в дом Дувана «воровать гвозди» у строителей. Ване лет 17, а мне 6. Не знаю сейчас, зачем я ему понадобился, но факт, что пошел с ним, в памяти остался.

Дом пуст от людей, возможно, пришли в выходной день. Походили по этажам и спустились в подвал. В то время он не был разделен на клетушки – громадное темное пространство. Как это получилось, не знаю, но я остался один. Зову Ваню – молчок. Походил, натываясь на кучи

мусора. Стало страшно: вот умру здесь и мама не будет знать где я. Присел на какой-то ящик и принялся реветь.

Спустя некоторое время, привык к темноте, меньше стал её бояться. Пошел вдоль стен: ведь где-то должна быть дверь, в которую мы вошли. В высоте увидел окошко, из него лился тусклый свет, решетки в нём не было. Но как до него добраться? Вспомнил ящик, на котором сидел. Где его сейчас найдешь?

Не отпуская из поля зрения окошко, пошел искать ящик. Нашел! Приставил к стене, влез, вытянул руки и едва достал до кромки окошка. Скребя носками ботинок о стенку, сумел подтянуться. Так и вылез. Увидев меня, Ваня спросил: «Где тебя носило?»

Дома от мамы попало за то, что ободрал кожу на новых ботинках. Увидела, хотя я и закрасил ободранные места гуталином. Тогда ботинки делали из свиной кожи. Она легко обдиралась, и на этих местах оставались белые отметины, которые и ваксой не закрасить.

Лето 1934 года, мне 7 лет. В сентябре будет 7,5. Мама идёт в ближайшую школу, чтобы записать меня. В школе отказывают: учиться дети начинают с 8 лет. Так ему 7,5! А нужно 8! То, что я уже умею читать – не помогло. Пропал год и, как я понял позже, очень важный.

1935 год. 13-я начальная школа (Революция, 17). В восточной стороне зала две двери. Одна ведет в 1-А, вторая в 1-Б класс. В зале будущие ученики. Умеющие читать подходят к двери класса 1-А. Их встречает учительница Раиса Васильевна Стрижак. Читают текст из учебника и проходят в класс. Здесь предстоит проучиться 4 года.

Мама так хорошо подготовила меня к школе, что мне было скучно, на уроках. Иногда читал художественную литературу. Как-то читаю «Кукушонка» и вдруг слышу: «А Стома книжку читает». Это недалеко сидящая Люська Перекопова выдала меня. Скандал. К сожалению, не последний. Потом Раиса Васильевна отобрала у меня «Анекдоты о Ходже Насередиине и Ахмет Ахае». Её шокировало заглавие. Тогда мне досталось и от мамы.

Но это всё ерунда по сравнению с муками, которые приходилось испытывать при чтении стихотворений у доски. При разговорной речи я меньше заикался, ибо автоматом подыскивал слова удобные для произношения. Со стихами такой номер не проходит, поэтому волновался и еще больше заикался. Класс замирал, слушая моё косноязычие. Иногда проскакивали смешки.

Наконец, Раиса Васильевна нашла выход из положения. Она велела записывать стихотворения на доске. Опрос идет своим чередом, а я мелом пишу то, что должен был рассказать. Теперь мне приходилось не только заучивать текст, но знать расположение строк и знаков препинания. Всё бы ничего, но в то время чтители Маяковского. Я страшно не любил не только заучивать, но и читать его. Помню, как ревел, когда не мог выучить отрывок из его поэмы, где есть такие слова: «Ты гайки делаешь, а я ключи». Попробуйте, даже, зная текст, не заглядывая в книгу, без ошибок скопировать.

1937 год. Февраль. Отец взял меня с собой в центральную библиотеку им. Пушкина, где отмечали столетнюю годовщину со дня смерти А.С. Пушкина. Много выступающих, среди них и московские артисты. На всю жизнь запомнился мужчина в черном костюме, ворот белой рубашки нараспашку, черная шевелюра включена. Он читает «Утопленника». «Прибежали в избу дети, второпях зовут отца...» Слушая артиста, я дрожу от волнения. Отец, заметив это, прижал к себе. Стало спокойнее.

После этого вечера я решил стать писателем. До этого мечтал летать. В нашем дворе снимали квартиры летчики. Молодые крепкие ребята, одетые в синюю форму, украшенную золотыми птицами, вызывали у нас, мальчишек неопишумый восторг. Но Пушкин победил. Мечта стать писателем сопутствовала мне всю последующую жизнь. Только обстоятельства мешали её осуществлению. Но всё в своё время.

Во дворе мы играли во всякие безобидные игры, а пострелять из самопала или подраться (тогда говорили – постукаться) уходили за дом. Там - пустырь.

Стукалка была обыденным занятием. Дрались не от обиды или злости, а так, можно сказать от избытка энергии или от скуки. Вот стоят друг против друга два длинношеих петушка, кто-то из ребят постарше спрашивает одного из них:

- Ты его боишься?

- Нет.

- Тогда ударь его.

Бьёшь символически: еле прикасаясь кулаком к груди.

- А ты его боишься?, - задают вопрос другому.

Ответ тот же.

- Лежачего не бить, - объявляет «рефери» и его рука прорезает воздух между петушками. Бой начинается. Деремся до первой крови или до команды «Стоп!»

В тридцатые годы основным развлечением народа было кино. Цены на билеты доступны, но не для нас, мальчишек. Нам тогда и 20 копеек казались капиталом. Родители не всегда имели возможность финансировать наше постоянное желание смотреть тот или другой фильм.

В обиходе был такой термин «ландать». Не знаю его этимологии, но означал он - пробраться без билета в кино. Станешь за спину толстого дяденьки или тетеньки и ландаешь мимо билетёрши. Иногда хватали за шкуру, но чаще удавалось.

В «Якоре» шел фильм «Депутат Балтики». Я и проландаю на первый сеанс. Кончился фильм, схожу по левой лестнице к выходу на улицу. Вдруг на моё плечо опускается рука. Оглядываюсь – папа! Оказывается, и он смотрел «Депутата...». На улице он спрашивает как мне понравился фильм, но я от волнения и двух слов связать не могу: ведь попался! Папа – не билетёрша, которая вытолкает за дверь - и все дела. Но отец не стал докапываться до истины: за какие шиши попал сын в кино. Пришли домой, и папа сказал маме, что мы оба смотрели такой-то фильм.

Этот, казалось бы, маловажный эпизод помнится мне в течение всей последующей жизни. Наша, с сестрой, жизнь мало пересекалась с отцом. Он очень много работал. Позже я узнал о его кредо: жена должна сидеть дома и воспитывать детей. Мужчина должен создавать семье нормальные условия для жизни.

Всяко было в нашей семье, но пока отца не посадили, мама не работала. Безграмотная, она имела возможность учиться в ликбезе, благодаря чему могла готовить нас к школе, а затем контролировать нашу учёбу. Она была нашим строгим воспитателем. Отец же, нас даже не ругал. Всё это делала мама.

Лето 1937 года мама повезла нас, детей, к бабушке в Брилёвку. Село большое – 3 колхоза. Контора одного из них через дорогу от бабушкиной мазанки. Почему запомнилось: во дворе конторы у входа висело радио, и я приходил туда слушать музыку.

С сельскими ребятами отношения не сложились. Я их шокировал трусами, в которых ходили тогда все городские пацаны. На сельских же ребятах были обыкновенные штаны, часто короткие, но с поворозками. Они как-то попытались снять с меня трусы, но я вывернулся. С той поры как увидят на улице, так и норовят поймать, но я убегал. Так продолжалось до самого отъезда.

Бабушкины борщи, абрикосы и паслён в огороде быстро надоели. Я стал скучать по дому, по морю, по дворовым ребятам. Единственно, что связывало меня с памятью о доме было радио. Один раз мама оттащила меня от него. Я плакал, слушая знакомую мелодию.

Едем в Евпаторию на бричке. По полям гуляют дрофы, видя их, возчик вытягивает руки вперёд, будто держит ружьё, и смешно «пфукает». Проезжаем Перекоп. Останавливаемся. Я уже знаю о подвиге армии Фрунзе, поэтому внимательно осматриваю ров. На его дне видны остатки ограждения из колючей проволоки.

Представляю, как я смог бы в него броситься и под огнем, преодолев заграждение, пробираться вверх. Недалеко от рва виднеется одинокая башня – колокольня. Она испещрена дырами – следы попадания артиллерийских снарядов. Там, конечно, был наблюдательный пункт белых. Слава воинам командарма Фрунзе! Я горжусь вами!

Мне десять лет. Сидим мы с Петей Каракашьянцем в его комнате, и он пересказывает мне мифы древней Греции, о которых только что узнал в школе. С тех пор я «заболел» этой эпохой.

Еще в детстве прочитал в русском переводе «Илиаду» и «Одиссею», а в более поздние годы Светония Транквила и двухтомник Плутарха. Надо сказать, что я, в последующей жизни, знал о Трое или Афинах с Римом значительно больше, чем о родной Евпатории. Я знал что-то о театре и доме Дувана, о Немичах. Остальное – белое пятно.

Чтобы больше не возвращаться к теме чтения, отмечу, что читал очень много. В соответствии с возрастом любил фантастику и путешествия. Предпочтение отдавал Жюль Верну, Александру Беляеву, Марк Твену, Алексею Толстому, Стивенсону, Максиму Горькому. Стал старше, познакомился с Виктором Гюго, Лион Фейхтвангером, Львом Толстым, Чарльзом Диккенсом, Дюма.

Нужно отметить, что многие книги, необходимые человеку для общего развития, я прочитал до 14 лет. В последующие годы – читал, но не так увлечённо.

В киоске покупал «Пионерскую правду». Помню, там во многих номерах печаталась повесть Адамова «Гайна двух океанов». Ни одного номера не пропустил. А вот с повестью Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика» вышла накладка. Где-то, чуть ли не с начала повести, у барабанщика арестовывают отца. Как у меня! Что дальше? А дальше не последовало. Всё так же покупал «Пионерку», но продолжения повести так и не появилось.

Николай Стома

Мама тоже много читала. Вечерами к нам приходили не знавшие грамоты, соседки, и мама вслух читала им различные книги. Запомнился такой случай. Вечером прихожу с гулек и успеваю услышать несколько фраз, прочитанных мамой. Заинтересовался. Спрашиваю: как называется книга. Мама отвечает, что мне еще рано читать такое. Как только она куда-то ушла, я начал искать ту книгу. Нахожу её за оконной ставней: В. Гюго! «Собор Парижской богородицы»! К тому времени я уже был очарован «Отверженными». В итоге, прочел «Собор...» раньше мамы.

Еще один эпизод. 6-й класс, урок географии. То, что рассказывает учитель, знаю с более мелкими подробностями - уже до этого интересовался освоением европейцами Африки. Беру принесенную с собой книгу, читаю. Учитель делает замечание. Тут же снова попадаюсь. Географ выгоняет меня из класса. Выхожу и нос к носу встречаюсь со своей мамой! Она всё видела в окошко в двери. Крепко досталось. Поэтому и помню этот случай.

3. СЫН ВРАГА НАРОДА

Всё ещё 1937 год. Ноябрь, 24 число. Утро. Я проснулся. Вижу, мама сидит, склонившись, за столом, глаза красные от слез. Сестренка еще спит в своей кровати. Папы нигде нет. А где папа? Услышав мой вопрос, мама зарыдала. Я, в предчувствии большой беды, замер. Здесь я узнал, что ночью отца арестовали.

Дальнейшие события я уже как-то описал в виде рассказа. Чтобы не перегружать основной текст, приведу его в Приложении. Андрияша Андрусевич – сам автор.

1938 год, февраль. Мама получает извещение о приговоре. Узкая полоска папиросной бумаги, на ней три бледные машинописные строчки. В них - наша последующая жалкая судьба, судьба семьи врага народа. Первой заплакала мама, за ней я, а там и Оля. Никогда в жизни я так горько не плакал.

Мы получили разрешение на прощальную встречу с отцом в Симферопольской тюрьме. По такому горькому случаю мне впервые пришлось побывать в столице Крыма.

Тюрьма тогда, да и сейчас, находилась недалеко от вокзала, поэтому с поезда мы шли пешком. Впустили нас в тюрьму и сразу же направили в небольшую комнату. Она плотно забита такими же бедолагами, как и мы. Тишина, все ушли в свои горькие мысли. Слышно только тяжелое дыхание стариков.

Через долгое время открылась дверь, ведущая в длинное помещение. Вошли туда и очутились перед преградой в виде частой металлической сетки. Напротив, через метра два пустого пространства, другая такая же сетка.

За ту сетку впустили заключенных. Они плотно, лицом к нам, выстроились в одну шеренгу. Началась сутолока: люди беспорядочно перемещались вдоль сетки, стараясь быть ближе к тому, ради которого здесь очутились.

Я раньше мамы увидел отца, ибо вплотную пробрался к сетке. «Папа, - закричал я, - мы здесь!» Схватил маму за руку и, толкаясь, (здесь все толкались) подтянул её к сетке. Мама, увидев папу, сразу заплакала и начала что-то бормотать, но её даже я не слышал во всеобщем крике. Папа хмуро на нас смотрел и только повторял: «Дора, я не виноват!»

Уже когда охранники начали отдирать заключенных от сетки, папа крикнул мне: «Шурик, спасибо за пионерский галстук!» Это я умудрился надеть его в тюрьму. Мама была против: «Не на праздник едем», но я настоял и оказался прав.

Уже много лет спустя я описывал этот эпизод одному старому чекисту (о нём позже), так он поправил меня, сказав, что на самом деле свидания проходили в более щадящей обстановке. Я возразил: «Может, где-то в Москве и щадили, но в Симферополе то свидание именно так и проходило». В моих ушах ещё долго стоял истошный крик отца: «Дора, я не виноват!»

4. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

30 ноября 1939 года начало войны с Финляндией. В Евпатории это время ознаменовалось сильными морозами, длинными очередями за хлебом и отсутствием керосина. Им заправляли примуса, на которых готовили пищу, и керосиновые лампы (электроэнергию часто отключали).

В очереди за хлебом приходилось стоять не только днем, но и ночами. Карточек в то время уже не было, поэтому кто успел... Хлеб кончился, магазин закрыт, но очередь не расходитя. Она ждет завоза, который будет на следующий день. Частые пересчёты номеров, поэтому, надолго не отойдешь. От пронизывающего северо-восточного ветра, который свободно продувает улицу Морскую, мы прятались у Бо-Риважа. В эту зиму море замерзло до самого моргуна, а это больше километра. Температура воздуха 7 января 1940 г. была -27,9 гр. Так сообщала местная газета.

По окончании 4-х классов нас перевели в 1-ю Образцовую школу, ныне гимназия им. Сельвинского. Разные учителя, в дверях окошки, через которые, став на цыпочки, можно подсматривать за чьим-то уроком. Класс на втором этаже, из окон хорошо видно море. Нам эта школа понравилась. Проблем с учебой у меня не было. Любимые уроки – литература и история.

В этой школе проучился два года, закончил 5 и 6 классы, и на этом жизнь поставила точку на долгие 11 лет.

1941 год. Мама работает на трикотажной фабрике наладчиком, хорошо зарабатывает, стали лучше жить. По крайней мере, уже не голодали, а тут эта война. Начались бомбежки.

Далее следует отрывок из моей книги «Сквозь мутные стёкла времени». Кто знает эту книгу, может пропустить его и читать дальше, а нет – милости прошу. Под именем Толи выступает автор.

«Сентябрь. В старом скрипучем вагоне поезда Евпатория-Симферополь, едут два мальчика лет по четырнадцати. Рядом на скамье матерчатая сумка. Оба, как братья, в брюках из блестящей черной ткани, называвшейся «чертовой кожей», косоворотках из серого сатина. Тот, что поплотнее, брюнет, его звали Толя, по кличке - Туйчик. Другой повыше ростом - Костя, по прозвищу Рыжий Кот. Он действительно был рыжим, но называть его просто рыжим значило оскорбить, и виновный мог нарваться на быстрый кулак. Обычно Костю звали просто - «Кот».

Накануне мать Кости, Наталья Кононовна, получила от отца записку: его часть отправляется на фронт, он просит приехать проститься. Ее же со службы не отпустили: проводы на фронт уже состоялись у военкомата.

Мама предложила Косте ехать одному. Тогда он и позвал с собой Толю.

А Наталья Кононовна не поспала ночь и изжарила вертуту. Она готовится из слоеного теста, в которое закладывают молотое поджаренное мясо. Потом все это сворачивают в трубку и спиралью скручивают на сковородке. Отсюда и название.

Открыли окно, и в него ударил соленый ветер с лимана. Поезд выползал из города. Справа Пересыпь, где в маленьких домиках живут рыбаки, а слева лиманы, кладбище и аэродром. Вся поверхность лимана изрыта бомбовыми воронками. Они залиты мутной лиманной водой и стали похожи на коралловый остров - атолл. Это следы неумелых действий немецких летчиков.

- Тоже мне бомбёры, - процедил сквозь зубы Толя.

- Мазилы, - поддержал друга Костя.

Вдалеке, в степи, на самой границе аэродрома, обозначенной низким забором из колючей проволоки, черным крестом распластался сбитый зенитчиками немецкий «Юнкерс».

Поезд прибавил скорость и уже мчался мимо «Сольпрома», обозначенного длинными буртами соли, добытой из лимана. За невысокими глинистыми увалами начиналась степь. Сюда школьники приходили вылавливать сусликов. От их усердия зависело, быть стране с хлебом или нет.

Сейчас на лиманах и возле убогих домишек ни одной живой души. На свободной от воды земле густым ковром пластается лиловая солянка. Раньше ее вытапывали, а теперь только узкие серые тропинки нет-нет, да пересекут ее. С высоты вагонного окна это серо-лиловое чудо несет в себе какую-то космическую загадочность. Было бы неудивительно увидеть там Аэлиту и Лосева.

Рассыпая из трубы мелкие звездочки искр, кутающихся то в черный, то в белый дым, поезд уходил все дальше и дальше. Вот мелькнули грязно-белыми пятнами солончаки и открылась желтая от высохшей травы степь. Невдалеке от железнодорожного пути несколько разрушенных саманных домиков. Будка стрелочника, сложенная из камня-ракушечника, словно замороженная, стоит целехонька, но без дверей и окон. Среди развалин торчит одинокое дерево.

На подходе к станции вагон задержался на стрелках и, наконец, стал. На крашеном здании вокзала прочли короткое слово «Саки».

В записке отец сообщал, что его часть располагается в парке. Не заходя в главные ворота, нужно было пройти вдоль правой стороны забора. Ребята с интересом осматривались: маленькие домишки. Куры что-то ищут в каменистой земле, неподвижные овцы стоят в тени заборов. В Евпатории такое можно увидеть только на Слободке, а тут прямо на центральной улице.

- Провинция, - сказал один.

- Деревня, - уточнил другой.

Открывшийся перед ними парк был иным миром. Среди серой ухабистой земли, на которой и тени, что от забора, неожиданно возникло зеленое чудо. Невысокая стена не могла закрыть исполинских деревьев. Вошли в распахнутые ворота и пахло свежестью. Толя предложил пойти парком и поискать лебединый пруд, но Костя не согласился. Записка отца предписывала идти снаружи по правой стороне забора до первого пролома. Что ж, Костя прав: сначала дело, а потом все остальное. Вскоре увидели высокого военного, и Костя, размахивая торбой, побежал ему навстречу. Они обнялись.

Дядя Володя был в звании лейтенанта, слева висела длинная кавалерийская шашка. За тот месяц, что Толя его не видел, он здорово изменился. Похудел, стал будто выше ростом, а тут еще усы. Костя протянул ему мамину записку, тот положил ее в нагрудный карман гимнастерки и вопрошающе посмотрел на сына.

- С работы ее не отпустили, - сказал Костя и, подавая котомку, добавил: - Это тебе.

Владимир Михайлович дернул за шнурок, и узел развязался.

Заглянув вовнутрь, воскликнул:

- Ого, здесь что-то вкусное!

- Это вертута, - объяснил Костя, - мама ночью ее делала.

- Молодец у нас мама! - бодро сказал отец и, показывая на пролом, спросил: - Через заборы не разучились лазить? Тогда вперед!

Несколько шагов и они вышли на небольшую полянку, окруженную кустами.

- Располагайтесь, - сказал отец, кладя котомку на траву, - а я сейчас.

- Папа, - окликнул Костя, - а мы сможем лебедей посмотреть?

- Улетели ваши лебеди, - ответил тот. - После войны посмотрите.

Он вернулся с огромным медным чайником и тремя алюминиевыми кружками, нанизанными на один палец. Ребята кинулись помогать. Он отдал им чайник и кружки, а сам вынул из кармана газету и расстелил на земле.

- Это наша скатерть. Нет возражений?

Он развернул пакет из пергаментной бумаги и перед ними предстала чудно пахнущая вертута.

- Папа, - твердо сказал Костя, - мы не будем кушать вертуту. Мама ее для тебя сделала.

- Да, да, - поддержал его Толя, - у нас есть своя еда.

Под рыжими усами мелькнула усмешка, сощуренные глаза с пониманием посмотрели на ребят.

- Делиться, друзья, не будем, - сказал отец-лейтенант, - предлагаю сложить вместе всю нашу еду. Возражений нет?

Ответом было недовольное сопение, под аккомпанемент которого мальчики извлекали из карманов нехитрый харч. Костя достал завернутый в тряпицу бутерброд из двух кусков серого хлеба, смазанных смальцем и кулечек сахарной пудры. Толя вынул один кусок хлеба (другой был брошен собаке) и комок рафинированного сахара. Рядом со скудным мальчишечьим паем, румяная вертута выглядела невестой. Отец, не обращая внимание на недовольные возгласы ребят, поломал вертуту и протянул каждому по куску. Пришлось брать.

Вода в чайнике была уже с заваркой и очень горячей. Алюминиевые кружки сразу нагрелись и жгли пальцы. Костя поставил свою посудину на газету и сердито на нее смотрел, а Толя, обхватив кружку кепкой, усердно дул на кипятки.

- Что, интеллигенция, - шутливо подковырнул Владимир Михайлович, - или вам блюдечки подать?

Мальчики, обжигаясь, молча пили чай. Вертуту откусывали маленькими кусочками, стараясь не обделить отца, но их куски словно испарялись вместе с паром из кружек. Отец же подкладывал им новые.

Тут он посмотрел на часы, возвышающиеся над манжетой гимнастерки, и сказал:

- У меня есть еще 20 минут. Отдохните - и в путь.

Ребята с удовольствием разлеглись на траве, ощущая приятную сытость в животе. Отец завернул остатки вертуты и хлеба в промасленную бумагу и положил в котомку.

- По дороге проголодаетесь, съедите, - сказал он.

На прощанье Владимир Михайлович обнял Толю, а потом прижал к себе сына. Поглаживая ему голову, говорил:

- Слушай маму, Костя. Скажи ей, что мы завтра на Перекоп отправляемся. Будем держаться, сколько сил хватит. Ляжем костью, а немцев не пустим. Теперь пойдете, провожу вас.

Снова перелезли через пролом, но не так резво, как в первый раз. Владимир Михайлович показал направление.

- По этой улице выйдете на трассу. Там на попутке и доберетесь до города. Думаю, успеете до бомбежки.

Снова прижал голову Кости к себе и поцеловал в макушку.

- Поцелуй маму за меня. Ну, идите.

На дороге толстым слоем лежала пыль, набитая копытцами овец. Сняв туфли, продолжали путь босиком. Ступни утопали в пыли. Иногда пыль выстреливала столбиками меж пальцев. Перед тем, как завернуть за угол, оглянулись. У забора отца не было.

Вышли на шоссе Симферополь - Евпатория. Склоняющееся к горизонту солнце светило прямо в лицо. Толя натянул кепку и на глаза легла тень. Костю тубетейка не защищала от солнца, и он шел, зажмурив глаза.

- Спишь, Кот? - спросил Толя для того, чтобы хоть что-то сказать.

- Муля, не нервируй меня, - последовал ответ и стало ясно, что Костя не намерен вести пустые разговоры.

Некоторое время шагали молча, наконец Костя сказал:

- Я считаю, что маме нужно было настоять на работе и приехать самой.

Сзади послышался гул автомобиля. Это была полуторка, оборудованная под бензоаппарат: вместо кузова - цистерна. Толя поднял руку, и машина остановилась. Из окна кабины высунулся краснофлотец. Приветливо спросил:

- Подвезти, что ли?

- Подвезите, дяденька, до города.

- Одного возьму. Ну кто?

- А на бочку можно?

- Не положено.

- Тогда, мы пешком пойдем.

Машина газанули и скоро стала не видной, а бензиновая гарь все еще щекотала ноздри - она не хотела смешиваться с морской свежестью.

Опять их догнал БЗ и опять водитель брал одного. Они опять отказались. Больше заправщики не останавливали, а других машин на шоссе не было. Короткие сумерки сменились ночью. Ветер совсем стих, море едва слышно шуршало о песчаный берег, за железнодорожной насыпью послышался грустный крик кулика-авдотки. Самыми громкими звуками в ночи было шарканье их туфель по асфальту.

Внезапно в стороне города взметнулось молчаливое пламя и сразу опало. Затем пришли звуки пушечных выстрелов. Это - зенитки.

- Заградительным шпартят, - сказал Толя

- Угу, - согласился Костя.

Далее стрельба пошла вразнобой. Все небо оказалось усыпанным оранжевыми разрывами снарядов. Послышались взрывы бомб. В какой-то момент звуки слились в один сплошной гул. В небо, смахивая звезды, устремились лучи прожекторов. Над головами мальчиков гудели немецкие самолеты. Вслед им стреляли. Вниз сыпался дождь осколков. Они глухо шлепались об асфальт и позвякивали, ударяясь о рельсы. Так не долго и по голове получить.

Разглядели будку стрелочника, мимо которой проезжали днем. Стали под стену, и, укрытые свесом крыши, сразу почувствовали себя в безопасности. Они впервые увидели бомбежку, не закрытую домами. От земли вздымались огненные всполохи, какая-то часть их не опадала. Грохот не смолкал.

- Что делают, гады, - прошептал Толя.

И тут, как по волшебству, стало темно. В ушах еще гудело, но на са-мом деле было тихо. Лучи прожекторов упали, и звезды заняли свои обычные места. В стороне города что-то бесшумно горело. Всмотриваясь, пытались установить место, но напрасно - пожар погасили быстрее, чем они смогли определиться.

- Ну что стоим? - спросил Костя, - двинули?

- Потопали, - согласился Толя.

Перешли железнодорожное полотно, сбежали с насыпи и снова на шоссе, где их опять обдало морской свежестью. Далеко пройти им не удалось, ибо услышали окрик:

- Стой! Кто идет?

Не восприняв команду, они сделали еще пару шагов.

- Стой, стрелять буду! Руки вверх!

Остановились, тревожно всматриваясь в темноту.

Из темноты к ребятам выбежали четверо военных. Двое остановились поодаль, направив на них винтовки, а другие начали обшаривать. Особой тревоги у ребят не было - разберутся и отпустят. Толя даже хихикнул, когда прошлись по ребрам.

- Руки за спину! Марш вперед!

Четко выполнить команду ребятам не удалось, за это получили тычки по ребрам. Пошли по песку. Остановились. Один из военных вроде провалился под землю, но нет. То был спуск в землянку, вырытую в песке.

- Вперед, - раздалась команда.

Костя замешкался. Его толкнули. Он с размаху уперся в спину впереди идущего.

- Эй, тише там, - крикнул тот и отклонил матерчатый полог, закрывающий вход.

Напротив, от входа, на песчаном уступе, чадила керосиновая лампа. Меж досок, брошенных на пол, проступала морская вода. Над головами провисал брезент, поддерживаемый редкими жердинами.

Вошедший первым, прикрутил у лампы фитиль и поднял ее, рассматривая задержанных. Они, в свою очередь, рассматривали его. Лицо худое, бледное, глаза въедливые, на петлицах по два кубика. Сзади сопел тот, что толкался. Это был старшина. Лицо загорелое. Всё время шмыгает носом, видимо, перекупался в море. С Толей такое тоже случается.

- Откуда и куда шли? - резким тоном спросил лейтенант.

- В город, домой, - ответил Костя, - а шли из Сака.

Ему пришлось подробно рассказать, что делали в Саках и как туда попали, почему шли пешком, а не ехали на машине. Лейтенант слушал внимательно, не забывая при этом шуриться и изредка хмыкать.

- Что-то не слишком складно врешь, пацан, - заметил он, - на дороге полно машин, а вы пешком чимчикуете.

- Так я же говорил, что мы не хотели по одному ехать!

- А что вам мешало ехать по одному? - спросил из-за спины старшина.

- Ничего не мешало, просто не хотели.

- Чепуха какая-то, правда, товарищ командир?

- С ними все ясно. Не видели они никаких машин!

И тут же, чтобы усилить нажим, лейтенант задал хитрый вопрос:

- Кто с вами еще был?

- Да никого с нами не было! - крикнул Костя, теряя терпение.

Лейтенант еще больше прищурился и, чеканя каждое слово, спросил:

- Теперь спрашиваю понятнее: кого забросили вместе с вами?

- Вы что говорите, товарищ лейтенант, или вы все тут с ума посходили?

- Ну, ты, осторожней на поворотах, пацан, а то штаны потеряешь! Ты думаешь, мы не видели откуда вы выскочили?

Костя посмотрел на Толю, как бы спрашивая: «Ты слышишь, что они буровят?» Толя тут же откликнулся:

- Вам же русским языком говорят, что нас никто не выбрасывал!

Он договорил фразу уже под крик лейтенанта:

- Молчать, если тебя не спрашивают!

Толя пожал плечами, а военный снова к Косте:

- Так вот, - он поднял указательный палец, - вы высадились за железной дорогой под шумок, так сказать. А вас цап-царап, - он согнул пальцы и поскреб ими воздух, - и в торбу. Сознайтесь, не ждали, что вас тут стерегут?

- Конечно, не ждали.

Командир обрадовался:

- Так бы и давно! Теперь говори, кто с вами высадился?

Лампа была поднесена к самому лицу мальчика. Он чувствовал запах керосина и жар разогретого стекла, но головы не отодвинул: его разбирала злость.

- Что пристали? Сколько можно говорить одно и тоже?

Командир отвел руку с лампой в сторону Толи и строго спросил:

- А ты что молчишь? Тебя тоже не забрасывали?

Толя был зол не меньше друга, его так и распирало:

- Что вы заладили, как попка? Вам по-русски ...

Не дав закончить фразу, лейтенант закричал:

- Молчать! Отвечать прямо! Я заставлю вас...

Продолжения не было. Вернее, было, но неожиданное. У лейтенанта перехватило дух. Свободной рукой он начал тереть шею, пытался что-то сказать, но слова превращались в шип, будто на раскаленную печку плеснули воду.

- Я сейчас, - крикнул старшина и выскочил из землянки.

Наступила тишина, которой не мог не воспользоваться Толя.

- Товарищ лейтенант, - очень миролюбиво обратился он, - честное пионерское, мы говорим правду. Вы нас с кем-то путаете. А если где-то действительно высадились, то вы зря теряете время...

Военный просто взвился, откуда только силы взялись.

- Молчать! Научи свою мать щи варить...

В его глотке опять что-то клёкнуло, и он схватился за шею. В землянку ввалился старшина с котелком.

- Еще не прошло? Выпейте воды.

Командир потерянно махнул рукой, быстро поставил лампу на полку и, обхватив обеими руками котелок, жадно припал к нему. Напившись, не выпуская котелок из рук, прокашлялся, словно пробуя голос, и спокойно сказал:

- Солоноватая у нас вода. Такой не напьешься.

- Откуда сладкой взяться, - согласился старшина, - кругом море да лиманы.

Лейтенант кивнул в сторону ребят:

- Что будем с ними делать?

- За ними скоро приедут. А пока я послал бойцов пошарить за полотном. Может, что выбросили.

- Это правильно, - одобрил лейтенант и, обращаясь к Косте, спросил:

- У вас и вещей с собой никаких не было?

- Почему не было? - усмехнулся Костя, - и сейчас есть.

- А ну.

Костя медленно полез за пазуху. Лейтенант насторожился. Старшина из-за спины следил за рукой мальчика. Тот, вынув из-за пазухи котомку с остатками еды, протянул ее лейтенанту. Тот дернулся, замахиваясь:

- Издеваешься, щенок?!

Послышался шум подъехавшей машины, хлопнула дверца. Горин выскочил наружу, а лейтенант расправил гимнастерку под ремнем. Брезентовый полог откинулся, и в землянку вошел еще один командир.

- Вольно, - сказал он, вытянувшемуся по стойке «смирно» лейтенанту. - Ну, что?

- Не признаются, товарищ капитан. Говорят, что сегодня из Евпатории.

- Ладно, сейчас проверим.

Повернувшись к мальчикам, резким тоном спросил:

- Что вчера шло в «Якорь»?

Он не расшифровал, что «Якорь» - главный кинотеатр в городе. Так как, спрашивая, он смотрел на Костю, тот и ответил:

- «Чапаев».

- А в «Спартаке»?

- «Дума про казака Голоту».

Капитан раскрыл планшет и обратился уже к Толе.

- На какой улице живешь?

- На Раздельной.

- Хорошо, иди по ней и считай номера.

- Первый, третий, пятый...

- Подожди, а где «второй»?

- А я иду по левой стороне. Седьмой, пятнадцатый, семнадцатый, двадцать первый...

- Стоп, почему пропускаешь? - спросил капитан, всматриваясь в карту, вложенную в планшет.

- Вот именно, почему пропускаешь? - подхватил лейтенант, который подсвечивал капитану лампой.

- А сейчас нету тех домов. Говорят, до революции были, а сейчас нет.

- Довольно, - решил капитан, поворачиваясь к лейтенанту.

Толя увидел правый бок капитана и обомлел: на ремне висел пистолет в удивительно знакомой кобуре. Не далее как вчера они - он, Костя и Витька - задержали этого командира по подозрению, что он немецкий шпион.

Дело было утром. Они стояли у калитки, собираясь идти на море. Мимо проходил этот командир. Витька ахнул:

- Братва, зырь, кобура-то какая!

Они присмотрелись и тоже удивились. Кобурой была прикрыта только казенная часть пистолета. Тонкий ствол с большой мушкой и резная рукоятка не закрывались. Они восхищенно смотрели вслед командиру, а Витька тем временем рассуждал:

- Неужели наша страна такая бедная, что не может сшить настоящую кобуру к нагану?

И пошло, как по писанному: раз не наша кобура, то и хозяин ее не наш, а раз не наш, то известно чей...

Побежали следом. Балуюсь, забегали вперед, выискивая дополнительные признаки шпионства. Подозрительной показалась необычная подтянутость, будто и войны не было. В городе только и разговоров о шпионах и диверсантах. Нарядившись в нашу форму, они убивают командиров, нарушают связь, взрывают военные объекты. А этот, маскируясь под советского командира, урезанную кобуру забыл заменить.

Они разделились: Кот побежал искать патруль, Туйчик связным, а Витька, как самый юркий и хитрый, пошел за шпионом. Вскоре Толя услышал топот сапог за спиной, бежали трое патрульных. Он обозначил направление, Витька показал на шпиона.

Старший патруля потребовал предъявить документы. «Шпион» достал из кармана гимнастерки книжицу и развернул ее перед лицом патрульного. Тот почему-то покраснел и, вытянувшись по стойке «смирно», смущенно проговорил:

- Извините, товарищ капитан, ошибочка вышла. Ребята вот бдительность проявили.

Капитан скользнул взглядом по головам мальчишек, положил руку на Витино плечо (он ближе всех стоял) и, притянув к себе, сказал:

- Зря извиняетесь, младший лейтенант, вы же свой долг выполняли, а вот ребята молодцы!

Все патрульные дружно покраснели. Капитан пошел своей дорогой, а ребята остались на месте. Глядя вслед уходящему патрулю, Витька хмыкнул:

- Тоже мне патруль.

- Ты что? - спросил Кот.

- Даю голову на отсечение, его нельзя было отпускать!

- Ты что, сдурел?

- Это они сдурели! Он книжечкой помахал и будьте добры извиняться.

- Еще что? - злясь, поинтересовался Кот.

- Что еще, что еще! Не наш он человек!

После этих слов Витькина голова дернулась, будто ее на самом деле отрубили. Костин шлепок пришелся ему по затылку.

- Чего бьешься? Сейчас как дам, будешь знать!

В другой раз Кот посмеялся бы, но сейчас спросил:

- Зачем же ты шпиону плечо подставил, гад?

- Кто? Я? Не выдумывай!

- Сейчас еще получишь!

Так и не решили тогда, был тот капитан шпионом или нет. Жаль, сейчас с ними нет Витьки.

Толя неожиданно не только для всех, но и для себя сказал:

- А мы вас знаем, товарищ капитан!

- А я вас не знаю, - не оборачиваясь, ответил тот.

- Ишь, заговорил, бродяга, - сказал лейтенант.

- А так молчал? - спросил капитан.

- Как рыба об лед.

- Ладно, рассказывай, но покороче.

Толя едва начал, как капитан прервал его и, обращаясь к лейтенанту, спросил:

- Знаешь, что самое удивительное в этой истории? Эти ребята смогли найти в нашем городе патруль.

Лейтенант виновато улыбнулся, будто отсутствие патрулей - его недоработка.

- По закоулкам шел, - продолжал капитан, - и тут останавливают. У нас обычно патруль только главную улицу охраняет. Я коменданту Мордвинову не раз говорил: «Прекращай глаза замазывать», а он ноль внимания.

- Если хотите знать, товарищ капитан, я на Революции их и нашел, - вмешался в разговор Костя.

Командиры рассмеялись, а капитан воскликнул:

- Вот-вот, этого Мордвинова и пушкой не прошибешь, - и, показав рукой на выход, приказал: - Отпускай их.»

Мамина старшая сестра Марфа, присмотрела домик в деревне Ай-Кагул, что в 12 км севернее Фрайдорфа (ныне Новосёловск). На родственном совете решили отправить всех детей, под присмотром другой сестры мамы, Ани, в эту деревню.

И мы в Ай-Кагуле. Кругом степь. Ни деревца, ни кустика. Главное – нет моря! Среди детей я старший, остальные мелкота. Я выдержал там только 2 дня и начал канючить: хочу домой. Ко мне прислушивались младшие и тоже закапризничали. Я стал отпрашиваться у тети Ани уйти домой. «Куда ты пойдешь в такую даль?» Я пообещал дойти.

Утром позавтракал, положил в торбу литровую бутылку, наполненную колодезной водой, и двинулся в путь. Шел быстро, чтобы успеть до половины восьмого вечера пройти мимо аэродрома. А то попадешь под бомбежку, мало не покажется. К тому же у меня уже был опыт, который много позже опишу в повести «Рыжий Кот», а затем в романе «Сквозь мутные стёкла времени».

На половине дороги встретил тетю Марфу. Она гнала овец в ту деревню. Тетя поругала меня за своеволие, но обратно вместе с овцами не погнала. Узнав, что у меня с собой нет еды, дала в дорогу 4 кусочка пиленого сахара.

Мимо аэродрома проскочил благополучно. Бомбежку застал уже в городе. Мамы дома не было. Догадался, что она на дежурстве. Трикотажницы, с началом бомбежек, дежурили на крышах фабрики, готовые к тушению «зажигалок».

Мама пришла поздно ночью, увидев меня, нахмурилась, но, поздоровавшись, спросила, ел ли. Я, как пришел, сразу пустился в поиски еды и кое-что нашел. Так что – сыт.

Утром почувствовал дикую боль в мышцах ног. Сказался непривычный переход длиной более 50 км.

Не буду описывать дни, оставшиеся до эвакуации. О них много сказано в моих книгах. Скажу только, что принимал участие в копании противотанкового рва на Красной горке. Там я заработал свои первые трудовые мозоли.

5. В ЭВАКУАЦИИ

Уехали в эвакуацию 9 октября 1941 года. Меня провожал Костя Майданюк. Мы не знали, что это будет последняя наша встреча.

В описании дальнейших событий обращаюсь к очерку «Трикотажная фабрика», взяв из него небольшой фрагмент.

«В августе встал вопрос об организованной эвакуации работников фабрики в город Бальцер республики Немцев Поволжья. Позже этот город переименуют в Красноармейск, и он отойдет к Саратовской области. Немцев вывезли в Сибирь и Казахстан, не дав даже толком собраться. Промышленность города, из-за отсутствия людей, сразу же остановилась. На их место приехали эвакуированные из Киева и Вышнего Волочка, но и их было мало.

9 октября 1941 года от вокзала Евпатория-курорт отошел железнодорожный состав направлением на Керчь. В нем были вагоны и с трикотажниками. Только миновали Джанкой, как стали свидетелями ночной бомбежки железнодорожного узла. Машинисты поезда, потушив топку, благополучно переждали в степи.

Керченский пролив преодолели на рыбацких судах. Штормило, но, к счастью, не бомбили.

В конце октября евпаторийцы прибыли в Сталинград, где надолго застряли. В то время город стал перевалочным пунктом для многих тысяч эвакуированных. Местное население, еще не пережившее «прелестей» войны, неприветливо относилось к беженцам. Во дворах снимали рукоятки с водопроводных кранов, закрывали на замки дворовые уборные.

Светличному, он возглавлял группу трикотажниц, удалось «выбить» два класса в неработающей школе. Две недели ждали пароход. Без радости встретили 24-ю годовщину Великого Октября. Евпатория уже несколько дней была «под фашистом». У многих там остались родные, не говоря об имуществе.

Наконец подали пароход и евпаторийцев повезли вверх по Волге. Высадили на пристани Ахмат, что в 90 км ниже Саратова. Кругом снег, холодина. Многие впервые видели такую зимнюю щедрость. Ночь провели в крестьянских избах, а утром из Бальцера прибыли сани. По узкой, стиснутой сугробами дороге проехали 18 км и оказались в городе, где их ждала работа.

По приезду бросились искать жилье. Свободных домов было много. Выбирали те, где не разбиты окна и не разрушена печь. Кровати, если их не было, перетаскивали из пустых жилищ. Тут же столкнулись с тем, что нечем топить печи и нечего есть. Светличный поделил остатки пайковых продуктов, которые везли из Крыма, но их хватило на несколько дней.

20 ноября евпаторийцы приступили к работе - две смены по 12 часов каждая. Познакомились с ранее приехавшими киевлянами. Им, можно сказать, повезло. Они прибыли в Бальцер почти сразу после вывоза немцев. Тогда по улицам ещё ходили не доенные коровы, хрюкали голодные свиньи.

Крымчанам, попавшим на «шапочный разбор», оставалась одна надежда на нескошенные хлеба. Кто с утра, кто в темноту после смены, взяв мешки, шли в поля «собирать урожай». Разыскав под снегом пшеницу или просо, рвали колосья руками. Дома их сушили на печках, лушили прямо в ладонях и из зерна варили кашу, часто без масла и соли.

Появились случаи заболевания септической ангиной. Так, кажется, называлась та болезнь. Вызывалась она потреблением в пищу гнилого зерна. Местная газета сообщала о том, что зерно, пролежавшее долго под снегом, есть нельзя. Но кто скажет, что от голода умирать легче? Поэтому, несмотря на предупреждения, ходили «по колоски» и ели вареное зерно, несмотря на угрозу появления гнилых язв во рту. Крымская одежка не выдерживала русских морозов, и многие обмораживались.

Трикотажная фабрика имени К. Цеткин была больше евпаторийской. Швейный цех имел пять конвейеров. Трикотажный цех находился на другой территории, красильный цех на третьей, но он не работал, (полотно не окрашивали). С приездом евпаторийцев была решена кадровая проблема, тем более, многие дети тоже пошли работать».

В феврале 1942 года я был принят на фабрику учеником слесаря. Мой учитель - венгр Иштван. С ним я проработал месяца два, до тех пор, пока он куда-то испарился. В это время при фабрике открыли курсы электромонтеров. Так я приобрел свою первую специальность. Начал дежурить в швейном цехе, но в разных с мамо́й сменах. Ведь у нас была еще Оля. Ей девять лет, но в школу она не ходила. У неё не было зимней одежды.

Фабрика работала в две смены. С 6 до 18 – первая смена – с 18 до 6 – вторая. Особенно трудно было выходить на смену в 6 утра. Будильником не обзавелись. Старые ходики часто останавливаются. Подвешивали к гирьке дополнительную тяжесть, но и это не помогало. Проснешься ночью, а часы стоят. Сколько уже стоят? Чтобы не опоздать на работу, одеваешься и идешь к фабрике. Чаще всего досыпаешь на проходной.

Мама по-прежнему работала наладчиком - единственная женщина среди наладчиков-мужчин. Мужчин на смене человек пять. Все они, кроме Кости Ищенко, из Киева. Запомнился Толя Редько. Грузный, крупный мужик, любящий пошутить.

Я с Костей подружился. Вместе и в Бальцер ехали. Костя 25 года рождения. Он остер на язычок, не хуже Редько. Ко всем обращается на ТЫ, и никто не обижается.

Мне было интересно общаться со взрослыми, тем более из такого города как Киев. Вскоре проявился и результат общения: я пристрастился к курению. Мама, как могла, боролась с этим, но виделись мы только в воскресенье. Как-то, застав меня курящим, она в гневе поломала о мой лоб деревянную ложку. Находила сушившиеся листья табака и тут же уничтожала их. Но всё напрасно.

Извини меня, мама. Я осознал твою правоту, но много позже. И, несмотря на то, что уже 52 года не курю, острый бронхит, нажитый за период курения, даёт о себе знать.

20 марта 1943 года я вступил в комсомол. Мне так хотелось стать комсомольцем, что совершил противоправный поступок: указал в автобиографии, что отец не арестован, а умер в 1937 году.

На фабрике меня, как и других мальчишек, часто использовали в качестве грузчиков. Ездил зимой в лес за дровами. Обморозился. Несколько дней носил опущенную на лицо вязаную шапочку с вырезами. Как сейчас спецназ или бандиты. При поездке в Саратов на крекинг-завод за керосином, попал под бомбежку. Бомбили сам завод, а мы, загнав телегу под деревья, отсиживались.

Чаще всего приходилось работать на Волге, на пристани Ахмат. Туда подходили дощаники (примитивные баржи) с грузом пряжи в мешках, весом примерно 30 кг каждый. Причалит дощаник к голому берегу, и носишь по мешку вверх на несколько десятков метров (правый берег на Волге высокий). Подъедет машина, грузишь на неё.

Когда груз приходил в ящиках, то расправляться с ним было много труднее. Ящики весом 60 кг мы носили на носилках. Ноги трусятся, пальцы разжимаются. Хорошо на берегу было много смолы, так мы смазывали ею ладони. Тогда легче было держать ручки носилок.

Итак, выгрузили дощаник, грузим машину. Она, ГАЗ-АА, на фабрике одна. Пока обернется, проходит более часа. Как-то решил переплыть реку. Поплыл. Течение не сильное, но на середине тянет за собой здорово. До низкого берега осталось метров 100. Обернулся, чтобы увидеть сколько проплыл, и вижу на том берегу контур машины. Машут. Поворачиваю обратно. Отнесло меня метров на 500 от начальной точки. Ступил на берег - шатает. Полежал минуту и полез вверх, к машине. До этого и после, я так далеко не плавал.

Если в Евпатории вражда между подростками носила районный характер: слободские на городских, пересыпские на дачников и т.д., то в Бальцере – классовый. «Война» велась между местными и эвакуированными. Богатые местные свысока, по-кулацки смотрели на бедных приезжих. Вот и возникла классовая ненависть.

Им было хорошо. Во-первых, всё нажитое ранее было при них. Во-вторых, за счет высланных немцев пополнили свои хозяйства скотиной, чердаки колбасами, а погреба картошкой и фруктами. Три шкуры драли с нас за картошку, о мясе и думать не могли.

Так вот полуголодные приезжие пацаны терпеть не могли всегда сытых местных. Случались потасовки. Иногда били и нас, но это было редко.

Вот один случай. Пришел я в парк со своим соседом-малолетком Леной Российским. Думали попасть на концерт каких-то заезжих артистов, но билетов не оказалось. Ждём «лишнего» билетика. Тут я вижу чуть поодаль кучкуется братва из местных, которую мы недавно били. Дело швах...

Заметил двух парней, с которыми обучался на всеобщем (допризывная военная подготовка). Предлагаю составить компанию. Увы, у них билеты на концерт. Площадка перед летней эстрадой опустела. Говорю Лёне: «Уходи, тебя не тронут. Будешь со мной - и тебе достанется». Остался один. Убегать? Перехватят – хуже будет. Хожу по площадке, вроде кого-то жду. Не хочу оказаться в темноте.

Терпение у моих врагов кончилось: они сами вышли на свет. Теперь я их чётко вижу. Пятеро моих прошлых «крестников» и двое военных. А им что здесь надо? Военные, явно, из пулеметной школы, что дислоцировалась в городе.

- Ты, что это наших ребят бьёшь? - задаёт вопрос один из военных. Отнекиваюсь:

- Да кто их трогал? Кому они нужны?

Военный обращается к пацанам:

- Этот?

Получив подтверждение, замахивается (явно не боксёр) и бьёт меня. Мог бы уйти от удара, но не стал этого делать. Зачем злить? Удар пришелся в челюсть. Не такие выдерживал. «Замах рублевый, а удар хреновый» - говорят в таких случаях.

- Кто так бьет!? - возмутился второй солдат, - Дай я. Вот смотри!

Он делает шаг ко мне и бьёт. Я успел подставить плечо. Кулак скользнул по нему и только потом пришелся по лицу.

- Устоял! – воскликнул тот, который бил, - молодец, пацан!

Я жду новых ударов, но второй, говорит уже «местным»:

- Не зря он вас, слабаков, лупит! - И мне: - Иди, пацан, тебя никто не тронет.

Я побежал.

Апрель 1944 года. Евпатория свободна! Фабрика бурлит: евпаторийцы хотят домой. Осаждают директора, но тот непреклонен: нет и нет! Мама получает вызов из Евпатории и пропуск для въезда в Крым. Эти документы организовала мамина сестра Прасковья Морозова, крымская партизанка. Маму не увольняют. Тогда принято решение – бежать. К этому времени уже несколько семей так поступило.

Встал вопрос: что делать со мной, ведь я на военном учете и в этом году меня призовут в армию. Законно уехать не мог, а стать уклонившимся от призыва, да ещё в военное время, не хотел. Мама и Оля уехали в середине лета, а я остался.

К тому времени, я на призывной комиссии был определен в военно-морской флот. Июль, август – призывают пехоту, танкистов, а моряков, казалось бы, забыли. Мне становится нудно. Сентябрь. Уходят в армию артиллеристы, а моряки опять на мели.

Вдруг вызывают в военкомат. Бегу. Предлагают поступить в школу младших авиационных специалистов (ШМАС). Мне сейчас всё равно, хоть в пехоту. В Саратове прошел комиссию и снова жду.

6. В АРМИИ

11 октября 1944 года я отбыл в Саратов, а оттуда в г. Вольск. Там при техническом авиационном училище дислоцировалась 14-я ШМАС. Нас две роты. Первая сформирована из бывших фронтовиков, вторая из новобранцев. Узнаю: с образованием в 7 классов берут в школу механиков. Вот что значили для меня те полгода.

Рота новобранцев расположилась на втором этаже бывшей снайперской школы. Казарма вся в цементе: пол, потолки, стены – бетонные. Отопление разморожено, туалет заколочен, воды нет. Её приносят для питья из другого здания. В окнах стекла в один ряд. Скоро на них налипнет толстый слой снега.

Нужник в двухстах метрах от нас – бежать далеко. Поэтому снег возле казармы всегда желтый. Дневальные должны следить за тем, чтобы здесь не оправлялись, но попробуй, уследи. 160 человек, спящие в холодных постелях, укрытые байковыми одеялами, не один раз за ночь пробудятся и бегут во двор. А там еще двести метров. Кто такое выдержит?

Офицеры ругаются, заставляют дневальных загребать желтизну, но чистого снега становится всё меньше. Кстати, из-за отсутствия воды умывались тем же снегом, но отбегали подальше от казармы. У двери стоит офицер с фонариком (подъём в 5 утра) и проверяет каждого на чистоту. Мы, с красными от снега шеями, стараемся прошмыгнуть мимо него, но не всегда удаётся. Посылает офицер обратно, снова трешь несчастную шею снегом. Почти у каждого на шее или на спине чирьи.

Одели нас во всё ношеное, так называемое б/у (бывшее в употреблении), шапки у нашей роты чёрные. На ноги выдали ботинки (новые) и обмотки. Белую ткань для подворотничков не выдавали. Это и хорошо, ибо уже через час они стали бы черными. Снегом, да ещё без мыла, не отмоешься.

Кто-то спросит: почему без мыла? А потому, что я, как и другие курящие, менял 200 граммов мыла (месячная норма) на стакан самосада. Для банной помывки мыло выдавали отдельно: кусочек размером с мизинец.

Кормежка по 6-й норме (тыловая). Норма хлеба 650 гр. Завтрак в 6 часов утра. Часто вместо каши был суп-рататуй (не ищите рецепт в кулинарной книге). На ужин пару ложек тушенной кислой капусты. Это блюдо мы называли АК-50. (Авиационная капуста 50 гр.) На самолете Як-1 был воздушный компрессор такого обозначения, но расшифровывался иначе: авиационный компрессор на 50 атмосфер.

На первом же комсомольском собрании меня избрали комсоргом роты. Первоначально в роте было 18 комсомольцев, к концу учебы 152 человека. И это, считай, за 5 месяцев. Всё они прошли через комсомольские собрания, а к ним протоколы, выписки... Всё свободное время сидел за писаниной.

Мама прислала письмо. Просит выслать справку, подтверждающую, что я служу в рядах Советской армии. Наша комната оказалась занятой семьёй бывшего полицая. Добровольно выселятся не хотят. Мама подает на суд туда и нужна справка.

На одном из занятий по мотору, сiju и куняю. Ничего удивительного: мы постоянно не высыпались, так же как и недоедали. Преподаватель сделал замечание. А я никак не могу совладать с собой. Преподаватель поднимает меня и спрашивает о чём он только сейчас говорил. Опустив голову, молчу. Присмотревшись ко мне, он спрашивает не заболел ли? Не знаю. Он направляет меня в санчасть. Там меряют температуру: 38,9! Кладут в лазарет.

А в лазарете питание по 10-й госпитальной норме! Белый хлеб, кусочек сливочного масла, компот, не говоря уже о кашах и картошке! Конец декабря 1944 года. Я отсыпаюсь и отъедаюсь. На Новый 1945 год мы в палате не спим. Я рассказываю ребятам повесть Мопассана «Малютка Рок», которую прочел незадолго до войны. Потом что-то из А. Дюма. Уснули под утро.

15 января 1945 года курсанты нашей роты, и я в том числе, приняли военную Присягу, став тем самым настоящими бойцами Советской армии.

Вопросов о том кто победит в этой войне, уже не было. Нам, курсантам, хотелось хоть не надолго попасть в действующую часть, но по всему видно, не успеваем. Берлин взят 2 мая, а у нас последние экзамены 3 и 4 мая!

Я закончил ШМАС на пятерки с присвоением звания сержанта, специальность - моторист авиационный. Отличников еще трое. У нас право выбора места дальнейшей службы. Основная масса остаётся в Приволжском военном округе, несколько мест на выезд из округа. В Европу разрядки нет. Я выбрал выезд за пределы округа.

Проездом увидел Москву, покатался на метро, и вот я в лесу под городом Киржачём. Там штаб 65-й ШАД (штурмовой авиадивизии). Меня направляют в полк, что у деревни Слободка.

Сержантский состав эскадрильи располагается в землянке. Офицеры снимают жильё в деревне. Матчасть – самолёты Ил-2. Мой непосредственный начальник – старший сержант Иван Арифонович. Добродушный хохол, многоопытный авиационный механик. Он ко мне относился как к сыну. Когда сейчас слышу о дедовщине, то не могу себе представить, как можно было дожить до такой беды.

На собрании коллектива, как вновь прибывший, докладываю о себе. Были вопросы, а старшина эскадрильи (забыл его имя) начал расспрашивать о Евпатории. Оказывается, перед самой войной врачи посоветовали ему лечить дочь в нашем городе. Не успел.

Служба, по сравнению с военной школой, была легче, кормёжка лучше. Курева вдоволь. В землянке ящик, а в нем прекрасная махорка «Моршанская». Фронтовики, а их большинство, имеют возможность покупать папиросы – пайковая махорка им и даром не нужна.

Сижку возле землянки и пробую подшить подворотничок. Опыта нет – не получается. Переколел все пальцы. Это увидела сержант - оружейница. Женщины дослуживали в армии последние дни. В нашей части была даже одна женщина-летчик, а так прибористки, оружейницы.

- Давай покажу, - сказала она.

Я с охотой уступил ей гимнастерку. Женщина ловко подшила мне подворотничок: Понял? Нет. Она стала на пальцах объяснять хитрости этой операции.

Ближе к осени вызвали в штаб полка и направили фотографироваться. Зачем? Потом узнаешь. Снялся. Уходя, спросил у фотографа. Тот, как о чём-то обыденном, сказал:

- На доску отличников политической и боевой подготовки.

Я онемел. Меня, без году неделя служившего в армии, и вдруг на доску отличников!

С нетерпением ждал, когда вывешат ту доску. Дождался. Смотрю – моей фотографии на ней нет! Вот те раз. В чём дело? У кого спросить? Иду к фотографу. Увидев меня, улыбнулся и протянул мне мою же карточку. Я ничего не понимаю. Фотограф пояснил:

- Посмотрел командир полка на твою морду и спросил: из какого концлагеря попала к нам эта хуоба? Да и взгляд у него крысиный. Потому и не попал ты на доску. Вот бери на память.

Еще долго ездила эта фотка со мной, но так и пропала. Может сам и порвал.

Еще один момент. В нашем полку совершил самоубийство летчик. Застрелился. Еще в юности цыганка нагадала ему, что он умрет вскоре после того, как ему изменит любимая женщина. Накануне он получил письмо из Ярославля. Писала девушка, на которой он собирался жениться, сообщила, что вышла замуж, но за другого, которого не нужно было ждать. Многие говорили: не было бы той цыганки, жил бы человек. Я дал себе зарок никогда не иметь дело не только с гадалщицами, но и со всякими прорицателями и колдунами. Так и дожил до глубокой старости без их предсказаний.

Ближе к осени пошли слухи о расформировании дивизии. Некоторых ребят забрали воевать с Японией. На их место никого не прислали. Из части стали направлять в колхозы специалистов для ремонта сельхозтехники. Попал в их число и я.

Нас двое: я и приборист Морозов. Он старослужащий. Председатель колхоза, фронтовик-инвалид – нет левой руки, говорит:

- Ребята, отремонтировать у нас нечего, так что можете возвращаться в часть.

В наши планы это не входило:

- А какая другая работа есть?

- Сколько угодно, но питание у нас не армейское (нас отправили, сняв с проддоговория), - пояснил председатель и продолжал: - Хлеб худо-бедно будет, овощи от пуза, молоко тоже, а вот мяса нет.

Мы и на это согласились.

Морозов подрядился косить траву, а я пошел в пахари. Дали мне лошадку, плуг, показали поле и сказали: «Паши». Дней пять пахал эту делянку, когда закончил, меня направили к молотилке. Здесь я должен был погонять лошадей, которые парой ходили по кругу. Их усилия передавались на привод молотилки. Чем резвее передвигались коняки, тем лучше работала молотилка. Вот я и должен их резвить.

Более нудной работы не придумаешь. Кручусь на площадке и истошно кричу «НО-О!», щелкаю кнутом. Бить мне их жалко. Но лошади не понимают хорошего к ним отношения: еле-еле передвигают ноги, молотилка едва дышит.

Тут я узнаю, в чем моя недоработка. Я должен нещадно хлестать лошадей и не «НО» кричать, а громко ругаться матом. Я не ангелочек, но, если и ругался, то по поводу. Убедившись в моей непригодности, поставили к молотилке, а моё место охотно заняла женщина. Её понять можно. На площадке у лошадей свежий воздух, а у молотилки дышишь пылью из злаковых отходов, да и крутиться надо, чтобы агрегат впусую не работал, ведь лошадки теперь не ходили, а бегали по кругу.

Вернулся из колхоза. Узнаю, что мой Иван Арифонович и старшина эскадрильи подхватили триппер. На одной и той же бабе уподобились. Начистили ей морду, побили стекла в избе, на том и всё.

Полковой медик привозит им из Москвы сульфидин, тем и лечатся. Лекарство дорогое, сильно бьет по их финансовым накоплениям, неизвестно, что удастся довести домой. Беда ещё в том, что их год попал под демобилизацию. Издадут приказ, снимут с довольствия, вот и кукарекай. У старшины еще и жена с больной дочерью дома.

Болезнь была в той стадии, что они и ходить толком не могли. Мой приезд был кстати. Питание я приносил в котелках прямо в землянку. Так и не знаю, как они выкрутились, потому что в октябре 1945 года получил приказ отправиться к новому месту службы.

Москва, Центральный Краснознаменный аэродром им. Фрунзе. Он у метро «Динамо», между Ленинградским и Хорошевским шоссе. На тот момент на нем дислоцировались два полка 1-й АДОН (авиационная дивизия особого назначения). Их расположение ближе к Ленинградскому шоссе. Летали на американских самолетах Си-47, больше известных как «Дуглас».

Один из полков назывался «20-й полк шеф-пилотов». Он возил членов правительства, в том числе и И. Сталина. Командир дивизии генерал Грачев был личным его пилотом. Он получил Героя Советского Союза за перелет на Тегеранскую конференцию и обратно.

На стороне Хорошевского шоссе, в лесу, располагался 918 отдельный авиационный полк Главного политического управления Советской армии. Командир подполковник Афонин. Летал этот полк на американских «Бостонах». На море их использовали как торпедоносцев, а здесь для перевозки почты.

Каждое утро (в 6 часов) два или три самолета загружались журналами, газетами и другой печатной продукцией и отлетали в сторону Берлина или других столиц Европы, где находились наши оккупационные войска.

В этот полк я и попал. Старшина эскадрильи, увидев мою худобу, сказал: «Ничего, у нас отъешься». Тут же, со словами «Не позорь авиацию» велел снимать ботинки и выдал сапоги. Не новые, правда, но приличные.

Экипаж «Бостона» состоял из пяти человек: лётчик, штурман, радист, бортмеханик и моторист. Из них только моторист не летает. Питается лётный состав в лётной столовой. Мы же, ползающие по земле, в столовой аэродромной роты, которая обслуживает наш полк. Столовая в землянке, но кормят сносно.

В день, когда экипаж возвращается из полёта, у нас, ползающих, небольшой праздник. Как правило, летчики в день прилёта в столовую не идут – спешат домой, поэтому талоны на питание оставляют мотористу. Тот лишние талоны раздаёт товарищам.

В 1945 году таможенного досмотра на аэродроме не было. Поэтому экипажи имели возможность вывозить и ввозить (назовем так) нештатные грузы. Мне самому приходилось прятать в мотогондоле виллисовские покрышки. Их покупали у солдат, охранявших материальный склад, забор его выходил на территорию аэродрома. Только в 1946 году к прилету самолета на место его стоянки подходили ребята в зеленых фуражках.

В Румынии каждая американская покрышка стоила 12 тысяч рублей. Румыны гонялись за ними, ибо Контрольная комиссия безжалостно снимала с легковушек шины советского изготовления.

Вспомнился и такой случай. Воскресенье. В увольнение не пустили. Лежу на койке, дремлю. Вдруг радиоточка ожила и из неё послышались песни белогвардейца Петра Лещенко. Пропел он пару песен, как в динамике трах-тарарах - и тишина.

Позже узнаю, что ребята в радиорубке решили «угостить» себя песнями этого отщепенца. Кто-то из них нажал не на тот тумблёр, тем и включил радиотрансляцию. А в этот день в штабе что-то задержался замполит полка. Услышав крамольные песни, он и бросился к радистам.

По моим наблюдениям, именно после этого случая на аэродром и стали заезжать пограничники. До этого мне не один раз приходилось видеть пачки грампластинок. Их привозили не только из Бухареста, но и из Берлина. И теперь завозят, но с опаской.

В этом же полку мне впервые удалось побывать в воздухе. Облётывался наш самолет, и меня взяли на борт. Я стоял возле астролюка (плексигласовый колпак) и смотрел сверху на Москву и окрестности. Понравилось.

Через какое-то время меня избирают комсоргом эскадрильи. Видимо, сказалась характеристика, данная еще в военной школе. Признаться, такая честь не обрадовала меня. Дело даже не в лишней писанине. Больше в том, что мой шмасовский профессиональный уровень ни в какую не был равен образованию механика и тем более летчика или штурмана.

Если в школе, в роте новобранцев, мы были все с шестью классами средней школы и примерно одинакового уровня развития, то в полку моторист находится на нижней ступени авиационной иерархии.

Это не самоуничижение, так на самом деле было. «Вечно грязный, вечно сонный моторист авиационный». Это не я придумал. «Командир, экскаватор поломался». «Возьми четырех мотористов и продолжай копать». Таких шуток, рожденных авиационной спецификой, ходило бесчисленное множество. Прошло некоторое время, и мой малый служебный вес сказался.

В СССР приближались какие-то выборы. Партийное руководство части решило просветить наши молодые мозги. В эскадрильи была набрана группа примерно из 20 человек. Она должна была самоходом посетить Всесоюзную строительную выставку и наглядно убедиться, как разумно партия и правительство тратят народные деньги. Старшим назначили меня.

Мои возражения: я не могу командовать старшими меня по званию и притом бывшими фронтовиками. И предложение: назначить руководителем группы офицера. Мне пояснили:

- Комсоргу Стоме нужно будет убеждать, а не приказывать.

Вышли за проходную, что выводила на Хорошевское шоссе, и направились к остановке автобуса №10. Доедем до Белорусского вокзала, а там на метро. Только вижу, бортрадисты отошли в сторону и о чём-то перешептываются. Подошел к ним. Начались разговоры о том, что всё экспонируемое на выставке для них не новость (читают газеты, смотрят кино), поэтому есть предложение более полезно потратить отпущенное для этого время. Слышу такое же рассуждение и от других. Я уступил. На верёвке не потащишь, а убеждать, что выставка интереснее девичьей компании, дурости не хватает. Договорились встретиться возле проходной в 19 часов.

Сам же с четырьмя верными товарищами поехал на выставку, чтоб при отчете было что рассказать. Хватило времени и для заезда на Красную Пресню, где повидался с девушкой. В назначенное время у проходной. Все на месте, нет только бортрадистов. Загуляли черти!

Подождали, но так и пришлось идти в часть. Отметили у дежурного возвращение – радистов нет. Отстали, в метро столпотворение, возможно заблудились. Часов в 9 один из них появляется с бланжем под глазом. В чём дело? В общежитии в гостях у девчат, разодрались с гражданскими. Кто-то вызвал милицию, а та патрулей. Ребят похватили. Только один и смог улизнуть.

На другой день начались разборки. Меня вызвали на ковёр к комэске (так сокращённо называли командира эскадрильи), хорошо не к командиру полка. А могли бы. Ведь дебош радистов стал достоянием дивизии. Комэск, исчерпав запас матюгов, неожиданно спросил:

- Кем был твой отец?

- Бухгалтер.

- Служащий! То-то я вижу, у тебя нет пролетарской твёрдости!

Как-то под осень 1946 года старшина эскадрильи Игумнов позвал меня за собой, и мы углубились в лес. Если помните, наш полк стоял в лесу. Остановились у домика. Вошли. «Здесь живет командир полка», - сказал Игумнов. Я это знал. «Афонин уехал в отпуск, - продолжал старшина, - и начальство приказало поставить тебя ночевать здесь. Вот и ночуй. После ужина сразу сюда и до утра. Всё остальное по распорядку. На ключи, располагайся. Про ужин не забудь».

Так, по совместительству, я стал сторожем. Утверждаю, что ни один сторож, находясь на вахте, не спал на такой роскошной постели, как я. Здесь же вживую я впервые увидел гражданский радиоприёмник. Это был «Телефункен». Какую музыку он ловил! И это не всё. У командира была неплохая библиотека. Не буду перечислять, скажу только, что, наткнувшись на отдельное издание «Евгения Онегина», я прочитал его полностью и заучил хороший кусочек текста, который помню и сейчас.

Еще один случай связанный со старшиной Игумновым. Он решил организовать соревнование по шахматам. Победителю присваивается 3-й разряд. Участников должно быть не менее 12 человек, игра в два тура. С трудом, Игумнов набрал 11 человек. Где взять еще одного? Обратился ко мне. Я отказался. Как же так, секретарь комсомольской организации и отказываешься поддержать культурное мероприятие? Объясняю, что в шахматах, если что и знаю, так это как называются и ходят фигуры. Так это то, что нужно! Так я и был включен в список. По итогам первого тура я занял первое место! Я проиграл только Игумнову. Вот что значит психика! Со мной играли, расслабившись, и в награду получали баранку. Во втором туре я всем, без исключения, проиграл.

В октябре 1946 года вызывают в штаб полка. Что ещё? В кадрах меня ждёт капитан Фроликов, начальник ПАРМа (полевая авиаремонтная мастерская). Перед ним моё личное дело.

- Слесарное дело знаешь?

- Знаю.

- Пойдешь в ПАРМ работать?

Короткое раздумье: ведь это верный шанс избавиться от комсоргства. Но важно и другое: я почти договорился с адъютантом эскадрильи (начальник штаба эскадрильи) о краткосрочном отпуске. Исполняется 2 года службы в армии и 5 лет, как я не был дома. Сказал об этом капитану. «Я решу этот вопрос», - пообещал он, и я дал согласие. Так моторист преобразовался в слесаря-клёпальщика.

Тут же произошел такой случай. Прибегает в ПАРМ посыльный от главного инженера части и передает приказ Фроликову явиться на стоянку. Там ждут возвращения самолета с поврежденным крылом. ЧП! Капитан мне: «Пошли». Я беру чемоданчик с инструментом и за ним.

«Бостон» подрулил на стоянку. Я вижу, что на левом крыле, ближе к мотору – разворочена дыра. Летчик объясняет главному инженеру, что при полёте под облаками о крыло ударились птица.

К месту повреждения моторист подтаскивает стремянку.

Следуя указанию инженера, я взбираюсь по ней к крылу, обрезаю ножницами острые углы развороченного дюрала (сплав алюминия) и просовываю внутрь руку. Затем, как цирковой фокусник, удивляю публику: вместо птицы достаю из чрева крыла сучок дерева. Главный инженер и летчик краснеют одновременно. Один от гнева, другой от стыда.

Тут же начинается «разбор полета». Главный инженер тычет летчику в лицо деревяшку и спрашивает: как называют эту птицу? Возмущение инженера можно понять. Попади в крыло птица - случайность. Но кусок дерева в крыле - свидетельство того, что какое-то время машина шла на высоте роста деревьев. В штатном полёте это – элемент хулиганства, лихачества. Так и до катастрофы недалеко.

Позже пришла жалоба из украинского колхоза. Некий самолет прошел в бреющем полёте над их коровьим стадом. Животные, увидев над головой ревушую махину, от испуга перестали давать молоко. Пошутили ребята.

Что ни говори, а дырку пришлось заделывать мне.

В конце октября я с Курского вокзала отправляюсь в свой первый отпуск. По выходе на перрон у поезда №25 Москва-Севастополь увидел беспокойную толпу. Люди, в основном военные, толкаясь, вламывались в двери, взбирались в вагоны через окна.

Я понял, что в данной ситуации проездной билет - филькина грамота, поэтому не стал его приобретать, но и сесть в этот поезд было мало надежды: в руках фанерный чемодан собственного изготовления, за спиной вещмешок. Их тяжесть была приятна: в них продукты, выданные сухим пайком на все время отпуска, но они же мешали на равных принять участие в штурме поезда.

Стою между двумя вагонами, а по бокам от меня бурлят людские потоки. Вдруг слышу легкий свист, повернулся и вижу, как незнакомый матрос машет мне, приглашая взобраться к нему на буферную площадку, что между вагонами. С его помощью я это и сделал. Выяснилось, что морячку приглянулся мой чемодан - на нем можно было сидеть.

Тамбурная дверь закрыта, но мы надеялись, что в пути ее откроют. Поезд тронулся, перед моим носом застучали лепешки буферов, поехали! Только после Харькова дверь открыли, и мы, вконец озябшие, вошли в тамбур, а там и в вагон.

Проехали Сиваш и вот мой родной Крым! Матрос ехал из отпуска в Севастополь, а мне нужно было сойти на станции Сарабуз, чтобы затем пересесть на симферопольский поезд, идущий в Евпаторию. Читаю на разрушенном вокзальном фронтоне: «Остряково». Где же Сарабуз? Кто-то сказал: «Так это и есть Сарабуз». Выходит, переименовали. Бросаю вещмешок на платформу и сам за ним с чемоданом.

Вагон, в котором я ехал уже в Евпаторию, был полупустой. Недалеко от меня щебетали две девушки. Я вслушался, и теплая волна счастья охватила меня от знакомого с детства особого евпаторийского речения, где слово «проджёмбать» означает «проиграть», а «зурт, зурт» - вообще дразнилка. Я спросил для блезира: «Вы откуда, девочки?» Они почему-то прыснули, но одна из них ответила: «Мы - евпаторические!» Помолчите, выпускники филфаков, дайте насладиться музыкой родного говорка!

Так, стоя у вагонного окна, мы живо разговаривали, пока на подъезде к городу, в районе шестого рыбацкого участка, я не увидел на берегу моря облезлый корпус большого судна. Сквозь грязно-коричневую ржавчину выступала серая или, как ее еще называют, шаровая краска. Это были останки военного корабля!

- Что это за посудина, и как она тут очутилась? - спросил я девочек голосом бывалого вояки.

Они вдруг замолкли и тут же отошли от окна. Больше я не слышал их голосов. Море скрылось за поворотом. Открылся грустный вид на караимское и русское погосты. Поезд остановился на товарной станции, вокзал, как мне сказали, был сожжен немцами.

Отметил в комендатуре своё прибытие. Она в то время находилась в одноэтажном домике на Приморской улице рядом с остатками здания горисполкома. «Остатками» я называю фасадную стену здания. Она сиротливо возвышалась над заваленным камнями пустыре. До войны на этом месте располагались милиция и НКВД. К 7 ноября 1946 года стену снесли, пустырь подчистили. А домик так и остался стоять до 2013 года. В этом году его тоже снесли, чтобы на его месте что-то другое построить.

Дома был порядок: мама работала в горпромкомбинате, Оля училась. Мои продукты были кстати, по крайней мере, мне не пришлось сидеть на маминой шее.

Из всех довоенных друзей в городе остался только Витька Володин. Это с его братом я ходил в дом Дувана за гвоздями. Витя с детства был поражен рахитом, поэтому не рос и, сколько я его знал, был похож на ребенка. Да и голос у него был писклявым. Но за детской внешностью скрывался умный и гордый человек. При всей физической немощи он отродясь не унижался до угодничества и лести, а мы, уважая его крепкий дух, никогда не били его и часто прислушивались к его мнению.

Большую часть отпуска я провел в беседах с этим человеком. В первый же день опозорился. Разговариваем. Рядом сестричка Оля. Вдруг вижу на её лице маску удивления. В чём дело? Ведь идет обыденный разговор... И тут понял: я пересыпаю свою речь привычными в армейской компании словечками. Пришлось перестраиваться.

От Вити я впервые узнал о январском 1942 года морском десанте и о массовых расстрелах жителей города.

Вспомнился мой хамский вопрос о «посудине» и стала понятна реакция девушек на него. Ведь этот корабль, тральщик «Взрыватель», доставил в город морской десант и был разбомблен немцами. Возможно, среди погибших моряков или расстрелянных жителей города были их близкие, и мой непочтительный тон их обидел.

Кто-то удивится тому, что я только в отпуске узнал о десанте и немецких зверствах. В то время письма-треугольники приходили украшенные штампом «Просмотрено военной цензурой». Желающих повиснуть на их крючке не было.

Сам Витя сошел за малолетка, поэтому и не попал в фашистские загребушие лапы, но страху и он натерпелся. Несколько раз попадал в облавы, видел, как сортировала людей Жуковская. О ней, я опять-таки, впервые узнал от него.

Узнал от него о высылке из Крыма татар. Запомнился рассказанный им эпизод: татарка бьёт себя в грудь кулаком и гордо заявляет: «Мой сын - доброволка!». И, по словам Вити, эти «доброволки» проходили по городу в морских брюках-клёш, тельняшках и в барашковых шапочках на голове.

Другим объектом моего живого интереса была тётя Паша. (Прасковья Евдокимовна Морозова). Она еще до войны была известным в Евпатории человеком. В 1940 году, только окончившая курсы медсестер, она была избрана председателем горкома РОКК (Российское общество красного креста). До этого, работая санитаркой в санатории имени Крупской, являлась членом профкома. Перед войной стала членом ВКП(б).

Когда нависла угроза немецкой оккупации, в Крыму начали готовиться к партизанской борьбе. Морозовой у торца дома №7, что на проспекте Ленина, не было. Это от него, как гласит мемориальная надпись, отправлялся в леса Евпаторийский партизанский отряд. Ей отказали во включении в списки народных мстителей – брали людей помоложе. Ей же порекомендовали эвакуироваться.

Она, привыкшая самостоятельности, не согласилась с таким решением и пустилась вдогон за отрядом. Тыча оппонентам в нос свой партийный билет, добилась-таки включения в отряд.

Зима 1941-1942 годов была повсеместно суровой, а что уж говорить о пронизывающих ветрах на яйле и промерзших камнях, заносимых снегом. Сюда их загнал враг.

Немцы, ведомые местными проводниками-татарами, лезли все выше и выше в горы. Партизаны, зажатые в скалах, словно затравленные волки, огрызаются из последних сил. И побеждают! Фашисты и их приспешники отступают, не сумев преодолеть сопротивление, как им казалось, деморализованных народных мстителей.

Тетя Паша поведала мне об этом в ноябре 1946 года, когда мы впервые встретились после войны. Тогда я в первый и последний раз видел ее плачущей. Невольные слезы женщины заставили меня почти осязаемо испытывать те невзгоды, о которых только что услышал.

Вот, словно в трансе, она рассказывает, как убила фашиста. Вспоминает его бешеный взгляд из-под каски и оскаленный в крике рот. Подобный оскал она уже видела на плакате «Убей немца!» И убила. Некоторое время дрожала, глядя на поверженного врага. Я заметил, что моя тетя и сейчас дрожит. Положил ей руки на плечи и прижал к себе. Она, плача навзрыд, забилась в моих руках.

Уже потом я узнал, что в отряде ее звали Матерью. Не только за то, что она была старше многих, но и за ее всегдашнюю готовность помочь другим. Прасковья самоотверженно выхаживала раненых, ее умелым рукам хватало неотложных дел в нелегком партизанском быту. «Умелыми руками», - сказал я и вспомнил эпизод из довоенной жизни. Некоторое время тетя Паша, не имея своей квартиры, жила у нас. Так я наблюдал, как ловко она двумя ножами режет мясо на котлеты. И мясорубки не надо.

Годы спустя, слушал ее выступление перед аудиторией и радовался пафосному изложению тех событий, над которыми она когда-то горько плакала. Поистине, время - лучший врачеватель.

Прасковья Евдокимовна и в мирное время оставалась для многих Матерью. К ней на улицу Пушкина, 37 приходили и приезжали за советом, за помощью знакомые и незнакомые. Не все уходили удовлетворенные – она по-прежнему была принципиальной и никогда не стеснялась сказать хоть и горькую, но правду.

Приехал как-то к ней, знакомый ещё до войны, татарин. Сидят, разговаривают. Он говорит тете:

- Вот сидим мы с тобой, Паша, и мирно беседуем. Оба коммунисты, но почему-то тебе можно в Крыму жить, а мне нельзя». (Разговор происходил еще до 1967 года).

- Твой народ, Юсуф, оставил по себе в Крыму горькую память - отвечает Паша. – Я знаю, ты лично не расхищал продовольствие у партизан и не гонял нас по горным кручам, наконец, ты не расстреливал советских людей в концлагере, что находился под Симферополем. Иначе мы с тобой здесь не сидели бы. Но твой народ всё это делал и делал по собственной инициативе, за что и наказан. А ты, Юсуф, часть этого народа. Разве не так? Что ты сделал, чтобы не допустить массового предательства?

Не имея своих детей, бывшая партизанка много внимания уделяла чужим детям, и они становились ее «дорогими чадами». Привечала их, кормила, глубоко вникала в их ребячьи проблемы, активно работала в составе городского родительского совета и в военно-научном обществе городского музея. Как-то зло сказала мне: «Какими же негодьями бывают взрослые по отношению к детям!» Дожили она до наших дней, еще бы не то сказала.

Прасковья Евдокимовна уже в глубокой старости потеряла память. Спрашивала меня: «Кто ты такой? Чей сын?» К счастью, в то время у нее ничего не болело. Видимо, лимит физических страданий она исчерпала в те жестокие годы. Умерла партизанская Мать в возрасте 96 лет так спокойно, что многие этого не заметили.

10 ноября. Завтра уезжать. Иду с мамой по ул. Революции, чтобы зайти в комендатуру отметить, а после продолжить путь на базар. На углу Революции и Приморской висится тумба, на которой наклеивают рекламу или объявления. Возле тумбы, ко мне спиной, стоит полковник и что-то читает. Я прохожу мимо, не приветствуя спину офицера.

Остановился на углу, чтобы попросить маму подождать меня: пока отмечусь. Подходит ко мне старший лейтенант и спрашивает:

- Сержант, вы почему не приветствуете офицера?

- Вас, что ли?

Я, как увидел его, сразу откозырял.

- Нет, полковника, что возле тумбы стоял.

Объясняю, что в спину как-то неудобно было приветствовать, а забежать вперед и поприветствовать полковника, чтобы он меня увидел, так это вообще абсурд. Обозвав меня демагогом, старший лейтенант велел следовать за ним.

Мама пошла на базар, а я в комендатуру. Там на меня раскричался уже капитан:

- Эти москвичи (это я-то москвич) вообще нас тут за людей не считают! Ишь разоделся!

А я действительно разодетый. По традиции нашей части отпускника одевают в форму шитую из габардина, сапоги хромовые, шинель офицерская. Сразу после войны такое ещё допускалось. Это позже взялись за порядок в смысле: «Каждый сверчок знай свой шесток».

Капитан грозит упечь меня на гауптвахту на 7 суток. Чудак. Я ему и говорю:

- Мне завтра отъезжать, товарищ капитан, отпуск закончился. Выходит, вы мне его продлеваете, что ж я не возражаю.

- А тебя не спрашивают!

Молчу. Покумекал капитан и, сделав отметку в моём отпускном листе о задержании за нарушение устава внутренней службы и отпустил. Любимый город может спастись спокойно, коль его охраняют такие бдительные офицеры.

Несколько отойду от своего жизнеописания и расскажу нечто общего плана. На Центральном аэродроме имелись четыре ангара. Первые два, которые ближе к штабу дивизии, были предназначены для стоянки самолетов под номерами 01, 02 и т.д. На этих машинах возили высоких государственных деятелей. Непосредственно перед отлётом ангара охраняли офицеры. Не раз приходилось видеть у закрытых ворот ангара офицера с автоматом на животе.

В третий ангар загоняли машины этого же полка для производства регламентных работ или ремонтов. А вот четвертый, стоявший несколько поодаль от остальных, был выделен авиаконструктору Ильюшину. В то время (1947 г.) Ильюшин был занят доводкой самолета Ил-18. Для того времени и вообще для нашей авиации это был оригинальный самолет, первоначально уготованный для пассажирских перевозок.

Приходилось видеть, как у самолета собиралась толпа, потом люди заходили внутрь и там, видимо, рассаживались. Затем запускали моторы, а они были обычные – воздушного охлаждения, поршневые, и самолёт выходил на рулежную полосу, а от неё на взлётную. Набирал обороты, шел на взлет ...и не взлетал. Такое приходилось видеть несколько раз. Пошли слухи, что моторы «не тянут». Самолет загнали в ангар и больше мы его не видели. ИЛ-18 взлетел только после того, когда на него поставили турбовинтовые двигатели. Мне приходилось быть пассажиром этого самолета. Очень плавно летал. С Ту-104, который сначала был бомбардировщиком Ту-16, не сравнишь.

Недалеко возле ангара Ильюшина была стоянка американской «Летающей крепости» Б-29. Когда в Москву прилетала зарубежная делегация, самолет накрывали маскировочной сеткой. Много позже узнал, что Туполев его скопировал, создав бомбардировщик Ту-4.

Где-то в эти годы Василий Сталин был назначен командующим ВВС Московского военного округа. Недалеко от аэродрома он возвел помпезное здание с колоннами для своего штаба. Была решена судьба и третьего ангара: его превратили в конюшню. Возле ангара можно было видеть дам, грациозно вольтижирующих на прекрасных лошадях.

В 1948 году я увлекся боксом. Разровнял с ребятами площадку возле ПАРМа, натянул веревки - и ринг готов. У физрука оказались две пары перчаток, и мы начали боксировать. Тренера не было - сами как могли.

И тут вызывают меня и Васю Стрелкова в штаб полка и велят ехать в Воронеж, чтобы принять участие в Спортивном сборе тяжелоатлетов ВВС Московского военного округа. Меня посылают как боксёра, а Стрелкова как штангиста. Мы, не сговариваясь, удивились: какие из нас боксеры и штангисты? В штабе, ссылаясь на приказ сверху, и слушать не хотят.

Приехали. Сборы уже две недели, как открылись. Узнали, что дивизия отказалась от участия в сборах, но В. Сталин настоял. Тогда разыскали нас и послали. Не буду расписывать изнурительные тренировки, спарринги, отличное питание. Видел многих спортивных знаменитостей: борцы со стёсанными ушами, боксеры с кривыми носами, штангисты – гора мускулов. Один штангист показывал номер: отжимался много раз на турнике на одной руке. И ему неважно, левой или правой.

По приезде в Москву, меня, как участника сборов, пригласили в боксерскую команду ЦСКА, но побывав несколько раз в нокдауне (до нокаута учебные бои не доводили), я понял, что бокс не моя стезя и распрощался с ним.

Пришло время и 918 ОАП расформируется. «Бостоны» улетают в Одессу. Там американцы спрессовывают их в лепешку и грузят на корабль. Хорошие машины, им бы еще летать и летать, но для американцев они – металлолом.

На место «Бостонов» прилетели Си-47. Это 3-й полк 1-й АДОИ. Теперь вся дивизия в сборе. ПАРМ вливается в состав этого полка. Таким образом, меня эти пертурбации не коснулись. Я остался не только в той же казарме, но и на той же койке.

Поначалу с коллективом ПАРМа у меня не складывалось. Я был там как какой-то отщепенец. Единственный друг, Вася Карпунин, сварщик, да и тот вскоре был переведен во 2-й полк.

Заворачивал в Парме Вася Живописцев, красавец-мужчина, любимец штабных женщин. Видная фигура, достаточно умён, хорошо подвешенный язык. Ему бы на эстраду, а он слесарит в зачиханном ПАРМе. Под его крылом рядовой Литуновский, язвительный малолеток, племянник заместителя начальника штаба полка майора Шевчука. Еще слесарь Петров, брат жены писателя Бориса Полевого («Повесть о настоящем человеке»). Еще слесарь Иванов. Сугубо русский, но родом из Литвы. Набрался там балтийской гордости, да так, что цены себе не сложит. Токарь-сверхсрочник Андрей Седов - нормальный парень, но он почти сразу вышел в отставку. Запомнился он мне тем, что ещё в 45-м я за десятку купил у него буханку хлеба и почти тут же слопал.

На место Седова пришел другой сверхсрочник, старшина Леша Виноградов. Вот с ним у меня сложилось. Он был мастером высокого класса. Порою, при изготовлении различных безделушек учил меня слесарным премудростям. Нашими изделиями Леша одаривал штабистов. Вообще, он в штабе был своим человеком. Теперь пишущие машинки ремонтировал не Живописцев, а Виноградов.

В ПАРМе поменялся начальник. Вместо Фроликова начальником стал лейтенант Степин. Воевал в польских частях, брал Варшаву. Он был настолько ярко выраженным блондином, что мог бы сойти за альбиноса. Кожа белая, чуть ли не прозрачная. Глаза голубые, а нос тонкий, выдающийся. Я сразу, как увидел его, подумал, что аристократа нам подбросили. И ошибся. Фактически он был простым парнем, родившимся в Рязанской губернии. Он с юмором рассказывал о своём пребывании среди поляков. Правда, по его мнению, в польской армии было больше кацапов, чем этнических поляков. Запомнилась его шутка с польскими корнями: «Возмешь (ударение на первом слоге) в руку, маешь вещь».

Дело было летом. Стёпину захотелось выпить. А нечего. Он посылает меня к самолетам за спиртом. Спирт на Си-47 применяется в антиобледенительной системе, поэтому летом его может и не быть. А если и есть, то какая-нибудь гадость с винтов. Тут нужно пояснить: чистый спирт, без примесей, используется только при подаче на стекла пилотской кабины. Тот, что брызгают на винты (на пропеллеры) идет с добавками, чтобы не использовали не по назначению. Об этом я и сказал начальнику – вдруг не знает. Неси, что будет. Сказано - сделано.

Иду по стоянке. Захожу во все открытые машины. Лето - спирта нет. Один механик сказал, что осталось немного спирта на винтах. Выбирать не с чего. Давай. Нацедил во флягу. Прихожу и докладываю начальнику обстановку.

Тут передают, что мне звонил Вася Карпухин со 2-го полка. Зовёт к себе на день рождения. Я обратился к Стёпину: прошу отпустить. Иди, нам больше останется.

Утром прихожу в ПАРМ – тишина. Живописцев показал на землянку где сварочный пост: они там. Вхожу и вижу Стёпина. На плечи наброшена шинель, волосы растрепаны, нос опущен к груди. Чуть дальше Иванов распластался на земляном полу. Живы? Дотрагиваюсь до Стёпина, шевелится. Ко мне претензий не было – я предупредил. И хорошо, что выпили помалу, а то б живыми им не быть.

В полку беда: единственный связной самолет По-2 совершил вынужденную посадку где-то в Ярославской области. Летчик вернулся в часть, а самолет оставил под ответственность председателя колхоза. Доставку самолета поручили ПАРМу, а Стёпин навесил её на меня.

Шофёр рядовой Гришин, машина – бортовой «Форд». По словам Гришина, машина скоростная, но тяга у нее неважная. Да нам она и не нужна: вес самолета где-то около тонны. Ехали хорошо, погода - «золотая осень», по дороге оказывали мелкие услуги населению, поэтому были сыты и нос в табаке.

Подъехали к самолету. Первое впечатление – не раскурочен. И то хорошо. По дороге решили, что заправиться сможем из самолёта остатками горючего, но увы: бак сухой. Пошел «качать права» к председателю колхоза, но тот заверил, что бензин слил еще летчик в оплату шоферу, который довез его до ж/д станции. Пришлось покупать бензин за свой счет, иначе не хватило бы до Москвы.

В первый же вечер нас осадила молодежь: покатайте. Рад бы, говорю, но бензина нет. А если только посидеть в кабине? Это можно. Влезали в кабину, я им рассказывал о предназначении имеющихся там приборов. О манипуляциях, которые совершает пилот при взлёте и посадке.

Одной девахе устроил аттракцион. Посадил её в пилотскую кабину, сам остался возле. Гришаев стал у винта. По команде крутнул его пару раз, я включил магнето, и мотор чихнул. Сначала был испуг, а потом восторг. Позже мы были желанными гостями на посиделках.

Два дня потратили на снятие крыльев. Грузить самолет на машину помогали «любители авиации», которые с первого дня не отходили от нас.

А этот случай мог стать для меня роковым, но слава богу, обошлось. Я, работая за верстаком, тут же рассказываю ребятам о поездке за самолетом. Где-то плавность речи прервалась, и я начал заикаться. Такое иногда бывает, даже сейчас. Присутствовавший здесь же Литуновский передразнил меня. Он использовал обычную дразнилку для заик: си-си-си-стекло. Услышав такое, я в ярости хватаю с верстака настольную наковальню и бросаю в него. Мои движения, видимо, были скованы весом, в наковальне не меньше пуда, поэтому Литуновский смог пригнуться, и она пролетела над ним.

Он бросился из мастерской к штабу. Я же стою, весь дрожу. Бежит к ПАРМу Шевчук. Вскакивает: «Что у вас тут творится!?» Ему ребята рассказывают о произошедшем. Майор посмотрел на племянника так, будто первый раз увидел его и тут же оценил: «Засранец! Извинись сейчас же!» И ушел. Живописцев с трудом заставил своего подопечного извиниться передо мной. Сначала тот упирался: «Пусть лучше ударит меня!» «Это я тебя ударю, если не извинишься, - с угрозой сказал Живописцев. Я представляю, чего им обоим стоило это извинение.»

Дружба с Лешей Виноградовым с каждым месяцем всё больше укреплялась. Я опять-таки не говорю об элементарных выпивках. Я не один раз был в Щёлково, где он жил, и проводил выходные в его семье, участвовал в похоронах его только родившегося сыночка. Я много сопровождал его в поездках по Москве, иногда не понимая их цели.

Лето 1949 года. Полку объявлены ЛТУ (лётно-тактические учения). Полк перелетел из Москвы на аэродром Красилово, Станиславской области (ныне Ивано-Франковск). От ПАРМа полетели Виноградов и я. В Красилово у нас была отдельная палатка там же и мастерская. Кроме этого, в палатке с нами спал главный инженер полка.

Смысл учений состоял в том, чтобы научить артиллерийские расчеты грузиться на самолеты типа «Дуглас». К аэродрому подтянули пехотную дивизию, в салоне самолёта деревянные трапы. Их выкладывали перед грузовым люком, и «Виллис» въезжал в самолет. За ним вручную, стволом вперед, вкатывали пушку. Десяток солдат, рассаживались - можно лететь.

Кажущаяся простая операция не всегда проходила гладко и совершалась в отведенное для этого время. Машина, въезжая в спешке по трапу, иногда переворачивалась. Экипаж самолета зорко следил за тем, чтобы пушка не пропорола стволом противоположный борт. Во время полёта бортмеханик контролировал физическое состояние бойцов. Было категорически запрещено рыгать на пол самолета. Для этого нужно было использовать собственную каску или кузов «Виллиса».

Местное население обслуживало походные кухни. На первое супы не варили – только борщ. Мы объедались им. Интенданты закупали овощи и мясо непосредственно у населения. Всё было очень вкусно.

Командование предупреждало нас о бдительности. Сейчас широко известно, что творилось в те годы на Западной Украине, а тогда мы были как котята. К тому, не всегда верили сказанному.

Ближе к окончанию учений, Леша надумал провести коммерческую операцию: как это так, уехать с Украины и не увезти с собой яблоки или сало. У нас в мастерской было несколько листов АМЦ (наиболее мягкий дюраль). Леша предложил изготовить из него несколько кастрюль и обменять их в деревне на яблоки.

Сделав четыре небольшие кастрюли с крышками, я положил их в чемодан и под вечер пошел в деревню. В первой же избе обрадовались кастрюлям, набили полный чемодан лучшими яблоками. На стол выставили сало, сметану, самогон. Пей, ешь, солдат! Я, помня о бдительности, отказался. Мне завернули сало и бутылку в тряпицу. Пришел в часть уже ночью. Леша сказал, что мною интересовался главный инженер, но он его успокоил. По прилёту в Москву яблоки толкнули в какой-то ресторан, что был возле Белорусского вокзала.

Описанный эпизод с кастрюлями так и просится к развитию. Я попадаю в лапы бендеровцев, они пытаются меня... Нет, лучше они нападают на меня, но я отбиваюсь от них яблоками и благополучно возвращаюсь в часть. Но я не роман пишу, только вспоминаю, что было на самом деле, поэтому не буду увлекаться.

Под осень этого же года старшина сверхсрочной службы Виноградов решил выйти в запас. Мне казалось, что он и сам не рад своему решению. Мне же он объяснил это семейными обстоятельствами. Какие могут быть обстоятельства? Детей нет, в Щелково у них нормальная квартира, в Ленинграде Лешина квартира под присмотром соседей.

И вот сидим мы на сырой от вечернего тумана скамейке возле проходной части - прощаемся. Вспоминаем минувшие дни.

Вдруг Леша, несколько помолчав, говорит:

- Думаю, ты должен это знать.

- Ты о чём?

- То, что я тебе сейчас скажу - большая тайна.

Я не особый охотник до чужих тайн. Так и сказал.

- Не спеши, пацан, отказываться, - предупреждает старшина. - Дело в том, друг мой, эта тайна касается лично тебя.

- Интересно, какие тайны о себе еще не знаю?

- Вот и не знаешь, - заверил Лёша и пояснил: - Тут похоже, я без тебя, тебя женил.

Я непонимающе посмотрел на него.

- Женил, конечно, образно, - поправился Лёша. - Если серьезно, то я рекомендовал тебя на работу в органы.

Наступило гнетущее молчание. Один ждал щенячьего восторга, а другой думал о свалившейся на его голову беде.

- Лучше бы ты меня действительно женил, - сказал я осипшим голосом и тут же вскипел: - Да кто ты такой, чтобы лезть в мою жизнь?!

Лёша заметно смутился. Он, не зная о судьбе моего отца, не мог понять моей вспышки.

- Видимо, сказав А – проговорил он подумав, - нужно сказать и Б. Так слушай: я сам работаю в органах, а в нашей части я был секретным уполномоченным. Сейчас меня переводят в Питер, поэтому уезжаю.

Не услышав реплики на это сообщение (я молчал ошеломленный), он продолжал:

- Чудак. Разве не понимаешь, как это поможет тебе по службе? Когда меня спросили о возможной замене, я, не задумываясь, назвал твое имя. Ведь я не один год тебя знаю. Сколько водки перепито, в каких ситуациях не перебивали, и за все это время ни слова антисоветчины. И главное, ты умеешь держать язык за зубами. Я так и сказал на той беседе.

- Кто тебя просил? - исторг я вопрос.

Лёша вспыхнул:

- Тебе плохо было за моей спиной? Будет ещё лучше, когда займешь моё место.

- Как ты не поймешь, Лёша, что не нужно мне это «лучше», - возразил я. - Дружил я с тобой не за те увольнения в город, что ты устраивал. Считаю, ты был мне старшим братом.

- Спасибо на добром слове, но я так и не пойму, чего ты испугался.

Был порыв рассказать ему об отце, но я переборол себя, поэтому ответил:

- Дело не в испуге. Просто я не могу быть..., назовем всё своими именами, не могу быть сексотом.

- Ну, ты даешь, пацан, - с обидой в голосе сказал Алексей. - Ты рассуждаешь как обыватель. Я за все время пребывания в этой части ни одного нашего не подвёл под статью и, тем более, никого не спровоцировал.

- Давай замнем для ясности, - предложил я. - Я благодарен тебе за то, что ты предупредил меня, а там...

- Откажешься?

- Там видно будет.

- Ну, ты уж не подводи меня, сделай вид, что для тебя это новость.

Расстались мы тепло, будто и не было той размолвки.

Уже по дороге в казарму я решил, что пришло время сдаваться. Если вызовут в особый отдел, то сразу скажу, где мой отец, а если придется писать биографию, то всё честно напишу. А там будь, что будет.

«Писать биографию» - не игра слов. В нашей части было принято периодически добровольно-принудительно описывать свою жизнь. Под каким-либо предлогом собирали сержантский состав в Ленинской комнате, раздавали по листику бумаги и пиши. Сдал листок - свободен.

Долго ждать не пришлось. Месяц не прошел со дня отъезда Виноградова, как нас собрали для зачтения материалов очередного Постановления ЦК ВКП (б). После этого формального мероприятия, под присмотром адъютанта эскадрильи писарь раздал каждому по листу бумаги. Дело привычное, поэтому без лишних слов сержанты принялись за написание автобиографий. Я покрылся испариной, когда писал об отце правду, даже когда врал, так не волновался.

Прошел еще один месяц, пожалуй, самый мучительный в моей жизни. Каждый день ждал вызова в спецчасть или, еще хуже, ареста. И вот меня вызвали в штаб части и вручили предписание о переводе в распоряжение штаба Горьковского военного округа.

Из штаба округа меня направили на аэродром «Сейма». Там дислоцировался Центр летной переподготовки. Здесь я впервые увидел новейшие истребители МиГ-15. После американских Си-47 или «Бостонов», МиГи казались сказкой.

Такой исход событий я посчитал за счастье: Родина, несмотря ни на что, продолжает мне доверять. Ведь какого-то там подозрительного типа не направят служить в часть, где проводят

войсковые испытания новейших истребителей, где проходят лётную переподготовку лётчики многих других авиачастей страны.

В то время я не знал причины столь лояльного ко мне отношения. Только после известных событий, когда многое тайное стало явным, я путем размышлений нашел ответ на этот вопрос.

После XX съезда КПСС, будучи уже на гражданке, написал запрос в органы о судьбе отца и получил ответ: «Стома Н.С. - уроженец Польши, осужденный по статье 58-б, умер в местах содержания под стражей 14 февраля 1941 года. Реабилитирован посмертно».

Позже в массовой прессе в качестве справки был опубликован директивный приказ Ежова от 11 августа 1937 года за №00485. В приказе среди прочего предписывался арест всех политэмигрантов, бежавших из Польши в СССР. Под эту «метлу», решил я, и попал мой отец.

Уже в 2013 году, имея перед собой список жителей Евпатории репрессированных в 1937-38 годах, я, путем выборки, нашел, кроме отца, ещё 3-х «агентов польской разведки», арестованных в ноябре 1937 года. Это подтвердило мою догадку.

По всей вероятности, в органах понимали, что арест гражданина N произведен не по причине его антисоветской деятельности, а только потому, что он когда-то совершил непродуманный поступок, решив спасти свою шкуру в стране победоносного пролетариата. Поэтому жену не преследовали за доноительство (ст. 58-12) и детей не изолировали от злоторного влияния родителей.

Итак, прослужив в Москве 4 года, я «перебрался» в Горьковскую область: посёлок Володары, станция Сейма, аэродром Сейма. Сколько здесь придется пробыть, не знаю. Фактически я своё отслужил. По закону срок службы технического состава ВВС страны составлял 4 года. В мирное время призыв идет каждый год. В нашем случае, после призыва 1944 года следующий состоялся лишь в 1948 году. Вот и жди смену.

Вы уже знаете, какие важные оборонные задачи решаются на аэродроме Сейма. А что он сам из себя представляет? Он, по сути, не многим отличается от обыкновенного полевого аэродрома. Правда, взлетно-посадочные полосы покрыты металлическими штампованными плитами, соединенными между собой простейшими захватами – американский подарок. После каждого полетного дня рота аэродромного обслуживания выходит на полосы с кувалдами в руках и восстанавливает сцепление плит.

Весной же, аэродром заливают талые воды, и он становится «нетрудоспособным». В предвидении этого, еще по снегу, полк перелетает на другой аэродром, например, на Севастлейку. Там поле не в низине, притом хорошо забетонировано. При нас других самолетов там не было. Удивлялись: почему бы не оставить здесь полк на постоянное «жительство»? Но, как известно, начальству с горы виднее.

Длинный барак, в нём размещаются, разделенные простенками, все три эскадрильи. Сплошные двухъярусные нары. Чуть не сразу от казармы, спуск к реке Сейма. Летом она воробью по колено.

Мой непосредственный начальник старшина сверхсрочной службы Лодатко. Мне он показался старым, но ему чуть за сорок. С первых же дней, он по схемам познакомил меня с принципом работы реактивного двигателя. Остальное по ходу службы. Что интересно, ПАРМа в полку нет. Это и понятно – на МиГ латку не поставишь, да и машины сами по себе новые.

Начались аэродромные будни. наших летчиков называли щэф-пилотами. Их в эскадрильи не более пяти человек. Основная масса летчиков из других войсковых частей. Там они летали на поршневых самолетах, теперь учатся летать на реактивных. Среди них выделялись морские летчики. Выделялись не только формой, но и веселым характером. У них всегда всё получалось, поэтому и отсева среди них не было.

Среди летчиков полка особым уважением и авторитетом пользовался капитан Фатеев. Он был заместителем командира полка по лётной части. Даже мы, наземный состав, при общении с ним чувствовали, исходящую от его стройной фигуры стремительность и силу. Его любимое занятие - воздушный бой. Ни один лётчик полка, не говоря уже о переобученцах, не могли победить его.

Для несведущих по данной теме поясню. В 40-х годах для проведения учебного воздушного боя использовались, так называемые, кинофотопулеметы. Ход «бое столкновения» снимался на киноплёнку. Пилот нажимает на обычную гашетку, и аппарат имитирует полёт пули к цели: попал не попал. После проявления плёнки специалист производит дешифровку изображения.

На первых этапах войсковых испытаниях МиГ-15, Фатеев сумел доказать, что плоскости (крылья) самолета по прочности не соответствуют пилотажным возможностям машины. Из одного из полетов он прилетел со вздутой, а местами порванной обшивкой плоскостей. Специалисты удивлялись тому, что он вообще в таком состоянии сумел посадить самолет. Позже я еще раз вспомню о Фатееве.

Через короткое время стало ясно, чем отличается служба в столице от службы в глухой провинции. Если в Москве, когда я имел возможность самостоятельно использовать время в увольнении, то шел в какой-либо музей. Чаще всего в музей имени Пушкина или в Третьяковку.

До сих пор вижу перед глазами картину Иванова «Явление Иисуса Христа народу» и Локтионова «Письмо с фронта». Восхищался бюстами Шубина, но равнодушно миновал зал с иконами. Мало что в них и сейчас понимаю. Видел мультфильм Диснея «Бемби» в кинотеатре «Восток». Он был тогда на площади Свердлова.

И ещё одна привилегия: театр имени Советской армии часто выделял нам бесплатные билеты на свои спектакли. Иногда ставили Шекспира, но чаще всего пьесы на армейские темы. Как пример: после аварии летчика отправляют в запас. Далее действие происходит в колхозе. Летчик бодро напевает: «Не всем дано летать, кому-то и землю пахать, // Ведь счастье для всякого не одинаково, надо понимать».

И тут Сейма. О том, что поселок Володары образовался вокруг мельниц построенных нижегородским купцом Бугровым (о нём есть очерк у М. Горького) я узнал в первые дни. Показывали и местную достопримечательность – улицу, застроенную красивыми, как на картинке, избами. Это наследство Бугрова. По прошествии какого-то срока он каждой своей любовнице выстраивал избу на этой улице и отпускал на вольные хлеба. В посёлке было много людей «бугровской породы». Так называли рыжих, считая их потомками купца.

Вот и все прелести, если не считать ларьки, которые здесь называются «чепками». В них продаётся только водка. На закуску хлеб, ржавая селёдка, а то и сладкие пряники. Первый чепок стоит прямо у дырки в заборе из колючей проволоки и так по ходу к центру.

За 4 года службы на Сейме я так и не смог уяснить себе, что первично: чепок у дырки в заборе или дырка в заборе у чепка?

В центре посёлка магазины, построенные ещё Бугровым. В магазине та же ржавая селедка, хлеб и водка. В промтоварном какие-то тряпки. Там же, в центре, школа и клуб, в котором бывают танцы. Станция Сейма наиболее посещаемое нами место. В буфете бывает пиво, а иногда и сносная закуска.

Кто жил в то время, должен помнить, как советский народ широко и радостно отмечал 70-летие товарища Сталина. 21 декабря 1949 года – всенародный праздник. Наша теплая компания оккупировала станционный буфет. Сидим кто на чём, я на пивной бочке. Вдруг в буфет входит грозный комендант гарнизона капитан Хватов, с ним патруль. Видит срочных военнослужащих за выпивкой. Кто позволил?! А мы, уже поддатые, провозглашаем тост за здоровье товарища Сталина, и комендант вынужденно составляет нам компанию.

Помнится один факт, который ко мне и к моей судьбе никакого отношения не имеет, но сам по себе интересен и хорошо иллюстрирует жизнь того периода.

Лётчики, летавшие на реактивных самолётах, довольствовались по норме 9-Р. Это усиленное лётное питание. Рассказывали о вьетнамских лётчиках, которые учились летать на реактивных самолетах. Так они в полёте теряли сознание. Начали разбираться. Всему виной их традиционное питание: курочка, рыбка, рис и овощи. Пришлось бедным вьетнамцам включить в обязательный рацион мясо, сало, масло, сметану.

Читатель уже понял, что посёлок Володары снабжался продуктами крайне плохо. Местное население выживало за счёт подсобного хозяйства, а что делать семьям офицеров, живущих в

военных городках? Многие офицеры, в том числе и летчики, получали пропайку на руки. Еду им готовили дома жены или мамы, и все были сыты и довольны.

Только начали поступать сигналы, что лётчики теряют в весе, в полете появились признаки обморочного состояния. Последовала команда: лётчикам, за исключением командиров эскадрилий (они реже летают), пропайку на руки не выдавать. Каково было избыточно сытым лётчикам видеть свою семью в полуголодном состоянии? Ведь в Москву за колбасой не наездишься.

Во время нахождения «моей» машины в воздухе я должен сопровождать её взглядом. Она уходит в зону - я за ней. Где-то когда-то был случай падения машины. Узнали об этом некоторое время спустя. Пока добрались до места катастрофы, летчик умер от потери крови. Вот теперь, моторист будь добр – пялься на свой самолет и не выпускай его из поля зрения. Не дай бог, конечно, но увидишь падение, сразу докладывай по команде.

Подходит Лодатко: «Где машина?» Я тычу пальцем в небо, и он тоже её видит. Но бывают моменты, что я перестаю видеть «свой» самолёт. Старшина находит его сам. «Теперь видишь?» «Нет». Так выяснилось, что у меня не абсолютное зрение. Лодатко пришлось чаще проверять меня.

Зима. Уже не один день как мороз 42,5 градуса. Солнце высоко в дымке, как никогда маленькое. Ветер не ощущается, но нет-нет, одну щеку мороз прихватит. Подставляешь ему другую, а замёрзшую, пока не поздно, оттираешь.

Самое время испытать новые самолёты в условиях предельно низких температур. Тем более видимость хорошая.

Для моториста работа в этих трудных условиях усложняется еще тем, что ему вменено в обязанность помогать своему самолету занять место на стоянке, да так, чтобы не задеть другие машины.

Видишь самолёт сел, бежишь к нему в момент схода с рулётки. Встречаешь, хватаешься за конец левого крыла и бежишь, стараясь не дать самолёту уйти юзом в сторону от намеченного курса. Если в кабине сидит лётчик нашего полка, то хорошо. Наши пилоты нормально справляются с рулёткой, и ты спокойно, как бобик, бежишь вместе с самолётом. А вот «приезжие» - замучают: то тормозят, то газуют. И мотает тебя крылом то в одну сторону, то в другую. Иногда падаешь.

Летом 1950 года полку объявили ЛТУ. Одна эскадрилья остается на Сейме и защищает от условного вражеского налёта город Горький. Наша же эскадрилья перелетела на аэродром Разбойщина, что под Саратовом, а третья летит под Сталинград. На какой-то из этих трех городов будет совершен налет? Может и на все три.

Мы на аэродроме Разбойщина. Взлетно-посадочные полосы бетонированы, кругом лес. В отличие от нижегородских лесов, он не так насыщен комарами. Можно раздеться догола, и посчитай за счастье, если хоть один комар к тебе притронется. Только деревень вблизи нет. В свободное время податься некуда.

Эскадрилья сразу приступила к боевой работе. Четыре самолёта (звено) на взлётной полосе, лётчики в кабинах, аэродромные аккумуляторы рядом. По сигналу – мгновенный запуск и машины в воздухе. Недалеко от штаба стоит автомобиль – фургон. Над ним антенна. Наши глаза – локатор.

Прошло несколько дней – тишина. Все изнывают от безделья. В один из таких дней, в полдень, локаторщики собираются на обед. И, вдруг, одному из них вздумалось подвернуть антенну. Повернул и замер: обычно пустой экран заполнила воздушная армада! Сигнал в штаб. Боевая тревога! Взлетает звено, её место занимает другое. Взлетает. Третье звено, остановившись у взлётки, ждёт команду.

Позже эта армада пролетела над нами на приличной высоте. В её составе были и Ту-4. (Помните? Ту-4 – копия американской «Летающей крепости» Б-29).

Нужно сказать, что я в то время сдружился с Колей Федотовым. Он дешифровщик. У него фотолаборатория. Сразу после посадки с МиГов снимают кассеты фотокинопулемётов и несут на дешифровку.

Позже Федотов рассказывал, что наши МиГи много раз попадали в бомбардировщики, оставаясь при этом недосыгаемыми даже для Ту-4. Было радостно такое слышать.

Еще большую гордость испытал, когда через много лет прочитал такую информацию. Корейская война (1950-1953). Авиация США 12 апреля 1951 г. пытается разрушить важный мост через реку Ялуцзян, по которой шло снабжение КНДР. В результате МиГи без потерь (!) сбили 10 «летающих крепостей» Б-29 (если помните Ту-4 их прототип) и 2 истребителя «Сейбр» (аналог МиГ-15).

Уже 30 октября этого же года, так же у Ялуцзян было сбито 12 Б-29 и 4 истребителя «Сейбр». Наши потери – один МиГ-15. Почти сотня парашютов повисли в воздухе. Это американские пилоты спасали свои жизни.

А теперь о грустном. Ночь. Я сегодня дневальный. Эскадрилья на ночных полётах. Слышу у порога в казарму шаги. Посмотрел на время - еще нет двенадцати. Что-то рано стали возвращаться. Вижу, как в тамбур заходит группа наших офицеров во главе с командиром эскадрильи капитаном Прокопенко. Хотел доложить, но тот прервал меня на полуслове взмахом руки: « Не до тебя!» Чуть позже узнаю – разбился капитан Фатеев!

В этом полете капитан Фатеев был проверяемым. Проверял его полковник – штурман центра. Задание: ориентировка на местности. Самолет – Ла-5 (в данном случае - учебный) с мотором воздушного охлаждения.

Набрал Фатеев предельную высоту с выходом в зону и, начав снижение, по радиомаякам выходит на посадку. Вдруг мотор глохнет! Фатеев планирует к аэродрому. Кругом лес. Не дотянув до посадочной полосы, садится на что-то похожее на поляну. Самолёт делает пробежку, но на пути дерево! Правое крыло задевает его и машину резко бросает о землю! Капитан ударяется лбом о прицел и погибает. Штурман отделался ушибами.

Вопрос: почему заглох мотор? Механик, Витя Седнев, ходит, как в воду опущенный. Формуляры и другие документы изъяты для изучения. Не дай бог механику пропустить хоть какой регламент и, еще хуже, провести его и забыть сделать отметку.

Мотор отправили на проверку в САМ-10 (это почти завод), который находился на территории аэродрома. Заключение: мотор в полной исправности. Высшее командование не поверило этому и велело отправить его в НИИРАТ (институт ремонта авиационной техники). Результат тот же.

И только когда полковник очухался и начал вспоминать детали полёта, натолкнулись на дикую мысль, о чём и думать не могли: при снижении Фатеев забыл закрыть воздушные заслонки! Поясню. Вы уже знаете, что у Ла-5 мотор воздушного охлаждения. Перед самим мотором имеются щитки (заслонки), ими из кабины регулируется подача воздуха на цилиндры. При наборе высоты головки цилиндров излишне нагреваются. Чтобы охладиться – открывают заслонки. И наоборот, при снижении заслонки прикрывают, чтобы не дать мотору охладиться до критической температуры.

Не знаю, какую ответственность за гибель Фатеева понес полковник, но и он, на мой взгляд, был виноват в этом. Он не пилотировал, поэтому мог спокойно, глядя на приборы, контролировать ход полета. Ночь, куда еще смотреть, если не на приборы, которые перед носом? Смотрел в книгу, но видел фигу. Так, по-глупому погиб капитан Фатеев – гордость полка.

В 1950 году я почувствовал, что у меня хизнуло здоровье. Сижу как-то в казарме на скамейке и чувствую, что трудно дышать. Нащупал пульс, а он колотится как телячий хвост. Задумался. Как доказать начальству, что ты заболел? Порядки в армии какие: если нет температуры, то ты здоров.

Пошел в санчасть. Принимает молодой фельдшер. Температура нормальная. Что ещё надо? Начал ему объяснять. Чувствую, не понимает. Был бы я первогодок, то так бы и ушел с записью в

санитарной книжке – здоров, а так стал настаивать, чтобы меня послушал врач. Фельдшер вышел и вскоре вернулся, показав на дверь: иди.

Стою я перед двумя врачами. Они курируют летчиков, поэтому я для них – редкий экземпляр. Послушали меня и моё сердце. Тут я впервые узнал, что в моём организме есть вегетативная нервная система. Это она начала барахлить. Смерили давление: 130/70 и дали команду положить в лазарет.

Так после лазарета я попал еще и в госпиталь, что в г. Горьком. Подлечили, вернулся в часть, продолжаю служить. Через какое-то время всё пошло по кругу. Я опять в Горьком.

Лечащий врач – майор, женщина. Она меня помнит еще с первого раза. Через проход от меня койка молодого солдата. Прослужил каких-то три месяца и тут госпиталь. У него сахарный диабет. Рассказывает, как попал сюда.

Врачи, что осматривали его в военкомате, посчитали здоровым, и он попал в сержантскую школу. Парень вскоре почувствовал слабость. Старшина послал его в санчасть. Температура нормальная. Здоров. Наряд вне очереди за симуляцию. Это продолжалось до тех пор, пока парень не упал в обморок прямо в строю. Вот тогда спохватились, и он попал в госпиталь.

Утром физзарядка в кинозале. Кино крутят только по воскресеньям. Набивается полный зал. Втихаря курят, плюют на пол. В понедельник выходишь на физзарядку и дышишь этими миазмами, потому что помещение не проветривают – зима, не убирают, а только кресла разносят по стенам. В один из понедельников я не пошел на физзарядку.

Что за этим последовало, я расскажу позже, а пока сообщу, что выписался из госпиталя, имея на руках справку о нестроевой 1-й степени и освобождением от физических работ.

В 1951 г. вышел приказ министра обороны о переводе сержантского состава ВВС 1927 года рождения на сверхсрочную службу с выплатой денежного содержания, с предоставлением внеочередного отпуска, но без изменения казарменного положения. При этом рядовой состав демобилизовался. Итак, еще один год службы. Итого – 8 лет.

В соответствии со справкой меня освободили от работы у самолетов, но ввели в состав команды предназначенной для обучения прибывших в часть призывников.

Нас рота. Командир - лейтенант, остальные сержанты и ефрейторы. Мне доверили взвод. Позже узнаю, что солдаты прозвали меня: «Сержант - отставить!». Что делать, эту команду действительно приходилось часто применять. Совместно с подчиненными пришлось восстанавливать в памяти действующие в армии уставы. Они во многом забылись. Ведь при работе на самолетах руководствовались НИАСом (Наставление по инженерно авиационной службе).

20 апреля 1952 года. На дворе Пасха, но снег только начинает таять. Я отправляюсь в отпуск. В Москве наметил встретиться с другом Андреем Брагиным. Мы вместе служили в Москве. Он в штабе полка писарем, а я в ПАРМе. Не помню с чего началась наша дружба. Может с того, что он был очень наивен и мне приходилось брать его под защиту.

В метрах пятнадцати от ПАРМа стоял домик диспетчеров из двух комнат. У них был городской телефон, которым и мне приходилось пользоваться. И вот эти диспетчера обратили внимание, наверное раньше других, что у Андрея не всё в порядке с психикой. Брагин в качестве посыльного часто бывал в диспетчерской, иногда заходил к нам в мастерскую, где я уделял ему некоторое внимание.

По его же наивным рассказам я понимал, что диспетчера надсмехаются над ним, а он не догадывается. Пытался вразумить насмешников, но бесполезно.

Как-то заходит Андрей в мастерскую и радостно сообщает мне, что познакомился с исключительной девкой.

- Когда успел?

- Да вот сейчас по телефону.

- И чем же она тебя привлекла, да еще по телефону?

Андрей, как кот, облизнулся.

- Она такая откровенная. Обо всем расспрашивала меня, вплоть до того какой у меня длины. И о себе такое рассказывала...

- И до чего договорились?

- Договорились встретиться у нее в магазине.

Это насторожило меня: какое свидание в магазине может быть с «откровенной» девкой?

- И что дальше?

- Я должен подойти к прилавку, - продолжает Андрей, - и спросить: «У вас есть презервативы?».

- Постой, - остановил я его, - магазин это или аптека?

- Хлебный магазин, что на углу улицы Лесной и Горького.

- Так какие там могут быть презервативы?

- Этой ей так захотелось. Ну и пусть.

- Спросил, а дальше что?

- Она начнет для вида возмущаться, а я должен снова спросить о презервативах.

Стало ясно, ребята из диспетчерской зло подшутили над наивным человеком. Вспомнил, что там городской телефон спаренный, и спарка находится в другой комнате, и что один из тех придурков хорошо имитирует женский голос.

- Андрей, тебя обманули, ты не должен идти на это свидание.

Пытаюсь объяснить почему. Брагин не верит. Я предлагаю пройти в диспетчерскую и на месте все прояснить. Но он вдруг прозрел и пообещал забыть о той девке.

Он всё же поехал на свидание. Узнал по описанию свою вожделенную (продавщицы в униформе все на одно лицо) и, как договорились, обратился к ней. Продавец в крик: Нахал, дурак! Он снова. Тут возмутились и другие. Вызвали милицию, те патруль.

После этого случая, начальство присмотрелось к Андрею и врачи направили его на проверку в психбольницу имени Кащенко. По просьбе Брагина, сопровождать его поручили мне.

Доехали благополучно. Сдал документы, велели ждать. Сидим рядом, разговариваем. Вдруг к нам подходит старушка с безумными глазами. Тычет мне пальцем в живот и говорит: «Сыночек, спаси меня! Я не хочу здесь оставаться». Я онемел, а Брагин как рявкнет: «Пошла вон, старая!» Прибежали санитары и увели старушку с собой.

Андрея оставили в психушке. С той поры я его не видел. Он был еще в больнице, когда меня отправили на Сейму, но мы переписывались. В психбольнице его признали здоровым, но в Москве его так и не оставили. Отправили в авиа часть, что на Карельском перешейке. Если не ошибаюсь, то на станцию Африканда. На новом месте он чуть ли не сразу поругался с каким-то офицером и огрел того табуреткой.

Опять больница. На этот раз Брагин признан психически больным, после чего его демобилизовали.

Сейчас он временно живет в Москве, у сестры. Это у метро Электрозаводская. Я был там как-то по просьбе Андрея. Когда-то на этом месте стоял монастырь. Его снесли, а подвалы остались. Вот их и заселили люди. У сестры Андрея узкая проходная комнатка, за нею дверь, за дверью квадратная келья, в которой живет другая семья.

Стены, потолок – всё выложено из красного кирпича. Чтобы пройти в комнату сестры Андрея, нужно было миновать коридор с поворотами, общую кухню и две жилые комнаты, в которых по обе стороны прохода висят занавеси.

Да, было время, так жили даже в Москве. Пишу это для тех, кто только тем и занят, что ругает советскую власть, начисто забыв из каких трупов нас вытащили, не взяв при этом ни копейки.

Москва. Сдаю чемодан в камеру хранения, тут же у вокзала закупаю водку и продукты, и на метро еду на встречу с давним другом. Застаю Андрея спящим на диване. Сестры и ее мужа нет.

Толкаю его. Он открывает глаза и вижу, как они расширяются. Позже Андрей сказал, что, увидев меня, подумал, что действительно сошел с ума.

В разговоре узнаю как ему не удалось сойти за психа еще в Кащенко. Его днем беспрепятственно выпускали во двор. А там какая-то часть забора была решеточная. К решетке подходили девки и заводили тары-бары с гуляющими по двору. Одна из них приглянулась Андрею, и он договорился о встрече с ней после выписки. Выписка состоялась, а девки и след простыл.

В этом же отпуске познакомился со своим отчимом - Вадимом Фёдоровичем Крупским. Мама, прежде чем выйти за него замуж спросила у меня что-то вроде разрешения. Я предполагать не мог, что мамина личная жизнь может напрямую зависеть от меня. Даже в 25 лет для меня мамин авторитет был непоколебим, её слово - первично, остальное - ерунда. Поэтому по-солдатски грубовато ответил: «Мама, яйца кур не учат. Решила - выходи».

Позже узнал откуда ноги растут. У маминой сестры Ани муж погиб под Севастополем. Много позже, она познакомилась с каким-то мужиком, и они решили связать свою судьбу, но на дыбы стали её дети. Толе было где-то 15 лет, а Олегу вообще 12. Они и решили мамину судьбу. Так и прожила тетя Аня, «купаюсь» в любви своих сыновей. Вот моя мама и решила подстраховаться.

Вадим Федорович был крупным мужчиной, весьма добродушного характера. Как-то случилось, что ему, спасаясь от немцев, пришлось из Евпатории пешком добираться до Севастополя. Потом служил в НИИРАТ, обеспечивая ученых своими слесарно-токарными работами. Пребывая в горпромкомбинате механиком по ремонту швейных и других машин, пользовался большим авторитетом.

Мама в то время работала уже не наладчиком, а оверлочницей. Она отличалась от остальных работниц тем, что сама ремонтировала свою машину и в услугах механика Крупского не нуждалась. Вот тогда у них и возникла взаимная симпатия.

В последующем у Вадима Федоровича проявилась пламенная страсть – вино. Это неудивительно. Большие мастера частенько страдают этим недугом. Многие владельцы швейных машин знали Вадима как лучшего мастера. А за этим свободные деньги и магарычи. Маме довелось узнать, что такое пьяный муж.

Правда, пока мы жили все вместе, т.е. четверо в одной комнате, он сдерживался и ничего лишнего себе не позволял. Когда же мы с сестрой разлетелись по своим гнёздам тогда и началось. Но об этом по ходу событий.

Лето 1952 года. В часть приезжают «покупатели» из 21-го авиационного завода, выпускающего те же МиГи. Подходили и ко мне. Предлагали после демобилизации ехать в г. Горький и сразу влиться в славный коллектив. Завод обеспечивает хорошо оплачиваемой работой и местом в общежитии, при заводе имеется вечерняя школа и филиал ВТУЗа. Казалось бы, что еще надо неучу в возрасте 25-ти лет? Знакомая работа, учеба под боком, крыша над головой.

Сейчас, с высоты прожитых лет, я понимаю какую ошибку допустил, отказавшись от того предложения. Чем же я тогда мотивировал свой отказ? Хочу домой, в Евпаторию, до чёртиков надоела эта авиация, у меня нет способностей к техническим наукам. Стоит ли тратить годы, чтобы в последствие стать посредственным инженером?

Где-то в июле, чтобы освободить места в полку для новых специалистов, таких, как я, переводят в БАО (батальон аэродромного обслуживания). Я в роте в должности командира маскировочного отделения, которого на самом деле нет. При первой же попытке послать меня с кувалдой на ремонт взлетной полосы, я объявляю, что освобожден от физического труда. Периодически хожу в наряды. В основном дежурным по роте. Остальное время дня расходую по своему усмотрению.

В одни из политдней (день политической учебы) командир взвода проводит занятие. Он из числа тех, кого мы называли «Ванька взводный». Эта категория офицеров не училась в

нормальном училище, а проходила ускоренные курсы, после которых им присваивалось первое офицерское звание.

Младший лейтенант держит в руках «Блокнот агитатора», раскрывает его на нужной странице и читает статью на тему культуры. В ней, среди прочего, упоминается изобразительный музей имени Пушкина, в котором я неоднократно бывал. Ну и читал бы дальше, но остановился и начал плести отсебятину об этом музее. Я не выдержал. Сейчас не помню, что он говорил, и как я ему возражал, но итог всему запечатлелся.

Первое, как взводный отреагировал. Каждое воскресенье он стал посылать меня в наряд. В принципе потеря не ахти какая, но самолюбие задето. Устав внутренней службы оберегает право военнослужащего на отдых: в наряд по службе в воскресенье можно посылать не чаще, чем два раза подряд. Я же иду уже и третий, и четвертый раз подряд. Конечно, не переработался, но предупреждаю старшину роты, что в следующий раз, если назначат в наряд на воскресенье, я не пойду.

Назначили. В 18 часов развод. Я ложусь на своё койко-место, а оно на втором этаже нар, и жду, что будет дальше. А дальше: врывается в казарму комвзвода собственной персоной, вскакивает на полку у места моего лежания, сдергивает с меня простынь и: «А ну вставай!» Далее следует очередь непечатных слов, связанных как-то с моей мамой. Я привстал с постели и предложил начальнику отправиться по обычному солдатскому адресу. Он, поперхнувшись, соскочил с полки и побежал к выходу из казармы.

Я, понимая, что эта история мне даром не пройдет, начал собираться на гауптвахту. Я там уже бывал, поэтому порядки знаю. Знал, что там у меня будет много свободного времени (сержантов на принудработы не посылают), поэтому нужно что-то читать. В моей тумбочке оставлена кем-то какая-то потрепанная, без титульного листа книга. Я ее даже не открывал. На гауптвахте сойдет за первый сорт. Разорвал ее пополам, и половинки подсунил под штаны к голениям. Папиросы со спичками пристроил в трусы. Так экипировавшись, стал ждать. Пришли и повели на гауптвахту.

Досмотр прошел благополучно, и я в камере. Из сержантов только я. На следующий день, в одиночестве сижу на полу под дверью, чтобы в глазок не было видно, что я читаю. Так впервые познакомился с Фёдором Достоевским. Книга «Преступление и наказание». Как никогда, к месту.

На третий день, тут же на гауптвахте, заводят в какую-то комнату, где меня ждет старший лейтенант, командир роты. Я знаю его только в лицо, общаться не приходилось. Рассказываю ему о своём общении с командиром взвода. Почему не написал жалобу? Как-то не подумал. Так все же обложил офицера? Нет, я просто перешел на его лексикон. Чтобы без обиды: на каком языке старший разговаривает со мной, на том же и я с ним. К вечеру меня выпустили, и дочитывать Достоевского пришлось в казарме. Но эта история еще раз аукнулась мне.

Август 1952 года. Исполнилось 11 лет с тех пор, когда я хоть чему-то путному учился в общеобразовательной школе. Курсы электромонтеров, ШМАС, ДПШ (дивизионная партийная школа), которые я закончил в последующее время, не давали знаний, к каким стремился. Знания - не самоцель, а условие для дальнейшей интересной и благополучной жизни.

Если здесь же на Сейме я не начну учебу в вечерней школе, то потеряю два месяца, а за этим, скорее всего, и год, ибо в Евпатории опоздание к началу учебы, приведет к тому, что придется идти в шестой класс.

В то время учеба военнослужащих в гражданских учебных заведениях не поощрялась. На политзанятиях нам так объясняли эту дикость: в процессе опроса солдат может невзначай выдать военную тайну, а то попадет учитель, который преднамеренно будет выуживать у тебя военные секреты. Я это знал, но надеялся, что здравый смысл начальников возобладает, и они поймут, что у солдата, отдавшего 8 лет жизни Родине, не следует отбирать запросто еще один год уже полезной жизни.

Как положено, обращаюсь к командиру взвода с просьбой разрешить посещать вечернюю школу. Разъясняю ситуацию. Тот направляет к командиру роты. Я понимаю, что такая просьба необычна в армии, поэтому, без обиды, иду к комроты. Тот сам вопрос решить не может и направляет меня к командиру батальона.

Для меня это недостижимая величина, но коль надо, так надо. Сидит за столом надутый сын в погонах подполковника. Докладываю суть просьбы. Комбат проявляет осведомленность. Он напоминает мне, что дисциплина у меня хромает. Я пытаюсь вложить ему в уши свои аргументы. Он меня не слышит:

- Тебя призвали в армию не учиться, а служить Родине. Так вот иди и служи.

Из последних пытаюсь что-то доказать... Кругом, марш!

Что делать? Послушать или ослушаться? А тут еще одно препятствие: для зачисления военнослужащего в список учеников, школе необходимо письменное разрешение из части. У меня его нет и не будет. Иду в школу к директору.

Директор сам недавно из армии, поэтому всё понимает без слов, но терпеливо слушает мой взволнованный рассказ.

- Да, невзлюбило тебя твоё начальство, - сказал он задумчиво. – Допустим, я тебя приму, а как в роте? Ведь они сразу же тебя засекут.

- Там видно будет.

Итак, я ученик 7-го класса вечерней школы рабочей молодежи поселка Володары. Кроме меня в классе еще один военный – старший сержант. Я его не знаю. Он служит в штабе БАО. Имя Вася, фамилию не помню.

Первый урок математики. Повторяем темы 6-го класса. Хорошо, меня и Васю учительница не спрашивала. Позже я узнал, что он такой же тупак, как и я. Да и гражданские не блистали знаниями. Задание на дом: определить угол по двум сторонам и углу.

Прихожу в роту. Все уже спят. Дежурный по роте молчит, и я молчу. На следующий день всё, как обычно. Нахожу время для решения задачи. Учебник Киселёва перед глазами, но я не умею им пользоваться! Увязать решение задачи с текстом в учебнике никак не могу. Что делать? Нашел самый простой способ: нарисовал в масштабе треугольник, по транспортиру выставил углы и получил искомый угол. Посмотрел ответ – сходится!

Урок математики. Кто решил задачу? Молчок. Я тяну руку. Выхожу к доске и рассказываю, как я это сделал. Класс взорвался смехом, улыбается и учительница. Мне, ничего не понимающему, - не до смеха. Сел на место и слушаю, как в действительности нужно было решать эту задачу. Сам метод решения как-то осветил тёмные, для меня, места учебника. Стал что-то понимать. Процесс учёбы начался.

Первые числа октября. Вышел приказ по части о демобилизации сержантского состава 1927 года рождения. Можно собирать манатки. В школе получил на руки табель успеваемости. Отметки 4-5. С ними я и поехал в Евпаторию.

7. ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ГРАЖДАНКЕ

Во дворе никого из довоенных пацанов нет. Витя Володин и тот умер. В первый же вечер вышел во двор, присел на крылечко у квартиры Дворковичей и смотрю в пустоту двора. Таким неуютным он никогда не был. Только тут я понял, какой тяжкий пласт жизни мне удалось перевернуть и живым вернуться на родину.

На другой вечер пошел в школу. Вечерняя школа рабочей молодежи размещалась там же, где я учился перед войной. Директор школы Медведовская, крупная женщина и очень энергичная. Предъявил ей табель и был сразу зачислен в 7-й класс.

Позже узнал, что в этой школе был строгий отбор учеников. Комиссия задает пару вопросов и определяет твою готовность поступить в тот класс, куда ты стремишься. Не ответил – опускайся классом ниже. Не прояви я тогда настойчивости, определенно учился бы в шестом классе.

Мама и Вадим Федорович дали мне возможность первые два месяца не работать. За это время я вошел в школьный ритм, разобрался в учебниках, стал понимать, что хотят от меня учителя.

За это время зондировал почву насчет работы. В Евпатории всего два завода, где я хотел бы работать. Это ремзавод и САМ-20 (стационарные авиационные мастерские). Ремзавод - наиболее почитаемое учреждение в городе. Считай, как Путиловский завод в Ленинграде. А САМ-20 – это воинская часть, основной контингент - военные. И там и там рабочие не требуются. Как было не вспомнить Горький и 21-й завод - хоть обратно уезжай.

Пошел устраиваться в СУ-3 треста Крымстрой. Его контора находилась на углу улицы Пушкина и Гоголя. Сейчас на этом месте небольшой сквер и часовня.

4 декабря 1952 г. Без суеты мне выписали трудовую книжку и приняли на работу слесарем-электриком. Мое место работы - строительство школы, которой потом присвоят №1. Прораб по фамилии Морозов рассказал мне о моих обязанностях: приходиться к 8 утра, включать электропитание, дальше по обстановке. Удивился краткости инструктажа, но не стал задавать глупых вопросов, но само включение электричества вызвало вопросы.

Чтобы провести эту операцию, нужно было одеть на ноги когти и влезть на столб. После этого набросить изогнутый крючком свободный конец провода на токопроводящий провод. Вот и весь процесс. Вопрос: почему бы не поставить рубильник? Ответ: тогда каждый сможет включить питание, что допускать не следует. Вопрос: почему не закрыть рубильник в ящик с замком? Ответ-вопрос: тебе трудно залезть на столб? Конечно, нет. Вот и лезь.

Прихожу первый день на работу, включаю электропитание. Вокруг никого нет – на стройке я один. С моим приходом сторож и тот ушел. Обхожу территорию. На площадке только один механизм – бетономешалка. Два этажа школы возведены, на земле лежат балки межэтажного перекрытия.

К 9 часам утра приходит прораб. Обошел дозором свои владения, открывает ключом дверь прорабской. К 11 часам приходят рабочие. В основном женщины. И тут начинается гвалт.

Так происходит закрытие нарядов за месяц, в данном случае за ноябрь. Рабочие требуют денег, Морозов поясняет, что в ноябре рабочие чаще показывали друг другу дули, поэтому и оплата соответствующая. Рабочие не согласны: плати за простой, мы каждый день выходили на работу. Морозов объясняет: вот завезут балки, тогда появится фронт работы, а пока – терпите.

Пытаюсь разобраться: какие еще балки нужны, чтобы на стройке появилась работа? Ведь они уже на месте. Выяснил: предшественник Морозова допустил ошибку при закладке фундамента, сделал его шире, чем было предусмотрено чертежом. Ошибка была обнаружена только тогда, когда завезли балки перекрытия (я их и видел). Сейчас начальство заказало новые балки и ищет с кого бы содрать шкуру за непредвиденные расходы.

Прежний прораб исчез, адрес не оставил.

Глядя на этот бедлам, я впервые подумал об армии как о хорошо отлаженном механизме. Удивляет Морозов: не напрягаясь, спокойно общается с рассвирепевшими женщинами.

Последующие дни мало чем отличаются друг от друга. По-прежнему в 8 включается электропитание, в 9 приходит прораб, в 11 рабочие. После 13 часов, не получив работу, все расходятся.

Как-то подошел ко мне отставной морской волк (определил по мичманке и тельняшке) и спрашивает:

- Слушай, парень, ты работаешь здесь потому, что тебе нужна квартира?

В ту пору я о квартире не думал. Ведь у меня есть крыша над головой.

- Работаю и всё, - ответил я.

- Значит, тебе всё равно где работать?

- Считаю, что так.

От морячка узнаю, что, работая в СУ-3, можно получить квартиру. А у него семья из пяти человек, живёт в сарае. Там, где он работает, квартира не светит. Не поменяться ли нам с ним работами? Я соглашаюсь, надеясь избавиться от бардака, в который случайно попал.

Участок спецработ №434. Я электромонтер 4 разряда. Мой начальник и бригадир Володя Иголкин. Ему за сорок, в своей работе собаку съел. Есть у кого учиться. Моя работа с ним началась с установки столбов в подготовленные заранее ямы. Потом мы же подвешиваем на них провода. В конце концов пришли к жилому массиву, что строился возле аэродрома. Позже это место назовут Авиагородок №5.

Разница в заработках что в СУ-3, что здесь была небольшая. Отличалась та работа от этой тем, что там я имел возможность весь рабочий день делать уроки, а здесь только в обед читаю учебники.

Тем временем заканчиваю седьмой класс. Что дальше? Многие мои соученики поступают в техникумы. Я остаюсь. В моих планах закончить десять классов и поступить в институт. В какой? Время покажет, но не в технический.

По протекции Вадима Федоровича я перехожу работать в литейный цех артели «Стахановец» просевщиком песка. Заработок приличный – 1200 рублей. В перспективе намечается выпуск алюминиевой посуды, тогда я смогу перейти работать слесарем.

Итак, с августа 1953 года я просевщик песка. Рабочий процесс донельзя прост. Забрасываешь лопатой на механическое сито литейную земляную смесь (в обиходе – песок). Из-под сита носишь её к верстаку шишелника. Из земли формуют шишки, которые поступают в распоряжение литейщика. Те льют казаны и горшки. Вот шишка и заполняет внутреннюю полость изделия.

Лето. Жарко вообще, а на литейном участке - пекло. А мне, который в непрерывном движении, вообще полымя. За 8 часов работы я выпиваю литров 8-10 воды и ни разу не отливаю. Это не преувеличение. Так оно и было.

Технорук артели Яков Федорович Скляренко твердо обещает, что не пройдет и года, как выпуск посуды наладится, и я буду переведен слесарем. Спрашиваю у нового знакомого, у Мары Культе: можно верить сказанному? Он заверяет: Скляренко - мужик правильный.

Начался новый учебный год. Я ученик восьмого класса. Приобретенный опыт научил правильно распределять учебное время. Учить всё подряд и каждый день, как это делается в дневной школе, никакого времени не хватит. Учишь только тот предмет, по которому не сегодня - завтра могут спросить.

Запомнился такой эпизод. Уже второй год я учусь математике у учителя Владимира Ивановича (фамилию помню, но не буду называть). Он больше анекдотчик, чем математик. У него знают математику только одарённые, а такие тупаки, как я, которым всё нужно раскладывать по полочкам, плавают в ней, как дельфины.

Чувствую, по геометрии меня могут спросить. В ущерб другим предметам, учу её уже не первый день. И всё даром – не спрашивают! Заглядываю в журнал и чуть не падаю: в какой-то из тех дней, что я зубрил геометрию, у меня уже стояла отметка 5! В другой бы раз промолчал, а тут удивленно спросил:

- Владимир Иванович, когда это вы меня спрашивали?

- Тебе лучше знать.

Приближается Новый 1954 год. По разрешению мамы и радостному согласию Вадима Федоровича, я приглашаю нескольких человек на вечеринку к себе домой. Среди них была бухгалтер из артели Полина Сафонова.

Повеселились до утра. Разошлись, а Полина осталась, чтобы помыть посуду и помочь маме убрать в комнате. Работа у них спорилась. Когда Полина ушла, мама сказала:

- Вот бы мне такую невестку!

Вы, наверное, уже догадались, что я последовал её желанию.

В апреле 1954 года без чувств распеваемых поэтами, я расписался с Полиной. Тут, видимо, имело значение не только мамино слово, но и годы: 27 лет. Природа своё берёт. Так в нашей безразмерной комнате появился пятый человек.

Летом этого же года состоялся первый выпуск так ожидаемой алюминиевой посуды. Чайники разных ёмкостей, умывальники, утятницы. Я не преувеличивал, когда сказал «ожидаемой». Здесь не обо мне речь, население очень нуждалось в них.

Помню, в вечерней смене опиливаю чайники, а в окно стучат и спрашивают:

- Скоро чайники в продажу поступят?

А когда загрузили посудой первую телегу, чтобы везти их в магазин, то очередь сопровождала ее до самого базара. Такой товарный голод был в то время в стране.

Ещё летом подходит ко мне кадровик Василий Иванович Иванов и спрашивает: не хотел бы я поступить учиться в заочный техникум? Вот те раз! Я закончил восьмой класс, чтобы поступать в техникум? Я это мог сделать ещё год назад.

- Подумай, - сказал Иванов.

Подумал. Жена забеременела, квартиры нет. Мама уже намекает о переходе на съёмную квартиру. Я и сам вижу, как стесняю своим присутствием моих уважаемых родственников. Поговорил с Полиной, и решили, что пришло время побродить по квартирам. Не мы первые, не мы последние. Что касается техникума, то это не худший вариант.

Гуманитарный институт был хорош тем, что при поступлении не нужно будет сдавать математику, по которой я продолжаю хромать на обе ноги. В техникуме, кроме математики, нужно будет изучать другие точные дисциплины. Потяну ли? Ещё подумал - и решил все же поступить в техникум. Но, чтобы напрямую учить математику, а не заочно решил школу не бросать.

Поступал в техникум и Ваня Федосов. Он только закончил семь классов, его тоже учил Владимир Иванович. Когда-то Ваня работал в «Стахановце» токарем, а сейчас на ремзаводе мастером механического цеха. Ему сама должность велит учиться.

Техникум назывался: Всесоюзный заочный технологический техникум промкооперации. Нам разрешили сдавать вступительные экзамены в Евпатории. С трудом осилили задачи по алгебре, получили по тройке и были довольны.

При отправке документов в техникум, я обращался в школу, и там знали, зачем они мне понадобились. В сентябре прихожу в школу, чтобы учиться в девятом классе, а мне от ворот поворот. Я к Медведовской. В чём дело? Вы поступили в техникум? Поступил. Вот и учитесь. Но я хотел бы... И то и другое вы не потянете, а мне не нужен лишний отсев. Ушел – планы рушатся.

Ура! В школе №1, которую я видел в недостроенном виде, и которую Морозов всё же достроил, открывается 2-я вечерняя школа рабочей молодежи! Табель за восьмой класс у меня на руках. Я ученик девятого класса.

И еще раз ура! У нас в классе замечательная учительница по математике – Александра Ивановна. С удовольствием назвал бы фамилию, но забыл.

Александра Ивановна с первых же дней заставила нас работать. В начале урока блиц опрос. Один не ответил - тут же поднимают второго, надо - и третьего. Получается так, что готовить математику нужно каждый день. На неделе 2-3 контрольные работы. Учительница раздает каждому листики с задачами. У тебя 20 минут, решай. В школе всё хорошо, но в семье сложности. Первая съёмная квартира в доме, что напротив Бо-Риважа. Хозяин какой-то тёртый тип. Он недавно получил эту квартиру от горкома партии, поэтому, когда задумал сдать ее в наем, горком вмешался. При мне какая-то дама говорила ему:

- Смотри, Никита, чтоб потом не пожалеть.

Мы заплатили Никите вперед за полгода и живём. Через две недели приходит женщина, сказавшаяся женой хозяина, и просит выбраться. Она возвращает нам деньги, и мы перебираемся на другую квартиру. Через короткое время хозяин уже новой квартиры говорит: если будет маленький ребёнок, то попрошу съехать. Что тут «если», он будет – Полина на сносях. Мог бы сразу сказать.

Ищем другую квартиру. Находим на Тихом переулке №12. Хозяин с племянником живут в правой комнате, а левая, через сени – пустая. И та и другая комнаты друг друга стоят – халупы. Деваться некуда, перебираемся. Пришли вечером, включаем свет, а весь потолок усеян мокрицами. Давай их сгребать - и в печь.

Завёз уголь, дрова, но вижу - половинят: хозяин пользуется ими, как своими. Я не обещал его отапливать. Сделал на работе металлический ящик объемом на две тонны угля и загреб всё в него. Пробовали замок открыть не получилось. На том, сидя в холоде, успокоились.

Получив от меня плату за квартиру, хозяин тут же устраивал пьянку. Было жалко тех денег, которые достаются большим трудом, а их спускают за не понюх табаку.

Дочь, Оля, родилась 24 декабря 1954 года. В этот вечер я не пошел в школу и только вернулся от мамы, как пришла староста класса. Она сказала, что меня вызывает Александра Ивановна. Если не приду, то в четверти у меня по тригонометрии будет двойка.

Пошел. Оказалось, что в последней контрольной я допустил грубую ошибку, и если её не исправить, то двойка мне обеспечена. Я тут же решил подобную задачу, но уже правильно. Отнесись Александра Ивановна к этому случаю формально, быть бы мне с двойкой в четверти. Вот какая была учительница! Кланяюсь ей.

8. САМОВОЛЬНЫЙ ЗАСТРОЙЩИК

Мы, всей семьёй в гостях у мамы. Тут приходит Володя Доценко. Его мама живет в этом же дворе, и он, зашедши к ней, узнаёт, где я. Так и встретились.

Доценко, так же как я – 1927 г. рождения, служил в артиллерии. Демобилизовался на год раньше меня. Жил с мамой в нашем дворе, работал на ремзаводе фрезеровщиком.

Володя рассказал, что на пустыре напротив ремзавода он самовольно построил домик. В нём теперь и живёт. Возле его участка остался свободный кусок пустыря. На нём можно было бы поставить еще один дом. Не возьмусь ли я за это дело?

В те годы в старой части города было много пустырей – места домов, разрушенных во время войны или после отселения татар. Городские власти, как могли, препятствовали их застройке, ничем не мотивируя своё решение. Не положено, и всё тут!

Я знал также, что не всем удавалось заселиться в свою новостройку. Приезжала милиция, с нею бульдозер, и коробку сносили. Это так, - подтвердил Доценко, но, если строить быстро и успеть повесить на окна занавески, то, гарантия - не снесут.

Вижу, все слушавшие змея-искусителя в виде Доценко, прониклись интересом. Но такое решение с лёту не принимается. Есть над чем подумать. Завтра придем на место и посмотрим.

Посмотрели. Угол улицы Промышленной и Малого переулка. Пустырь и часть улицы, что примыкает к пустырю, - сплошная лужа. Только ближе к дому Доценко небольшой бугор. Он сух. Если строить, то на нём. В принципе, дом из двух комнат поместится. Можно бы строиться, но как всё это осилить?

Зондирую возможность приобрести стройматериалы. Камень для фундамента закупают на известковом заводе. Это, так называемые «известковые отходы». Строительного камня в виде «ракушки» в свободной продаже нет. Свободно продают отходы ракушечника – бут. Это блоки с отколотыми углами или вообще половинки. Глина – проблемы нет.

Но как быть с оконными блоками? Ведь занавески нужно будет на них вешать. Их на лесоторговом складе нет. Там в свободной продаже только берёзовые веники. Крыша. Шифер и балки на стропила бывают, но редко. С досками на полы ещё сложнее. Получается, что даже с деньгами строиться будет проблематично. Не говоря уже о том, что больших денег нет, как и богатых родственников.

Чтобы я не тратился на съём жилья, мама с Вадимом Федоровичем согласны принять нас с ребенком под свою крышу. Сестра Ольга не возражает. Теперь нас в одной комнате будет шестеро. Что важно, с младенцем, у которого зубки режутся и желудок не всегда правильно работает.

Жена идет в жилищный отдел горисполкома (она состоит на квартирном учете). Ей отвечают, что на ближайшие годы перспективы в получении жилья нет. Я прошу начальника цеха Савелия Андреевича Юрьева, депутата горсовета, посодействовать о выделении мне земельного участка для строительства дома. Ему ответили: у города земли нет.

Приближается 1955 Новый год. Знающие люди говорят, что предновогодние дни - самое удобное время для начала самовольного строительства. Домоуправам в этот период не до прогулок по подведомственной территории. Отсюда, прежде чем поймают на месте «преступления», свободно поколупаешься на стройке 2-3 дня.

30 декабря 1954 года размечаю на бугорке контуры здания и начинаю копать канаву под фундамент. Не прокопал и метра, как передо мной встаёт женщина с решительным взглядом.

- Вы что тут делаете?

- Веду раскопки.

- Немедленно прекратить!

- А кто вы, собственно, будете?

- Я – домоуправ! Немедленно прекратить все работы!

- Хорошо, хорошо, - отвечаю и вылезаю из канавы.

Домоуправ ушла, я продолжаю работу. Больше я её не видел ни в этот день, ни в какой другой.

Начало строительства совпало с зимними каникулами в школе, в артели работаю во вторую смену. Так что день был свободен для добычи материалов, на поиски вменяемых строителей. Худо-бедно, но к 20 января этого же года коробка дома уже стояла. Над нею решетка стропил. В окнах висят белые с цветочками занавески!

Вадим Федорович помог достать шифер. И вот, в один из погожих дней, мы начали крыть крышу. Вадим Фёдорович внизу, я на высоте. Он подает, я укладываю. Так бы и работали, но мешает грохот бульдозера. Вижу в кабине солдата и армейского офицера. За ними едет грузовая машина, в кузове милиционеры.

Грузовая машина гудит бульдозеру: остановись! Тот ноль внимания. Милиция осталась без «орудия возмездия». В то время я еще не знал, что милиция не имеет права сама что-либо ломать. Её роль в процессе сноса самовольного строительства – обеспечение безопасности людей, привлеченных к сносу и усмирение разбушевавшихся, если таковые будут. Прошу Вадима Федоровича сбегать в артель за ребятами. Отчим ушел, а я остаюсь на крыше.

Милиционеры продолжают сидеть в кузове, а из кабины выходит милицейский офицер. Узнаю в нем Косякова, самого свирепого милиционера города. Он спрашивает:

- Разрешение на строительство есть?

- Есть, - говорю, - но только дома у родителей.

- Приеду в следующий раз и, если не будет бумаг, поломаю все к чёртовой матери!

Сказал и уехал. Я поблагодарил прибежавших на спасение дома ребят, и мы с Вадимом Федоровичем продолжили укладку шифера.

Вскоре меня и Володю Доценко вызывают на горисполком. Оба, как договорились, одеваем шинели. Ни он, ни я еще не успели пошить пальто.

В приемной горисполкома полно народу. Все самовольщики. Вызывают по списку. Вызванные долго не задерживаются, решения однотипные: немедленно снести, штраф 500 рублей. Вот и я подоспел. На меня смотрят солидные люди, знакомых, даже визуально нет, – враждебная среда.

Докладывают мои данные и указывается место, где совершено нарушение закона. Первый вопрос задает женщина:

- Кто вам разрешил нарушить закон? Как это вы осмелились начать самовольное строительство?

Во мне всё вскипело, и я начал объяснять, что меня заставило нарушить закон.

- К вашему сведению, - говорю, - я завёл собаку. И знаете, что я сразу же для Зета сделал? Построил будку! У меня семья, которой негде жить. Я не прошу у государства ни копейки, дайте мне только клочок земли, и я построю уже для семьи будку, где и буду жить.

- Не разводите демагогию! – чуть не выкрикнула моя визави.

Ее остановил сидящий в середине стола мужчина:

- Прекратите, Раиса Ивановна, - сказал он, - а вы, Стома, идите.

Я, в ожидании «приговора», замешкался.

- Идите, идите, - повторил мужчина.

Доценко так же легко отделался. Возможно, наши шинели помогли, не знаю, но после этого нас никто уже не донимал.

Стройка заглохла – нет денег. У кого можно было занять, заняли. Некоторые уже требуют возврата. Единственный источник возможного дохода – деревня, где живут Полинины мама и сёстры. Вывозим оттуда машину картошки, продаем. Денег хватает на то, чтобы рассчитаться с долгами, и ещё чуть-чуть осталось.

На работе вкалываю «как раб на галерах» (спасибо Путину за этот образ), а тут подходит ко мне Володя Чепурок (токарь, и он же, еще какой-то там общественный деятель) и говорит:

- Что-то ты, Сашка, как бирюк, нигде в общественной жизни не участвуешь.
- Некогда, некогда, Володя, - отвечаю я, продолжая опиливать чайник.
- Это ты брось. Вот в это воскресенье мужики собираются на охоту за зайцами. Вольёшься в компанию?
- Я же сказал – занят.
- Ружьё дадим, патроны. Когда еще такая лафа выпадет?
- Я, остановившись и постукивая напильником в такт словам, говорю:
- Знай, друг, в домино я только в армии играл!
- При чем тут домино? Тебя на охоту приглашают.
- Не вижу разницы. И то, и другое – пустая трата времени.

Охота на зайцев в степях близ Евпатории в действительности была непродуктивной. Изредка на всю компанию охотников добывали одного зайца, а остальные приносили домой «обезьянок». Зато в понедельник только и разговоров об убитых зайцах, которые каким-то таинственным образом убегали от горе-охотников.

9. АРТЕЛЬНЫЕ ДЕЛА

Учёба идет нормально. Задолженностей нет. Узнаю, что сроки сдачи экзаменов в школе и в техникуме совпадают. Что делать? Договариваться. Иду к директору школы, объясняю обстановку. Она обещает помочь. Приходит ко мне на работу Ваня Федосов и говорит, что учиться в техникуме не будет. В чём дело? Не тянет математику. Я предлагаю помощь, он отказывается. Жаль, но насильно мил не будешь.

В школе на педсовете решили: «Разрешить А. Стоме, ученику 9 кл. сдать экзамены по математике, остальное зачесть по годовым результатам». Сдал экзамен в школе, поехал в Харьков в техникум. С поезда, с чемоданом прямо в техникум. Опоздал на целую неделю. Но хорошо, что сами экзамены еще не начались, идут только консультации.

Попадаю на консультацию по математике. Преподаватель отметил в журнале моё прибытие и сочувственно спросил:

- Что же вы так запоздали? Ну ладно, садитесь.

Чуть погодя он вызвал меня к доске. Даёт пример. Я его сразу решил. Он удивленно посмотрел на меня и дает задачу. Решаю и ее. Класс взбунтовался: нам не понятно! А я решал всё это сжато, как учила Александра Ивановна. Учитель велел, и я вывел на доске развёрнутое решение. Так убедился, что не зря в школе корячился.

На перерыве подходит ко мне мужик лет за сорок, из числа учащихся, и спрашивает нужен ли мне постой. Нужен. Ко мне пойдешь? Знакомимся. Он Жора Кирюшин, наладчик прессов в какой-то харьковской артели.

В процессе общения узнал, что он летал штурманом на Пе-2. В войну был сбит, застрелиться не успел, был пленен. По возвращении из плена, а это 1945 год, был лишен всех орденов, а семья привилегий.

Квартира из одной комнаты, но больше чем у мамы. Есть подсобные помещения. Кроме этого четверо детей. Мне предложили койку одного из мальчиков, но я отказался и настоял на том, что буду спать на полу.

Эта семья жила очень бедно: старшие дети учились в школе, Ольга Матвеевна, хозяйка, только родила четвёртого ребенка, поэтому не работала. Так что моя копеечная плата за постой, была для них не лишней. Но дело не только в деньгах. Кирюшин, как и я когда-то, давно забыл то, чему учили в школе до войны. Поступить в техникум помогли, а тут и я подвернулся, в его понимании - знаток математики. На этот раз я ему действительно помог. Почему «на этот раз»? Потому, что дальше не я ему, а он мне помогал.

Вернулся из Харькова. В артели пертурбация: председателя уволили, технорука Скляренко посадили. Ему шьют аж 30 эпизодов уголовного характера. Новый председатель – назначенец горкома партии, пехотный капитан в отставке. По словам ребят, в производстве настоящий тупица. Технорук из Симферополя. Толковый инженер, но работать в Евпатории не хочет, поэтому удила не рвет, большую часть рабочего времени просиживает в кабинете, где читает газеты.

Я принял участие в выяснениях отношений с новым председателем, но скоро, как мне кажется, в его никчемности убедились даже в горкоме партии и на его место прислали другого по фамилии Леденёв. Тот оказался крепким хозяйственником, но и хорошим диктатором.

Открылось его стремление избавиться от тех ребят, которые активно содействовали смещению капитана с должности председателя. Формально увольняли за дело: кто-то прогулял, кто-то пьяным пришел на смену. Такое и раньше случалось, но понимая, что не ангелы работают в артели, воспитывали их, но не увольняли.

Ко мне придраться не могли: я пьяным на работе не появлялся, не опаздывал, с начальником цеха Юрьевым у меня отличные отношения.

Лето 1955 год. Из артели постоянно посылают в колхоз на принудработы. Я прошу Юрьева послать меня, чтобы осенью не нужно было ехать. Ведь мне предстоит учиться в десятом классе. Юрьев отвечает:

- Работай спокойно.

Но 30 августа с виноватым видом объявляет, что завтра мне ехать на две недели в колхоз.

- Так я ж говорил вам!

- Я не забыл, но технорук ни в какую, - оправдывается Юрьев.

Леденёва в тот день в артели не было. Пошел к техноруку.

Он в кабинете, мирно беседует с каким-то мужиком цыганского вида. Я, прервав их разговор, объясняю, почему не могу ехать в колхоз. Технорук напоминает, что некоторые по два раза за лето были в колхозе, а я ни разу.

- Так я просился у Юрьева послать меня, а он не посылал.

- Ну не знаю, люди показывают на тебя пальцем и спрашивают: «Почему у Стомы привилегии?»

- Так сколько можно говорить, что я от колхоза никогда не отказывался! Почему не посылали летом? Поджидали с Леденёвым начала учебного года, чтобы побольнее укусить? Что хотите делайте, не поеду!!

Технорук не успел ответить: в разговор вмешался «цыган»:

- Ты как с начальником разговариваешь? – спросил он строго. – А ну-ка извинись сейчас же!

Я отмахнулся от него, как от назойливой мухи:

- Тебя не трахают, так ты не подмахивай!

«Цыган» заскрежетал зубами и, не прощаясь с хозяином кабинета, выскочил за дверь, а я, заявив еще раз, что в колхоз не поеду, вышел следом.

Сразу за углом меня останавливает тот мужик. Рядом с ним мальчишка лет пятнадцати.

Цыган подходит и, хватая горстью за рубаху, бьет кулаком в лицо. Я тут же наношу два удара по челюсти. Вижу, он «поплыл» (руки опустил, стоит столбом). Добить его помешал пацан. Он повис у меня на спине. Мне ничего не оставалось, как «прислониться» к стене. Мальчишка крикнул, а цыган бросился ко мне, но получив удар ногой в живот, согнулся.

Я обошел его и пошел в артель. Там сказал Юрьеву, что в колхоз не еду.

- Это технорук сказал?

- Это я сказал, - грубо ответил я, еще не отойдя от случившегося.

Во дворе артели встретился мой напарник, Мара Культе. Увидев поврежденную губу, спросил:

- Так это ты дрался с Адымом?

- А ты откуда знаешь?

- Приходил, спрашивал Сомова. Ругался последними словами. Ты с ним лучше не связывайся. Он когда-то работал у нас в литейке, так его даже мастер боялся.

Позже мы не раз встречались на улице. Проходили, не замечая друг друга.

Но вот Полина мне говорит (она так и работает в бухгалтерии): к Леденёву что-то зачистил Мишка Жаров. Он слесарь, больших способностей не проявляет, но последнее время его с «массовки» поставили на изготовление оснастки. Эта работа нормируется по большему разряду, да и план не нужно выполнять. Работай тихой сапой.

Итак, я во второй смене. Перерыв. Сидим, отдыхаем. В цех заходит Жаров, слегка выпивший. Встревает в разговор и начинает поносить Леденёва. Я, помня предупреждение жены, в обсуждение не вступаю. Жаров обращается непосредственно ко мне:

- Ну а ты, Сашка, что молчишь? Или я не прав?

- Не моего ума дело, - отвечаю ему.

- Так ты дурак? – деланно удивляется Мишка, - или ты прихвостень леденёвский?

Я пожимаю плечами. Жаров наклоняется ко мне сидящему и даёт пощечину. Ударил и стоит. Ребята вскочили, начали возмущаться, я их успокаиваю. В цех зашел сторож, осмотрелся. Явно что-то хотел увидеть, но не получилось. Жаров ушел вслед за ним.

Так Леденёву не удалось уволить меня за драку на производстве, но за меня позже с Жаровым рассчитался кузнец Володя Осинский. Он одним ударом распластал его во дворе артели: «Это тебе за Стому».

Чтобы закончить с артельными делами и больше к ним не возвращаться, я нарушу хронологическую последовательность и кратко расскажу что и как было.

Яков Федорович Скляренко продолжал доказывать свою невинность. В артель приходил следователь, опрашивал рабочих, но о бывшем техноруке никто ничего плохого сказать не мог.

Из тридцати пунктов обвинения остался один: продажа списанного, но отремонтированного кокиля за 120 рублей наличными. Его продали керчанам и тут же с ними пропили эти деньги в ресторане.

И на этот эпизод, при желании, можно было бы закрыть глаза, но им нужен был Скляренко. Но коль взяли кокиль в разработку, то можно было бы привлечь к ответственности еще нескольких человек, но следствию нужен был один Скляренко. Он и поплатился за свой бунтарский нрав. Ему присудили 1,5 года.

С таким сроком оставляли отсиживаться в Крыму, но Якова Федоровича отправили в Воркуту!

Когда он вернулся домой, я вместе с ребятами был у него. Скляренко и в Воркуте нашел себя. Его назначили заведующим инструментальной кладовой. Когда уезжал, его одарили различным инструментом. Он тут же раздавал его нам. Мне достался штангель, который до сих пор у меня в редком, но в пользовании.

С Леденёвым всё было иначе. До сих пор он был назначенцем, тогда как в артели председателей избирают. Только после выборов он, как говорят сейчас, становился легитимным. Вот и назначили выборы. Для их проведения выбрали резиденцию артели им. Горького. Там был зал и другие удобные помещения.

Первое, что нас, рабочих, насторожило – Леденёв организовал хороший буфет (почти такой, как на всесоюзных выборах). В нём и водка, и пиво. Лимоны, апельсины, бутерброды с хорошей колбасой. Ешь, пей – не хочу! Ребята осоловеют - за кого угодно проголосуют. Видимо, на это Леденев и рассчитывал.

Среди рабочего коллектива артели трезвенников не было, поэтому большого труда стоило выбрать из них дежурных по буфету. Они должны были сдерживать аппетиты наиболее разнузданных наших товарищей, но и самим не набраться. Дежурными по буфету были назначены Володя Осинский, человек недюжинной силы, и Леша Глушков, действующий борец-вольник. Они и прикрыли наш тыл.

Началось собрание. Избран президиум. Он восседает за столом на сцене. В центре президиума представитель областного кооперативного руководства. Справа от него представитель горкома партии, заведующий промышленным отделом Афанасий Афанасьевич Денисов (называю его имя полностью по той причине, что дальше наши пути будут не раз пересекаться), слева – Леденев, по флангам, как бедные родственники, члены артели, удостоенные чести сидеть рядом с начальством.

Доклад, прения, выдвижение кандидата в председатели артели. Без лишних рассуждений им стал Леденев. Выборы в счётную комиссию. Зачитывают список. В нём контора, завскладом и т.д. Предлагают голосовать списком. Я помню сентенцию товарища Сталина по поводу голосования и подсчета голосов, поэтому предлагаю другой список, в который входят рабочие и другие люди, не потерявшие нашего доверия. Голосуют, проходит мой список.

Началось голосование. Оно идет без суеты – голосующих чуть больше ста человек. Счётная комиссия уходит работать. Я и еще ребята становимся у дверей комнаты, где расположилась комиссия.

Подходит к двери представитель области, хочет пройти, мы его не пускаем. Чуть погодя, Денисов. Мы и его притормозили. Какое имеете право? Я представитель горкома партии! Объясняем ему: посчитать до ста комиссия сможет и без руководящей и направляющей. Мы не члены партии, нам можно такое утверждать.

При могильной тишине начали читать протокол счетной комиссии. Взрыв аплодисментов: Леденев не добрал один голос! Другая половина зала удрученно молчит.

Горком назначает председателем артели крымского партизана Николая Черкасинова, а техноруком – Владимира Владимировича Волина (мне потом доведется много с ним общаться, поэтому пишу полное имя). Новое начальство не конфликтно, легко вступает в уважительные отношения с рабочими. И не в силу того, что чего-то боятся, а в соответствии своих характеров. Обстановка в артели нормализуется.

Прихожу к мысли, что увильнуть от экзаменов при защите аттестата зрелости не удастся. Здесь прерогативы педсовета будет недостаточно. Бросать школу, как и техникум не хочу. Кроме этого строительство дома продолжается. Есть надежда, что, если подналечь, в мае (1956) можно будет переселиться, но для этого у меня должно быть немного больше свободного времени. Решаю взять академический отпуск в техникуме.

Пишу письмо Кирюшину и сообщаю о своём решении. Он огорчен, но что поделаешь. Обещает подготовить и переслать мне проверенные контрольные работы за второй курс. Приглашает к себе.

Ажиотаж с алюминиевой посудой пошел на спад, но в стране хрущёвщина. Помимо совнархозов, возникло желание догнать Америку по молоку и мясу. Деревня зашевелилась, в артель посыпались заказы. Из некондиционного железа будем делать различные баки, бачки, кормушки. Меня переводят в кузницу под этот ассортимент.

Для изготовления некоторых деталей требуются шаблоны сложной конфигурации. Артель сталкивается с тем, что их некому рассчитать, хоть со стороны кого-то нанимай. Но тут проявил себя слесарь Ёся Гальперт. Не помню, где он тогда учился, но в математике был дока. Начальство ухватило за него, хорошо заплатило, и бригада получила нужные ей шаблоны.

10. КРЫША НАД ГОЛОВОЙ

Пришло время, и я беру очередной отпуск, в купе с ним и отпуск для сдачи экзаменов в школе. Теперь весь светлый день я на доме. Медным проводом делаю в доме скрытую электропроводку.

Подготовленный еще зимой алебастр от сырости потерял свою силу, пришлось закупать новый. Но это не проблема. Мимо дома часто проезжают телеги, груженные этим материалом. Солдаты – возчики охотно продают его за копейки. Запасся, и рабочие начали штукатурку стен, потолков. К этому времени стены хорошо подсохли, а то сразу с них лились потоки воды. Ведь первоначально всё в луже лежало. При кладке стен мы ни одного ведра воды не завозили – всё черпали из луж, а когда были перебои с глиной, клали стены на грязи.

25 мая 1956 года (эта дата для меня памятная) я закончил настилку полов, и мы переехали в свой дом, а на следующий день я пошел в школу писать сочинение. В дни экзаменов я за молоток не брался. В результате получил аттестат без единой тройки.

Вскоре у меня появились «квартиранты». Первый – Юра Скурьят. Мальчик 17 лет из Белоруссии. Его отец, - большой военачальник, был репрессирован. Мать привезла сына в Евпаторию и здесь они разругались. Юра ушел от неё, спал где придется, часто прямо на рабочем месте. Он работал у меня в бригаде, и я предложил ему пожить у меня. От нас он ушел в армию

Потом поселился мой друг с детства – Костя Дружинин. В то время он работал главным бухгалтером военторга. Костя рассорился с женой и ушел с квартиры, в которую вложил много сил. Я пытался помирить их, но вскоре понял, что бесполезно. Слушаю её – она права, его слушаю – он прав. Разбирайтесь сами, - сказал я им. Костя пожил у нас до тех пор, пока помирился с Галиной.

К этому времени Юра Скурьят отслужил армию и опять остановился у меня. Теперь он шофер первого класса. Устроился водителем самосвала в РТС (ремонтно-техническая станция).

Я в это время взялся за копку подвала под будущей летней кухней. Копаю. В нужное время Юра оставляет машину у меня во дворе, и мы грузим землю в кузов. Так удачно удалось решить вопрос транспорта. Позже Юра перешел на работу в горком партии, где возил первых секретарей. Иногда катал моих детей. Оля очень любила быструю езду, чем донимала водителя:

- Дядя Юра, быстрее, быстрее!

Пошла череда лет похожих друг на друга. Работаю, учусь, сдаю в Харькове экзамены. 16 октября 1958 года родился сын Володя. Он оказался более спокойным, нежели его сестричка Оля. Да и в более позднее время он проявлял завидное спокойствие.

Играясь как-то во дворе напротив нашего дома, он напоролся на острый конец проволоки. Тот воткнулся чуть ли не в глаз – немного ниже. Это было вечером, и я повёл его в больницу в хирургический корпус (там сейчас роддом). Володя шел спокойно, не капризничая, только слёзы катились из глаз. Сдал его хирургу, тот зашил ранку и, когда вывел, сказал:

- У вас мальчик просто молодец! Удивительно терпелив.

Оля же в детстве была очень экспрессивной. Например, всегда стремилась быть первой. Играя с двоюродной сестрой Лялей, часто заявляла:

- Я пелвая, я сталшая!

Проигрывая в карты, плакала от обиды.

Скляренко работает начальником мастерских горбыткомбината. Профиль мастерской – деревообработка. Яков Федорович пригласил Полину к себе бухгалтером. Появилась возможность решения проблемы с лесом. А она аж пищит: вся столярка (окна, двери) рассохлась, доски пола заражены грибком - проваливаются.

Ранний вечер. Оля на занятиях в балетной студии, Вова играет на пустыре в хоккей. Полина что-то кухарит, я пишу контрольную работу. Все заняты. Вдруг – гость. Женщина, я ее не знаю. Требуется разговора со мной. Располагаемся в первой комнате. Приходит и Полина.

Женщина (имени ее так и не знаю) сообщает, что ее муж Николай является любовником Полины, моей жены. На чём основано столь серьёзное утверждение? Сама их застукала. Смотрю на Полину. Она сидит ни жива, ни мёртва. Молчит. Что тут уже спрашивать?

С удивлением, замечаю, что я совершенно спокоен. Будто говорят об измене не моей жены, а посторонней женщины. Чтобы не молчать, спрашиваю у гостыи:

- Что еще?

Та, с изумлением смотрит на меня и чуть ли не выкрикивает:

- Вам этого мало?!

Я ей спокойно отвечаю:

- Много или мало - дело моё, а сейчас до свидания.

Я встал и показал ей рукой на дверь. Женщина будто прилипла к стулу, но, следуя моему указующему жесту, встала со словами:

- И это всё?

- А что вы еще хотели? Вы же не за благодарностью пришли?

Я распахнул перед нею дверь, и она ушла. Её провожал неистовый лай моей собаки.

Остались вдвоём. Полина по-прежнему, не шевелясь, сидит на стуле. На неё жалко смотреть. Её можно понять. Ведь она знала, что ее ждёт: в лучшем случае – скандал, в худшем - выволочка, а может и то, и другое. Но ничего этого не случилось. Я не был настроен ни говорить, ни, тем более, махать кулаками. Я ей сказал:

- Иди откуда пришла.

Она поняла меня правильно: ушла на кухню.

Возможно, кто-то не поверит, что подобное могло иметь место. Сам удивляюсь, но всё именно так было. За прошедшие годы семейной жизни я ни на одну женщину серьёзно не засмотрелся. Не до них было. И тут выясняется, что, независимо от моих личных ощущений, жизнь переливается всеми цветами радуги. В моих же глазах, вместо многоцветья, серый цвет бетона, которым застилаю дорожки во дворе и блики электросварки, сверкающие при изготовлении кормушек для колхозной скотинки.

В дальнейшем, я ни разу об этом визите Полине не напомнил, но, как говорил один из героев Зоценко, хамство затаил. Я знал, не маленький, что болезнь «слабость на передок» – трудно излечивается, поэтому, чтобы не заниматься «врачеванием», решил расстаться с этой женщиной.

В последнее время стал замечать, что при ходьбе что-то начал задыхаться. Обратился к артельному врачу Антонине Афанасьевне. Узнав, что я курю, велела немедленно бросить. Отметила, что при росте 167 см вес у меня 52 кг. Мало. Как питаетесь? Нормально. Много работаете? Случается.

Антонина Афанасьевна выхлопотала мне путевку в санаторий. В винном подвале на Интернациональной (ближайшая к артели пьяная точка) обмываю свой отпуск. Помогают мне Боря Климов, мой напарник по работе, и технорук Волин. Это было 7 января 1960 года. В этот день я выкурил последнюю папироску, взятую у Бориса, и после этого ни разу не закурил.

Ялта. Где-то на горе санаторий «Красная звезда». Спускался в город свободно, но подняться не могу – нанимаю такси. Назначили спать у моря в спальном мешке, но постоянный прибой мешает уснуть. Начали лечить нервы. В санаторской библиотеке участвовал в двух конкурсах по биографиям Горького и Чехова. Занял первые места.

Вернулся домой отдохнувшим, стал меньше задыхаться, поправился на полкилограмма. Узнав об этом, Антонина Афанасьевна в сердцах сказала:

- Не в коня корм!

Но, что ни говори, санаторий помог мне справиться с последующими трудностями. Впереди у меня диплом. Если раньше на сессии ездил в Харьков, то теперь на защиту диплома приглашают в Москву.

Конец февраля. Я уже собираюсь отъезжать, как какой-то мужик предлагает по дешевке кровельную чугунку. Как раз то, что мне надо для покрытия летней кухни. Покупаю и, несмотря на сильный ветер, крою. Проходящие мимо, удивляются:

- Вот чудак. Кто в такой ветер крыши кроет?

Не будешь же каждому объяснять, что завтра этот чудак уезжает из дому на целых полгода.

Самое печальное в этой истории то, что эти труды были напрасны. Едва я уехал, как к Полине пришел строгий мужик и сказал, что летняя кухня у нас покрыта ворованным железом. На другой день пришел тот, кто продал нам эту чугунку, и попросил вернуть её. Он возвратил деньги, сам снял железо с крыши, и осталась она покрытой толем с лишними дырками.

11. ЗАВЕТНЫЙ ДИПЛОМ

Итак, Москва. Вернее – Подмосковьё. Станция Тарасовская, село Черкизово. Здесь размещается Высшая школа промкооперации. Весьма благоустроенное заведение. Прекрасные аудитории, столовая, общежитие. Комнаты на два-три человека. Основной контингент студентов – женщины.

Нам же, учащимся техникума, мест в общежитии нет. Приходится снимать в деревне комнату на двоих-троих. Мы тут же сдаём экзамены за курс и получаем темы дипломных работ. Моей дипломной работой руководит инженер Зуссер (так он представился).

С написанием и защитой диплома проблем не было. Запомнился только один эпизод. Технологи, чтобы поставить на поток какую-либо деталь, нужно составить технологическую карту, в которой указать характеристики оборудования, задействованного в производственный процесс. В библиотеке Высшей школы каталогов металлорежущих станков не было. Дали адрес: Москва, Политехнический музей.

Приезжаю в музей. В библиотеке спрашиваю каталоги металлорежущих станков. Мне отвечают, что каталоги находятся в научном отделе. И рассказывают, как туда пройти. Пошел. И снова спрашиваю каталоги. Мне вручают каталоги. Только после этого понял, что меня, дурака, деликатно учат правильному произношению этого слова.

Ещё один эпизод. Группа учащихся и инженер Зуссер выпивали в буфете станции Тарасовская. Среди прочих вопросов говорили о том, что не все, защитившие диплом, будут работать по приобретенной специальности. Одни учатся только ради корочек, другие в силу своих деловых и умственных качеств вообще не потянут работу техника.

Надо было такому случиться, что в это время я приехал из Москвы и проходил мимо окон буфета. Зуссер, увидев меня, сказал:

- А вот Стома определенно будет работать.

Когда мне передали реплику инженера, мне стало так хорошо, будто вдруг, неожиданно-негаданно, наградили орденом. Выходит, не зря грыз технические науки, значит пришелся ко двору тот чудак, который всё время считал себя далёким от техники.

Студентами Высшей школы промкооперации становились лица, отличавшиеся на своём производстве хорошими деловыми качествами. Только получившие направление облпромкооперации допускались до экзаменов. За допущенными к учебе сохранялась средняя заработная плата, выплачиваемая в виде стипендии.

Из сказанного можно сделать вывод, что среди проживающих в общежитии не было ни малолеток, ни меланхоликов. Среди нас, дипломников техникума, детей тоже не было. Такое сочетание способствует созданию непринужденной обстановки. Вечерами мы приходили в общежитие школы, где устраивали посиделки или танцы под патефон.

Я был не единственным, кому приглянулась блондинка с длинной косой по имени Раиса. Соученицы звали её «Русская красавица». Действительно, её красоту, кроме как русской не назовешь. Именно таких рисуют на плакатах. У неё был хороший голос, но по тембру он мало подходил для исполнения русских народных песен. В её исполнении хорошо звучали романсы. Ей бы цыганкой родиться.

В конце концов Раиса отдала предпочтение мне. Мы с ней много раз бывали в Москве. В парке им. Горького осмотрели трофеи, оставшиеся от сбитого самолета Пауэрса.

Кто не знает или подзабыл, напомним: 1 мая 1960 года под г. Свердловском был сбит американский самолёт-разведчик У-2. Лётчик был пленён, а остатки самолета и снаряжения были выставлены на показ в одном из павильонов парка.

Побывали и в Манеже, где демонстрировали современное искусство. Это там, чуть позже, Н. Хрущев устроил погром.

У нас складывались серьезные отношения, но Раисе нужно было еще год учиться. По защите диплома, она приехала в Евпаторию, чтобы нам вместе уехать к ней, в Оренбург.

В это утро проснулся рано. Полина уже знала, что я уйду. Начал собираться. И тут посмотрел на детские кровати. Оле было 6 лет, Вове 2 года. Вот они проснутся и спросят у мамы: «А где папа?» И вспомнил, как много лет назад задал такой же вопрос своей маме и что за этим последовало. Мне стало жутко от одной мысли, что я сейчас, по собственной прихоти, брошу этих младенцев и у них сразу не станет папы. Будут ли счастливы?

Когда я без вещей шел на вокзал, то думал только о том, как объясню Раисе, что обманул её. Всё обошлось довольно просто. Увидев меня без чемодана и с кислой миной на лице, она поняла, что что-то случилось. Как мог, объяснил обстановку. И тут услышал:

- Не мучайся. Твои дети нас победили. Разойдемся по-хорошему, без обиды. Я никому не хочу зла.

Уже с вагонной площадки, Раиса послала мне последний поцелуй.

С июня 1960 года я работаю мастером механического цеха. Мало что изменилось. Работаю с теми же ребятами, делаю те же кормушки для скота. С той разницей, что сам не режу металл, не ставлю детали под сварку. Случаются конфликты, но я стараюсь не зарываться, поэтому до разборок дело не доходит.

Где-то в марте 1961 года в артель приходит разрядка: послать в Киев одного человека из числа ИТР для прохождения трехмесячных курсов повышения квалификации. Юрьев категорически отказался ехать, у него серьёзно больна дочь. Чебак, начальник литейного цеха, тоже откестился. Указующий палец направлен на меня. Мой единственный аргумент отказа: мне там нечему будет учиться, я ведь только из-за парты, во внимание не принят.

Курсы находятся в самом центре столицы. Я поселился рядом на Красноармейской улице. Занятия начинаются в 15 часов и до 19. С утра делай что хочешь. Обучались в основном практики без технического образования и не всегда имевшие за плечами даже семь классов. Как и предвиделось, мне на курсах было скучно.

Один эпизод всё же остался в памяти. Урок: обработка металлов резанием. Пожилой преподаватель раскладывает на трибуне конспекты и начинает рассказывать о токарной обработке металлов. Всё бы хорошо, но токарные резцы у него почему-то из углеродистой стали У7 и У9. Такими резцами работали в 30-х годах. Сейчас же применяются твердосплавные, на основе кобальта и вольфрама, а для тонкой обработки – алмазные.

Смотрю, мои товарищи усердно записывают эту галиматью. Приедут на место своей работы, а там у самого паршивого токаря твердосплавные резцы! Чему тебя там, в Киеве учили, начальник?

Поднимаю руку и начинаю по ходу пьесы поправлять преподавателя. Наш диалог затянулся. У ментора не оказалось других сведений о резцах, поэтому он настаивал на своём. Наш диалог услышал другой преподаватель, который на курсах вёл черчение. Он что-то шепнул коллеге и тот, сложив конспекты, не прощаясь, удалился.

Больше мы его не видели. Скорее всего, человек решил подзаработать, пользуясь довоенными конспектами, при том, не поинтересовался нынешним положением дел в области металлообработки.

Перед занятиями идет оживлённое обсуждение беды, случившейся только сейчас на Куренёвке (район Киева). Там намывали земляной массив под будущий парк. В какой-то момент в намывной земле стало излишне много воды, и она, земля, поплыла в сторону города. Люди едут на работу – троллейбус полон. Земляной поток накрывает его и движется дальше. На пути двухэтажное здание детского сада. Земля выдавливает окна первого этажа и заполняет его.

Власти окружают район солдатами, полная секретность. Начинаются спасательные работы. Но подробности как-то просачиваются сквозь заслон, и различные «голоса» по ходу событий вещают о произошедшем. О беде, случившейся в Киеве, узнают родственники курсантов и тут же звонят на курсы. От них и узнаём о Куренёвских событиях. Это и обсуждалось на курсах. О случившемся на Куренёвке власти сообщили только несколько дней спустя. Позже я поехал на место событий, где видел здание детсада с продавленными окнами первого этажа. Шли восстановительные работы.

Второе, уже знаменательное событие произошло в эти же дни. Сижу утром на скамейке недалеко от стадиона им. Хрущева. Читаю свежие газеты. Вдруг радио со столба предупреждает о важном сообщении. Насторожился. И слышу о первом полёте человека в космос – о Юрии Гагарине!

Вернулся на квартиру, а там хозяйка со своими товарками по какой-то секте обсуждают это же событие. У них проблема: как оценить полёт в космос с точки зрения их веры. Вы бы слышали как горячо они спорили.

12. РАБОТА В «ЕЛОЗЕ»

В 60-е годы пертурбаций не только в стране, но и в отдельно взятой артели было в достатке. На короткий период артель «Металлист» становится заводом этого имени, а в апреле 1961 года с потрохами передается Евпаторийскому горпромкомбинату. В июле 1961 года оцинковальный и литейно-механический цеха горпромкомбината преобразовываются в Евпаторийский литейно-оцинковальный завод (ЕЛОЗ).

Директором назначается Афанасий Афанасьевич Денисов, бывший горкомовский работник. Главным инженером – Валерий Алексеевич Сизый.

Я продолжаю числиться мастером, но Сизый даёт мне персональное задание: разработать технологию изготовления автопоилок для крупного рогатого скота, с последующим конструированием оснастки для их изготовления.

Я, с чертёжной доской, расположился в комнате учетчиков. Одна из них Полина Сильверстовна, соседка моей мамы. Её квартира была до войны общей кухней. Вторая учетчица Шура Франт. Её муж – сын коммунара расстрелянного белыми и похороненного под обелиском в саду им. Погибших коммунаров.

Стою, что-то рисую на ватмане. Входит в комнату Мишка-снабженец. У него родился сын, и он хочет, чтобы мы отметили это важное событие. Достает водку – пейте. Полина Сильверстовна отказалась, сославшись на то, что пьет только вино. Шуры не было. Остался я. Мишка наливает мне стакан водки, и я его выпиваю.

Какое-то время спустя, в комнату заходит главный инженер. Он иногда посещал меня. Я весь напрягся, не дай бог унюхает. Видимо Полина Сильверстовна подумала о том же. Она взялась отвлекать Сизого пустяковыми вопросами. Тот так увлекся беседой с ней, что сел ко мне спиной. Поговорив, ушел, так и не задав мне ни одного вопроса.

В этом же году Мишка-снабженец погорел. Он поехал на Донбасс в командировку и в какой-то конторе встретился нос к носу с бывшим узником немецкого концлагеря. Тот узнал в Мишке одного из злостных надзирателей. Сообщил куда следует и того загребли. Выходит, фашистский наймит чуть не подвёл меня под монастырь со своей водкой. Шучу.

Уже сейчас (2013 г.), читая дневник евпаторийца, где описано пережитое им в оккупированной немцами Евпатории, я натолкнулся на знакомую мне фамилию - Сизый. Сопоставив известные мне факты, я пришел к выводу, что речь идет о Валерии Алексеевиче.

1943 год. Евпатория, оккупация. Федор Федорович, автор дневника, получает от Бюро труда направление-приказ на работу в литейный цех ремзавода. Он не хочет там работать. Во-первых, как он считает, здоровье не позволяет. Во-вторых, ходить далеко. Фактически с одного конца города на другой.

Освобождение от работы может дать только медицина. Он идет на прием к врачу.

Запись в дневнике от 27 января 1943 г. «Среда. Вечер. Я пока еще не работаю. Вчера был у врача. Он советует сначала приступить к работе, а потом ходатайствовать в ремзаводе у директора господина Сизого. Дал отдых до понедельника, а потом на работу».

В дальнейшем узнаем, что работать ему в литейке всё-таки пришлось. Но речь не о нем, речь о В.А. Сизом.

Читатель уже знает, что я работаю под его непосредственным руководством. В силу этого, договариваюсь с ним об очередном отпуске, который был мне нужен не позже октября для работ по дому. Сизый сказал, что отдыхать будем после запуска в производство автопоилки. Я подналег и к октябрю свою часть работы сделал. Получив устное согласие на отпуск, написал заявление и отнес его кадровику.

На другой день узнаю, что в отпуске мне отказано. Так якобы решил директор. Иду к нему. Афанасий Афанасьевич не удосуживается аргументировать своё решение. Он предельно краток: «Так надо». Я ссылаюсь на график отпусков, на «добро» главного инженера. В ответ: «График устарел, а Сизый без меня такое решение не мог принять». Собираюсь идти искать Сизого, но тут он сам заходит в кабинет. Я к нему с вопросом. И ушам своим не верю: «Я тебе ничего не

обещал». В гневе пишу заявление на расчет и оставляю у Денисова на столе. Он мне вслед: «Завтра приходите за расчётом».

Я допускал, что Денисов не прочь подложить мне свинью: у нас с ним были давние неприязненные отношения (вспомните злосчастные выборы председателя артели), но как Сизый мог опуститься до откровенной лжи?

Прошло несколько лет, и вот в Комсомольском сквере нос к носу сталкиваюсь с Сизым. Он, увидев меня, обрадовался. Я же, ответив на его «привет» кивком, пошел дальше, но был остановлен. Он взял меня за руки и, заглядывая в глаза, проговорил: «Извини меня, Саша, за ту подлость». Я будто не понял: «Вы о чем, Валерий Алексеевич?» Он напомнил и затем пояснил причину своего гадкого поступка.

Во время оккупации Евпатории немцами, Сизый работал на ремзаводе начальником техотдела (так он сказал). По освобождению Крыма от оккупантов, власти не могли простить ему сотрудничество с немцами. Допрашивали, сажали, выпускали и снова сажали. Только после смерти Сталина оставили в покое. Начались поиски работы. На руководящие должности не брали – беспартийный. Когда же шли на вынужденные уступки, то познакомившись с анкетой – опять-таки отказывали.

Денисова назначают директором ЕЛОЗа. Он ищет главного инженера и не находит – в Евпатории острый дефицит инженеров вообще, а способных руководить производственным процессом и вовсе нет. Тут и вспомнили о Сизом. В порядке исключения и под личную ответственность Денисову разрешили взять на руководящую должность беспартийного, да еще запятнанного сотрудничеством с немцами. Отщепенца предупредили: шаг влево, шаг вправо – вылетишь.

И тут я со своим отпуском. Главный инженер визирует моё заявление, оно идет на подпись к директору. Тот, видя на нём визу Сизого, вызывает его к себе и тычет ему в нос: «Кто разрешил? С кем согласовывал? Выгоню!»

Валерий Алексеевич не знал, что я в кабинете директора. Боясь потерять работу, позволил себе соврать.

- Теперь, когда ты всё знаешь, простишь меня, Саша?

Что оставалось делать?

Не буду расписывать свою работу в Евпаторийском училище механизации сельского хозяйства №6. Там я был мастером производственного обучения слесарному делу. Сначала нас было двое, а потом старшего напарника сократили, и я остался один. Трудно было тянуть, что ни говори, ежедневно 8 часов занятий. А готовится к ним когда?

Тем временем ЕЛОЗ остается без главного инженера. После Сизого приняли на эту должность инженера Клокова. Через пару месяцев его, как не обеспечившего техническое руководство, уволили.

В техотделе инженером-конструктором работает В. Волин, который был техноруком еще в артели, но он по специальности ихтиолог. Начались поиски специалиста по металлам, не находят – бедна Евпатория инженерами. Кто-то напомнил Денисову о Скляренко, который хорошо показал себя, работая в «Стахановце» техноруком, да и мастерской горбыткомбината успешно руководит.

Денисов, конечно, знал о судимости Якова Федоровича. Мог бы не связываться, не связался бы, но выхода нет.

Скляренко приглашают, и он дает согласие занять пост начальника техотдела с правами главного инженера. При этом ставит условие: на свободную должность инженера-технолога принять Стому. Денисов упирается, Скляренко настаивает.

Я даже не догадывался об этой протекции, но когда Яков Федорович объявил мне о ней, я, не считаясь с тем, что в училище у меня оклад 120 руб., а на заводе будет 85 и эфемерная премия, дал согласие. Так хотелось работать именно технологом.

В училище небольшой скандал: нет замены. Директор рвёт заявление, я пишу новое. КЗоТ на моей стороне. Так, проработав в училище чуть больше года, я (15.01.1962 г.) возвращаюсь в ЕЛОЗ и опять под эгиду Денисова.

Наставляя меня, Складенко честно объяснил причину моего приглашения в его упряжку. В силу своего возраста, а ему было тогда 60 лет, он уже многое из того, что знал, подзабыл. Мне же, со свежими мозгами предстоит одному тянуть техническую ляжку. А Волин? Волин – хороший человек, но слабый инженер. Он в рыбе хорошо разбирается и деловые письма может писать.

На первых же порах я убедился, что деловые письма действительно надо уметь писать. Нас в техникуме этому не учили. Дал мне Яков Федорович задание написать письмо. Я подумал и начал расписывать ситуацию, по причине которой мы обращаемся в ту организацию. Понес на подпись. Складенко расхохотался:

- Ну, Сашка, ты прямо роман написал!

Я переминаюсь с ноги на ногу.

- Вот смотри, как надо писать. Чаще всего деловое письмо начинают словами: «В порядке оказания технической помощи, прошу...». Дальше в двух словах смысл просьбы. Как можно меньше эпитетов и других ругательных слов.

Так и учился.

Еще в 50-х годах в степи принялись строить здание для оцинковального цеха горпромкомбината, а рядом с ним артель «Стахановец» возводит литейный цех. Вот это единство местоположения и сыграло решающую роль в создании литейно-оцинковального гибрида.

Я начал расписывать технологические процессы производства оцинкованной посуды. До меня этим никто не занимался. Теперь нормировщик и экономист с вопросами идут не к начальнику цеха, а ко мне. Им требуется не просто ля-ля, а технологические обоснования.

В то время не было ни принтеров, ни ксероксов, а множить документы, как и сейчас, требовалось. Самый верный способ копирования, так называемая «синька». Процесс состоял из ряда операций. На кальке тушью чертишь или пишешь. Затем берешь светочувствительную бумагу и через кальку ее засвечиваешь. Бумагу кладешь в полую, герметичную тумбу. В специальный отсек заливаешь аммиак. Аммиачный газ проявляет на бумаге то, что было написано на кальке. Потом режешь, брошюруешь - и инструкция готова.

Почему «синька»? Вначале, после проявления, светочувствительная бумага приобретала ярко синий фон. Позже он стал коричневым, но наименование «синька», так и осталось.

Начальник оцинковального цеха - многоопытный Семён Яковлевич Богуславский, напоминает мне баобаба, который, как ни старайся, не раскачаешь. По нему, всё, что делается в цехе проверено временем поэтому разумно и нерушимо.

Несмотря на то, что некоторые производственные процессы можно было легко механизировать, их по привычке продолжали выполнять вручную. Подключил наладчиков, и они изготавливали нужные приспособления, за что получали премии по линии БРИЗа (бюро рационализации и изобретательства), председателем которого я и был.

Богуславский взял привычку оправдывать свои недоработки отсутствием технологических инструкций или чертежей. Сто лет обходились без них, а сейчас без инструкций шагу ступить не могут.

Учитывая это, я поднапрягся, и Семен Яковлевич получил папку со всеми нужными на тот момент инструкциями. Приняв от меня папку, он сделал радостную мину на лице и, не раскрыв, положил её в нижний ящик своего стола.

Прошло не так уж много времени, как на одной из планёрок у директора, Богуславский получил очередной втык. Оправдываясь, он по привычке ссылается на отсутствие технологических инструкций. Денисов взъярился:

- Сколько можно говорить об одном и том же? Только и слышишь: инструкции, инструкции! – и смотрит на меня.

Я говорю:

- Афанасий Афанасьевич, оцинковальный цех обеспечен всеми инструкциями, согласно перечня утвержденного главным инженером.

- Богуславский, по вашему, врёт?

- Нет, скорее всего, забыл, что они у него в столе уже месяц как лежат.

- Это так, Семён Яковлевич?

- Да были какие-то бумажки.

Короче говоря, послали секретаршу в кабинет Богуславского, и она принесла оттуда папку. На первой странице был перечень инструкций, утвержденный Складенко.

Не могу не вспомнить еще об одной проблеме. Кто-то, прочитав о ней, скажет: стоило о такой мелочи писать. А для меня она одна из вех моей жизни. Ведь я не завоевывал города, не возводил плотины, а, живя в маленьком провинциальном городе, решал проблемы ему соответствующие. До и после было много различных рационализаторских работ, но почему-то именно эта и запомнилась.

Итак, о ней, о мелочи. Для этого вспомним огородную поливалку. У нее самая выпирающая деталь – распылитель воды. Это конус, а на нём закреплена сетка – круглый кусок жести со множеством мелких отверстий.

Вот соединение сетки и конуса и есть проблема. Фактически она решена: изготавливают конус, штампуют сетку. У конуса и у сетки отогнуты буртики. Рабочий их составляет, и молоточком буртик сетки пригибает к буртику конуса. Всё. Что не нравится? Вода льется, и ладно.

Но я как-то увидел поливалку, изготовленную в Прибалтике. У нас рабочая часть сетки плоская и чуть деформирована, а у прибалтов – красиво выпуклая. Место соединения у нас, опять-таки, деформируется ударами молотка, у них безупречно закатано.

Начал разговаривать со знающими людьми. «Пробовали», - говорят, - но не получилось». Один мастер потащил меня на склад и показал, хранящийся там, штамп. Им он сам пробовал решить проблему – не получилось. Тот же мастер выписал штамп со склада, и я забрал его к себе в техотдел.

Не буду описывать весь ход мыслей. Но скажу только, что в штампе, что передо мной, не было идеи. Рабочая часть пуансона (верхняя часть штампа) была прямолинейна и в прямом и в переносном смысле. Поэтому он не закатывал кромку сетки, а гнул.

Ролики, что используются при закатке доньев, например, ведер, имеют сложный радиусный профиль. Чертежей на эти ролики не было. Ролик изготавливают на токарном станке, рабочий профиль вытачивают по шаблону. Не каждый токарь сможет его в точности повторить.

Перенести этот профиль на штамп? Но он будет загибать край не при вращении, а при ударе. Пялил глаза на все эти штучки, ломал голову, пока понял, что моё образование явно не дотягивает до теоретического решения этой проблемы. Что ж, применим метод «тыка».

Выделили мне хорошего токаря Володю Стальбовского, и начал я с ним кумекать. Заточи резец вот так, а здесь пройдишь вот этим резчиком. Приложил шаблон. Что-то вышло. Поставили штамп на пресс, даванули и... ура – получилось с первого разу! И стали наши поливалки не хуже прибалтийских.

В то время я не знал, какие трудности и опасности в своей жизни пережил Владимир Иосифович Стальбовский. Только много лет спустя он мне о них рассказал, и я описал их в книге «Сквозь мутные стёкла времени». Там он выступает под именем Пети Видлянского.

Уже к 1963 году ЕЛОЗ столкнулся с первыми признаками перепроизводства оцинкованной посуды. К тому времени на Украине 25 предприятий выпускали подобные изделия. Многие из них превосходили евпаторийский завод не только по валовому выпуску и ассортименту, но и по качеству. Крымские торговые базы, связанные с ЕЛОЗ договорами о поставках, не могли не принять доставленный им товар, но, чтобы избавиться от него, постоянно браковали нашу продукцию.

Выезжаешь по вызову на торговую базу, читаешь акт. В нем перечислены характерные для оцинкованной продукции дефекты, подходишь к контейнеру, а на нем целёхонькой висит наша же пломба! Ехидно улыбаются на мое удивление. Будем сверять? Что сверять? Ведь эти дефекты, как родимые пятна на теле человека. Куда без них? Во избежание финансовых санкций беспрекословно принимаешь возврат, и он поступает на заводской склад.

В пору было останавливать оцинковальный цех, но в советское время слово «банкротство» связывали только с капиталистической стихией рынка. Завод продолжал кроить дефицитное кровельное железо, покрывать его дорогостоящим цинком и отправлять на базы, заранее зная, что будет возврат. Стало не хватать складских помещений, и их вынуждены были строить, невзирая на труднейшее финансовое положение. Кстати, зарплату, хоть и с задержками, выдавали.

Такое положение завода ни для кого не было секретом. Откликнулся на беду симферопольский проектный институт (ПКТИ). Он предложил на базе ЕЛОЗа выпускать холодильники. За образец взят холодильник «Нистру». Его выпускал завод в Кишинёве.

На техсовете было принято решение разработать технико-экономическое обоснование. Для этого в Кишинев направили двух человек. От завода послали меня.

Через некоторое время было разработано технико-экономическое обоснование на выпуск 50 тысяч современных холодильников на базе существующих производственных площадей, с использованием значительной части имеющегося оборудования.

Денисов, Скляренко и я едем в ПКТИ подписывать документы. После процедуры подписания, Денисов сказал Скляренко:

- Вот так, Яша, и выживет нас молодежь.

- Почему ты так решил? – удивился Скляренко.

- А ты считаешь, что мы с тобой на новом заводе будем кому-либо нужны?

Яков Федорович усмехнулся:

- Это тебе, Афанасий, переживать, тебе до пенсии, как медному котелку, а у меня она уже в кармане.

К сожалению, директор Денисов, подписав обоснование и на словах одоблив его, не выступил перед нужными инстанциями с предложениями, что и лишило завод этой перспективы.

Агония ЕЛОЗа продолжалась до 1966 года. 27 декабря 1965 года вышло распоряжение Совета министров УССР о перепрофилировании его на выпуск штепсельных разъемов. На этом завершилась карьера А.А. Денисова.

До этого финала я на заводе не доработал, но всё по порядку.

Волин, будучи на отдыхе в Ялте, встретил приятеля, с которым когда-то учился в институте. Тот был очень удивлен, когда узнал, что Волин до сих пор служит рядовым инженером. Ведь Володя, фронтовик-танкист, был лучшим студентом на курсе!

Сам же товарищ Волина уже член ЦК КПСС и является каким-то партийным функционером. Расставаясь, друг пообещал посодействовать. Он и замолвил словечко в обкоме, и Волина, проверяя на «вшивость», начали таскать по партийным кабинетам.

Пройдя все согласования, он покинул нас, став инструктором обкома партии. На заводе освободилась должность инженера-конструктора, с окладом 95 рублей. Яков Федорович настоял, и Денисов переводит меня на эту должность. В то время, для нас, десятка имела значение.

И тут Скляренко вдрызг разругался с Денисовым и, хлопнув дверью, ушел с завода. Уже на той же неделе Денисов издает приказ о переводе меня снова на должность инженера-технолога. Знал бы КЗоТ, то никогда бы так прямолинейно не поступил, а то вляпался в неприятность, как котенок, проигнорировавший лоток.

Вызывает меня к себе начальник отдела кадров, он же секретарь заводской партийной организации, Прохор Васильевич Губанов, и подсовывает бумагу:

- Читай и распишись.

- Прочитал, но расписываться не буду, - сказал я.
- Почему? – спросил, улыбаясь, Губанов.
- Потому что этот приказ нарушает советские законы о труде.
- Плохо, что этого не знает наш товарищ директор.
- Так растолкуйте ему.
- Пытался, но он уперся. В суд будешь подавать?
- Нет охоты с судами возиться, но, если..., то придётся.
- Ладно, что-нибудь придумаем.

Проход Васильевич, не переубедив директора на месте, обратился с этим вопросом в горком партии. Оттуда позвонили Денисову и провели с ним ликбез по трудовому законодательству, а я продолжал получать свои 95 рублей.

Как-то зашла в техотдел заводской экономист Панова и таинственно спросила:

- Александр Николаевич, вы не хотели бы перейти на работу в САМ-20?

Я, как и многие горожане, знал, что это старое название авиаремонтного завода, известного сейчас как воинская часть №42894.

- А что мне там делать?
- Старшим инженером механического цеха.
- Это предложение?
- Считайте, что так.
- Что ж, я согласен.

- Хорошо. Я сейчас позвоню мужу, и он договорится о вашей встрече с начальством завода. Я знал, что её муж работает начальником планового отдела на том заводе.

13. НА АВИАЗАВОДЕ

Признаться, такого поворота судьбы я не ожидал. В условиях Евпатории, в/ч 42894 было самое завидное предприятие. Во-первых, оклады выше, чем у работников местной промышленности. Во-вторых, работать с самолётами интереснее, чем с тазиками.

Принял меня главный инженер завода майор Александр Артёмович Лысый. Посмотрел диплом, задал пару вопросов и куда-то позвонил.

- Сейчас пойдете в цех для беседы с его руководством, - сказал он.

За мной пришли, и вот я сижу перед четырьмя солидными мужиками. Знакомимся. Один из них в военной форме, в звании капитана. Борис Николаевич Карпов – начальник цеха. Секретарь цеховой парторганизации, летчик, подполковник в отставке Валентин Семенович Семенов, сейчас фрезеровщик; старший мастер цеха Борис Федорович Гаврик. Я слышал это имя. До войны он работал на трикотажной фабрике вместе с мамой и Вадимом Федоровичем. Председатель профкома цеха, летчик, майор в отставке, сейчас дефектовщик Николай Васильевич Соловьев.

Вот такие зубры начали меня пытаться. В процессе беседы выяснилось, что перед этим в цехе уже был старший инженер по фамилии Клоков. Опять Клоков? И что с ним? Расстались.

Уже несколько позже я воочию увидел этого человека. Интеллигентного вида, я бы сказал даже солидного. Рост выше среднего. После всех тех перетрясок он стал учителем труда в 1-й школе. Я с ним немного переговорил. Нормальный мужик.

Итак, в октябре 1965 г. я, прыгнув с тонущего корабля под названием «ЕЛОЗ», стал старшим инженером цеха №4. Никогда не думал, что буду работать на таком прекрасном заводе, да еще в таких чинах.

Сижу на первой цеховой планёрке. Она проходит в комнате, где, кроме стола начальника, моего стола – рабочие места двух нормировщиков, двух учетчиц, экономиста и старшего мастера. На планерку являются еще три мастера, мастер ОТК и дефектовщики.

Ведёт её капитан Карпов. Мало что понимаю. Звучат наименования самолётных деталей, фамилии. По многим пунктам срываются сроки изготовления. Плохо с выполнением заказов воинских частей. Ищут виновных. Чаще всего им становится Гаврик. Чувствуется, что у него натянутые отношения с начальником цеха. Перебранки идут на высоких тонах. Гаврик пытается что-то доказать, но без успеха.

Время приближается к 10-ти часам. Карпов заканчивает свою нервотрёпку с тем, чтобы идти уже на заводскую. Перед уходом спрашивает меня:

- Понравилось?

Удивляюсь вопросу: что тут может нравиться? Но отвечаю:

- Поучительно.

- Вот-вот, - восторгается начальник, - именно так! Жаль не до всех доходит, - и бросил взгляд в сторону Гаврика, который, сидя за своим столом, бездумно перебирал бумаги.

После нескольких таких планёрок, я начинаю понимать, что Карпова, хлебом не корми – дай повысить голос. Интонация – красивый баритон. Возможно, зная об этом, он и демонстрирует его. По крайней мере, выкричавшись, он превосходно себя чувствует, тогда как другим, после подобных испытаний, впору принимать валидол.

Борису Фёдоровичу не позавидуешь. Кроме токарно-фрезерного участка, у него в подчинении гальванический участок, с его постоянными проблемами качества покрытия, термический участок, участки вулканизации резины и стального литья. Всё это в куче и создаёт ежечасные затруднения, а с ними и повод пенять мастеру.

С заводских планерок, где, можно догадаться, достаётся уже Карпову, он приходит взъерошенным, и, собрав снова мастеров, устраивает поиски залежавшихся в ремонте деталей. Причины бывают разные, но чаще всего - исполнитель заболел или отложил деталь в сторону ради выполнения более выгодного заказа.

Меня раздувает желание поведать о всех тонкостях производственных проблем, только воздержусь, ибо понимаю - они мало кому интересны. Да и сам ужогу в такие болота, из которых будет трудно выбраться. Поэтому – основные вехи.

Проскочили две недели. На третьей Карпов через стол шепотом спрашивает меня:

- Как считаешь, Александр Николаевич, ты уже освоился в цехе?

Мне хвастать нечем, так и сказал.

- Тогда слушай внимательно. Начальство посылает меня в госпиталь на комиссию, чтобы затем отправить в отставку. Так вот я бы попросил тебя посодействовать мне в этом вопросе.

- Что я должен сделать?

- Пойди к Лысому (главный инженер) и скажи ему, что ты еще не готов руководить цехом.

- Так я действительно еще ...

- Вот-вот, и я об этом.

- И что это даст?

- Начальство даст отсрочку, а мне каждый месяц дорог.

Лысый, выслушав меня, спросил:

- Ты плавать умеешь? И как тебя учили? Небось, бросят подальше от берега - и выплывай как знаешь?

Получив утвердительный ответ, продолжал:

- Так вот считай, что тебя снова учат плавать, но более сложным стилем.

- Александр Артёмович, за мною будут люди, которые пострадают от моих неумелых действий, да и план нужно будет выполнять.

- Зря боишься, - возразил Лысый. - Не думай, что начальство с кондачка принимает такие решения. К тебе присмотрелись и решили, что побарахтаешься немного, а там и научишься.

Еще несколько дней прошло, и грустный Карпов передает мне, крайне озабоченному, свои дела.

На первых же цеховых планёрках я почувствовал стремление мастеров помогать мне. Значительно улучшилось прохождение деталей по всей цепочке: от дефектовщика до приёмки. Даже Иван Григорьевич Цупров, престарелый контрольный мастер, который еще в 1938 году служил на этом аэродроме летчиком, перестал дремать на приёмке, а начал прямо на рабочих местах контролировать изготовление деталей, чем ускорял их прохождение.

На заводских планерках, которые вёл начальник производства капитан Ценин, мне по-прежнему изрядно достаётся. У каждого начальника цеха, а их, кроме меня, ещё четверо, были ко мне претензии. Один раз начальник 1-го цеха, самолетного, обращаясь к Ценину, сказал:

- Как был бардак в 4-м цехе, Анатолий Михайлович, так он там и остался.

- Не торопись с выводами, Алексей Антонович, - несколько осадил его Ценин.

Если раньше мои мысли варьировались в зависимости от обстановки, то сейчас в голову втемяшилась только одна проблема: как добиться того, чтобы у цехов было меньше претензий ко мне? Когда от думок толку мало, то ехидничают: бедняк думками богат. Так и со мной было.

Производственная программа цеха имеет две составляющие. Первая, изготовление различных поделок по заказам воинских частей или для собственных нужд. Здесь возникают обычные трудности, вполне решаемые.

Вторая, изготовление и ремонт самолетных деталей. В месячном плане 6 самолётов Ил-14. С каждой машины в механический цех поступают в ремонт сотни деталей и метизов. На каждый самолет дефектовщик открывает ведомость, вписывает в неё детали с описанием нужных работ, на каждую вешает бирку. Далее ведомость идет к нормировщику, а, затем, с деталями к мастеру группы. Тот, выписывая карточки (наряды), и раздает работы исполнителям.

У каждого рабочего свой набор деталей. Из месяца в месяц он работает только с ними, у него имеются нужные для этого приспособления, часто им самим разработанные. Бывает так, что

без них деталь вообще не изобразишь. Стоит этому человеку внезапно заболеть, как возникает проблема: образец детали лежит, приспособление заперто в верстаке, да и не всегда кто-то сумеет им воспользоваться. Это наиболее наглядная проблема, а сколько других – не счесть.

Напряженность со сроками невероятная. Ремонт самолета начинается с разборки. Нетронутым остается только фюзеляж. Всё проходит мойку, дефектовку и распределение по цехам. В считанные дни отремонтированное или замененное на новое возвращается на сборку. И так, 6 машин в месяц! Считай, всего 4 рабочих дня на одну машину!

Прошло некоторое время и становится ясным уязвимое место в структуре цеха: индивидуальщина! Она сама по себе хороша тем, что одни и те же детали попадают в одни и те же руки. Со временем вырабатывается навык, а с ним повышается качество и производительность труда.

Если кто скажет, что этот метод работы плох, того следует забросать камнями. Так примерно было встречено моё предложение избавиться от индивидуальщины. Многие годы так работали, и никому плохо не было, а тут...

Вот мои доводы: производство не может зависеть от состояния здоровья или настроения ИвановаПетровасидорова. Для избавления от такой зависимости существует широко известный метод организации работ – бригада. Только переход на бригадную форму работы, мы преодолеем ежедневную лихорадку.

Как чаще всего бывает, власть предрержащие преодолевают сопротивление, и цех, там где это было необходимо, перешел на бригадную форму труда. В бригаде не менее пяти человек. С этого количества подчиненных бригадир получает бригадирские.

Появилась возможность подпитывать бригады молодежью. Взаимозаменяемость сводит на нет когда-то решающую роль индивидуалов.

Всё это время я ходил в исполняющих обязанности начальника цеха. И только в марте 1967 года, после выхода Б. Карпова в отставку, я стал начальником.

В отставке Борис Николаевич долго не прожил. Как-то, проходя мимо гостиницы «Украина», он увидел беснующуюся группу молодёжи. Сделал замечание. Двое негодяев схватили Карпова под руки и с силой усадили на асфальт. Что-то случилось с почками, и он вскоре умер.

Нормально трудиться цеху мешает и хроническая нехватка металлорежущего инструмента. Нет, его на заводском складе навалом, но не то, что нам нужно. Даём заявки, но опять везут то, что нам не надо. Начальству надоели постоянные перебранки между мною и начальником снабжения Борисом Тимофеевичем Макаренко. Главный инженер майор Ценин (тот, что был начальником производства) посылает нас обоих в Москву за «правильным» инструментом.

К этому времени у меня дома назрела проблема. Дочь стала фанатом цирковой артистки Натальи Варлей. А отсюда мечта – самой стать артисткой. Выяснила, где таких готовят: в Московском цирковом училище. В него принимают с семьёй классами.

Я и мать – против. Пытаемся объяснить, чем чревато цирковое искусство: это не только сияние света, развесёлая музыка и аплодисменты. Это – тяжелый труд, связанный с травмами, это – постоянное соперничество и гнетущая зависимость от администрации цирка.

Разве убедишь воспылавшую мечтой девочку этими правильными словами? Плохо бывает у кого-то, у неё будет всё хорошо, как у Натальи Варлей.

И тут командировка в Москву. По времени она совпадает с экзаменами в училище. Пусть съездит, пусть попробует. Я договариваюсь здесь же, в Евпатории со знакомой, и Оля будет жить у её дочери, которая проживает в Москве.

Училище размещается в столице на улице «Правды». Предстоит творческий конкурс, но прежде визуально проверяют физическое состояние абитуриента. У Оли сразу же обнаружили переключение локтевых суставов, т.е. при полном разгибании локтя образуется изгиб в другую сторону. При резкой опоре рук на препятствие вполне вероятно поломка сустава. Тетя из цирка (не мама и не папа) сказала Оле, что ей противопоказано работать цирковой артисткой и пояснила почему.

Дочь всплакнула, но вынуждена была смириться. Приехал в гостиницу и рассказываю об этом Макаренко. Тот замечает:

- Впервые вижу отца, который радуется, что ребёнок куда-то не поступил.

Я оставил Олю на временное попечение дочери знакомой, а сам занялся инструментом.

Техническое управление ВМФ СССР. Находясь в одном из кабинетов управления, слышал такое указание: «Это всё отправьте на Тихоокеанский флот». Масштабы!

В некоторые кабинеты Борис Тимофеевич не решается заходить. Их сидельцам он что-то когда-то пообещал, но не выполнил. Чаще всего сулил отдых на Черном море. Я не преминул подначить:

- Не зря, Борис Тимофеевич, тебя на заводе «Обещалкиным» зовут.

- Побыл бы ты в моей шкуре. Здесь, в Москве ничего даром не делается. Наличности нет, вот и приходится обещаниями кормить.

Я три дня просидел над картотекой. Можно понять снабженцев: копать в том, что не понимаешь - не водку пить. Вот и брали, что давали. Составил заявку на нескольких листах, Борису Тимофеевичу осталось ее отпечатать на фирменном бланке, собрать подписи и на склад. Я же, забрав дочь, вернулся домой.

На заводе итоги соцсоревнования подводились раз в квартал. Как правило, призовые места занимали 2-й (приборный) и 3-й (ремонт радиооборудования) цеха. Фактически они и соревновались между собой. 1-й цех (самолетный) занимал призовое место лишь в тех случаях когда его начальник Алексей Антонович Голованов сумеет вымолить награду у начальства.

Приводились аргументы: не для себя стараюсь, цех большой и самый трудный, люди болеют, приходится работать по субботам, ведь план нужно выполнять. Хитрый Голованов хорошо знал, что премия заводоуправления напрямую зависит от успехов или неудач 1-го цеха, поэтому те порой радовали его вторым местом, иногда и первым. Это тот случай, когда чемпиона делают судьбы.

Нужно ли говорить, что 4-й цех, как и 5-й (агрегатный) никогда в призёрах не ходили, и это считалось в порядке вещей. Конечно, попробуй потягайся с теми, кто работает в тишине, в белых халатах, за чистыми столами, целыми днями ковыряясь в одних и тех же приборах или радиостанциях.

Но и у нас появилась надежда. Самолётные проблемы уже не лимитируют цех. Бригадная система, при надлежащем контроле, обеспечила бесперебойное выполнение месячных заданий. На заводских планёрках я сижу спокойно и слушаю, как другие переругиваются.

Проявилась иная проблема. В цеховом плане есть статья: оргтехмероприятия (организационно-технические мероприятия). Это, по сути, статья развития производства. Туда входит и модная в то время НОТ (научная организация труда).

Хорошо помню, как уже в первые дни работы в 4-м цехе, меня ткнули носом в последнюю страницу месячного плана цеха – вот твоя главная забота. Смотрю: перечень позиций оргтехмероприятий, которые цех должен выполнить в данный период. Для меня всё это - тёмный лес.

Начал разбираться. Интересуюсь у технолога Люды:

- Кем составляется этот перечень работ?

- Плановым отделом. У них имеется годовой план заводских оргтехмероприятий, с него и черпают.

- С цехом согласовывают этот перечень?

- Зачем? Ведь они с утвержденного плана списывают.

Внимательно просматриваю чертежи каждого изделия, пытаюсь представить себе временные затраты на изготовление. Что-то много получается. Спрашиваю экономиста цеха Анну Петровну:

- Вы обсчитывали спущенный нам план оргтехмероприятий?

- Обсчитывала. В нём два наших месячных плана, а то и больше.

- Кого поставили в известность?

- Начальника, конечно.

- И что он?

- Приказал оставить как есть.

- Почему?

- Этот вопрос, Александр Николаевич, задайте Борису Николаевичу.

Мне говорили, что эта дама с заскоками, поэтому не стал настаивать и обратился к Карпову за разъяснениями. И вот что узнал.

- Представь себе, Александр Николаевич, что ты получил обсчитанный и согласованный с тобою план и не выполнил его.

- Почему я должен его не выполнить?

Начальник скептически обзирает меня, улыбается и только после этого отвечает:

- Я не сказал, что ты должен не выполнить план, но ты можешь, по независящим от тебя причинам, его не выполнить. Ведь так?

Что тут возразишь? Я кивнул.

- Тебя будут ругать, обвиняя во всех смертных грехах. Лишат тебя и ИТР цеха премии. Так?

Опять кивок. Я не понимал к чему клонит мой начальник. После длительной паузы он, наконец, сказал:

- Теперь смотри. Тебе дали явно завышенный план. Ты, понимая это, выбираешь из перечня только те позиции, которые тебе по зубам. Обсчитываешь трудозатраты, подгоняешь их под план. Рабочие загружены работой, они ни тебе, ни мастерам не треплют нервы. И это не всё! Спущенный план ты определённо не выполнишь, но какой с тебя спрос? Ведь он был заранее завышен и это легко доказать с помощью арифметики. Случаются, правда, скандалы, но об этом, придет время, сам узнаешь.

- Какие скандалы, из-за чего?

- Я сказал – потом – резко напомнил Карпов и продолжал: - Далее план корректируется и всем становится хорошо. Так как ты думаешь: стоит ломать копья из-за заведомой невыполнимости плана?

- Думаю, не стоит.

- Вот и договорились, - сказал удовлетворенно Карпов, - а то твой предшественник уперся. И где он?

Догадываюсь, что Клоков, не в пример мне, свой первый экзамен не выдержал.

А вот и анатомия обещанных скандалов. Мы, как обычно, из множества выбираем то, что нам сподобилось. Но не всех заказчиков это устраивает: кто-то надеется получить свой заказ именно в этом месяце, а его, без видимых на то причин, отодвинули в далёкое будущее. Найдется и тот, которому якобы обещали, но нагло обманули. Но казалась-мазала к делу не пришьешь. К цеху претензий нет, но слушок прошел: хреново работает начальник, заказчики жалуются. Обозлившись, они стремятся как можно больнее куснуть:

- Это бардак, а не цех. Творят, что хотят!

Кто-то, с удовольствием, добавит масла в огонь:

- Хромая кобыла никогда рысакom не станет.

В те годы слова имидж я не знал, но чувством достоинства и тогда страдал. Кому понравится руководить бардаком, если он не чувствует себя бандершей (мужского синонима не нашёл)? С тем и решаю: необходимо избавиться от привилегии безнаказанно таскать kota за хвост.

Начал зондировать почву. Заводские отделы нам не помощники. Наши же силы ограничены: старший инженер (пока я и и.о. начальника), технолог, два нормировщика, экономист, ну мастера. Все и без того загружены.

Собираю ИТР и ставлю задачу: месяц на раскачку, с января 1967 года начинаем обсчитывать февральский план оргтехмероприятий.

Вопросы: зачем нам это надо? нам делать нечего? вы представляете объем работы? зачем на заводе техотдел? Ну и другие риторические вопросы. А я им: «Наши цели ясны, задачи определены. За работу товарищи!» (спасибо Хрущеву за этот лозунг).

Теперь во второй половине текущего месяца мы обсчитываем следующий. То, что войдет в план, должно быть обеспечено чертежами, материалами, исполнителями и, наконец, производственными площадями. ИТР загружены по уши, скучать и чай распивать некогда.

Техотдел вдруг узнал, что не все изделия, вошедшие в перечень оргтехмероприятий, обеспечены чертежами. Плановый отдел, скрепя сердце, вынужден обосновывать спущенный нам план.

В заводских условиях соцсоревнования было несколько пунктов, учитывающих идейно-воспитательную работу в коллективе цеха. Если мы ею, худо-бедно, но занимались, то где наглядность?

В управлении завода на побегушках пребывал парнишка, способный ко всяким художествам (в хорошем смысле слова). Я привлек его в цех не только хорошей зарплатой, но и возможностью творчески работать.

Так появилась цеховая Доска Почёта, на которой вывешивались портреты лучших наших работников. Один раз, подчиняясь решению общего собрания коллектива, пришлось «повисеть» и мне. Фотографию с неё, вы только сейчас видели.

На стенах цеха появились красиво оформленные лозунги. К красным датам, в том числе к столетию В.И. Ленина, выпускались специальные бюллетени. Всё это давало нам козыри при подведении итогов соцсоревнования.

1971 год. Шестой год работаю в в/ч 42894. 4-й цех из квартала в квартал занимает 1-е место в соревновании между цехами. Уже нет той нервозности, что была поначалу. Будь всё так, не исключено, проработал бы здесь до пенсии, но...

Руководству завода вздумалось отдать под моё начало самолётный цех. Когда я услышал об этом от начальника завода полковника Ценина (растут же люди), то очень удивился и тут же отказался от такой чести. Никакие уговоры Анатолия Михайловича не поколебали меня.

Ценин подключил к этому неблагодарному делу полковника Овчаренко, начальника отдела капитального ремонта штаба ВВС ЧФ. Теперь они вдвоём наседают на меня. Напоминаю им, что я по образованию техник, да и то по обработке металлов резанием, что в авиации был мотористом, даже не механиком, тогда как в руководстве 1-го цеха сплошь и рядом авиационные инженеры. Голованов, например, был инженером полка, инженерами эскадрилий там хоть пруд пруди. Какую роль вы мне готовите, товарищи полковники?

Я еще никогда не слышал столько похвал в свой адрес. Впору было сквозь землю провалиться. Выслушав кучу обещаний в оказании помощи и повышение зарплаты до небес, я пошел на этот дурацкий шаг. Самое печальное: из всего этого не было пользы ни мне, ни заводу.

С 10 ноября 1971 года я – начальник самолетного цеха. Пытаюсь сейчас вспомнить все участки цеха и боюсь напутать, поэтому обойдусь без перечислений.

Но представление о помещении следует иметь. Само здание досталось СССР по репарациям. Немцы проектировали его под ремонт истребителей. Первоначально у нас так и было. Ангар использовали для ремонта истребителей МиГ-15. Позже лётная часть покинула этот аэродром, но завод остался. Он начал ремонтировать Ил-14, которые по габаритам значительно больше истребителей.

С западной стороны ангара во всю длину пристроено двухэтажное здание. На первом этаже производственные помещения, на втором в основном администрация. На востоке приангарная

площадка, в самом ангаре 6-ти метровой высоты воротные полотна. Их раздвигают при закатывании или выкатывании самолетов.

Чтобы разместить нужное количество машин непосредственно в ангаре, у них, еще на разборке, отнимают консоли (отъемные части крыльев). Перекачиванием машин внутри ангара руководил старший мастер Мордвинов (к сожалению, забыл его имя).

Он же раскрыл мне статистику травмирования рабочих от неисправности стремянок и стапелей. Травматизм был одним из бичей этого цеха. Сразу вопрос: почему не организовали ремонтную бригаду? Не предусмотрено штатами. Я обратился в ОТЗ (отдел труда и зарплаты) с докладной, и цеху сверх штата выделили механика и двух слесарей. Чувствовалось, что Ценин свое обещание держит.

Зима выдалась суровой. В ангаре 14 градусов мороза. Сжатый воздух, подаваемый к пневмоинструменту, замерзает в системе труб. По ангару то и дело слышен вопль клепальщиков: «Воздух!»

Отогрев системы горячей водой мало эффективен. Что еще? Паяльная лампа. Но применение открытого огня в ангаре строго запрещено! Беру на себя ответственность. Пишу распоряжение: отогревать пневмосистему паяльной лампой. Под постоянным присмотром механика идёт обогрев вентиляей. Ледяная пробка под давлением воздуха летит от одного вентиля к другому. Пока обойдут все вентиля, в начале системы опять пробка. Наша песня без конца, начинай сначала.

Еще беда. В такие морозы красить самолеты нельзя. Уже при температуре минус 8 градусов краска, как вода, стекает с окрашиваемой поверхности. Никакие тепловые пушки не помогают. Но если бы только это!

На участке покраски суматоха. Коллектив волнуется – остаётся без заработка. В случае невыполнения плана, они полностью теряют премию, которая - 50 процентов от заработка. Руководство цеха, как может, успокаивает людей: морозы к середине декабря спадут.

И тут ЧП – бригадир красильщиц жестоко избил свою подчиненную. Сказывается нервная обстановка среди маляров. Женщину увезли в больницу, а бригадир сидит у моего стола и пишет объяснительную. Женщины из бригады свидетельствуют. Бригадир перепуган не на шутку: клянётся, божится, что такое больше не повторится, только не сдавайте дело в милицию.

Кончается месяц, группа маляров, поработав субботу и воскресенье, план выполнила, премию получит. Исключение - бригадир красильщиц. Потерпевшая из больницы вернулась и в суд подавать не собирается. Бригадир воспарял духом и решил отстоять так бездарно утерянную премию. Он пишет в завком, жалуясь на неправомерную строгость начальника цеха.

Ко мне пришел профсоюзный ревизор, рабочий со второго цеха. Положил передо мной жалобу бригадира и, пока я её внимательно изучаю, читает мне лекцию о том, что нельзя обижать рабочих, у них семьи, маляром работать - не то, что бумажки на столе перебирать, и т.д.

Я показываю ревизору распоряжение по цеху, где зафиксирован позорный случай и наказание в связи с этим. Только в силу глубокого раскаяния нарушителя администрация цеха не поставила вопрос об его уголовной ответственности. Рядом с моей подписью роспись нарушителя: «ознакомлен» и число. Ревизор смущен. Я достаю объяснительную записку этого горе-бригадира, где он сознаётся в содеянном. Профбосс читает и, что-то бормоча себе под нос, уходит.

Это было в январе, но вернемся в декабрь.

Как предсказывали синоптики, потеплело. Работа пошла своим чередом. Последний самолет идет с некоторым отставанием от графика. Вместо того, чтобы выдать его ЛИСу 26 числа, мы откатали его из цеха 28 декабря. До конца месяца еще три дня. Дни-то были, но лётной погоды нет – сплошной туман.

Начальство забеспокоилось. Цеху засчитывают в план самолет по сдаче его в ЛИС, а заводу после его облёта. Что же получается: цех план выполнит, а заводууправление нет?

В Севастополь пошла телеграмма примерно такого содержания: «Машина № сдана в ЛИС, но нет погоды. Просим засчитать ее в план декабря с последующим облетом в первый же летный день».

Не знало наше командование, что «Круглая бухта» (севастопольский авиаремонтный завод) незадолго до этого вызвала экипаж для облёта ещё не отремонтированного вертолета. Они надеялись, что в связи с наступающим Новым годом летчики не приедут. Не приедут и ладно. Их дело вызвать. Телеграмма давала право на включение в план не облетанной, но отремонтированной машины.

Вопреки расчётам завода, экипаж прибыл, а машина не готова к облёту. Летчики обратились в штаб ВВС ЧФ с жалобой. Поднялся скандал – приписки! И тут телеграмма от нашего завода. Сгоряча отказали и нам.

Впервые заводоуправление не выполнило план, и всё из-за 1-го цеха! Сдали бы машину по графику, успели бы облетать – в потерянные дни было «окно».

Собирают партком. Основной докладчик – виновник ЧП. Сбой с графика объясняю сильными морозами, что снизило интенсивность труда не только маляров. Есть и достижения: в декабре цех завершил затянувшийся ремонт изделия «Е» (Бе-12 - противолодочный самолет).

Партком обсуждает мое выступление и видит вину начальника цеха в том, что надлежаще не организовал работы по субботам. «Сделай он это, не пришлось бы нам сегодня здесь собираться по столь печальному случаю».

Некоторое разъяснение. По КЗоТу определено два выходных дня: суббота и воскресенье. Инструкциями категорически запрещено привлекать персонал к работам в выходные дни для ликвидации отставания от плана. Об этом знает любой рабочий.

Мастер уговаривает рабочего выйти поработать в субботу. Чтобы отвязаться от мастера, обещают, но часто не выходят. Рабочих можно понять. Если нет личной заинтересованности, то кому захочется лишний день мёрзнуть в одном комбинезоне (во многие места в ватнике не подлезешь) ради интересов любимого завода?

В своём выступлении Ценин, как мог, успокаивал наиболее рьяных партийных мстителей и снисходительно отнесся к моим упущениям. Решение парткома было взвешенным, можно сказать, меня погладили по головке и сказали: «Смотри, мальчик, больше такое не допускай!». На выходе Ценин сказал мне: «Не обижайтесь, Александр Николаевич, так надо было». То есть партком нужен был для «галочки».

Я заметил, что стоит зайти в ангар, как ко мне подходят рабочие с различными вопросами. Особенно часто такое случается утром. Исходя из этого, я стал не спешить уходить из ангара, а заняв место в середине, стою. Ко мне подходят, и мы разговариваем. Тогда у меня память была лучше, чем сейчас: записывать ничего не надо было. В результате утренних бесед с рабочими я приходил на цеховую «пятиминутку» «нашпигованный» полезной информацией.

В одной из таких бесед, мне сказали, что дверные панели ангара могут выйти из зацепления и рухнуть. По замыслу конструкторов, панели катались на роликах по рельсам. От долгой эксплуатации трущиеся части (ролики и оси к ним) изнашивались и могли выскочить из соединения с рельсом.

Поговорил на эту тему с Мордвиновым (он часто руководит сдвигом панелей). Он сказал, что сейчас без ломиков панель с места не сдвинешь, тогда как раньше они расходились от нажатия плеча.

Осмотрел сам ворота и убедился в аварийном износе роликов. Обязал механика открыть заказ в 4-й цех на их изготовление. Вменил в обязанности мастеров, которые руководили процессом открытия/закрытия ворот, не допускать нахождения людей на линии возможного падения панели.

14. ДЕЛА ДОМАШНИЕ

Увлечшись производственными проблемами, я совершенно забыл о домашних делах. В прямом смысле и в переносном: не описываю течение домашней жизни, которая при занятии трудной, но интересной работой действительно отошла на второй план.

Да и что говорить? Основная стройка закончилась. В доме есть водопровод и канализация. В нашем районе газ баллонный, но у нас самого баллона нет. Пришлось везти из Харькова, преодолевая кучу препятствий, связанных с железной дорогой.

Дети подросли, учатся в 1-й школе, к которой их папа давным-давно, хоть чуть-чуть, но приложил руку. И два года сам в ней учился. Кроме этого, Оля посещает балетный кружок. У девочки удивительные способности к танцам.

Во дворе стоят хоккейные ворота, сбитые Вовой. Мальчишки выносят их на улицу и там гоняют мяч самодельными клюшками. Вова увлекся спортивным бегом. Самозабвенно бегаёт с друзьями по песку у берега моря. Так отрабатывают силу ног.

Жена работает бухгалтером в газете «Евпаторийская здравница». Некоторые подробности на эту тему.

В 1969 году Евпаторию одарили городской газетой, органом ГК КПУ. Редактором назначен Михаил Трофимович Гончаров. Ему и сколачивать штаты. Если творческие работники не стали проблемой, то технических - недобор. Нет и подходящего бухгалтера.

В то время главным бухгалтером типографии был мой друг с детства Константин Иванович Дружинин. Гончаров попросил его на первых порах помочь редакции. Но сколько можно разрываться? Костя предложил на место бухгалтера мою жену. Гончаров согласился, но с условием, что Дружинин доведёт её бухгалтерское умение до кондиции.

С этим Костя справился, но другой недостаток Полины Сергеевны был не в его компетенции. Труднейшая жизнь в деревне - оккупация, голод - не дала ей возможности нормально развиваться. Отсюда убогий лексикон.

В редакции это сразу заметили. Как-то одна редакционная дама, услышав пространную реплику редакционного же бухгалтера, ахнула: «Как можно так говорить, да ещё в редакции?!» Гончаров её успокоил, сказав, что техническому работнику такое не возбраняется.

Полина сама рассказала мне об этом случае. Ну, что делать? Что в детстве упущено, в зрелые годы не всегда удаётся восполнить. Она старается ухватить что-то, как ей кажется, культурное, но не всегда попадает в лыко. Помнится такой шедевр: слово «внезапность» она произнесла как «внезапность»!

Наш дом стали посещать работники редакции. Это сам Гончаров, Саша Лоевский, Лёва Линиченко, Света Новикова с мужем Костей.

Лоевского интересовали мои возможности обеспечивать его болтами, гайками и другими метизами. Он, больной полиомиелитом, ездил на стареньком мопеде, который постоянно ломался. С Линиченко не помню, как состыковался, но в последующем по воскресеньям сидели за стопкой водки и разглагольствовали на международные темы, с Костей Новиковым говорили о литературе.

Гончаров сам по себе был интересен. Он хорошо потерялся в тех сферах, о которых в то время я мало что знал - контрразведка, внутренняя жизнь обкома партии. Рассказанное им, я частично использовал при написании книги «Из жизни Пospelова».

Мама пожаловалась на Вадима Федоровича, если помните, это мой отчим. Запил, бедолага. Хорошо бы только это, но стал замахиваться на маму. Пошел разбираться. Думал ли я, что в комнате, в которой родился, понадобится «воспитывать» чужого мужика, посмеявшего обидеть мою маму? Обошлось без крови, но и рецидива больше не было.

15. НАЧАЛЬНИК ПРОИЗВОДСТВА

Урок, данный мне на парткоме, послужил толчком для совершенствования организации труда в цехе. Нет, я не стал думать, как постелить красную дорожку, по которой рабочие могли

бы в субботние дни проходить на работу. Тогда что? Ответ на поверхности: укладываться в план в отведенное рабочее время.

Иногда, любопытства ради, заходил в цеховую курилку. Про дым коромыслом умолчу, но в этом смраде вижу и некурящих. Они заинтересованно разговаривают между собой. Почему не в цехе, почему не во дворе в затишке? Да потому, что курилка – единственное место на заводе, где рабочий законно и бесконтрольно может транжирить рабочее время.

- Ребята, сколько можно курить?

- А мы только зашли.

Попробуй – проверь.

Обратился в плановый отдел, в ОТЗ: какие имеются законы в части регламентации рабочего дня? Читаю книжечки, инструкции, и начинаю понимать, что схема устройства рабочего дня выпала из внимания администрации цехов, поэтому существует так, как бог на душу положит. Так было в артели, на ЕЛОЗе, так сейчас и на нашем заводе.

Я не помню сейчас всех тонкостей типовой схемы рабочего дня, но запомнил цифру: 20 минут. Столько времени работающему не на вредном производстве отводится на отдых. Право администрации распределить эти минуты по рабочему времени.

Прояснив для себя эти тонкости, я на совещании с ИТР поднял вопрос о структуре рабочего дня для производственных бригад цеха №1. До этого я переговорил с двумя-тремя мастерами и мог представить себе реакцию совещания. Идею структуризации рабочего времени ИТР встретили в штыки. «Как после этого обращаться к рабочим насчет субботы?» - вопрошали они. Тон выступлений был схож с нынешними разглагольствованиями на митингах.

После этого совещания передо мной встал вопрос: а как на это посмотрит руководство завода? Не остаться бы в одиночестве. Написал черновик распоряжения по цеху и понёс его по службам. Читали, вносили коррективы, уточняли фразы, но все говорили, что пора бы за это давно взяться, иначе рабочие на голову сядут.

В техотделе тушью во весь ватман воспроизвели текст распоряжения по цеху с чётким указанием: до обеда перерыв 10 минут, после обеда еще 10. Для отдыха каждой бригаде отведено определённое время. Есть и пункт ответственности мастеров и рабочих за нарушение распорядка. Ввод в действие с 1 февраля 1972 г. Ватман вывесили рядом с доской распоряжений, на самой доске он не помещался. В книге распоряжений расписались все мастера.

Открытых выступлений не было, но угрозы звучали: «Ну, попросите вы нас выйти поработать в субботу...» Уже в том же феврале просить никого не пришлось. В план вложились свободно!

В марте неожиданно-негаданно ко мне в кабинет зашел Вадим Викторович Чернышев, секретарь парткома завода «Вымпел». Так я назвал завод для ясности. В то время он назывался филиалом харьковского завода радиоэлементов.

До «Вымпела» Чернышев был освобожденным секретарём парткома нашего завода, а я был у него заместителем. Мы хорошо тогда сработались. Потом его перевели на «Вымпел».

И вот мы встретились! Давно не виделись. Какими судьбами? Вадим Викторович передал мне приглашение директора завода Н. Литвиненко занять должность начальника производства.

Я много не думал, ибо, несмотря на некоторые успехи в руководстве цехом, я по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке. Может быть, это чувство со временем исчезло бы, но на тот момент оно меня всё еще давило. Я дал согласие.

Викторинич тут же отвёз меня на «Вымпел», где я встретился с заместителем директора головного завода по производству, который задержался с отъездом ради беседы со мной. Переговорил и получил добро.

Написал заявление на расчет. Ценин воспротивился. Он выносит мое заявление на партком. На парткоме звучали высокие слова о доверии, оказанном мне, но были и более трезвые: товарищ не просто уходит, он идет на повышение. Имеем ли мы право мешать ему в профессиональном росте?

Итак, с 4 апреля 1972 года я – начальник производства. У меня кабинет на 3-м этаже основного корпуса, секретарь Оля. Место спокойное. Основное движение на 2-м этаже. Там кабинеты директора, его заместителя по общим вопросам и главного инженера. На первом этаже 1-й и 2-й цеха. Они в одном громадном помещении. Сотни станков точат и дорабатывают латунные или бронзовые детали. На резцы брызжет сульфатфрезол (специальное минеральное масло). В цехе постоянный масляный туман и механический шум. К этому еще нужно привыкнуть.

В бывшем оцинковальном цехе ЕЛОЗа разместился инструментальный цех, в бывшем литейном – ОГМ (отдел главного механика) и техотдел на 2-м этаже.

Вижу много новых лиц, явно не евпаторийского «разлива». Откуда они? Это приглашенные инженеры из разных концов СССР. Они приехали сюда под посул квартир. Как же я здесь очутился? Неужели среди приезжих подходящего не нашли? Поработав, понял, что не каждый позарится на эту беспокойную должность.

Встретил нескольких ребят, знакомых еще по «Стахановцу». Среди них тот же Володя Стальбовский. Теперь он пытается называть меня по имени-отчеству. Дудки тебе, Володя, как называл, так и продолжай называть. Савелий Андреевич Юрьев, мой бывший начальник. Сейчас завхоз 1-го цеха. Дочь у него так и умерла от рака груди. Савелий Андреевич, увидев меня, сказал:

- Быть тебе, Сашка, еще и директором!
- Куда уж нам, Савелий Андреевич.
- А чем ты хуже Моцаря?
- Кто он? Я его не знаю.
- До тебя был начальником производства, а сейчас директор ремзавода.

Моцарь недолго пробыл в директорах. В том же 1972 году он стал работать на моем месте - начальником цеха №1. После моего ухода цех опять принял Голованов. С первого же дня он просил об отставке, но работал пока его не сменил Моцарь. Заметим, после моего ухода должность механика цеха ликвидировали.

Моцарю и здесь не повезло. При открытии ангарных ворот одна из панелей вышла из зацепления, и 6 метров деревянной конструкции рухнули на пол ангара. Под нею оказался старший мастер цеха – Мордвинов! Спросить не с кого. Начальник новый, механику не дали начатое довести до конца.

Каждое утро секретарь кладет мне на стол сводку выпущенных за сутки и с начала месяца деталей. Я вижу большое отставание от графика. Обращаюсь к плановикам. Они (Роженцев и Гиндин) поясняют: головной завод спускает своему филиалу заведомо невыполнимый план. В конце месяца его корректируют по действительному выполнению, и все рады, все смеются. На мое недоумение, отвечают: у нас в ходу принцип «Требуй невозможное, получишь желаемое».

У меня в подчинении ПДБ (планово-диспетчерское бюро). Его начальник Сергей Николаевич Ромодин. В бюро несколько диспетчеров. Среди них два бывших летчика. Один из них летал на Бе-12. Самолет потерпел катастрофу, упал в море. Диспетчер (забыл его фамилию) один из всего экипажа спасся. На кладбище, за «Вымпелом», могилы его товарищей.

Ромодин добросовестный работник. По характеру напоминал носорога: прёт к цели, не оглядываясь по сторонам. Иногда требует невозможное, что расценивается потерпевшими как отсутствие компетенции. Он закончил пединститут, к счастью, никого не учит тонкостям металлообработки, но общеорганизационные вопросы – его конёк. И этого достаточно было, чтобы обозвать его «гигантом мысли».

При первой же встрече с главным инженером Малыгиным в его кабинете я узнал, что директор завода не дружен с русским языком. Я был несколько смущен такой откровенностью, но мне сунули под нос телетайпограмму с резолюцией директора. Я и сам не сильно большой грамотей, но сразу заметил, что слово «Здесь» он пишет через «С», «ветошь» без мягкого знака и т.д. Не желая кого-то судить, тем более директора, с которым виделся всего раз, я сказал:

- Вам, Владимир Васильевич, должно быть известно, что и Никита Хрущев в письме делал много грамматических ошибок, но это не мешало ему руководить государством.

- И доруководился, - заметил Малыгин, но тут же сменил пластинку: - Я пригласил тебя вот по какому вопросу.

Он начал рассказывать о бездельниках, которые находятся в руководстве цехов, за ними глаз да глаз. Когда узнал, что их необходимо постоянно давить, то вспомнил о Ромодине. У того слово «давить» было самое употребляемое. Не у Малыгина подхватил его?

Подумалось, что на прежнем заводе на меня, как на начальника цеха никто не давил. В своём цехе я принимал решения самостоятельно. Если и обращался к кому повыше, то по собственной инициативе. Ценин не раз подчеркивал: «От того, как работают начальники цехов, зависит преуспевание завода». И это не красивые слова, а позиция. Начальникам цехов доверяли, с их мнением считались и никогда на них не давили.

Взять такой случай. Приглянулся начальнику ОТК завода мастер цеха №4 Иосиф Иосифович Михайлов. Подполковник в отставке, летчик. Когда я начал работать в цехе, он был слесарем-одиночкой. При формировании бригад, я предложил ему стать бригадиром. Михайлов подобрал хороших ребят и возглавил бригаду.

Когда в слесарной группе появилась вакансия мастера, я предложил ему это место. Его вопрос меня удивил:

- А я справлюсь?

- Ёсиф Ёсифович, кто же, если не вы?

Работает Михайлов хорошо. Он сам дисциплинирован и группа его на высоте. Он один из тех, кто не боится со мной спорить. Однажды, не помню по какому случаю, мы не сошлись во мнениях. Я настаиваю на своём, он требует по этому случаю приказа. Мне смешно стало: ведь мы всё же не армия. Начальник цеха имеет право издавать распоряжения, а не приказы.

- Ёсиф Ёсифович, я не приказываю вам, но очень прошу сделать так, как я сказал.

И упрямец смирился.

Теперь его переманивают в ОТК. Работая на контроле, он будет показывать мне свой характер. Смогу ли я, не имея прямого воздействия, его урезонить? Едва ли.

Иду к начальнику ОТК майору Лагно, и объясняю, почему не хочу отдавать ему Михайлова. Тот возрадовался:

- Именно такой мне и нужен!

Я не согласен:

- С таким мастером ОТК ты завалишь и мою, и свою работу.

- Это почему же? – удивился майор.

- Михайлов довольно часто бывает немотивированно упрям.

- Справимся. Не с такими справлялись.

Я долго держался, но Михайлов, зная о моём несогласии о его переводе, стал вообще невыносимым. Что ж, насильно мил не будешь. Я даю согласие на перевод и чуть ли не сразу сталкиваюсь с проблемой возникшей на голом месте.

Завод ремонтировал Ил-14 для республики Конго. Для этого необходимо все технические русскоязычные тексты обозначить на французском языке. Цеху передают нужные чертежи. Наиболее сложная и трудоёмкая работа - приборная доска. Изготовили её в металле, остановка за гравировкой и набивкой текстов.

В цеху нет необходимых шрифтов, но они есть у Яна Теверовского, который работал у нас гравёром, но ушел в горбыткомбинат, опять-таки не сработавшись с Михайловым. Еду к Яну, заключаю с ним трудовой договор, выписываю карточку (наряд). Работа сделана в срок.

Лично сдаю работу Михайлову. Тот проверяет документы, изделия - претензий нет, но не подписывает карточку! Почему? Он лично не видел, кем и как делалась эта работа.

- Зачем это вам?

- Так положено.

- Кем положено?

- Мною! Вам этого мало?

Потерпев полное фиаско от такой железной логики, я звоню его начальнику.

- Пришли Михайлова ко мне!

- Нет уж, товарищ майор, зови его сам.

За Михайловым прибежал посыльный, и тот поплёлся к своему начальнику объясняться.

Через некоторое время звонок:

- Вот упёртый черт, - слышу возмущенный голос Лагно, - но ничего, я его доломаю.

Я умерил его пыл:

- Для ломки, товарищ майор нет времени. Сегодня срок сдачи приборной доски. На планерке я доложу о причине задержки.

- Ладно. Неси документы, я сам подпишу.

- Я пришлю комплектовщицу с документами и с доской. Как только подпишешь, она доску отнесет в 1-й цех.

На другой день посылаю за Теверовским машину, и он в кассе получает заработанные деньги. Прошу его показаться на глаза Михайлову, но в ответ слышу:

- В заказе не было пункта: «Встреча с любимым мастером». Пусть с ним идиоты встречаются. Я к таким не отношусь.

У меня не было желания вносить уточнения в их отношения, ибо знал, что и Ян - не белая акация, о которой нежные песни слагают.

Первая встреча с директором Литвиненко, если не считать беседы при приёме на работу, состоялась на берегу озера Донузлав, куда я был приглашен Олегом Николаевичем в соответствии с занимаемой должностью, а не по родству душ. У него очередной день рождения.

Помещение похожее на гараж, но очень длинное. Для такой длины и стол, а за ним руководители всех служб завода. Женщин нет. Даже главный бухгалтер – мужчина, хотя уже и в годах. Когда бы я их вот так всех сразу увидел? Обстановка дружеская, непринужденная.

Литвиненко и тут директор. Он сидит в торце стола на месте именинника и оттуда назначает очередного тамаду. Тот встаёт и продолжает начатое предшественником. Ребята все тёртые, поэтому ни тени смущения или, наоборот, радости от оказанного доверия. Каждый, со знанием дела выносит на суд свои способности развлекать собутыльников.

Малыгин, став тамадой, посчитал нужным представить меня этим зубрам. Нехотя похлопали.

Вскоре Ромодина переманили на авиаремонтный завод, где избрали секретарем парткома. Чернышев (наш секретарь парткома), встретившись со мной, спросил:

- Ты не обижаешься на меня, что у тебя Ромодина забрали?

- А при чём тут ты?

- Это по моей протекции его туда взяли. В горкоме попросили найти подходящую кандидатуру, я и посоветовал Сергея Николаевича.

- И правильно сделал, - говорю я, - человек на своем месте будет.

- Вот и я так подумал, - согласился Чернышев, - чего ему было тут корячиться.

Вместо Ромодина дали вполне вменяемого человека – Александра Ивановича Мальцева. С ним стало легче работать. Он хорошо контактировал с людьми.

Тут, опираясь на конкретный случай, прошу обратить внимание на метод кадровой перегруппировки на этом заводе. У меня, руководителя службы, по сути, не уведомив, забирают заместителя. Понимаю, с горкомом не поспоришь. Ну, а дальше. Мне присылают в замену другого заместителя, лишив не только права выбора, но и права первой беседы с ним. На

авиаремонтном заводе более уважительно относились к людям, которым доверили руководство коллективами. Вспомните случай с Михайловым.

Здесь пришло время рассказать то, о чём еще никому не рассказывал, но это настолько важная веха в моей жизни, что её не обойдешь.

1972 год. Уже несколько месяцев работаю на «Вымпеле», вхожу в своеобразный ритм работы.

И вот подарок судьбы. Сажу в кабинете, копаюсь в бумагах. Стук в дверь и входит ароматное чудо в виде женщины. Потрясающая прическа обрамляет свежее, красивое лицо. На меня смотрят смеющиеся глаза. Заметила, чертовка, моё изумление. Хмурюсь и спрашиваю:

- Чем обязан?

- Игнат Акимович (главный бухгалтер), просил напомнить вам, Александр Николаевич, что надо поторопиться со сдачей актов на списание брака от автоматчиков (рабочие, работающие на станках-автоматах).

- Вот ими и занимаюсь, - ответил я, показывая на кипу бумаг, - скажите ему, что, если ничего не помешает, к вечеру закончу.

- Мне зайти?

- Не нужно, - ответил я с мстительным злорадством, - Оля, моя секретарь сама отнесёт.

Когда женщина ушла, я понял, что мне стало не до работы. Передо мной продолжала стоять статная фигура в белой кофточке, стилизованной под матроску. Внюхиваюсь. Аромат никуда не делся. Вспомнил, что не знаю её имени!

Вызываю Олю.

- Кто это был? – спросил я её.

- Я отлучалась, Александр Николаевич, но в коридоре я встретила Лену Морозову. Это она была у вас?

- Ты меня спрашиваешь? Это я тебя спрашиваю!

Девочка смутилась, но не надолго.

- Это определенно она была, в кабинете её духи еще слышны!

Я не хотел, чтобы Оля посчитала меня волокитой, поэтому деловым тоном сказал:

- Всё понятно. Сейчас закончу подписывать акты, отнесешь их в бухгалтерию, постарайся до этого никуда не отлучаться.

- Слушаюсь, Александр Николаевич!

- Не паясничай.

- Разрешите спросить, Александр Николаевич?

- Я сказал – не паясничай. Что еще не ясно?

- Мне не ясно, что вам стало понятно, когда вы сказали «Все понятно»?

Эта пигалица пытается залезть ко мне в душу. Не выйдет.

- Понял, что у тебя хорошее обоняние.

- И неправда! Вы не это имели в виду!

- Всё, Оля, иди и не мешай работать.

Тут же звонок. На проводе Игнат Акимович.

- Александр Николаевич, - говорит он, - ускорь, пожалуйста, акты на списание брака. Себестоимость не можем свести.

- Я в курсе, Игнат Акимович, ведь от вас уже была посылная.

- Разве? Как мог забыть?

- Бывает, - успокоил я старика и задумался: действительно, зачем было кого-то посылать, если есть телефон?

Так закончился мой первый контакт с женщиной-загадкой, которая в последующем стала моей женой.

На заводе событие. Харьковское начальство организывает у нас гальваническое серебрение деталей. К основному корпусу пристраивается цех, завозится оборудование. Я был немного знаком с гальваническим процессом. В 4-м цехе имелся гальванический участок, и мне порою приходилось вмешиваться в решение отдельных проблем.

Здесь же всё иначе. Линии автоматические, электролит цианистый. Из Харькова приехала бригада гальваников, которая и начала налаживать процесс. Им выдают детали прямо из цехов и они, загружая их в колокола, что-то там маракуют. Работы курирует главный инженер.

Приближается конец месяца, а с ним и квартала. По сводкам, что лежат у меня на столе, полный порядок. Сводка сводкой, а как там на складе? Посылаю Мальцева провести сверку. Возвращается Александр Иванович в расстроенных чувствах. В чем дело? Недопоставка.

Еще сверяем. Выясняем: те детали, что взяли на гальванику, до склада не дошли. Они все в браке по покрытию, так и остались в гальванике, поэтому в план войти не могут. Прикидываю: завод план не выполняет!

Сижу с Мальцевым, обсуждаю проблему. Фактически нашей вины нет. По количеству и ассортименту мы план выполнили. Те детали, что изымали для отладки гальванического процесса, должны были, покрытые серебром, продолжить путь на склад. Не продолжили.

Допустим, доложим директору. Он разразится справедливым гневом: почему не предусмотрели? Ведь могли увеличить выпуск деталей специально под гальванику? Могли. Почему не сделали? А кто нам сказал, что гальваники работают только на брак?

Как бы ни обернулся неравнозначный диспут с директором, главный результат заранее известен: завод план не выполнил! Литвиненко не опустится до приписок, поэтому заводоуправление останется без премии.

После некоторых колебаний, мы решили взять ответственность на себя – скрыть от администрации действительное положение дел. Со складом я договорился, и он согласился взять на учет недостающее количество из числа ранее забракованных деталей.

С этим «добром» у нас проблем не было: кладовые ломались от брака. Диспетчеры отобрали необходимый ассортимент деталей и отвезли их на склад. Там браку отвели укромное место, чтобы не перепутать с качественными. Для погашения приписки нам понадобилось три месяца тщательно законспирированной работы. Поволновались, но всё обошлось.

Кто-то, возможно, обратил внимание на то, что у нас «кладовые ломались от брака». Ломались. Только не надо ахать и кого-то обвинять. Всё шло своей чередой. Причин для брака - масса. Начиная с дефектов металла и кончая невнимательностью исполнителя. А между ними разладка станка, неправильная заточка инструмента и т.д.

Приплюсуйте к этому строгость контролеров ОТК. Сам лично испытал её. Иногда по субботам мы всем заводоуправлением перебираем детали. Дадут тебе пару ящиков, скажут что искать, вот и сидишь, глаза пялишь, рассматривая каждую деталюшку. Несешь перебранный ящик контролерше, а та за минуту находит кучу незамеченных тобою дефектов.

Но дефекты дефекту рознь. Бывают и «вкусовые». Вот не нравится что-то контролеру, сама не знает что, и ящик в брак. Такие детали откладывали в особую группу брака.

Избавиться от него нам помогали братские республики: Карачаево-Черкесская АО и Киргизская ССР. Приезжали из этих мест представители подобных нам заводов и выметали всё, что у нас накопилось.

Разговаривал как-то с приезжим из Джалал-Абада (Киргизская ССР). Так он рассказывал, что весной и осенью у них некому работать. У каждого рабочего есть своя земля, с которой и живет. Весной – посевная, летом орошение, осенью – уборка. Закончилась страда, появляется и рабочий. Приходит в цех и, будто ничего не случилось, становится за станок. И так из года в год. А головной завод требует детали круглогодично. Вот и едут в Евпаторию за братской помощью.

Как-то подъехал к проходной завода 21-я «Волга». Из неё вышел высокий, статный мужчина лет за 50 и направился к директору завода. Через несколько дней он становится начальником цеха №2 (доделка). Я пишу о нем так подробно не потому только, что он интересный человек еще потому, что мне предстоит с ним часто пересекаться.

Зовут этого человека – Евгений Федорович Высоцкий. Он из Ростова. На каком-то заводе работал директором. В семье разлад, и Евгений Федорович с новой женой уезжает в Евпаторию. Литвиненко принял его начальником цеха под обещание квартиры.

Работа в цехе улучшилась. Высоцкий умел находить общий язык с кем угодно. Разговаривая с ним, чувствуешь, как он стремится понять тебя. Если что-то не так, он с каким-то сожалением скажет тебе об этом. Удивительно контактный человек. Женщины, увидев его, млели. Одна из них мне поведала: «Стоит Жене наклониться надо мной, как я вся горю».

Всё было хорошо, но тут случай на директорской планёрке.

Лето. Завод испытывает острую нехватку рабочих. Призыв в армию, поступление в институты, заочники сдают экзамены. Некоторые, в особенности женщины, решают летом отдохнуть, доходы с курортников позволяют это сделать.

Цеха лихорадит. Приходится работать в выходные дни. В моём кабинете всё чаще звонит зеленый телефон без наборного диска – это прямая связь с директором. Он, познакомившись со сводкой, без церемоний, в смысле «здрасьте», спрашивает:

- Вы вчера работали?

- Работали, Олег Николаевич.

- Что-то не видно.

Итак, планерка. Я докладываю о «достижениях» за неделю. В общем, дела не так уж плохи.

- У меня другое мнение, садитесь.

Начинается предвзятый анализ, направленный на то, чтобы люди не расслаблялись. Добирается директор и до Высоцкого. У того наибольшие потери в людях.

- Почему, Евгений Федорович, вы не требуете от отдела кадров особого внимания к вашему цеху? Другие цеха пополняются людьми лучше, чем Ваш.

- А всё потому, - отвечает тот, - что отдел кадров подчиняется не Высоцкому, а Литвиненко! Упрекая меня в недостаточной работе с Чичериным (начальник ОК), вы обращаетесь не по адресу.

- Садитесь.

Я впервые видел Олега Николаевича таким багровым. Он привык к безукоризненному согласию со всеми его оценками. А тут...

Прошло какое-то время, завод сдаёт в эксплуатацию жилой дом. Высоцкого в списке нет. Он идет за выяснением обстановки к директору. Тот удивляется:

- Вы меня не так поняли. Я вам ничего не обещал.

Высоцкий уволился. Долгое время я не знал где он.

Сразу скажу, лично мне обижаться на Литвиненко не приходилось. Даже больше. Он «доверил» мне стать его заместителем в руководстве политкружком управления завода. Получилось так, что все занятия проводил я, а Олег Николаевич «опускался» только до подведения итогов.

И ещё. Литвиненко никогда не копался в мелочах. Мне с ним было легче работать, чем с главным инженером. Стоит Олегу Николаевичу уехать в отпуск или в командировку, как Малыгин берет руководство заводом в свои руки.

Я провожу планерку с начальниками цехов и с руководителями служб. Звонит Малыгин:

- Что делаешь?

- Провожу планерку.

- Давай всех ко мне.

- Владимир Васильевич, у нас всё в порядке, все вопросы решены. Нужно ли идти к вам?

- Раз я сказал, значит нужно.

Идем всем кагалом к нему. И тут начинается. Все работают плохо. Возражения не берутся в расчет. Каждый получает персональное задание, часто не вяжущееся со сложившейся обстановкой. Рефреном всему служит вопрос:

- Что мы скажем директору, когда он вернется?

Напряженная работа стала сказываться. Я однажды раскричался на мастера ОТК – женщину. Она расплакалась. Были и другие выпад, которые можно было оценивать как сдвиг по фазе. Я чувствовал, что превращаюсь в истерика. А тут еще два прострела в голове: от затылка ко лбу пронзила острая боль. Эти явления заставили задуматься.

Краткие записи с директорских планерок, сделанные мною.

Действующие лица:

1. Литвиненко – директор завода
2. Высоцкий – начальник цеха №2
3. Дынкин – начальник транспортного участка
4. Зеленский – начальник инструментального цеха
5. Карханин – начальник цеха №1
6. Малыгин – главный инженер
7. Печищев – главный энергетик
8. Пискун – главный электрик
9. Полтев – начальник гальванического цеха
10. Чеботарь – главный механик
11. Чечитов – начальник ОКСа
12. Ясинский – заместитель директора

29 октября 1973 года

Высоцкий – докладывает о подтягивании плана, о выполнении целого ряда позиций.

Литвиненко – Что за радужное настроение при полном завале плана? Вы сорвали план по крупным контактными парам. План сорван вообще! Реальный план.

Полтев - Докладывает о позднем начале работ первой смены по причине ремонтных работ.

Литвиненко – Почему не занимались ремонтом в субботу?

Полтев – Занимались, но не успели.

Литвиненко – Почему не работали в воскресенье?

Полтев – (молчание)

Литвиненко – Ну зачем такая работа? Зачем было выводить людей в субботу? Вот тебе организация работ.

Малыгин – (реплика) – Никто ничего не делает.

Литвиненко - Наказать полностью за это дело. Отметить в протоколе.

Чеботарь – жалуется, что строители не пробили дыры в стене и не завезли рельсы.

Литвиненко – Почему не пробил сам?

Чеботарь – эту работу курирует Чечитов.

Литвиненко – Только и знаем, кто что курирует. Надо было пробить самому! Отметить в протоколе невыполнение работ.

Чечитов – жалуется, что транспортный участок не выделил машину под бетон, говорят, не было шофера.

Литвиненко – Дынкина наказать полностью. Нужно было самому садиться за руль. Я в субботу был на участке. Свободные шофера были. Наказать Дынкина и обеспечить бетон за его счет. Отделу труда вывести дифференцированную выплату премии Дынкину с учетом простоев машин.

Литвиненко – (заклочение) Я уже говорил Пискуну надо иметь связи в городе. Ничего, если придешь на работу на час позже. Зато дело сделаешь. А так забивают гвозди. Раньше не заказывали, а теперь паклю требуют, ветошь им, видите ли, давай. Найди сам тряпку! Нет? Штаны сними и отдай рабочему. Неудобно слушать. И дети дома есть, а такое говорят. Высоцкий завалил план по всем статьям, 034 гнезда даже 50 процентов нет. За невыполнение приказов и протоколов будем очень круто наказывать. Обижайтесь только на себя, жалуйтесь своим родителям!

21 января 1974 года

Карханин – докладывает о трудностях.

Литвиненко – Завалил план по 035 и 036! Станков нет? А в три смены работаешь? Не можешь сделать 80 тысяч, делай 90! Кто тебе не дает? Записать в протокол: Карханин не справляется с планом. Номенклатура засчитана не будет!

Чеботарь – только начал говорить, его перебивают.

Литвиненко – Ты мне вот о чем скажи...

Чеботарь – Скажу, скажу. Я себе все наметил...

Литвиненко – Скажи, когда тельфер будет на складе?

Чеботарь – А он уже стоит.

Литвиненко – И работает?

Чеботарь – Может работать. Мы его слепили неделю назад.

Литвиненко – Вот именно – слепили.

28 января 1974 года

Высоцкий – докладывает о выполнении плана.

Литвиненко – Куда вы продвигаетесь? Чем больше продвигаетесь, тем дальше уходите от выполнения плана.

Зеленский – докладывает о принятых мерах по выпуску специальных станков.

Литвиненко – Какие меры? Ты мне станки давай, а не меры!

Литвиненко (заклочение) – Не случайно второй цех (Высоцкий) завалил план. Дисциплины нет, грязь, пол завален деталями. Сегодня стоят трое на деталях. Без преувеличения. И пока всем троим не всыпал, меры не приняли. Не бойтесь портить настроение и себе, и другим.

11 февраля 1974 года

Литвиненко (замечание Высоцкому) – У вас в цехе в графике продолжает фигурировать разгильдяй Жмайлов, как старший мастер. Если бы я встретил вас, не знаю, что сделал бы. Очень хорошо, что не встретил. Ушел на гальванику, и сидел там, чтобы вас не видеть! Памяти нет – возьмите тупой карандаш и запишите.

Зеленский - докладывает о повышении дисциплины в цехе. С начала года не было приводов в вытрезвитель.

Литвиненко – Нет вытрезвителя. Обрадовался. А где станки А-8? Это больший позор, чем вытрезвитель!

Печищев – поднимает вопрос о повышении оклада.

Литвиненко – Сколько месяцев подряд я лишаю тебя премии? Вот видишь. И в этом месяце лишу, если не сделаешь газ на общежитии. Тогда только будешь получать всю премию, когда в общежитии будет газ. Вот тогда и считай, что тебе повысили оклад.

Литвиненко – Ясинскому – Нарушений масса, а ты, мой заместитель, вместо того, чтобы лишать разгильдяев премии, расписываешься: «Целую всех, Ясинский».

Литвиненко (заключение) – Сейчас время такое: напряжение растет. Спрос усиливается. Естественно, что не все выдержат и уволятся. Хвалить друг друга нечего, надо отмечать недостатки и искоренять их, а история нас рассудит. И конкретно: Малыгину, Чеботарю, Стоме смотрите за производством, а то мне Высоцкий (начальник производства головного завода) говорил, если кое-кого убрать, то на 50% можно увеличить выпуск.

Я про себя поблагодарил Олега Николаевича за корректность. Ведь утверждение Высоцкого о 50% касалось только меня, но он, упомянув и другие фамилии, тем смазал конкретику. А у харьковского Высоцкого (не путать его с Евгением Федоровичем) были основания подложить мне свинью.

Это случилось в его первый приезд в Евпаторию. Он поселился в гостинице «Украина». Об этой новости мне сообщил Малыгин по телефону.

- Ну и что? – спрашиваю я его.

- Как что? Ведь это твой начальник! Он звонил и приглашал на беседу. Давай, затаривайся и поехали.

У меня не было с собой достаточного количества денег, поэтому созвонился с главным инженером винзавода Ритой Кишеневской (еще довоенной соседке по квартире) и попросил у нее пару бутылок вина и бутылку спирта.

Затарившись, поехали с Малыгиным на встречу с моим начальником. Познакомились и сразу сели за стол. Я вынул из чемоданчика спиртное и закуску. Выпили, снова выпили, и тут Высоцкий говорит мне:

- Что же это ты, паря, меня, своего начальника, спиртом встречаешь?

- А чем тебе спирт не угодил? От него, по крайней мере, голова не болит.

- У меня и от коньяка голова не болит.

- Коньяк будет в следующий раз.

- А я сейчас хочу! Сбегай, магазин рядом.

- Нашел мальчика.

- Ты не понимаешь, с кем дело имеешь?

- Да вот, только сейчас начинаю понимать.

Малыгин положил мне руку на плечо.

- Ты у меня вот где, - пригрозил Высоцкий, показывая сжатый кулак, - я же тебя с дерьмом смешать могу.

Я вспылил и, наклонившись к нему, сказал:

- На балде я видел такого начальника, как ты!

Вышел, забыв чемодан. Потом Малыгин его принес.

Так ничего удивительного, что мой харьковский начальник оставил «черную метку». К счастью, ему больше не удалось прокатиться по моей персоне.

Спустя некоторое время приходит сообщение: Высоцкий с треском уволен. Он, выпивая в ресторане, устроил дебош. Вызвали милицию, те увезли его в вытрезвитель. Поутру, отряхнувшись, идет на работу, а на завод не пропускают. Направили в отдел кадров, а там трудовая книжка с записью об увольнении по статье.

Начальник ПДБ Мальцев увольняется и вместо него мне преподносят молодого инженера Нестеренко Сашу. Да, это именно тот, ныне широко известный предприниматель и общественный деятель Александр Леонидович.

Еще новость. Малыгин предлагает объединить 1-й и 2-й цеха в одно целое и начальником этого монстра назначить меня.

Работая на аэродроме начальником 1-го цеха, я редко уходил домой раньше девяти часов вечера. А здесь численность рабочих будет в два раза больше. Выходит, мне тут и ночевать.

Если сейчас профсоюзный босс Виктор Ильчевский (это позже он выбьется в директора тургостиницы «Евпатория») на каждом собрании вспоминает меня из-за работ по субботам и другим запальным мероприятиям, то, что будет тогда, когда я вообще останусь единственным на завод «мальчиком для битья»?

На мой вопрос «Зачем это нужно?» Малыгин говорит о единоначалии, об оперативности решения сложных вопросов. Я сказал, что не вижу в этом пользы ни производству, ни себе, поэтому категорически отказываюсь. По настойчивости, с которой Малыгин доказывал жизненность этой идеи, не трудно догадаться, что не он ее автор, а кто-то повыше.

Зная многое о системе давления, я понимал, что разговором дело не ограничится. Будут жать до той поры, пока не соглашусь, а упрусь - найдут другое решение. Ведь не зря ко мне приставили молодого и амбициозного помощника. Это не Ромодин и даже не Мальцев. Если те просто трудяги, то у Нестеренко, несмотря на молодость, высокомерие, я бы сказал – спесивость, так и прёт из него.

Вспомнились такие обстоятельства. Училище механизации сельского хозяйства. Меня принимают вторым мастером по обучению слесарному делу. Первый – пожилой человек, ему одному трудно тянуть весь объем работы. Через пару месяцев его увольняют (подробности не помню), и я остаюсь один. Тянул, пока сам не уволился.

В/ч 42894. Я – старший инженер цеха. Не прошло и месяца, как моего начальника выводят в отставку. Я занимаю его место. Не будь меня или подобного мне, тянул бы Карпов свою лямку еще не один год.

Что помешает Литвиненко, поставив Нестеренко начальником двух цехов, ликвидировать мою должность? Вот и думай. И тут, как по заказу, обозначился выход из этого положения.

16. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПОССОВЕТА

1975 год, весна (такие привязки ко времени - не прихоть автора, они просто необходимы). Сидим вечером с Гончаровым во дворе, выпиваем. Он рассказывает городские новости. Одна из новостей меня заинтересовала.

За Мойнаками находится поселок Заозерное (там я никогда не был) и командует им поссовет. Так вот нынешнего председателя поссовета решили не выдвигать на новый срок. Пьёт много. Допился до того, что уснул под забором. Кто-то из жильцов взял у него портфель и, не поленившись, отнёс в горисполком.

Спрашиваю Гончарова:

- Замену ему подобрали?

- Думаю, еще нет.

- Слушай, Михал Трофимыч, а если мне всунуться в это дело?

- Ты хочешь уйти с завода?

- Хотелось бы.

- Если так, то я переговорю с Кулаковым (председатель горисполкома) и предложу твою кандидатуру. Потом позвоню.

Так как дома у меня телефона не было, то значит, Гончаров собирается звонить на завод.

- Звонить не надо, передай Полине решение Кулакова, а она мне. Я не хочу, чтобы на заводе знали о моих планах.

В апреле 1975 года у меня состоялась встреча с заведующим орготделом горисполкома Владимиром Александровичем Артемьевым. Он рассказал мне историю образования Заозерненского поссовета.

Деревня Ялы-Мойнак, сейчас Заозерное, по административной принадлежности относилась к Уютненскому сельсовету.

В Заозерном много пустующей земли. На ней стали оседать люди, приезжающие со многих концов нашей необъятной родины. Среди них и уголовные элементы. Строиться никто не мешал, а если человек вольётся в колхоз, то захват участка решением сельсовета вообще узаконивали.

Чтобы положить конец разбазариванию земли, облисполком изъял этот посёлок из ведения Уютнинского сельсовета и передал в подчинение Евпаторийского горисполкома.

Так был образован Заозерненский поселковый совет. Он избирает председателя, на плечи которого возлагается пресечение самозахвата земли в пределах территории посёлка. В помощь председателю выделен участковый милиционер.

Побережье моря от маяка и до пионерского лагеря «Юный ленинец» (если это кому-то что-то говорит) - территория поссовета. Все пионерские лагеря, санатории и пансионаты административно ему подчиняются. Они же обеспечивают поссовет автотранспортом.

Говорю Артемьеву:

- Кстати, Владимир Александрович, и я – самовольный застройщик. Это не мешает?

- Будь вы самовольщиком поселковым, то мы бы с вами не разговаривали, а коль вы городской, то пусть так и будет. Только не надо об этом распространяться.

Подготовка к выборам и сами выборы проходили самотёком без моего участия. Той суеты, что наблюдается сейчас, в то время не было. Я избран депутатом, увольняюсь с завода. С лёту Саша Нестеренко становится начальником двух основных цехов, должность начальника производства ликвидируется.

8 июня 1975 года депутаты Заозерненского поселкового совета избирают меня председателем поссовета. Задавали вопросы. Запомнился только один: вы пьёте? Я не считал себя настолько пьющим, чтобы однозначно ответить «ДА», поэтому сказал «НЕТ». На то было высказано утверждение: «Ничего, у нас научитесь».

Предсказание не сбылось. За годы депутатства меня никто в поселке не видел даже выпившим.

Исполком поссовета располагается в одном из дачных домиков, принадлежащих колхозу им. Горького. В первый же рабочий день нам пришлось гасить самовозгорание пересушенной травы. Ветер гнал огонь в нашу сторону. Вся служба поссовета героически с ним боролась и победила.

Секретарь исполкома поссовета, Любовь Тимофеевна Донскова, вводит меня в курс дела. Она работала еще при прежнем председателе, поэтому знает все тонкости службы.

Для контроля за обстановкой в посёлке, для понимания обоснованности просьб жильцов и, наконец, для проверки жалоб, председателю часто приходится посещать подворья. Некоторые хозяева этого и ждут. Заранее приготовив снедь и выпивку, заманивают проверяющего в дом, и вопрос решен в их пользу. На этом и погорел мой предшественник. Сами напоили, сами же и предали.

В это же лето, в воскресенье загораю на воинском пляже (у меня был пропуск). Мой отдых прерывает поселковый милиционер старший лейтенант Марьин.

- Подъем, Александр Николаевич.

- Что случилось?

В ночь с субботы на воскресенье какая-то женщина возвела из досок хибару, домом не назовёшь. Кто ей помогал, неизвестно. Сейчас она с двумя малыми детьми сидит в этом сооружении и не хочет его покидать.

Оставляю семью на пляже, а сам еду в посёлок. Обращаемся в ближайший пионерлагерь, берем у них двух рабочих и грузовую машину. Приезжаем. Действительно хибара: ветер дунет – развалится. В ней жить невозможно. Всё это сделано лишь затем, чтобы застолбить место.

Вхожу в хибару, предлагаю освободить ее. В ответ плач. Тут же на планшете Марьины пишу постановление о сносе самовольно выстроенного сооружения. Объясняю женщине, что по долгу службы мы обязаны пресечь ее противоправные действия.

Кто-то спросит: как же это у тебя, самозастройщика, поднялась рука на такого же бедолагу, каким был сам? Я действительно чувствовал себя не в своей тарелке, мне было жаль ту женщину, но мог ли я оставить целой лачугу, если знаю, что через неделю здесь будет стоять каменная будка, а чуть позже и дом. Какими словами я буду оправдывать своё бездействие?

Мы с Марьиным остались в хибаре, чтобы не допустить членовредительства, а рабочие по дощечке разбирают её. Женщине я объяснил, где будут находиться её дрова и в какой срок она сможет их забрать. Заберет, если для этого наймет контейнер для вывозки за пределы области.

Я ушел, а участковый начал составлять протокол. За мою службу в должности председателя, описанный случай был единственным. Видимо молва разнесла, что строительная лафа в посёлке кончилась.

В поселковом совете, если не запамятовал, 45 народных депутатов, в исполнительном комитете 9 человек. Из числа директоров-депутатов, в исполком попадает только главный врач детского санатория «Чайка» Александр Матвеевич Гофельд. Его рекомендовала Любовь Тимофеевна. Он и в первом созыве входил в состав исполкома.

В последующем Александр Матвеевич хорошо помогал мне не только советами, но и транспортом. От него я узнал, что Евгений Федорович Высоцкий работает на «Чайке» инженером-теплотехником. Гофельд им очень доволен.

В дни приема председателя поссовета скапливалось много людей по различным вопросам. В основном с просьбами построить выгребную уборную или сарай. Эти вопросы были в компетенции исполкома, поэтому я удивился, что за два года первого созыва они не были решены.

Любовь Тимофеевна, крайне дипломатично, пояснила, что мой предшественник тщательно дозировал подобные разрешения. Как он говорил, не хотел возбуждать у населения строительный бум. Да и начальство в городе могло предвзято оценить его активность.

В этом мой предшественник был прав. Не с ним, а со мной подобное действительно случилось. Через два года заместитель председателя горисполкома Романов бросил мне в упрек такую фразу: «Вы, Стома, наверное, не зря так активно раздавали разрешения на строительство сараев и уборных?»

Этому индюку было не понять, что значит жить, не имея на подворье столь необходимых строений. Коль не смогли предотвратить постройку дома, допустили осечку, то уж не мстите людям ненужными запретами, дайте человеку довести свой быт до приемлемых норм проживания. Этим и занимался, получая за это оклад в 200 рублей. На «Вымпеле» средний заработок был 250 рублей.

Как-то заехали ко мне два городских зубра: начальник горкомунхоза И. Пятецкий (будущий трамвайщик) и начальник паспортного отдела городской милиции майор А. Трубин. Посмотрев как приходится крутиться, сказали на прощание: «Тебе не позавидуешь. Как можно с таким народом работать?» Это слова Пятецкого, а Трубин добавил: «Взять бы пулемет и перестрелять половину!»

И представьте себе, я не расплакался от жалости к себе, не стал просить пулемёт с расчётом, я радовался, что могу быть полезен людям и что над моей головой не висит меч верного сатрапа Литвиненко - Малыгина. Мне, поистине, было легче работать в Заозерном, чем на «Вымпеле».

Теперь о другом. Через страницу вы поймете зачем я рассказываю об этом. О чем? Вот о чем.

В 1967 году, еще работая на авиаремонтном заводе, я был в туристическом походе по Кавказу. Четыре дня наша группа провела в горах, вдаль от людей. И вот спустились мы к какому-то шахтерскому посёлку. Один мужик, узнав, что мы из Крыма сообщил потрясающую новость. Решением Верховного совета СССР крымские татары признаются пострадавшей стороной и для возвращения в Крым, им не будут чиниться препятствия.

Через пару дней мы пришли на отдых в поселок Красная Поляна. Я в библиотеку. Там в поисках решения о татарах зарылся в газеты. Нигде его нет. Только в каких-то «Ведомостях» нашел столбик в пять строчек, повторяющих то, что сказал нам мужик. Возвращаюсь домой - всё спокойно, никакого наплыва татар нет.

По занимаемой должности председатель поссовета должен участвовать в работе комиссии горисполкома по прописке. Председательствует зампредседателя горисполкома Олег Быков.

Итак, в 15 часов по средам я должен быть на комиссии. Она заседала в конференц-зале. Весьма рутинная работа. Достаточно знать, что одному прописанному на данной жилплощади положены 13,6 кв. метров. Много ума не надо, чтобы умножить эту норму на число проживающих и сравнить с жилплощадью этой квартиры. Это арифметическое действие можно было бы произвести еще в милиции, но к жестким правилам нет-нет да прилепится некое исключение. Ради него и трудится комиссия.

Среди обычных просителей стали появляться татары. Я помню их довоенных: мужчины в халатах, женщины в длинных бесформенных платьях и платок на голове. Сейчас же входит простоволосая дама в светлой кофточке или в модном платье, а мужчины, очень часто, в кожаных куртках и джинсовых брюках. Неужто так и должен выглядеть замордованный народ?

Не помню ни одного татарина, которого комиссия прописала бы. Как правило, не хватает метров. У одной женщины не хватило буквально одного метра. Она – врач. Была в горбольнице. Её берут на работу при условии прописки. Неужели вам не нужны хорошие врачи? Нужны, но метры важнее.

Один татарин нашел квартиру жилплощадью 45 кв. метров при одном прописанном (самим хозяином). Татарина попросили подождать в коридоре. Тут же послали участкового по известному адресу, привели хозяина на комиссию, и он громогласно заявил, что передумал кого-либо прописывать. Вот такая цена декларациям.

Кроме указанных выше забот, были и другие проблемы: начальная школа, поселковый дом культуры и ...баптисты. С последними не работа, а сплошная суета. Если бы не моё

атеистическое воспитание и активный контроль КГБ за деятельностью секты, можно было бы не замечать их - и беды никакой не случилось бы. Но в то время в каждой сектантской общине власти видели агента империализма.

Вот пример. Умирает баптист. Смерть наступила внезапно, жена в отъезде. О случившемся узнал сосед, заглянувший в окно. Сообщил мне. Я посмотрел в окно и увидел тоже самое, что и сосед. Первым порывом было вызвать медиков, но нет. Коль умер сектант, тем более внезапно и в одиночестве, я обязан вызвать чекиста. Звоню.

Приезжает закрепленный за поселком, одетый в гражданское офицер, и мы с ним входим в дом. Быстрый осмотр помещения, только после этого я получаю разрешение вызвать медиков.

Домашние дела. 1976 год. Полина по-прежнему работает в редакции городской газеты. Дочь закончила хореографический факультет института культуры в Орле. Там же вышла замуж за концертмейстера этого же института. Я был на свадьбе. Со всеми слушал музыкальные произведения, прекрасно исполняемые на четырех баянах женихом и его родственниками. Как мне сказали, баяны индивидуального изготовления идут в продажу по цене «Волги».

В военкомате сыну сообщили, что по призыву в армию его направят в спортивную роту. У него хорошие спортивные результаты. В беге на 400 метров он стал чемпионом Украины среди юниоров.

Приближается время, когда я останусь один на один с нелюбимой женщиной и, главное, к которой нет доверия. Совсем свежий пример. Единственный костюм совсем износился и требует замены - ведь я сейчас не на заводе работаю. Приходится быть на совещаниях, куда без галстука входа нет.

Ставлю вопрос. Нет денег. Свадьба дочери, спортивная амуниция сыну – всё съели. Я не согласен. Наши зарплаты идут в дом, каждое лето у нас живут курортники. Женская жадность доходит до того, что хозяевам нет места даже в летней кухне.

Прихожу с работы и узнаю, что эту и последующие ночи буду спать на топчане во дворе, закрытый от посторонних глаз кустом сирени. Ну и что? Денег всё равно нет.

Не прошло и двух дней, как мне понадобилось залезть в платяной шкаф, чтобы взять свежую рубашку. Роюсь в белье и натываюсь на солидную пачку денег. Прикинул – тысяч пять. Показываю ее жене. Она и глазом не моргнула:

- А это Зина (племянница жены) дала спрятать от Ваньки (муж).

- А наши прячешь у нее?

- Как ты мог такое подумать?

- Чем ты лучше своей племянницы?

Октябрь 1976 год. Я в кабинете у председателя горисполкома Кулакова. Разговор зашел о самовольных застройщиках, и я, как-то невзначай, сказал, что сам таким являюсь. Михаил Михайлович удивился и тут же спросил:

- Надеюсь, у тебя всё оформлено?

- Какое там, Михаил Михайлович.

Кулаков звонит главному инженеру ОКХ:

- Придет Стома, оформи ему право собственности на дом.

Пришлось писать заявление. Тут и задумался: буду разводиться, дом оставлю Полине... К неприятной процедуре развода добавится еще и переоформление дома на её имя. Чтобы избежать ненужной мороки, пишу заявление от имени жены. Дома сказал ей об этом, возражение не последовало.

Кто-то удивится, что я так опрометчиво поступил. Весь смысл в том, что я не собирался ни владеть этим домом, ни тем более делить его. У Лены есть жилье в ДГТ (дом гостиничного типа), комната 12 метров квадратных. Пока поживём, а там пройдет время, и мне за усердную службу дадут квартиру от горисполкома.

Март 1977 год Мне исполняется 50 лет. Дома собираю вечеринку. От горисполкома присутствует Артемьев. Он зачитывает и вручает мне поздравительный адрес от горисполкома.

Несколько дней спустя, я сказал Полине, что ухожу к другой женщине. Это сообщение она приняла без истерики, даже больше - спокойно:

- Делай, как знаешь.

Такой ответ был просто путёвкой в новую жизнь. Я стал говорить, что никаких дележей имущества требовать не стану. Возьму только свои личные вещи и некоторые книги. К ней единственная просьба: не писать жалобу в горком партии.

- А если напишу?

- Будет плохо мне и тебе.

- Тебе понятно, а почему будет плохо мне?

- Тебе будет плохо, когда я предъявлю свои права на часть дома. Меня уволят, я потеряю надежду получить квартиру от горисполкома. От продажи моей части дома я смогу улучшить свои жилищные условия.

В этот же вечер я собрал в портфель самое необходимое и покинул свой дом, чтобы начать новую жизнь.

Для Лены я был, как снег на голову. Мой приход ее не столько обрадовал, сколько ошеломил. Но прошла минута, и всё стало на свое место. Сын Лены Костя, а ему 7 лет, настороженно смотрит на меня, хотя мы с ним уже давно знакомы.

На следующий день я взял в одном из пионерлагерей автобус и поехал в свой старый дом за книгами и вещами, которые не поместились в портфель. В доме никого не было. Автобус загнал во двор, поэтому вся процедура загрузки прошла без постороннего внимания. Ключи я оставил в почтовом ящике, и вот уже 36 лет моя нога не переступала порог этого дома.

Я доложил Артемьеву, моему непосредственному начальнику, об изменении семейного положения. Спустя некоторое время, меня вызвал к себе Кулаков. С порога вопросы:

- Это серьезно? Значит разводиться задумал? Не мог повременить и отложить всё это на потом, после выборов?

- Я не хотел никому создавать проблем, Михаил Михайлович. А вообще, у жены не должно быть причин для жалобы.

- Причина всегда найдется, - заметил Кулаков и спросил: - И какой у тебя план действий?

- Хочу, как можно быстрее, развестись и тут же заключить другой брак. Это не позволит обвинить меня в аморальности.

- Это так, но вряд ли поможет, если будет жалоба.

- Я не вижу причин для жалобы, - повторился я. - На что жаловаться? Дети взрослые, делить имущество не буду, забрал только свои личные вещи, расстались мирно, без битья посуды.

- Ты баб не знаешь, - заверил Кулаков. - Да ладно. Чем помочь?

- Если возможно, то надо как-то ускорить процесс развода.

Кулаков потянулся к телефону, набрал номер и сказал в трубку:

- К тебе обратится Стома, председатель Заозерненского поссовета с заявлением о разводе. Прошу тебя ускорь этот процесс.

Михаил Михайлович назвал мне фамилию судьи, который действительно быстро разлучил меня с Полиной, но жалоба в горком партии поступила еще быстрее.

Из горкома её направили в парторганизацию Заозерненского поссовета для принятия мер к члену партии по существу заявления. Партийное собрание не нашло повода для принятия мер воздействия и ограничилось рассмотрением.

Даже больше, секретарь парторганизации Закиров пошел в горком с просьбой оставить меня на прежней должности. Ему ответили: «Это прерогатива горисполкома, а не горкома

партии». В горисполкоме ответили, что без решения горкома ... Короче, сказка про белого бычка.

Любовь Тимофеевна просила моего согласия на возбуждение народного возмущения, но я на это не пошел. Так недалеко было из партии вылететь.

Дорабатываю последние дни в Заозерном. Звонок. Это Чернышев, секретарь парткома завода «Вымпел». Я тут же пожаловался ему на излишнюю строгость горкома партии. Он заверил меня, что всё сделано по партийным традициям. Посетовал, что я не обратился к нему с этой проблемой. Нужно было терпеть. Так многие, номенклатурщики живут не только с нелюбимыми, но и с противными им женами.

- Но я позвонил по другому поводу, - прервал себя Чернышев, - Литвиненко узнал, что ты попадаешь в число безработных.

- И до него дошло, - удивился я.

- Дошло. И у него предложение.

- Слушаю.

- Он предлагает тебе должность начальника инструментального цеха.

- Меня, Вадим Викторович, сейчас не так работа беспокоит, как квартира. Я сейчас на 12 метрах в ДГТ.

- Этот вопрос обсуждался, но Олег Николаевич не обещает квартиру. Он никак не рассчитается со старыми обязательствами.

- Тогда, Вадим Викторович, вопрос исчерпан. Передай Олегу Николаевичу, что я тронут его вниманием, но мне нужна квартира. И тебе спасибо.

- Если что, звони.

17. НАЧАЛЬНИК ЖЭКА

24 июня я сдал дела в посёлке и вернулся в город: с 28 июня я уже начальник ЖЭКа №2. Начальник ГЖУ Эдуард Владимирович Колюбакин пообещал выделить мне служебную трехкомнатную квартиру до конца этого 1977 года.

В своей повести «Взятка для начальника ЖЭКа» я без выдумки описал, как мне работалось в этом учреждении. Только начало и конец повести - плод фантазии автора. И всё равно некоторые эпизоды придется повторить, чтобы ясна была мотивация моих поступков.

Первое, на что я обратил внимание - мрачный самотёк в жизни конторы. Главный инженер ЖЭКа, у которой я принял дела, не видела просвета в своей убогой работе. Мастера погрязли не в борьбе с пьянством, а в смиренном к нему отношении. Часто, поддаваясь вымогательству, выписывали пропойцам премии, еще более унижая себя.

Спустя месяц, я уволил двух совершенно бесполезных работников. Главный инженер ГЖУ раскритиковал меня на совещании, требуя лишить права приема на работу и увольнения. Его мотивы: нужно людей воспитывать, а не выгонять на улицу. Так в ЖЭКе скоро некому будет работать. И куда мы их уволили? На Луну что ли? Они поступят на другое социалистическое предприятие, где будут демонстрировать ваши, товарищ Стома, недостатки в воспитательной работе.

Колюбакин поддержал выступление своего заместителя и предупредил меня, что не будет принимать во внимание ссылки на отсутствие рабочих. Хорошо хоть не лишил права приёма/увольнения.

Другой бедой ЖЭКа была задолженность по квартплате. Даже в советское время, когда квартирная плата вместе со светом была в пределах пяти рублей, задолженность являлась бичом коммунальщика.

Обсуждать этот вопрос я начал со старшим бухгалтером Ниной Викторовной (фамилию забыл), пожалуй, единственным в ЖЭКе жизнерадостным человеком. Никакие жэковские беды не могут согнать с ее лица улыбку.

Она разъясняет: бытовые услуги (одна из статей плана) будут выполняться, если столярка обеспечат сосновыми досками, а не берёзовыми, как сейчас. Задолженность по квартплате снизится, если заставить мастеров и общественность этим вплотную заниматься. Рабочие будут пить меньше, если будут знать, что за пьянку премии не получат.

- Нина Викторовна, если методы решения всех бед известны, то почему ими не руководствуются? – удивился я.

- В том то и дело, что руководствоваться некому.

- Допустим, а как в других ЖЭКах?

- Вы действительно не знаете чем наш ЖЭК отличается от других? – посмотрев на меня с недоверчивой улыбкой, спросила бухгалтер.

- Представьте себе, Нина Викторовна, никогда этим не озадачивался.

- Тогда слушайте.

Евпатория поделена ЖЭКаами на четыре района. 1-й и 3-й ЖЭКи обслуживают новостройки. Эти районы заселяются наиболее активным населением. Среди них нынешние руководители контор и производств, приглашенные специалисты и счастливицы из очередей на получение жилья. Они приводят квартиры в необходимый порядок и спокойно живут, своевременно оплачивая коммунальные счета.

4-й ЖЭК обслуживает восточную окраину города. Здесь смешанный жилфонд. Он состоит из одноэтажных домов и вновь возведенных зданий. Жильцы окраин многими годами живут, надеясь только на себя, а другие, что в новых квартирах, довольны жизнью. Те и другие не обременяют ЖЭК серьезными проблемами.

Наш ЖЭК вобрал в себя бывший центр города. Новые жилые дома здесь не строят, старые не сносят. В центре города, так было и раньше, селится начальство и наиболее состоятельная часть населения.

Проходят годы. Меняются стандарты жизни то, что в 30-50 годы считалось нормальным - туалет во дворе, печное отопление, общая кухня и т.д., то в наши 70-е годы кроме как убожество это не назовешь.

Старики, которые начали жить в этих домах молодыми, и сейчас по утрам выносят во двор помой, ругаются с соседкой, если у неё сбежало молоко на керогазе (дышать нечем), запасаются на зиму дровами и углем. Поэтому самые «вредные» жильцы города проживают на территории 2-го ЖЭКа. Самые серьезные ремонтные проблемы у нас, как и самый худший рабочий контингент.

Мне не понравилось последнее утверждение Нины Викторовны, поэтому спросил:

- Вы не преувеличиваете?

- Вы о рабочих? – переспросила она. – В других конторах, Александр Николаевич, нормальная, неспешная работа, поэтому люди держатся за неё, а у нас на день семь пятниц. Хороший работник у нас надолго не задержится. Так что не преувеличиваю.

- А мастера?

- Мастера опытные, но неподъемные проблемы заставляют даже самых старательных опускать руки. Они живут в служебных квартирах, потому пищат, но работают.

Мы обсудили и другие вопросы. С таким багажом знаний я решил провести в понедельник совещание с руководством ЖЭКа и, наметив основные направления работы, стараться не отходить от них. Но ...

Пятница. Заканчивалась первая неделя моей работы в должности начальника ЖЭКа. Иду на планёрку в ГЖУ. Нет обычной в таких случаях мысли: что упустил? За неделю не мог что-либо сотворить, не мог и наломать дров. Волнение уступило место предвкушению посмотреть знакомый спектакль в новой вариации.

В кабинете управляющего мне указали на жесткий стул, на котором сидели мои предшественники. Такие же стулья под всеми начальниками ЖЭКов и их бухгалтерами. Аппарат ГЖУ расселся у приставного стола в мягких креслах с высокими спинками. Вращающееся кресло только у Колюбакина.

Прослушал первый акт спектакля. Действующие лица обмениваются репликами не всегда мне понятными. Не беда, в последующих актах, по закону жанра, всё прояснится.

Во втором акте выступил главный инженер Лапин, и я неожиданно оказался на авансцене.

Артём Иванович напомнил уважаемому совещанию, что в прошедшую избирательную компанию (в той, где я, как кандидат, не участвовал) жильцы дома №43 по улице Матвеева отказались голосовать, требуя немедленного ремонта их квартир. Претензии жильцов признаны обоснованными. Высокая комиссия возложила выполнение работ на ЖЭК-2, с руководством которого были оговорены все сроки. Однако руководство ЖЭКа не прониклось ответственностью. Работы даже не начаты!

- Что скажете, товарищ Стома? – спросил Колюбакин.

- Я не в курсе дела.

- Уже неделя как у руля - и всё ещё не в курсе! – возмутился главный инженер.

- Да, Александр Николаевич, вы уже неделю потеряли, - заметил управляющий.

Я пояснил:

- Мне никто и ничего не говорил об этом доме!

- Позвольте, Артем Иванович, - спросил Колюбакин, - вы что не ставили Стومه задачу?

- В этом ЖЭКе не было порядка и не будет! – зло заметил Лапин.

- Всё ясно, - резюмировал Колюбакин и начал подробно рассказывать о важности выполнения обещаний по ремонту «объекта №43».

Я не буду пересказывать повесть, в ней подробности, отмечу только, что этот «объект» два месяца заставил о себе ежеминутно думать.

Заканчивался третий месяц моей работы в ЖЭКе, а с ним и 3-й квартал 1977 года. В кабинет зашла, блистая улыбкой, Нина Викторовна.

- Агентура доложила, что начальник на месте. Хочу доложить вам предварилровку за квартал, а то когда вас еще поймаешь.

Легко оперируя цифрами, она сообщила, что такие показатели, как «бытовка», квартплата и вторсырье выполнены не будут.

- Выходит, с моим приходом стали еще хуже работать? – мрачно спросил я.

- Нет, что вы, Александр Николаевич, не хуже, но и...не лучше. В утешение могу сказать, что нам очень помешал «43-й объект». Из-за него мы два месяца не выполняли «бытовые услуги», не делали обычных ремонтов, чем озлобили людей. Даже те, кто платил регулярно за квартиру, стали задолжниками. В 4-й квартал входим с небывалым недобором квартплаты.

- Дальше.

- С вторсырьем много сложнее. Завскладом сбесился и перестал выдавать накладные за ветошь.

- Почему? Какое он имеет право?

- Право имеет. Ведь мы не ветошь ему сдаем.

- А что?

- Деньги. Мы ему 80 рублей, а он нам накладную с красной полосой.

- Это же чистой воды обман!

- Так все делают.

В дальнейшем выяснилось, что в конфликте с «ветошным» кладовщиком виноват я. При случайной встрече на одном из совещаний, он попросил меня помочь ему обменять квартиру. Я отказался этим заниматься. Теперь он мне мстит.

Нина Викторовна доказала, что работники ЖЭКа не смогут выполнить норму по ветоши, поэтому единственный выход – умаслить кладовщика. Пришлось согласиться, но им займется сама Нина Викторовна.

Я в кабинете Колюбакина. Он спрашивает:

- Ну, что с планом?

Выслушав мой отчет, сказал:

- Плохо дело. Если так и 4-й квартал закончите, будем наказывать. Сейчас же, благодаря «43 объекту» у нас будет возможность скорректировать вам план. Но учтите, не будет ветоши, не будет и премии.

30 сентября я получил долгожданную информацию по ветоши. Нина Викторовна преподнесла мне накладную с широкой красной полосой.

- Как вам это удалось?

- Вы не забыли своего поручения? От вашего имени, я пообещала кладовщику помощь в обмене двух комнат с общей кухней на отдельную квартиру.

- Абсурд! И долго продержится этот обман?

- На наш век хватит. Он с моего крючка не сорвется.

Вызывает к себе Колюбакин и дает задание: связаться с интендантом (называется фамилия) санатория МО СССР и договориться с ним о встрече на предмет проверки выполнения требований по передаче в ведение ГЖУ дома (называется номер), что на углу улиц Дувановской (в то время она называлась как-то иначе) и Пушкина. Даёт мне список претензий и добавляет:

- В этом доме вы должны будете получить квартиру.

Дом дореволюционной постройки. Вестибюль. Лепнина, мозаичные полы. Открытая (не в стене) электропроводка. Это первое замечание в списке, и оно не выполнено. Санаторий обязан

убрать проводку вовнутрь стены. Для этого необходимо прорубить в стенах борозды и уложить в них провода.

- Оно вам надо? – спрашивает интендант, - ведь так мы изуродуем лепнину.

Он обводит рукой по пространству вестибюля. Я с ним согласен: если окраску стен, с трудом, но можно будет подобрать, то лепнину только тронь – может и посыпаться. Лучше электрошнур заменить на более современный и безопасный провод.

- Почему так не делаете?

- От нас требуют только скрытую проводку.

Остальные пункты выполнены, о чем и докладываю Колюбакину.

- Всё, не будем дом принимать, пока не заменят в вестибюле электропроводку.

Я пересказал разговор с представителем санатория. Реакция управляющего оказалась неадекватной. Он грозно посмотрел на меня, будто я его в чем-то предал. И резко сказал:

- Мне адвокаты санатория здесь не нужны! Идите!

Почему столь пустяковый вопрос стал причиной отказа от дома, в котором мне обещали квартиру? Почему именно меня послал Колюбакин с проверкой, а не главного инженера с его службой? Возможно, хотел показать, что не забыл о своём обещании: ведь год кончается, а воз и ныне там.

Уже который раз прохожу мимо мечети Джума-Джами и вижу, воздвигнутый рядом, макет фасада красивого двухэтажного дома. Эта декорация изготовлена к фильму «Воспоминание». Детский дом. Из него, под огнем вражеских танков, отступающие красноармейцы спасали детей.

Но съемки фильма закончились, киношники уехали, а макет остался. Что дальше? Это не праздный вопрос. Макет приглянулся мне материалом, из которого изготовлен. В него заложены прекрасные сосновые доски. В них, правда, вколочены килограммы гвоздей, а фасадная часть оштукатурена по металлической сетке, но всё равно, что-то полезное от всего этого останется.

Я зашел за тыльную сторону макета. Во дворе мечети единственный вагончик, ни души. Но тут из-за него вышел солидный мужчина. На нём трусы и импортные солнцезащитные очки. Явно не строитель.

- Товарищ, - обратился я к нему и, кивнув в сторону макета, спросил, - вы не из этой фирмы?

- Вы угадали, я – директор картины «Воспоминание».

- Что вы будете делать с этим сооружением?

- Продадим кому-нибудь.

- Так продайте его второму ЖЭКу! Я его начальник.

Директор записал мои координаты и обещал через неделю позвонить.

Торги состоялись в кабинете Лапина. Когда довольный киношник ушел, Лапин сказал мне:

- Считай, почти даром получили вагон леса. Твоя задача, Александр Николаевич, хозяйски разобрать макет и не дать его растащить. Можешь начинать уже завтра.

Сложности были не в самой разборке, а в сбережении досок и стропилин полученных после неё. Жильцы близлежащих домов, как коршуны, набросились на всё, что способно гореть в их печах. Тут и грабеж, тут и распродажа. Пришлось в помощь приглашать участкового милиционера.

Труды не пропали даром. Несмотря на скепсис некоторых моих сотрудников (много дров, много гвоздей), столярная мастерская на 4-й квартал обеспечена качественным лесом, а это гарантия выполнения плана по бытовым услугам.

Последние дни 1977 года. Подводятся итоги работы ЖЭКа за квартал. Я уже знал, что многим показателям мы переплюнули постоянных фаворитов в соцсоревновании. Наши хорошие результаты всполошили верхушку ГЖУ: в ЖЭК повалили комиссии. Они ищут приписки, на худой конец – ошибки. Не находят!

Нина Викторовна вошла в мой кабинет и тяжело плюхнулась на стул.

- Так вот, - сказала она глубоко вздыхая, - первого места нам, Александр Николаевич, не дожидаться, даже если будем работать еще лучше.

- Ничего, - успокоил я бухгалтера, - в следующем квартале постараемся и выйдем.

- Не выйдем! – выкрикнула Нина Викторовна. – Мне так и сказали в плановом отделе, чтобы мы и не мечтали о первом месте. Я пошла к управляющему, он отфутболил меня к Лапину. Тот заявил, что только с вами будет обсуждать этот вопрос. Так что идите.

Лапин, поздравив меня с успешным окончанием года и, не выпуская руки, повел к своему столу. Не буду воспроизводить весь длинный с ним разговор. Только два момента.

Первый. Лапин говорит:

- Я не умаляю ваших заслуг, но их не было бы, не окажи Эдуард Владимирович некоторых поблажек вашему ЖЭКу, да и лесом мы вам хорошо помогли (!), в ущерб другим ЖЭКом. Короче говоря, мы перестарались, помогая вам. Эдуард Владимирович очень боялся, что вы завалите и этот квартал. А вы рванули так неожиданно, особенно с квартплатой... (мы с 20% задолженности по квартплате «рванули» до 2%).

Второй момент. Лапин говорит:

- ...скажу только, что 2-й ЖЭК не вписывается в принятую отчетность ГЖУ перед областью. Дома вашего ЖЭКа в итоговом альбоме красиво не покажешь, тогда как вновь выкрашенная девятиэтажка весьма приятна для глаз. Короче говоря, 2-й ЖЭК на веки вечные выпадает из числа лидеров.

Вернувшись от Лапина, я попытался успокоить Нину Викторовну вторым местом, но она была неумолима: надо жаловаться. Кому и куда? Ради нас привычную систему отчетности перед областью никто менять не будет.

И опять, перейдя на другую волну, Нина Викторовна меня удивила. Она сказала:

- Люди говорят, что в Стоме пропадает хороший начальник ГЖУ.

Я замер, услышав эти слова: какая-то отрада прошла по душе. Ведь и кошке приятно похвальное слово. Но я тут же подумал о другом. Во что обойдется мне эта молва, если дойдет до ушей Колюбакина? Квартиры мне от него не получить, как не получил ее до сих пор. Поэтому предупредил:

- Прошу вас, Нина Викторовна, нигде не распространяйте этот бред. Пусть он останется между нами.

- Вы говорите бред? – возмутилась та. – К вашему сведению, этот «бред» произнесла главный бухгалтер горжилуправления!

- Вам так хочется видеть меня в этой должности?

- Вы больше устраиваете меня в ЖЭКе, т.к. вакансий для меня в горжилуправлении не будет. Наша главбух еще не одного управляющего переживет.

В середине января уже 1978 года я узнаю, что готовится приказ о наказании руководства 2-го ЖЭКа за невыполнение плана по сдаче пищевых отходов в 4-м квартале прошлого года! Где вы были, товарищи начальники, когда сквозь зубы славили этих же разгильдяев за успешное выполнение плана в том же квартале? Почему тогда нас не ткнули носом в пищевые отходы?

Тогда не додумались, ибо 2 месяца из 3-х пищевые отходы не собирали не по вине ЖЭКов. Хотя в плане их оставили, но заверили, что спроса за них не будет, ибо за один месяц квартальный план не выполнишь. И вдруг спросили. Я пошел к Колюбакину выяснить ситуацию.

Когда вошел в кабинет, Эдуард Владимирович по диагонали мерил пол шагами. Я остановился у двери, но он продолжал вышагивать.

- Это правда, что вы собираетесь наказывать нас за пищевые отходы? - спросил я, не дождавшись когда он обратит на меня внимание.

Колюбакин, резко остановившись, проговорил:

- Что бы вы делали на моём месте с не выполнившими план?

- Поинтересовался бы причиной.
- Почему вы думаете, что я этого не сделал?
- Иначе не требовали бы выполнения квартального плана за один месяц.
- Вот и ошибаетесь!
- В чем?
- А в том, что все ЖЭКи выполнили план, представив документы, а вы нет.

Откровенно говоря, я опешил. Что же получается? Все ЖЭКи, за исключением 2-го, получили указание купить документы о сдаче отходов. И, ясное дело, всё было провернуто не в декабре, а уже в январе. Ради чего всё это было затеяно? Я так и спросил Колюбакина. Он зло ответил:

- Прекратите разводиться демагогией и начните, Стома, наконец, работать!

Большого унижения я еще не испытывал. Уже у двери он меня остановил окриком и, злорадствуя, без пауз, пропулемётит:

- Еще новости: принято решение не давать вам призового места за 4-й квартал и квартиру вы не получите, если будете и дальше так плохо работать! Всё, можете идти.

Я шел и думал. Видимо, до Колюбакина дошла байка о моей эфирной возможности возвышения на коммунальном фронте, и он начал бороться с неожиданно проклянувшимся соперником. Я не давал ему повод называть меня бездельником, но: «начните, наконец, работать». Чем не заявка на то, что он, при первой же необходимости так и охарактеризует меня. И, как пример, выложит факт моей беспомощности на фоне усердия, предъявивших справки за пищевые отходы.

А реплика, касающаяся квартиры - явный намек подумать: за какие идеи ты продолжаешь копошиться в этой клоаке? Ведь ты из-за квартиры сюда пришел? А она тю-тю.

И еще: «Принято решение...» Что ему мешало, тем же способом, сразу, еще в декабре, не дать нам призового места? Почему такое решение пришло только в январе? Что изменилось?

Разгадку этого ребуса я узнал на следующий день и опять-таки от Нины Викторовны. Когда я рассказал ей о своём визите к управляющему и о неясностях в связи с этим, она спросила:

- Неужели вам всё еще неизвестно, как Колюбакин уже после Нового года опозорился? До вас, как до жирафа!

И вот что я узнал. Поздно вечером, когда все сотрудники ГЖУ разошлись по домам, уборщица открыла своим ключом кабинет управляющего и принялась за обычную уборку. Подошла к столу начальника и тут на что-то наткнулась. Посмотрела вниз и обомлела: голова! Голова начальника!

Дико закричав, выбежала на крыльцо. Жильцы двора, узнав в чем дело, вызвали милицию и скорую помощь. Медики приехали первыми. Голова, оказывается, не расставалась с туловищем. Начальник спяну сполз на пол, ноги ушли под приставной столик, а голова осталась у кресла.

Милиционеры с медиками затащили Колюбакина в машину и отвезли домой. В тот же час об этом эпизоде узнал дежурный по горкому партии.

- Вам это о чём-то говорит? – спросила Нина Викторовна
- Только то, что в жизни всё бывает, - философски заметил я.
- Так что вы скажете относительно Колюбакина?

- Теперь я понимаю его действия. Страх потерять власть не на такое толкает. А наших коллег из других ЖЭКов вполне устраивает нынешнее руководство, поэтому и пошли на сговор. Кстати, и я ничего не имею против Колюбакина, пусть работает. Он не хуже и не лучше других. Меня же в эту дразгу втянули помимо моей воли. Даже больше, я пальцем не пошевелил, чтобы переступить ему дорогу. Вы это знаете.

- Я знаю другое, - неожиданно для меня возразила Нина Викторовна. – Знаю, что вы виноваты перед Колюбакиным в том, что можете работать. До вас поднять 2-й ЖЭК до такого

высокого уровня еще никому не удавалось. Как не обратить внимание на такое явление? Плелись бы, как раньше в хвосте, тогда и квартиру получили бы, а так...

Признаться, я упал духом. Из ЖЭКа меня выталкивают как инородный элемент. Куда теперь податься? Где та организация, в которой в обозримом будущем можно получить квартиру? Я такой не знаю.

18. САНАТОРИЙ «ЧАЙКА»

Март 1978 года. Сажу в конференц-зале горисполкома один и что-то пишу. Кто-то идет по залу, я пишу, меня это не касается. Но те останавливаются близ меня, и я поднимаю голову. Первым увидел Евгения Федоровича Высоцкого, с которым работал на «Вымпеле», с ним главный врач санатория «Чайка» Гофельд. Вскочил, тепло поздоровались.

Тут Высоцкий говорит Гофельду:

- Александр Матвеевич, присмотритесь и скажите: кого вы перед собой видите?

- И кого же?

- Своего заместителя.

- И то, правда, - отозвался Гофельд и, обращаясь уже ко мне, спросил: - Пойдете на «Чайку» заместителем главного врача по АХЧ?

Я сказал, что работаю в ЖЭКе за квартиру. Гофельд заверил, что полноценную квартиру я получу буквально через два года. Я усомнился: один уже сулил через год. Попросил время на раздумывание.

По своим каналам узнал, что сейчас предлагаемое мне место свободно. До этого его занимал Леонид Александрович Луканьков. Сейчас он директор пансионата ЮЖД. Позвонил ему. Узнав, о чём будет разговор, Луканьков изъявил желание сейчас же приехать ко мне в ЖЭК и обсудить этот вопрос на месте.

Мы встретились у меня в кабинете. От него узнал, что на «Чайке» с помощью свердловчан идёт грандиозная стройка. Кроме того, строится жильё для отселения людей из хоззоны. В январе этого года сдан в эксплуатацию 56-ти квартирный дом. В нем и Луканьков получил квартиру. Будут строиться и другие дома. Обсудили особенности моей будущей работы.

После этого разговора я пришел к выводу, что у Гофельда есть возможность выполнить своё обещание. Пишу заявление на расчет, которое Колубакин с радостью подписывает.

Позвонил Гофельду и сказал, что я свободен и с понедельника, т.е. 3 апреля, выйду на работу. Тот возразил:

- Если вы уже свободны, то зачем ждать понедельника, приходите завтра. Суббота у нас – рабочий день.

Я не хотел начинать службу с пререкания с начальством, поэтому согласился.

Самое интересное в эту субботу было то, что на 14 часов (сразу по окончании рабочего времени) была назначена строительная планерка. На ней до 18 часов решали насущные строительные проблемы. Я же просидел на ней в качестве попки.

Оклад 99 рублей, но мне доплачивают еще полставки воспитателя. Всего где-то 140 рублей - не жирно, но на что ради квартиры не пойдешь.

Через короткое время меня поставили на квартирный учет. В то время я не знал, что это - нарушение «Положения о распределении жилья в Крымской области». По нему только через 2 года работы на данном предприятии можешь получить право постановки на квартирный учет. Но у Гофельда хорошие отношения в горисполкоме, поэтому ему пошли навстречу.

Не буду расписывать нудные подробности обыденной работы, скажу только то, что её было непочатый край. Спросил как-то у Высоцкого:

- Евгений Федорович, почему вы не воспользовались возможностью занять должность заместителя главврача?

- На ваш вопрос, Александр Николаевич, несколько ответов, но главная причина в том, что я не хотел повторить горький опыт «Вымпела».

- Вы имеете ввиду ваш дерзкий ответ Литвиненко по поводу отдела кадров?

- И вы помните этот случай? – удивился Высоцкий.

- Знаю так же чем он для вас закончился.

- Коль знаете, то мне и объяснять вам нечего.

- И всё же.

- Что ж, извольте. Работая инженером, я реже, чем вы, встречаюсь с главным врачом. И вопросы, которые приходится с ним решать, безобиднее ваших, отсюда меньше причин для недоразумений. Я здесь, как и вы, работаю за квартиру. Потерять её второй раз, не хочу. А вы, насколько я знаю, сдержаннее меня. Вам и карты в руки.

В 1980 году стало известно, что уральцы, которые ведут строительство санаторных объектов, готовы возвести в Евпатории три 12-ти этажных жилых дома. Главная архитектура города определила три участка для их строительства. Это чётная сторона проспекта им. Ленина. Санаторию дали право выбрать участок для строительства первого дома.

Критерием для выбора служило количество жильцов на отселяемом участке. Участок домовладения под №12 сразу отпал. Он густонаселен. Далее №26-й. На нем и остановились. Вести отселение было поручено мне и новому инженеру-строителю санатория Борису Лопатухину. Судиться с недовольными отселенцами пришлось тоже нам. Я старался уже по тому, что в этом доме должен был получить квартиру.

Упомянув о 12-этажном доме, я не оговорился. Сразу так и было запланировано, но из Свердловска в Евпаторию по ошибке был завезен фундамент под дом в 16 этажей. После долгих согласований пришли к решению, так и строить 16-ти этажный дом.

В это же время в горкоме партии произошла незапланированная кадровая чехарда, связанная с нарушениями жилищного законодательства. Волна кадровых перетасовок коснулась и жилищного отдела горисполкома. В нем появились работники, чтящие жилищное законодательство не меньше, чем сектанты свои каноны.

Их усердие мазнуло и по санаторию «Чайка». В списках очередников на получение квартир отмечено масса нарушений. Мне, ответственному за эти списки, пришлось собственной рукой передвигать свою фамилию вниз на столько строчек, что я однозначно выпадал из числа новосёлов в шестнадцатизэтажке.

Обещание Гофельда, культурно выражаясь, накрылось медным тазом. Винить некого. Но от этого не легче.

Продолжаю работать. Вызывает к себе главный врач. В кабинете сидит пожилая женщина. Представляют: врач Кузургашева. Она в 1962 году уехала на работу в Заполярье и забронировала свою квартиру в Литерном доме, который сейчас перепланирован под школу.

Мне поручается провести врача по свободным квартирам хозяйственной зоны на предмет её там поселения. Ни одна квартира ей не приглянулась. Так и доложил Гофельду. Тот разводит руками: других квартир у него нет. Кузургашева уходит.

Я знал, что на территории санатория нет и не было цивилизных квартир, только ведомственные, но они, как известно, не бронируются. Так как это Кузургашевой удалось присвоить ведомственную квартиру? Занялся этим вопросом. Порылся в архиве и получил следующую картину.

Приказ по санаторию от 6 марта 1962 года. Он посвящен врачу М.С. Кузургашевой. Она обвиняется в невыполнении врачебных обязанностей и в создании склочной обстановки в отделении. В констатирующей части приказа говорится: «Врача М.С. Кузургашеву за ...от работы освободить и направить в распоряжение облздравотдела».

Опальный врач оспорила этот приказ через суд и согласно его решению была восстановлена, а затем уволена «по собственному желанию». Уже уволенная, она продолжает жить в ведомственной квартире!

Кроме Кузургашевой главный врач конфликтует с главным бухгалтером санатория. Эти дамы, спевшись, пишут обличающие письма во все инстанции. Вмешивается горком партии, и под надуманным предлогом главного врача привлекают к суду.

Новый главный врач вступил в свои права 3 ноября 1962 года. Сразу же, стремясь избавиться от Кузургашевой, он поддерживает её желание уехать в Заполярье по найму, поэтому и бронирует за нею ведомственное жильё. Противоправные действия главного врача благословили в горисполкоме.

И теперь, в 1980 году эта «филькина грамота» предъявлена санаторию. Я доложил о своём открытии Гофельду. Тот звонит Кулакову. В ответ слышит: «Вы собираетесь судиться с Советской властью?» Вопрос закрыт.

В ноябре 1980 года Гофельда вызывает к себе В.А. Блощицын, заместитель председателя горисполкома. Тот берет меня с собой. В приемной мы заметили знакомую нам Кузургашеву.

Блощицын задаёт вопрос Гофельду:

- Видели в приёмной женщину? Вы не знаете с кем связались.

Гофельд начал рассказывать, сколько квартир ей предлагали на выбор. Блощицын прервал его.

- Ваши халупы ее не устраивают. Ей нужна благоустроенная квартира.

- Построим шестнадцатизэтажку, там она и получит благоустроенную квартиру, а пока пусть потерпит.

- В том-то и дело, что терпеть она не хочет.

- Ну не знаю, - повинулся Гофельд.

- А вот она знает!

- Что она знает?

- Она знает, что у санатория в недавно сданном доме есть свободная двухкомнатная квартира.

Блощицын ехидно смотрит на Гофельда, тот мнется под его взглядом, а я удивленно смотрю на обоих. Неужели действительно у санатория есть пустая квартира, и я об этом не знаю? Наконец, Гофельд промямлил:

- Это гостиница, а не квартира.

- У вас гостиница и общежитие на первом этаже, - уточнил Блощицын, - а та комната на пятом. И номер Кузургашевой известен: 27-й. Так?

Гофельд кивнул головой. А Блощицын продолжал:

- Недавно в Ялте судили главного врача санатория за разбазаривание жилфонда. Следующим можете быть вы.

Тут я вмешиваюсь:

- Что же получается, товарищи? Отдать двухкомнатную квартиру одинокому пожилому человеку, разве это не разбазаривание жилфонда?

- Разбазаривание, - согласился Блощицын, - но у вас нет другого выхода.

- Выход есть, - возразил я, - давайте мне эту квартиру, на семью из трех человек, а Кузургашевой мою однокомнатную в ДГТ.

Начальство переговорило между собой и решило пригласить в кабинет жалобщицу. Та дала согласие поселиться в предлагаемой ей квартире, с оставлением в очереди в 16-ти этажном доме.

Так моя семья стала обладателем нормальной квартиры. 5-й этаж? В нашей семье астматиков нет.

К этому небольшое воспоминание. Я на участке, где самовольно построил дом. Занимаюсь озеленением. Так умаялся от постоянного копания в земле, что в сердцах говорю:

- Как бы я хотел жить на пятом этаже! (в то время в городе более высоких домов не строили).

- Почему именно на пятом? – спросили меня.

- Землю, что у дома, успеют разобрать ниже живущие, и мне ничего не достанется.

Так и сбылась давняя мечта. Поистине мысль материальна.

Ещё один заметный эпизод из периода моей работы на «Чайке».

В городской газете «Евпаторийская здравница» опубликована статья о работе народного контроля санатория «Чайка».

Читатели узнали, как активно контролеры борются с попустительством некоторых руководителей служб санатория. От работников получающий полуторный оклад, они не требуют отработки положенного времени.

Вслед за статьёй издан приказ по санаторию о снятии доплат. В роли провинившихся руководителей упомянуты фамилии моя и главной медсестры санатория. Я никак не отреагировал на всё это, но Нина Андреевна Иванова побежала к Гофельду с сообщением: санитарки, получая «голую» ставку, отказались работать за двоих. Главврач заверил коллегу, что в ближайшее время исправит положение. Видишь ли, народный контроль перестарался.

Александр Матвеевич не сказал Нине Андреевне, что ее ждет еще один удар. Скоро в Симферополе издадут плакат площадью в развернутый лист газеты «Правда», в котором опять будет фигурировать совместительство и кое-что другое.

Мысль о плакате подсказал редактор городской газеты, дочь которого этим летом лечилась в санатории. Он же, для выполнения задуманного, посоветовал пригласить корреспондента областной газеты товарища Сахарова.

Тот побывал у Гофельда и унес в портфеле кипу разоблачительных бумаг. Ему предстояло литературно изложить факты и создать убедительные образы борцов с разгильдяйством.

В мой кабинет позвонил Ярош, заместитель председателя городского комитета народного контроля.

- Александр Николаевич, поручите снабженцу получить в областной типографии плакаты о работе народного контроля вашего санатория. Когда завезете – сообщите мне. Мы дадим вам список по рассылке.

Через пару дней снабженец Фриз доложил, что сдал плакаты на материальный склад санатория.

Я составлял план работы на следующую неделю, когда в кабинет вошел заведующий материальным складом Николай Александрович Голов. С порога он спросил:

- Александр Николаевич, вы читали плакаты, которые привез Фриз?

Я, удивившись, поинтересовался:

- Зачем мне их читать? Пусть Косихина (председатель группы народного контроля) их читает.

- Я бы посоветовал вам до неё это сделать. Там много пишут о вас и, я бы сказал, в весьма нелестном тоне.

Голов зря не скажет. До гражданки он был командиром воинской части и слыл у нас рассудительным человеком.

- Хорошо, Николай Александрович, зайду. Но это, наверное, будет завтра.

- Не опоздать бы, - ответил Голов и вышел.

Ближе к вечеру ко мне в кабинет ворвалась Иванова.

- Александр Николаевич, как вы такое можете?

Я участливо спросил:

- Что случилось, Нина? Чем вы так обеспокоены?

- Почему вы отказались читать плакаты, что находятся у Голова?

- Я не отказался. Завтра, перед планеркой зайду на склад и прочитаю.

- А если за них ухватится Косихина?

- Ей и карты в руки. Насколько я знаю, Нина Андреевна, это ее плакаты.

- Но обливают грязью нас с вами!

- Да, Голов на что-то подобное намекал.

- И вы собираетесь это терпеть? Идите немедленно к Голову! Я уговорила его не закрывать склад и ждать вашего прихода.

- Ну, вы даете, Нина Андреевна. Без меня, меня женили.

- Идите же, сейчас не до сантиментов!

Познакомившись с содержанием плакатов, я решил выписать их на своё имя, что утром и сделал. Бухгалтер материального отдела довольна:

- Правильно делаете, Александр Николаевич, - сказала она, - мы думали расписывать их по организациям, а так вы сами раздадите, а в конце месяца спишете.

Получив на складе плакаты, я пробирался в свой кабинет, как тать в ночи. Не хотел, чтобы меня с ними видели. Уже в кабинете закрылся на ключ, отложил себе три экземпляра, остальные засунул подальше на стеллажную полку. Сел за стол и еще раз перечитал уже знакомый текст. В дверь стучали, но я не отзывался.

Через час на имя секретаря парторганизации было готово письмо следующего содержания:

«Секретарю партбюро санатория «Чайка» В.С. Шульге,
от члена КПСС Стомы А.Н.

Написать настоящее заявление меня заставило издание плаката «Из опыта работы группы народного контроля детского санатория «Чайка». Если конкретно, то та его часть, которая касается описания собрания, где в роли «главного виновника» выступаю я, как заместитель по АХЧ.

Удивляет свободное обращение с такими словами, как «материальный ущерб государству», «безответственное отношение к своим служебным обязанностям», «виновники... чувствовали себя очень неудобно», «нелегко публично отвечать за свои промахи и упущения», «каждый получил по заслугам». Чем не репортаж из зала суда?

А чего стоят такие слова: «А попасть еще раз на такое обсуждение вдвойне неприятно», - признался один из виновников А.Н. Стома? Осталось добавить, что он смахнул пот со лба и заплакал.

Теперь по существу обвинений.

1. Вопрос совместительства. Да, был шум вокруг него. Опускаю целый столбец «литературных» упражнений. Далее: «...на следующий день после собрания главврачом был издан приказ о снятии совместительства с лиц, не выполняющих свои функциональные обязанности. Виновники допущенных недостатков были строго предупреждены».

Действительно 26.01.1982 г. был издан упомянутый приказ. Стоме и Ивановой указано на недостаточный контроль. Как видим, «строгого предупреждения» нет! Даже больше, другим приказом от 10.02.1982 г. всем лицам было восстановлено совместительство с 01.02.1982 г.! Так как же с «безответственностью»? И была ли она? Как быть с материальным ущербом, который был нанесен государству? Эту липу уже помещали в городской газете, а теперь ее же поместили в плакат. Учитывая, что это не художественное произведение, а методический материал, возникает вопрос: чему учат народных контролеров? Отвечу: очковтирательству.

2. По вопросу подготовки к работе в осенне-зимний период. Надо думать, речь идет о подготовке к зиме 1982-1983 годов.

Цитирую плакат: «В ходе плановой проверки готовности санатория к работе в осенне-зимний период было установлено, что некоторые руководители, мягко говоря, поторопились отрапортовать о готовности к зиме».

Так как конкретным виновником фигурирует Стома, то ясно, кто это, «мягко выражаясь, поторопился». А сказать, не смягчая, соврал. Так, для красного словца, обвинили человека во лжи. Вытерпит. Ведь он заместитель по АХЧ. Терпел и будет дальше терпеть. Но всему есть предел. Так вот, осенью 1982 года все окна были остеклены во время. Есть акты. Какие двери утеплили? В санатории двери вообще не утепляются.

Течи крыш и неисправности стиральных машин случаются. Сегодня работают, а завтра нет, сегодня не течет крыша, завтра потекла. Такова жизнь.

Опять цитирую: «Вскоре был издан приказ по санаторию, каждый получил по заслугам» Покажите мне этот приказ, его не было и нет!

Валентина Семеновна, я не судья этому плакату, но не могу позволить в угоду некоторым тщеславным устремлениям выставить себя на посмешище всему городу.

Плакаты я изъял. Вам даю два экземпляра для работы с ними и ответа мне по существу заявления. 04.07.1983 г.»

Валентине Семеновне понадобилось две недели, чтобы «подготовиться» к разговору с экспроприатором. И вот я в кабинете секретаря парторганизации. При этом присутствует председатель профкома врач Матвеева.

Секретарь порылась в бумагах, лежащих на столе и, подавая мне кипу, сказала:

- Вот акты группы народного контроля, на основании которых был составлен материал, так не понравившийся вам.

Я просмотрел акты и был немало удивлен.

- Валентина Семеновна, вы сами читали их?

- Не успела, - призналась та. – Анна Тихоновна их только сейчас принесла.

- Так будет вам известно, товарищ секретарь парторганизации...

- Зачем так официально?

- А затем, что дальше вам придется услышать весьма удивительные вещи. Вот акт от 13 октября 1982 года. Он свидетельствует, что окна всех корпусов были застеклены.

- Ну и что?

- Как что? Неужели непонятно? Ведь меня обвиняют, в том, что я поспешил доложить о готовности к зиме.

- Дело не только в стеклах.

- Хорошо. Другое обвинение: санаторий не был обеспечен моющими средствами. Вот выписка со склада о наличии моющих средств по состоянию на ноябрь 1982 года. В ней вы увидите, что запаса этих средств хватит на полтора года.

Я протянул секретарю лист бумаги, испещренный цифрами. Она повертела его в руке и, не читая, положила рядом.

- Что еще? - спросила она сонным голосом.

- Вы согласны, что в плакате меня оговаривают?

- Что я думаю по этому поводу, не имеет значения, - ответила Валентина Семеновна, - и другое - я его не писала. Кто писал, тот пусть вам и отвечает.

- Вы же секретарь парторганизации!

- Ну и что? Скажу только, что в этом плакате ничего особенного нет.

Пока я осмысливал заявление секретаря, подала голос Матвеева:

- Вы неправильно сделали, что арестовали плакаты. Ведь есть другой путь - жаловаться.

- Кому жаловаться? Вам или ей? – я мотнул головой в сторону секретаря.

- Зачем так грубо, Александр Николаевич? - укорила Матвеева.

- Вы правы. Надо мной издеваются мягко, а я вдруг начал грубо защищаться. Явное несоответствие.

- Итак, - промолвила Валентина Семеновна, - если вы не отдадите плакаты, то соберем бюро, и тогда я вам не завидую.

Я понимал правоту слов секретаря - партбюро было подстать своему вожаку: как укажут, так и сделают. Я ответил:

- Решать, конечно, вам, но я требую создания комиссии, которая могла бы беспристрастно сделать вывод - оболгали Стому или нет.

- Тут и без комиссии все ясно, - ответила секретарь.

- И что же, если не секрет?

- Какой тут может быть секрет? Вас не оболгали. Покритиковали - да, но на это коммунисты не должны обижаться. Согласны?

Огорошенный тупостью Валентины Семеновны, я, не отвечая на её вопрос, вышел из кабинета.

Здесь упущена одна немаловажная деталь. Так сложилось, что главный врач санатория, вскоре после изъятия плакатов, выехал в длительную командировку. Он постоянно звонит своему заместителю по медицинской части Бородиной, и, среди прочего, спрашивает о плакатах. Он приказывает решить к его возвращению этот вопрос и ни в коем случае не выносить произошедшее за пределы здравницы.

Завмедчастью пригласила к себе теплотехника Высоцкого и попросила передать Стومه, что главный врач очень расстроен его поступком и требует немедленно вернуть плакаты. Но тут же исправилась:

- Нет, лучше скажите ему не «требует», а советует по-хорошему вернуть плакаты.

Обращение завмеда к заместителю по АХЧ через голову было вызвано тем, что наши отношения были весьма натянуты, а Высоцкий пользовался у меня уважением.

Высоцкий передал мне слова Бородиной. Мне же после встречи с секретарем парторганизации нужен был взгляд постороннего, поэтому ответил:

- С такими советами, Евгений Федорович, ко мне обращаются многие, но никто не удосужился поинтересоваться содержанием плаката. Отсюда вывод: не интересуясь причинами, побудившими меня это сделать, советуют попросту бояться барского гнева,

- Но как, Александр Николаевич, люди могут прочесть тот материал, если он у вас за семью печатями? – спросил, улыбаясь, Высоцкий.

- Достаточно было спросить, и все желающие могли бы прочитать его, - ответил я, вынимая из ящика стола плакат.

- Тогда позвольте, я сам просмотрю его.

- Можете читать только очерченное, остальное беллетристика.

Высоцкий пересел с дивана на стул, что стоял перед столом, и расстелил плакат. Читая, ахал и охал. Подойдя к концу, сказал:

- Вам следовало очертить и вот это место: «За активную помощь партийной организации и администрации санатория в решении задач, стоящих перед коллективом, по итогам работы за IV квартал 1982 года решением городского комитета Компартии Украины и исполкома городского Совета народных депутатов группа народного контроля санатория «Чайка» занесена на городскую доску Почета».

- И зачем это мне?

- Если вдумаетесь в этот абзац, то увидите против кого выступили. Ведь ваш демарш дезавуирует их прошлое решение, а это недопустимо. Все эти уважаемые организации не дадут себя унижить в угоду вам.

Я развернул плакат к себе, перечитал указанное место.

- Согласен, я как-то о них не подумал, но я не чувствую ни угрызений совести, ни, тем более, жалости к ним.

- В данном случае ваши чувства вторичны, мой друг.

- А что первично?

- А вы не знаете? Авторитет партии и её составных звеньев, с которыми вы осмелились сцепиться, - ответил Высоцкий и спросил: - Я слышал вы писали в партбюро. У вас осталась копия?

Я положил перед ним сколотые скрепкой листы. После прочтения Евгений Федорович задумчиво проговорил:

- Считаю, с вами поступили гадко. После всего, что я сейчас узнал, не смею уговаривать вас возвращать плакаты, хотя после разговора с Бородиной шел к вам с другим намерением.

30 июля Гофельд вернулся из командировки. По санаторию поползли слухи, что главный врач не в духах. Вызывает к себе то одних, то других, и все выходят с красными рожами, а то и заплаканными.

Дошла очередь и до меня. В кабинете только главврач. Он не подал руки своему заместителю, только кивнул головой и жестом пригласил сесть. Некоторое время помолчали.

- Ну что будем делать? - угрюмо спросил Гофельд.

Я наивно поинтересовался:

- Вы о чем?

- Не стройте из себя идиота! - раздраженно ответил он. – Что с плакатами?

- Они у меня. Я написал заявление секретарю партбюро и требую образования комиссии, которая могла бы объективно оценить содержание плаката.

- Никаких комиссий не будет, - заявил Гофельд. - Будет партийное бюро, и вы не представляете, как вам там достанется! Затем и я подумаю, работать с вами или нет. Не забываете, что живете в служебной квартире!

- Вы уволите меня за пьянку на рабочем месте?

- Не говорите ерунду! Вынесу пару-тройку выговоров - и до свидания!

- Не получится.

- Почему? - удивился главврач.

- Приказ – не плакат, там нужна будет конкретика.

- Вы считаете себя непогрешимым? – съязвил главврач.

- Ваш плакат, в котором всё вокруг да около, позволяет мне так думать.

- Во-первых, он не мой, а во-вторых, разве там всё неправда?

- Что касается меня, то сплошь и рядом.

- Вы рисуетесь, Александр Николаевич. Это вам дорого обойдется.

- Я готов понести любое наказание, но плакаты не отдам.

- Поясните, зачем они вам?

- Все из-за того же, Александр Матвеевич, что заставляет меня добросовестно работать - я очень дорожу своим именем и не могу допустить, чтобы в моем родном городе его склоняли всуе на каждом углу. Давайте я отвезу эти плакаты в Москву и вывешу на каждой станции метро - пусть читают.

- Я ж говорю - рисуетесь, - повторился Гофельд и добавил: - Идите, и думайте о последствиях. У вас есть еще немного времени.

Иду и удивляюсь тому, что встреча прошла без истерики. Я тогда не знал, что до разговора со мной, главврач встречался с Высоцким, и тот прямо заявил, что не поддерживает моих действий, но принимает мою сторону по критике текста. Мнение Высоцкого было неприятным сюрпризом для главного врача: Стома не одинок. А сколько еще подобных правдолюбцев ходит по санаторию?

Поэтому, несмотря на прирученных секретаря парторганизации и председателя месткома санатория, возможны неожиданности.

Но неожиданность пришла совсем с другой стороны: позвонили из горкома партии. Секретарь горкома Круглова (фамилия изменена) поинтересовалась плакатами. Узнав, что их еще не вернули, пообещала приехать, чтобы всё самой решить на месте.

Секретарь Гофельда получила от него список. Поименованным немедленно быть под дверью кабинета и ждать.

Получив это сообщение, я кожей почувствовал, что будет решаться мой вопрос. Просмотрел бумаги, в которых зафиксировал все замеченные изъяны плаката и свои возражения по этому поводу, я положил их в карман пиджака и направился к административному зданию. У

самого подъезда увидел белую «Волгу». По тому, что автомобиль не на стоянке, понял: явилось большое начальство.

В кабинете главного врача собрался весь бомонд санатория. Не было только Высоцкого. Рядом с главным врачом сидела Круглова. Это она прибыла на той «Волге».

Я как-то был у неё на приёме. Каждый понедельник я проводил в хозслужбе политинформацию. Для подготовки к этому мероприятию использовал еженедельник «Аргументы и факты». Только в нём можно было найти интересные факты, обойденные официозами, т.е. всей остальной советской печатью.

При подписке на 1983 год мне отказали в «Аргументах и фактах». Почему? Распоряжение горкома. Так я и попал на прием к Кругловой, и она разрешила подписать меня на тот еженедельник.

Вернёмся в кабинет главного врача.

- Валентина Владимировна, секретарь горкома партии, - сообщил Гофельд, - поможет нам разобраться в случае с агитплакатами группы народного контроля. Вы все в курсе дела и, должно быть, уже вынесли свое мнение по данному вопросу. Начнем, пожалуй, с виновника события. Вам слово, товарищ Стома.

Я поднялся и, уже в который раз, начал излагать свою позицию. Это позволило мне быть кратким.

- У вас все? - спросил удивленно Гофельд.

- Если будут вопросы, я на них отвечу.

Главврач наклонился к секретарю горкома, что-то прошептал, та кивнула.

- Вопросы к товарищу Стоме есть? – спросил он.

Некоторое время стояла звенящая тишина. Первой ее нарушила Анна Тихоновна:

- Вы считаете себя, Александр Николаевич, неприкасаемым? Вас нельзя критиковать?

- Да, ради бога, критикуйте, но только за то, что я фактически сделал или, наоборот, не сделал. Вы же в своем плакате бесцеремонно исказили факты, отсюда и ложные выводы. Так это, к вашему сведению, уже не критика, а, мягко выражаясь, критиканство.

- Я с вами не согласна, - возразила Анна Тихоновна.

- Не будем дискутировать, - прервала ее Круглова. – Вопрос – ответ и ничего более. Продолжайте, Александр Матвеевич.

- Да, да, - проговорил Гофельд. – Прошу вопросы. Пожалуйста, Татьяна Николаевна.

- Александр Николаевич, вы считаете себя непогрешимым? - спросила завмед Бородина. - Вы понимаете, что выступили против всего коллектива?

- Непогрешимость, Татьяна Николаевна, – не для простого человека. Я не исключение. Что касается коллектива, то вы, товарищ завмед, даже в купе с Анной Тихоновной, еще не весь коллектив.

Подала голос и Валентина Семеновна.

- Вот вы доказываете, - сказала она, - что своевременно подготовили санаторий к зиме, но, как известно из акта группы народного контроля, вы только 13 октября закончили остекление корпусов. А до этого дети мерзли. Не так ли?

- Не так ли, Валентина Семеновна. Вам должно быть известно, что речь идет об остеклении вторых рам, а первые никогда не остаются без стекол. Во-вторых, указанное вами 13 число, соответствует сроку, заложенному в графике по подготовке к зиме.

- Но в октябре бывает и холодно. В вашей служебной квартире, небось, всегда двойное остекление.

Секретарю партбюро не мешали спрашивать даже полнейшую ерунду.

- Удивительно, но я в этой квартире живу третий год, и пока ни одного стекла не разбил. В корпусах мы каждый день вставляем стекла.

- Это дети.

- Правильно. Поэтому к ним нет претензий. И, к вашему сведению, Валентина Семеновна, дети в прошлом году и в октябре не мерзли.

- Откуда такая уверенность?

Я, порывшись в бумагах, нашел небольшой листик.

- Слушайте. Это не предположения, а факты. В середине октября 1982 года температуры воздуха были следующие: (я назвал цифры). Скажите, можно было замерзнуть при таких температурах?

- Откуда у вас эти сведения? - с недоверием спросила секретарь партбюро.

- Из городской газеты. Подшивка в библиотеке. Можете проверить.

Секретарь горкома что-то шепнула Гофельду, и тот сказал:

- Валентина Семеновна, было бы хорошо, если бы вы эти вопросы задали Александру Николаевичу раньше и вообще, если бы вы проявили больше внимания к коммунисту, то нам не пришлось бы сейчас терять время.

- Выходит, я виновата? - спросила Валентина Семеновна и привычно заплакала.

Все, находящиеся в кабинете, возможно кроме секретаря горкома, знали о слезливости Валентины Семеновны, поэтому не всполошились. Круглова сказала со своего места:

- Успокойтесь, Валентина Семеновна, вас никто не обвиняет. Чтобы завершить наш деловой разговор, я предлагаю коммунисту Стоме вернуть в группу народного контроля изъятые им плакаты. Одновременно обещаю, что ни один из них не будет вывешен для всеобщего обозрения. Всё.

- Свободны, товарищи, - присовокупил Гофельд.

В кабинете остались главврач и партийные секретари.

Когда одна из членов партбюро спросила у Шульги о сроке рассмотрения персонального дела Стомы, то получила развернутый ответ на свой вопрос. Он вскоре стал достоянием многих. Это помогло воспроизвести заключительную часть совещания, но уже в узком кругу.

- Что, Александр Матвеевич, отличились? – спросила Круглова.

- В чем я виноват? – удивился тот.

- В демонстрации беспомощности. Вы не сумели оценить обстановку и совсем неудачно избрали объект критики. Плохо вы с Валентиной Семеновной знаете своих коммунистов. Не могли предвидеть, как Стома отреагирует на вашу необоснованную критику?

- Кто мог подумать? – сказала Валентина Семеновна и пояснила: - Ведь он проживает в служебной квартире.

- Как я понимаю, - обратилась Круглова к главному врачу, - служебная квартира - ваш главный козырь против Стомы?

- Но позвольте, Валентина Владимировна, - возразил Гофельд, - я к этому плакату имею лишь косвенное отношение. Готовил его народный контроль, а писал Сахаров, корреспондент...

- Знаю, - перебила его Круглова. - Прежде чем вам позвонить, я пригласила к себе товарища Сахарова со всеми исходными материалами и убедилась, что большая их часть написана вашей рукой, Александр Матвеевич.

- Я помогал Анне Тихоновне.

- Вот и помогли – упрекнула Круглова и, обращаясь к Валентине Семеновне, сказала: - Если будете собирать партбюро, чтобы наказать Стому, вкуче с этим рассмотрите провокационную роль коммуниста Гофельда в этом вопросе.

Каждый, кто узнавал о данном эпизоде, спрашивал меня: зачем Гофельду нужна была такая головная боль? Я, не имея ответа от самого главврача, могу только предполагать. И вот мои предположения.

Гофельд – незаурядный человек. Это подтверждалось его успешным руководством санаторием и высоким интеллектуальным развитием. Но кто из нас без греха? Был пунктик и у Гофельда – тщеславие.

Зачем, например, санаторию, сидящему на скудном бюджетном финансировании, организовывать на своей базе различные форумы, далеко не областного масштаба?

Все примеры, связанные с приказами и т. п. не выдуманы. Чем объяснить вариации с полуторными ставками, если не желанием на пустом месте создать видимость активности контролеров? А с тем отметить на городской доске Почета.

По своим недюжинным задаткам Гофельд был способен на многое, но судьба уготовила руководство санаторием областного подчинения, затерянного на задворках не столь уж значимого курорта. Отсюда и пребывание бессменным членом не городского исполкома, а поселкового совета, решающего задачи даже не водоканализации, а колодцев и выгребных туалетов.

Вот и рвал человек удила, стремясь всеми правдами и неправдами выбраться хотя бы на городской уровень.

Легко догадаться, что этот случай, хотя и сошёл мне с рук, но заставил задуматься над частым упоминанием моей квартиры как служебной. Чем это чревато мне?

Вспомнил Колюбакина и то, как он бесцеремонно варьировал оценкой качества моей работы. В санатории, конечно, другая обстановка, но висеть даже на золотом крючке – удовольствие не из приятных.

Стал думать. Фактически между мной и санаторием произошел обмен квартирами. Тогда почему «служебная»? Решил посоветоваться с «приходящим» юристом санатория Людмилой Горюновой. Я уже имел возможность обсуждать с ней производственные вопросы и убедился в её компетенции и порядочности.

Горюнова, выслушав меня и задав несколько вопросов, заверила, что, занимаемая мною квартира никак не может быть служебной, т.к. я получил ее в результате прямого обмена.

Я не стал сообщать Гофельду о своём «открытии» и доказывать неправомерность отнесения моей квартиры к «служебной». Я не видел в этом необходимости, поэтому занялся более важной для себя проблемой – размером будущей пенсии.

К тому времени Евгений Федорович Высоцкий вышел на пенсию, месячная ставка - 76 рублей. Узнав об этом, я подумал: сколько же сам буду получать, если останусь на той же должности? Подсчитал: пенсия может быть рублей 80, при максимальной на то время 120 рублей.

Это сейчас варьируют тысячами, а в 80-е годы и трояк – деньги (бутылка водки). Подсчитал: чтобы получить максимальную пенсию, мне необходимо два года кряду получать не менее 200 рублей в месяц. В санатории таких денег нет. Надо идти работать на завод! При этом, должность должна быть не ниже старшего мастера.

И такие планы в 57 лет! «Куда ты, старый перечник, лезешь? В такие годы не только хорошей, но вообще работы не получишь. Знай, кукарекай до пенсии там, где очутился». Так в нынешнем веке скажут и более молодому искателю счастья. И будут правы. В советское же время возраст не имел такого значения. Поэтому и ринулся на поиски.

В отделе кадров авиаремонтного завода начальником Ромодин (вместе работали на «Вымпеле»). Встречаемся. Да есть свободная должность старшего мастера ОТК. Прошу Сергея Николаевича застолбить для меня это место, а сам пишу заявление на расчет.

Гофельд грозит выселением из служебной квартиры, но я уже подкован знаниями, поэтому не пугаюсь. Расстаемся спокойно, как деловые люди.

Пишу заявление о приеме на работу в в/ч 42894. Ромодин сам пошел собирать подписи. Начальник ОТК подписал, но Ценин отказал под тем предлогом, что эту должность кому-то уже обещал. Тут не поспоришь, тем более, встретиться со мной Ценин отказался. Я не удивился: тогда я здорово его подвёл.

По дороге к проходной встретил начальника техотдела. Узнав, зачем я приходил на завод, пригласил к себе рядовым технологом. Я отказался.

Куда еще? Не знаю. На ремзавод почему-то даже соваться не хотелось. Тут вспомнил, что Саша Нестеренко (я ему сдавал свои дела при уходе с «Вымпела») сейчас первый секретарь горкома партии. Позвонил, договорились о встрече.

Александр Леонидович выслушал меня (он может внимательно слушать) и говорит:

- Мне недавно звонил директор винзавода и просил подыскать хорошего человека на должность председателя профкома. Пойдете?

- А сколько будут платить?

- Сейчас узнаем.

Нестеренко связался с директором и выяснил, что к чему, и я тут же дал согласие.

19. НА ВИНЗАВОДЕ

Итак, с 23.09.1983 г. я - старший технолог по КСУКП Евпаторийского экспериментального хозяйства (ЕЭХ). Аббревиатуру КСУКП выписал из трудовой книжки, а вот расшифровать её сейчас уже не могу, но хорошо помню обязанности по этой должности. Они заключались в разработке заводских стандартов на основные виды производственной деятельности.

Вторая должность - председатель заводского комитета профсоюзов. Становлюсь им после общего собрания. У меня кабинет - большая комната на первом этаже административного корпуса.

Обе должности связаны с множеством писанины. Для этого имеется раздолбанная пишущая машинка «Украина», но я не умею печатать. Начал учиться. Слава богу, время для этого было.

Условия работы, по сравнению со всеми прошлыми, санаторные. Завод на подъеме, производственные отношения деловые. Директор Евгений Григорьевич Плаксин спокойный и доброжелательный человек. За годы общения с ним мне не пришлось сомневаться в его порядочности. С ним мне, как председателю профкома, было легко решать насущные профсоюзные вопросы. В своих решениях он ставил интересы рабочего человека на первое место.

Социальные условия на высоком уровне: в столовой хорошо готовят, в буфете продаются продукты, которых в городских магазинах не всегда купишь. Комитет профсоюза располагает путёвками. Узнаю, что коллектив не особенно любит отдыхать и лечиться. Путёвки приходится предлагать, уговаривать.

Зато детские путевки в пионерские лагеря пользуются большим спросом, но сезон прошел. Следующим летом мне предстоит здорово покрутиться: ни в коем случае нельзя снижать достигнутый уровень. Здесь может помочь знакомство с директорами пионерлагерей.

Ко мне обращается юрисконсульт завода Иван Акимович Ладыженко и просит приютить его в моём кабинете. Ивану Акимовичу 72 года и ему стало трудно ездить по командировкам. Директор завода, Евгений Григорьевич Плаксин, не хочет расставаться с опытным юристом. Он «придумывает» ему должность: «мастер производственного обучения» и оставляет при заводе. Вот и ищет пристанище бедолага, ибо в бывшем кабинете-клетушке ему места нет.

Иван Акимович оказался человеком интересной судьбы.

В 1938 году Л. Берия «заметил» молодого прокурора из Запорожья и пригласил его на работу в свой штат. Иван Акимович показывал мне свои записи, но они настолько неразборчиво написаны, что я не мог их прочитать.

Он рассказывал, как ездил на фронт арестовывать командира эстонской дивизии (фамилию забыл). И уже в Москве, как допрашивал его.

Незадолго до смерти Сталина Ладыженко перевели в Узбекистан на какую-то высокую должность (какую, запямятовал) и это спасло его от репрессий, связанных с Берией.

Из-за болезни жены он перебрался в Евпаторию, купил домик, работал в городской адвокатуре. Здесь его заметили и «сделали» судьёй.

Он не угодил обкому партии. Его обвинили во взятке и засадили на восемь лет. Отсидев срок, Иван Акимович устроился юрисконсультom на винзаводе. Здесь мы и встретились.

Много лет спустя я написал роман «Из жизни Поспелова», где Иван Акимович под фамилией Ладыгин становится одним из его героев. В романе использованы истории, им рассказанные.

В свою очередь, у Ладыженко был роман, отпечатанный на машинке. Я с удовольствием прочитал его.

Иран. Время встречи глав Великих держав. Герой романа в числе коллег-контрразведчиков противодействует немецким диверсантам. Кто видел к/фильм «Тегеран-43», тому легко представить обстановку тех дней. Новостью для меня была такая подробность: дома, что через улицу вокруг советского посольства, были отселены. На их фасады наброшен брезент – от верха до земли. В домах – патрули.

Иван Акимович сам был участником этих событий, поэтому всё описанное звучало достоверно, увлекали описания быта иранцев. Недостатком романа, на мой взгляд, был стиль. Он писал не роман, а протокол. Описание подробно, но сухо передавало суть событий, полностью отсутствовали краски, интонации.

Услышав мой отзыв, Иван Акимович заметил:

- Куда от них (протоколов) треклятых теперь денешься!

Он посылал этот роман в какой-то узбекский, но русскоязычный, журнал. Ему ответили, что для местных авторов места не хватает, а тут еще из Крыма.

Тогда Иван Акимович поехал в Москву для встречи с С. Цвигуном, заместителем председателя КГБ. Зная о литературных преуспеваниях генерала, он решил попросить у него содействия. Ведь они когда-то вместе работали и были в хороших отношениях.

В приёмной на Кузнецком мосту Ладыженко, записался на аудиенцию. В назначенный день и час пришел, но, увы: генерал в отъезде. Покрутился и тут же узнал, что Цвигун на самом деле умер, и тело его лежит в клубе КГБ. Пошел прощаться.

Тем временем Гофельд не успокоился. Он обратился с иском в суд на моё выселение из служебной квартиры. В помощь призвал свою сестру – видного симферопольского адвоката. Я это утверждаю потому, что представителем санатория на суде была женщина из Симферополя. Конечно, не сестра Гофельда, я ее знал, но женщина из её адвокатуры.

Иван Акимович проинструктировал меня, и я пошел на суд во всеоружии. Выслушав стороны, прокурор сказал судье:

- Мне здесь делать нечего, заканчивайте без меня.

Под конец представительницу санатория спросили:

- Санаторий настаивает на своём иске?

Видимо, поняв, что иск будет отклонен, адвокат ответила:

- Мы настаиваем на возвращении Стомы на работу в санаторий.

- Ответчик, вы согласны вернуться в санаторий? – спросила судья.

- Не согласен.

Суд не признал мою квартиру служебной. Вскоре прошла компания по ликвидации ведомственного жилья. Наш дом перешел в управление городом. Так порвалась последняя ниточка, связывавшая меня с «Чайкой».

1985 год. Необычно рано, 7 марта, был издан приказ директора винзавода о подготовке хозяйства к переработке винограда урожая 1985 года. Кто знал, что стремление хорошо подготовиться к сезону будет в одночасье перечеркнуто.

Мне довелось быть свидетелем пагубного влияния Постановления ЦК КПСС от 7 мая 1985 года «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» на отдельно взятом винодельческом производстве.

Пропаганда трезвого образа жизни делала своё дело. Некоторые работники стали стыдиться своей принадлежности к выпуску алкоголя. В заявлениях на увольнение писали: «Не хочу быть причастным к отравлению народа».

В струе борьбы с алкоголизмом «боролись» и с производителями алкогольной продукции. Евпаторийский горисполком обязал директора направить, как студентов, 90 человек на уборку овощей в совхоз. Рабочих ПРУ (погрузочно-разгрузочный участок) направили на товарную станцию разгружать картофель.

Трудности в приобретении алкогольной продукции вызвали увеличение хищений виноматериалов с завода. Органами милиции за 11 месяцев были задержаны 95 человек с похищенной продукцией. Из них 47 не работающих на заводе.

Качественные виноматериалы и спирты отправляли в Башкирию для переработки в пищевой белок. Завод терпит миллионные убытки.

Евпатория не ограничилась «дневными» мораториями на продажу алкоголя». По решению городской сессии народных депутатов, под предлогом того, что Евпатория является всесоюзной детской здравницей, город был объявлен безалкогольным.

Евпаторийцы, имевшие возможность, везли водку и вино из других городов и поселков, оставляя там свои рубли, а Евпатория не в состоянии была набрать денег на зарплату госслужащим.

Те горожане, кто не мог закупить спиртное за пределами заповедной зоны, сбивались в дикие очереди у «точек», где был разрешен к реализации скудный ассортимент сухих вин. Такая ситуация стимулировала самогонование и продажу дурманящего мозги зелья.

Вот как это выразилось на психических расстройствах в Евпатории:

1886 -17, 1987 – 19, 1989 – 17, 1990 – 24.

Смерть от алкоголизма и цирроза печени в Евпатории:

1987 – 11, 1988 – 15, 1989 – 28.

В 1987 году ЕЭХ не выполнило план по налогу с оборота на 659 тысяч рублей по причине отказа торгующих организаций от крепленных виноградных вин. Не выполнен план и по рентабельности в связи с невыполнением плана по прибыли на 2 миллиона рублей.

В такой обстановке мне пришлось уходить на пенсию. Проводы были организованы в помещении экспериментальной лаборатории, заведующей которой в то время была Рита Кишеневская (я уже писал о ней).

К тому времени я вообще перестал пить спиртное. Это началось сразу, как только ушел с «Вымпела». Большую роль сыграло то, что на последующих работах не было таких дружеских отношений, как на заводах. Так я и без горбачёвского указа стал трезвенником.

Когда сели за стол, я попросил поставить передо мной посуду с соком. Это послужило сигналом тому, что и другие участники проводов отказались от спиртного. Так и пили мы под дружеские тосты безобидные напитки. На нас с полком осуждающе смотрели бутылки с вином различных наименований. В те годы и свадьбы случались безалкогольными, а что уж говорить о проводах на «заслуженный отдых».

Пенсию мне насчитали в размере 111 рублей с копейками. Это не 120 рублей, но и не 80, которые мог получить в санатории. Так что игра стоила свеч.

20. ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПЕНСИИ

Сейчас я на какое-то время прекращу хронологическое описание событий и займусь воспоминаниями о своих литературных попытках.

Еще в армии я был постоянным читателем библиотек. Брал не только художественную, но и литературу философского толка. Особенно увлекся древнегреческими философами. Через всю жизнь пронёс утверждение релятивистов, что «всё в мире относительно», или как констатировал Платон: «Ничто не есть само по себе, но всё всегда возникает в связи с чем-то».

В 1946 году, когда приехал из отпуска в Евпатории, сделал попытку воспроизвести рассказы Вити Володина на бумаге. Позже дал почитать Леше Виноградову. Тот посоветовал писаниной не заниматься: «Не трать бумагу, друг, на бесполезное дело». Уже в 1952 году увлекся стихосложением. Где-то в архиве лежит тетрадь с теми опусами.

Когда начал работать и учиться, а там и строиться, то было не до сочинительства, да и что я мог сочинить, если в голове пустота.

В артели «Стахановец» работал Мара Культе. От него я впервые узнал, что за Бахчисараем есть древняя крепость Чуфут-Кале. Его рассказ меня заинтересовал. Я стал искать литературу об этой крепости. Открыл для себя и другие интересные места, стала интересовать древняя история Крыма.

До войны для меня история полуострова ограничивалась «Севастопольскими рассказами» Л. Толстого, «Севастопольской страдой» Сергеева-Ценского и «Сказками крымских татар».

После войны история Крыма вообще приобрела какой-то избирательный характер. Но хотелось знать чуть-чуть больше. Свободные дни использовал на поездки в Бахчисарай. Оттуда походы на Чуфут-Кале, Мангуп, Эски-Кермен и т.д.

В читальном зале евпаторийской библиотеки им. Пушкина в свободном доступе «ИТУАК» (Известия Таврической ученой архивной комиссии). Это сборники статей по истории Крыма. Их выпустили всего 57 номеров. В 1921 году выпуск ИТУАК был прекращен.

С первых же страниц понял, что всё, что в этих сборниках помещено, для меня откровение. Читал почти всё, конспектировал выборочно. Голова пухла от обилия узнанного, но (для меня – вдруг) ИТУАК убрали из библиотеки. Куда? В какой-то фонд.

Есть такие же в музее, но, чтобы там читать, нужно письмо от организации с указанием темы и цели работы. Куда мне со свинячьим рылом в такие закрома?

Остался Симферополь, но туда не наездишься. Будучи в отпуске, выделял несколько дней для поездки в столицу. Останавливался у сестры, Ольги. В читальном зале библиотеки им. Франко – очереди к прилавку. Несколько лет ушло на чтение только ИТУАК.

В дни, когда пишу эти строки, мой добрый ангел Олег Александрович Куценко преподнес мне подарок: скопировал на флешку все 57 номеров ИТУАК! Теперь у меня дома это неоценимое богатство! Я могу в любой момент открыть любой том и читать, читать!

Но радость в момент улетучилась. Зачем сейчас мне это богатство? Что мне с ним делать? Где вы были, друзья мои, пятьдесят лет назад?! Глупый вопрос, но он колотушкой стучит в моей голове. Пусть стучит. В моей голове еще много подобных колотушек, поэтому стучать им не перестучать.

Роясь в каталогах библиотеки им. Франко, наткнулся на Хартахая и его «Историческая судьба крымских татар». У меня в руках журналы с этой работой. Но уже вечер. Успел только просмотреть. Интересно. Ничего, завтра поработаю на полную.

На следующий день опять заказываю Хартахая. Ответ обескураживает. Эти журналы заняты, они в научной разработке.

- Так я только вчера держал их в руках.

- Не знаю, так мне сказали, - отвечает библиотекарь.

Иду к директору библиотеки. Меня терпеливо выслушивает благообразного вида мужчина.

- Позвольте спросить, - говорит он, - зачем вам сдался этот Хартахай?

- Разве не достаточно того, что я люблю читать всё, что написано о Крыме?

- Ну и читайте, по этой теме у нас обширный фонд.

- Мне нужен Хартахай.

- Но статья Хартахая отнесена к списку ограниченного доступа. Если вы даже научный работник, но у вас тема научной работы не о крымских татарах, то, увы.

Так и не удалось поближе познакомиться с этим автором. Это было в 70-е годы прошлого столетия.

Я понимал, что сколько ни накапливай материал, ты им не сможешь воспользоваться, если у тебя не появится навык писать. Поэтому писал по мелочи. Помогал детям с домашними сочинениями. По просьбе Оли описал эпизод обороны Мангуп-Кале от турецких захватчиков. По сути это была первая попытка воспользоваться накопленным историческим материалом. Сочинял небольшие рассказы для собственного чтения, но всё это не то.

В 1984 году, работая на винзаводе, взял отпуск, а к нему путевку в евпаторийский пансионат «Космос», им тогда командовал Анатолий Андриевский (царствие ему небесное). Он по старой дружбе выделил мне отдельный номер и предоставил пишущую машинку.

Весь этот отпуск я «убил» на создание рассказа, который озаглавил «Где-то за горой». Сейчас он идёт у меня под другим заголовком: «Дураки по месту жительства» объемом где-то 15 страниц. Для того времени это была самая крупная моя работа. Я сам не высокого мнения о ней. Важно было держать логическую линию от начала до конца. Это, как я понимаю, удалось, и ладно.

Появилась идея написать рассказ о друге детства Косте Майданюке. Собственно, это эпизод о нашей поездке в Саки к Костиному папе и пешее возвращение в Евпаторию. Написал и понял, что эта мазня ни к селу, ни к городу. И только после этого пришел к идее расширить повествование. Включить в него историю десанта и сцену гибели Кости.

В то время основным материалом о десанте была брошюра Павлова «Евпаторийский десант», да и та на украинском языке. Купил её и начал штудировать со словарем в руках. Так получил некоторое понятие о том событии.

Написал что-то вразумительное. Даю читать людям, пережившим то страшное время. Говорят: так и было. И то хорошо, но чувствую этого мало. Переписываю заново текст, ввожу новые эпизоды. Повесть приобретает имя - «Рыжий Кот».

Так погряз в этой работе, что стал сам себе противен. Сколько можно об одном и том же? А что другое? О чем еще могу рассказать? Порылся в памяти и вышел на свое пребывание в ЖЭКе. Но кому оно будет интересно?

Чтобы дать «отстояться» «Рыжему Коту» и отдохнуть от него, стал заниматься этим гиблым делом. Признаться, жэковский материал пошел легко: были живы в памяти те события, из которых строил канву будущей повести.

Собственно, с таким багажом я и вышел на «заслуженный отдых». Казалось бы, открывается простор для творческой работы, но у меня нет уверенности, что я способен на нее. Сколько в жизни примеров пустопорожней писанины. Чем я лучше других со своим хромым на обе ноги образованием?

Постоянно покупаю журнал «Литературная учеба». Это мой единственный учитель и наставник. Посылаю туда «Рыжего Кота». Вот фрагмент из рецензии на него.

«К сожалению, одного только желания написать повесть - недостаточно даже тогда, когда автор довольно грамотен и владеет некоторыми элементами художественного изложения. Данный случай примерно такого порядка. Автор, видимо, воодушевляясь желанием увлечь читателя и изобразить важную роль ребят в развитии военных событий, описывает совершенно несуразные и неправдоподобные ситуации, обнаруживая свою неспособность к анализу. Неумение в разгуле фантазии хоть сколь-нибудь выверять психологически описываемое. Таким образом, он постоянно грешит как против жизненной, так и против художественной правды.

Можно ли чем-нибудь серьезно мотивировать сцену с задержанием Толика и Кости советскими военнослужащими и безосновательными обвинениями их в том, что они диверсанты? В данном случае лейтенант и другие офицеры ведут себя так «разумно» и «достойно», что становится ясно – им воевать только с ветряными мельницами, да и методы дознания у них не наши, не советские...

Анализировать подробно все авторские просчеты вряд ли есть прямой смысл. Рукопись не состоялась и издана быть не может.

Редактор Т. Соловей».

Не буду спорить с уважаемым редактором, но не могу не напомнить. Эпизод с задержанием как раз не выдумка автора, а самый достоверный факт. А методы дознания, даже советские, иногда не ограничивались шлепками по голой попке, а что касается лексики, то он не мог быть повторим в повести ввиду своей трехэтажности.

Отмечу и другое. Я посылал повесть в журнал «Литературная учеба» не для публикации, а для прочтения и получения рецензии. Что ж, и на том спасибо.

Получаю полезные советы, но это – слёзы. Разве столько мне нужно знать, чтобы грамотно строить предложения, чтобы создавать из них что-то вразумительное?

В своих метаниях я вскоре понял, что я не Джек Лондон или Бернард Шоу, которые, сломя голову, отдались творчеству. Жили впроголодь, но писали. Издатели били их по рукам, но они все равно писали. У них была какая-то удивительная вера в себя, вера в свои творческие способности. У меня этого нет. И я начал искать работу.

Пошел слесарить в свой бывший цех №4. Он в новом, более благоустроенном помещении. Прежних людей нет. 20 прошедших лет многое изменили. Поработал и через неделю ушел, попросив Ромодина не делать отметку в трудовой книжке. Выяснилось, что вижу плохо, даже в очках, и целый день стоять у верстака – мне не под силу.

А мне всё равно нужна рабочая должность - только тогда я буду получать полную пенсию. На итэровской должности – 50 процентов. Игра не стоит свеч.

Тут сказали, что меня разыскивает (дома телефона нет) Алевтина Торлопова. Сейчас она заведует кадрами в пансионате «Северный», а раньше работала на «Чайке». Отсюда и знаем друг друга.

Позвонил ей. Алевтина узнала, что я ищу работу и решила помочь, предложив должность комплектовщика в пансионате. Поехал в пансионат, и там познакомился с Иваном Григорьевичем Яковлевым, комплектовщиком.

Иван Григорьевич стоял у истоков образования пансионата «Северный», как представитель завода «Севмаш» наблюдал за его строительством. Затем стал первым директором. Потом уступил место молодому Трубину, а сам остался в пансионате в должности комплектовщика.

В обязанности этого работника входит: материального снабжения пансионата. Комплектовщик собирает заявки служб пансионата, составляет общую заявку и едет с нею в Северодвинск Архангельской области, где и находится тот «Севмаш».

Завод «Севмаш» - режимное предприятие, строит атомные подводные лодки.

В 30-х годах деревня превратилась в город Молотовск, ну а теперь Северодвинск. Несколько улиц, оставшихся от тех времён, застроены деревянными домами, тротуары так же деревянные. В новых районах дома возводятся по ленинградскому проекту. У них бытовые условия несколько выше, чем у наших хрущёвок.

Иван Григорьевич сообщил мне, что мы поедем в Северодвинск на поезде. В конце августа из Евпатории отойдет состав с детьми, отдыхающими в пансионате. С ним и мы.

Ехали, если не ошибаюсь, три дня. Поездка спокойная, посторонних в поезде нет, еда бесплатная. По приезду я поселился в гостинице «Волна», а Иван Григорьевич поехал к сыну.

В номере два места. Моим соседом был доктор технических наук. Его специализация – акустика. Он в первый же вечер просветил меня в важности его дисциплины при проектировании

подводных лодок. Я узнал о конкуренции между СССР и США в части создания бесшумных подлодок.

Еще запомнился сосед тем, что на брюках у него был ремень и подтяжки одновременно. Тут же «всплыл» Владимир Маяковский. Выступая на встрече с читателями, Владимир Владимирович беспрерывно поддегивал брюки. Его спросили:

- Товарищ Маяковский, почему вы постоянно подтягиваете штаны?

Поэт ответил как-то так:

- А вам интереснее будет, если они упадут?

Иван Григорьевич повел меня по «точкам». СБУ (социально-бытовое управление) находилось недалеко от гостиницы. Там Яковлев свой человек, мне же задали несколько вопросов. Дали расписаться под типографским текстом о том, что я обязуюсь держать язык за зубами. Далее фотографирование. В рамку набирают мою фамилию и приставляют к груди. Эту фотографию наклеят на пропуск.

На пути к заводу пересекаем березовую рощу. С деревьев опадают листья, но на ветках остаются мрачные охапки вороньих гнезд. Над головой неумолкаемый птичий гай, а перед глазами мелькают безмолвные черные тени ворон. Не в адовище ли мы идём? Но впереди светлеет, и я вижу портик, украшенный колоннами и макетами орденов. На душе становится легче.

Началось посещение служб. Я за Иваном Григорьевичем, как собачка на поводке. Спустя несколько дней идем в транспортный цех. Его контора располагается под сводами древнего монастыря. Оставляем заявку на вагон, с нею накладные, по которым доставят к отправке груз.

Случайно дотронулся до отопительной батареи и чуть не обжегся. В сентябре топят! Да что удивляться, ведь мы не в Крыму. Днем идешь по улице. Тебе холодно? Переходи на солнечную сторону, там согреешься.

Когда ехали поездом, на остановке в Курске купил небольшое ведро яблок. В вагоне попробовал, не понравились. Хотел выкинуть, но сосед по купе, северодвинец, не посоветовал. И оказался прав. Прошел на базар и был шокирован. На весь рынок - несколько старичков со своим товаром. И это осенью!

У бабушки десяток картофелин на прилавке. Далее - бледно-зеленый лук. Ему, бедному, не хватило солнца, чтобы позеленеть. Есть и брусника – важный источник витамина для жителей города. В выходные дни на автостанции много молодых людей с коробами за спиной. Едут за город, в богатые брусничкой места.

В один из дней на площади перед Дворцом молодежи развернулось торжище. Из Болгарии привезли помидоры. Десятки торговых мест. Это позволило избежать длинных очередей.

Проехал на автобусе к Белому морю. Берег чуть ли не заподлицо с водой. Песок усыпан остатками водорослей. Не знаю, может это море и бывает белым, но я видел его серым, под стать низким тучам, закрывшим весь небосклон. Ветра не было, не было и волны, поэтому вода виделась расплавленным свинцом. Грустно было стоять перед ним. Вряд ли оно и Пушкина вдохновило бы. А там, кто знает.

После нескольких посещений Северодвинска, выработались некоторые навыки. Не хочешь остаться без газет, пробуждайся в шесть утра и устремляйся к киоску «Союзпечать», занимай очередь. К семи часам привозят почту, и ты через несколько минут с кипой центральных газет идешь в ближайший продовольственный магазин.

Там столик. За ним можно позавтракать. Кефир, сырок, булочка. Затраты меньше рубля. Если на заводе не пообедал, то это легко сделать в городе. Готовят хорошо, цены божеские. Вечером, если сосед не словоохотлив, идешь в конференц-зал. Там каждый раз что-то да организуют. Так сутки и проходят.

Итак, мы под крышей железнодорожной платформы транспортного цеха. Наш груз аккуратно разложен. Проверяем наличие по накладным. Полный порядок. К платформе

проталкивают вагон с открытой дверью. Внутри пусто и чисто. Вслед за вагоном появляются бодрые и резвые ребята – грузчики.

Иван Григорьевич предупреждает меня:

- За этими ребятами глаз да глаз.

Погрузка завершена, просматриваем укладку груза и приглашаем пломбировщика. Дверь закрыта, пломба подвешена и сдавлена. Счастливого пути, вагон! До встречи в Евпатории!

Аэропорт Архангельска. Сквозь стекла окон видно лётное поле. Единственная взлетно-посадочная полоса. Иногда взлетают и садятся МиГ-29. Летим и мы, но на Ту-134.

Вагон из Северодвинска приходит. Хозслужбе пансионата объявляется аврал. Я вскрываю вагон и обзираю груз – полный порядок. Под моим присмотром грузятся машины. Старший машины сдает груз на склад. Первый блин не комом. Так же и последующие.

Не всегда бывает как по написанному. Однажды крутился в командировке целый месяц. Приезжаю в Северодвинск, отправляю вагон. Затем, получаю конверт с письмом в какую-то ленинградскую организацию. Еду туда. Получаю другое письмо, но адресованное в московскую контору.

В Ленинграде задерживаюсь, чтобы проведать Костю. Он находится в военно-морской школе, в Ломоносове. Передаю от мамы привет и посылку. Парень бодр и здоров. Готов с честью служить Родине.

В Москве получаю наряд на получение двух бочек (так и хотелось написать «двух баррелей») посудомоечного средства. С этим нарядом нужно ехать в Новокуйбышевск. Этот город на правом берегу Волги напротив Куйбышева (ныне Самара).

Была у деревни железнодорожная станция Липяги. Рядом открыли залежи нефти, и превратилась деревня в город со всеми прелестями нефтепереработки. Над городом превалирует не небо, а заводские трубы с разноцветными дымами.

Узнал, где буду получать желанную жидкость, и тут же позвонил в Евпаторию: «Приезжайте, жду с нетерпением». Последняя фраза не причуда, а выражение тоски. Так же нудно мне было в армии, да и то, не всегда.

Поселился в гостинице. Номер на 6 коек, но в комнате я один. В первую же ночь приснилось, что тону в бензине. Умываться бензином приходилось, но тонуть никогда, поэтому вскочил, как ужаленный. Видение исчезло, но густой запах бензина остался и продолжал беспокоить.

Прошел к дежурной. Она меня успокоила: это результат перегонки нефтепродуктов. Во время какой-то операции происходит выброс бензиновых паров. Но это бывает не каждый день. Мне еще больше захотелось домой.

Посетил музей этого города. Он рассказывает о смелом рейде красной кавалерии, отбившей станцию от белогвардейцев. Есть и выставка часов – многолетний труд местного собирателя. Остальное о счастье народа, получившего право множить богатство страны.

На третий день прибыл КАМАЗ! Это на 300 кило веса! Поехали на завод. Долго блуждали между пронумерованными проспектами, пока нашли нужную точку. Вот бочки. Берите. У нас грузчиков нет. Во время погрузки по шву распоролась куртка. Машина ушла, а я остался. Мне еще в Москву, чтобы сдать исполнительные документы. Да и куртку нужно свести в единое целое.

Саша отзывает меня в сторону и подводит к шкафу. Вынул оттуда какие-то пластмассовые безделушки.

- Нравится? – спрашивает.

Что тут может нравиться? Кустарщина, она и есть кустарщина. Но я отвечаю нейтральным словом:

- Ничего.

- Ты бы знал, как всё это хорошо идёт на базаре, - похвастал мой шурин, но тут же злобно добавил:

– Но, гады, менты, не дают работать.

Я гадаю: зачем мне всё это знать? И тут...

- Ты не поможешь нам, Саша, открыть кооператив?

- Что-то новое. Зачем это тебе?

- Так я ж говорю: менты не дают жить. Откроем кооператив, сможем свою продукцию сдавать в магазины.

- Я то тут зачем? Сами не в состоянии?

Шурин несколько замялся, потом, решившись, пояснил:

- Пробовали, но с нами не стали разговаривать.

- Новости, - удивился я, - чем вы им не сподобились?

- Не знаю. Ну, так поможешь?

- Вы меня нанимаете или что?

- Мы предлагаем тебе стать председателем нашего кооператива.

- Кто «мы»?

Саша назвал две фамилии. Я не знал этих ребят.

- Они знают о твоей просьбе?

- Я и от их имени прошу.

21. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КООПЕРАТИВА

29 декабря 1987 года меня избирают председателем кооператива «Ударник». Это странное наименование было принято по моей просьбе. Сразу было предложено слово «Труд». Я пояснил ребятам, что мне, страдающему дефектом речи, будет трудно произносить это слово и, как альтернативу, предложил «Ударник». До стахановского движения ударниками называли передовых рабочих. Были даже магазины обслуживающие только ударников.

В кооперативе четыре человека. Кроме меня и Морозова, Анатолий Наумов и Александр Люков. Наумов показался мне хамовитым парнем с диктаторскими замашками. Удивился, что он пропустил меня впереди себя. Люков - нормальный парень.

В качества бухгалтера пригласил Ивана Акимовича Ладыженко. Он с готовностью согласился.

Прошло несколько дней и мне с Наумовым пришлось поехать в Симферополь. Мы в каком-то кооперативе, делающем резиновые игрушки. Мне стыдно было рядом с ним находиться. Он, разговаривая с рабочими, пошло шутил, похлопывая кое-кого по плечам, а женщин и пониже. С руководителями кооператива говорил свысока, подчеркивая свою компетентность. Откуда столько спеси у евпаторийского базарного торговца? Я подумал: если он так же вёл себя в горисполкоме, то ничего удивительного, что его оттуда поперли.

Мы арендовали заброшенное помещение у горпромкомбината (Матвеева, 87) и примерно через месяц начали работать. Заработали два станочка кустарного производства. В цилиндре плавится пластмасса и выдавливается через носок в пресс-форму. Заготовка есть. Далее - ручная работа. Под будущие блага (пока платить нечем) нанимаем нескольких женщин. Это родственники или знакомые членов кооператива.

Замечаю, что Люков и Наумов не рвутся к работе. Саша Морозов - казначей. Он вложил в кооперативную кассу шесть тысяч собственных рублей, и мы их тратим. То, что получаем от магазинов, по сравнению с организационными затратами мизер.

Напоминаю той парочке, что деньги достаются трудом. На что Наумов ответил:

- Я открывал кооператив не для того, чтобы вкалывать, как на заводе.

Объясняю ему, что Морозов тратит на нас личные деньги и постоянно контактирует с магазинами. Что ты делаешь? Что делает Люков? Из ниоткуда деньги не возьмутся. Выбирайте любую полезную для кооператива работу - и работайте!

- Мы не дураки, чтобы искать работу.

- Дураков работа любит, - развил мысль Люков.

- Вон девки работают, - Наумов жестом показал на них, - вот пусть и делятся со мной, основателем кооператива.

- Этого не будет, - заверил я.

- Тогда жди неприятностей, начальник.

Уже 7 апреля 1988 года угроза материализовалась. Почему так точно запомнил дату? Когда меня Наумов полоскал за бездеятельность, я подумал: «А говорят 7 число счастливое». Так и запомнилось.

Это мы, четыре члена кооператива, по требованию Наумова и ежи с ним Люкова, собрались на «хурал», чтобы обсудить работу председателя кооператива.

Я кратко обрисовал наши скромные успехи, но не они интересуют Наумова. Он, опираясь на демагогический тезис: «Председатель оставил основателей кооператива без зарплаты», ставит вопрос о снятии меня с председателей кооператива и об исключении из его членов. Перед голосованием я напомнил, что от открытия кооператива и по сей день председатель, как и другие основатели, не получил ни копейки. Несмотря на это, занятые на рабочих процессах регулярно получают заработанное. Что мешает моим оппонентам, вооружившись отверткой или напильником попытаться зарабатывать деньги не языком, а полезным трудом?

Голосование: за исключение – двое (Наумов, Люков), против – один (это я). Саша Морозов думает. Вот он в замедленном темпе приподнимает руку и молчит. Ну, ну! Рука опускается. Что означало её поднятие? Наконец услышали:

- Я против увольнения председателя.

Наумов выругался сквозь зубы, вздохи мой и Люкова слились, но его был громче. Возможно, досада выразительнее удовлетворения.

Любопытная деталь, рассказанная много позже Морозовым. Согласившись привлечь меня к открытию кооператива, Наумов поставил условие: «Коммуняку (это меня) из кооператива выгнать при первой же возможности». Этим он и занимался 7 апреля, но неудачно – один из выгонял дрогнул.

Я тут же поднял вопрос о необходимости серьёзного расширения ассортимента выпускаемой продукции. Постановили: командировать председателя в Москву за образцами, для чего выделить ему 500 рублей.

После того «хурала» я задумался об увеличении членов кооператива. С улицы кандидатура не пройдет, но родственников, например, жену Морозова Иру должны принять, а там и ее маму. Они работают в кооперативе с первых дней. Идя за Морозовым, они будут противостоять Наумову. Если самого Морозова можно подкупить или запугать, то тех женщин, если упрутся - не проймешь. Потом... Иван Акимович - чем не член кооператива? Вернусь из Москвы, тогда и начну решать этот вопрос. Многое будет зависеть от того, что я смогу нашопить в столице.

В Москву поехали вдвоем – я и Лена. У неё на Ленинском проспекте проживает старшая сестра Галина – врач IV Главного управления Минздрава, муж Алексей – полковник, начальник военной приёмки на каком-то режимном заводе. Он же сын известного советского поэта Алексея Суркова. Сын Галины Олег - экономист, работает в Госплане. (Всем им царствие небесное).

Сразу по приезду узнаем, что у Алексея приступ радикулита. Лежит, не встает. Утро, я еще валяюсь в постели, как слышу дверной звонок. Входит офицер, Галина проводит его к Алексею.

- Это сослуживец, - отвечает Галина на вопрос Елены.

Чуть позже садимся завтракать. В столовую входит улыбающийся Алексей. Всеобщее удивление. Алексей объясняет. Тот офицер по имени Андрей привез чудодейственные пластмассовые квадратики с иголками. Андрей разложил их на постели в виде ленты и Алексей лег на них больным местом. Сначала было больно, а сейчас он перед нами, как вновь родился. Несколько таких сеансов, и завтра поедет на работу.

Я начал расспрашивать подробности. Алексей их не знал, но позже позвонил на завод и расспросил о них у сослуживца. Эти штучки называются «Иппликатор Кузнецова» (в словаре слово «Иппликатор» пишется «Аппликатор», в дальнейшем я и буду писать по словарю). Продается в магазине «Спектр» (возможно иначе), что недалеко от метро Сокольники.

В тот же день поехал в Сокольники. Магазин большой, несколько касс. У каждой приколот листик бумаги. Читаю: «Поступление «Аппликаторов Кузнецова» в магазин по четвергам, на руки выдается два комплекта. Цена комплекта 4 рубля 60 копеек».

Стою у одной из касс и слушаю, что говорят по поводу аппликаторов. На них можно не только ложиться спиной, но и становиться ступнями. На ступнях много каких-то важных точек, и аппликаторы на них благоприятно действуют. Занимать очередь нужно задолго до открытия магазина, потому что комплектов мало, а желающих купить много.

В ближайший четверг в 6 утра я уже в метро. Еще и семи нет, а моя очередь в магазин уже 135-я. К открытию она перевалила за тысячу. Два комплекта у меня в руках. В одном кругляшки, в другом квадратики.

Тут же проехал по магазинам и купил несколько образцом изделий из пластмассы. Я делал это для очистки совести, понимая, что в ближайшее время ничем другим, кроме аппликаторов мы заниматься не сможем.

Почувствовал себя справившимся с заданием, решил подумать о душе. Первое, что сделал, поехал с Леной в музей им. Пушкина. В то время там выставялось серебро Великобритании.

Не знаю почему, но я ни разу не был в Историческом музее. Решил исправить этот огрех. Прихожу на Красную площадь. Вижу длинную очередь к мавзолею Ленина. Вспомнил, что и в мавзолее ни разу не был. Вспомнил и... пошел в музей. На выходе купил несколько буклетов, посвященных экспонатам музея. Они мне помогли в написании трилогии «Крымский къазан».

Следующим этапом была Троице-Сергиева лавра. В Загорске спрашиваю у пожилого человека дорогу в лавру. Он, нахмурившись, отвечает:

- Я знаю дорогу в музей мягкой игрушки, а в лавру не знаю.

Надо ж было на атеиста напороться. Я сам такой, но на этот раз решил согрешить перед партийным богом.

Прохожу через крепостные ворота, и я в лавре. Да это город! Множество храмов, украшенных золотыми куполами. Музей. Обилие церковной утвари (где бы еще всё это увидел), древние облачения священников, книги в кожаных переплётках, украшенных цветными миниатюрами. Ходил очарованный историей.

Меж туристами снуют семинаристы в черных сутанах. Увидел группку ребят что-то живо обсуждавших. Подошел поближе. Обыкновенный мальчишеский треп. Поговору, понял, что ребята из Западной Украины.

Большой церковный зал. На одной стороне – туристы, на противоположной - клир. Священники и семинаристы группами. Вдруг с нашей стороны в зал пробегает семинарист. Он падает на колени и размашисто крестится. Вскрикивает, пробежал несколько шагов и снова на колени. Так несколько раз. В конце поцеловал руку какого-то священника и стал в группу семинаристов.

Тут же вспомнилась армия. Опоздавший в строй обращается к командиру: «Товарищ лейтенант, разрешите стать в строй!» «За опоздание наряд вне очереди! Становитесь!» Никакого унижения, только осознанное взыскание.

Приехал в Евпаторию и тут же печальное известие – у Ивана Акимовича прямо в госбанке случился инсульт. Посетил его в больнице. Он узнал меня. Его лицо скривилось, словно собрался плакать. Людмиле Николаевне, жене его, оставил денег.

Ладыженко умер в 1990 году. Каждый месяц, до кончины, мы приносили ему 400 рублей как зарплату. Людмила Николаевна была благодарна кооперативу. В похоронах я не участвовал, так как был в командировке, но ребята оплатили все расходы. Царствие небесное Ивану Акимовичу.

С бухгалтером проблемы не было. В соседнем кооперативе работал мой старый друг Константин Иванович Дружинин - профессиональный бухгалтер. Я уже немного писал о нем.

Предложил Косте перейти в наш кооператив, и он согласился. Настраиваться ему не пришлось. Он часто консультировал Ивана Акимовича, поэтому хорошо знал нашу специфику.

Если так можно сказать, собрались на техсовет. Аппликаторы вызвали интерес. Сразу договорились, что следует запускать круглые аппликаторы. В целях сохранения в тайне их предназначение, аппликаторы будем называть: «специальные пуговицы». Вопросы изготовления пресс-формы и сбыта придется решать в Симферополе. Костю обеспокоила проблема отношений с Кузнецовым: не придется ли платить авторские?

Нагруженные этими проблемами, поехали в столицу. Сразу посетили областной комитет по изобретениям. Там нас успокоили: в Советском Союзе нет такого патентного права, как на Западе. У нас что-то изобрел, получил вознаграждение и радуйся.

На пуговичной фабрике встретились с мастерами, которые собаку съели, изготавливая пресс-формы. Они готовы выполнить наш заказ, но у них нет металла. И другое: на каком станке будете прессовать ваши спецпуговицы? Ведь пресс формы нужно изготавливать в соответствии с рабочим местом станка.

Об этом мы не подумали. Да, собственно, что там думать? У нас всего один пластавтомат, купленный у горпромкомбината по цене металлолома. Чтобы я нашел что-то схожее, меня

провели по цеху автоматов пуговичной фабрики. Я ткнул пальцем в подобный нашему станок. На основании «тыка», нам выдали размеры двух плит из стали марки ст.45.

Вопрос сбыта решили на базе «Спорттоваров». Там узнали в наших «спецпуговицах» аппликаторы Кузнецова. Им их показывали работники завода «Продмаш» и обещали в декабре поставить первую партию товара. Декабрь прошел, а аппликаторов как не было, так и нет.

Работники базы знали об ажиотажном спросе на эти изделия, поэтому обещали не ограничивать поставку. О цене решили договориться позже.

Домой вернулись с не меньшим количеством проблем. Где взять металл на изготовление пресс-формы, где купить, на первый случай, три тонны полистирола, кому поручить ремонт пластавтомата?

Вопрос с металлом взялся решить Миша. Его недавно приняли в кооператив по рекомендации Саши Морозова. У Миши есть знакомый, работающий мастером в инструментальном цехе завода «Продмаш». Дали денег, и вперед, Миша!

Остальные две проблемы пришлось брать на себя. Основателям кооператива они не по зубам – тонны не их масштабы.

Ещё при увольнении из пансионата «Северный» у меня был прощальный разговор с директором Игорем Дмитриевичем Трубиным. Он пообещал помогать мне, а я, как только станем на ноги, посулил принять на работу его жену. Вопрос полистирола, я думаю, решим, а вот с ремонтом пластавтомата сложнее. Хотя, я знал, в пансионате работает хороший механик. С ним и следует обсудить проблему ремонта. Позвонил Трубину, договорились о встрече.

Приехал в «Северный», направляюсь к кабинету директора, как вижу из приёмной выскакивает механик пансионата Владимир Михайлович Чаплыгин. На ловца и зверь бежит! Чтобы не пробежал мимо, хватаю его за рукав.

- Привет, Владимир Михайлович!

Понимаю, что, уставившись на меня, он не помнит как величать. Представляюсь.

- Слышал, Александр Николаевич, что вы кооператив организовали, как дела?

- Трудно сейчас что-либо говорить, идёт процесс организации. Но у меня к вам есть разговор. Поговорим?

Вышли из здания и уселись на первой же садовой скамейке.

- У нас в кооперативе есть старенький автомат для изготовления пластмассовых изделий, - начал я разговор.

- Раскуроченный?

- С виду всё на месте.

- И что вы хотите?

- Возьмётся отремонтировать?

- Сроки?

- От силы, месяц.

- Не получится. Ведь я буду работать только по выходным.

- А если взять отпуск?

- Опоздали. Я только доложил директору, что после отпуска приступил к своим обязанностям.

- Вы не знаете, кто в городе мог бы выполнить эту работу?

- На «Вымпеле» есть специалисты, но и они в месяц не уложатся.

В дальнейшем разговоре выяснилось, что Чаплыгин родом из города Ливны, что в Орловской области. Работал на заводе «Пластмасс», занимался ремонтом пластавтоматов. В родном городе у него много друзей. Один из них освобожденный секретарь парткома на «Пластмассе». Узнав об этом, я не мог не предложить Чаплыгину постоянную работу в кооперативе.

- Вы не боитесь поссориться с Трубиным? – спросил он. – Ведь вы, встретив меня, к нему направлялись?

- Вы угадали, - ответил я и пообещал: - постараюсь найти общий язык.

Игорь Дмитриевич внимательно выслушал моё сообщение о положении дел в кооперативе, при мне позвонил в «Севмаш» и, получив добро, приказал комплектовщику включить в ближайшую заявку три тонны белого полистирола. Что касается увольнения Чаплыгина, то, подумав, без видимой обиды, дал согласие.

Как и ожидалось, Владимир Михайлович оказался очень хорошим и инициативным механиком. И это не всё. С его подачи кооператив «Ударник» пустил крепкие корни в самих Ливнах, что помогло его развитию. Даже сейчас могу ответственно заявить, что Чаплыгин был моей большой кадровой удачей. В дальнейшем читатель убедится в этом сам.

Сейчас же сообщу, что Миша раздобыл на «Продмаше» нужные нам заготовки и завез их сразу на пуговичную фабрику. По нашим предположениям, эти плиты были приготовлены заводом для изготовления пресс-формы под аппликаторы. Как видно, конкурента у нас не будет.

После решения всех этих вопросов всплыли другие, а именно: инструкция с этикеткой и пакеты для упаковки изделий. Казалось бы, простые вопросы, но на первый взгляд. Например, Евпаторийская типография наотрез отказалась печатать инструкции. Даже ходатайство Дружинина, их бывшего главного бухгалтера, не помогло. Разрулить типографский вопрос он взял на себя.

Я же занялся вопросами упаковки. Вся беда в том, что в магазинах плёнка не продается. На «Вымпеле» в продаже плёнки отказали, хотя бочку веретённого масла, для заправки гидросистемы пластавтомата, отпустили.

Долгие поиски всё же дали результат. Саша Морозов нашел пацана из базарной братвы, который знает где можно раздобыть чуть ли не готовые пакетики. Встретился с ним. У завода «Фотон», который в «небоскребе» изготавливает телевизоры, есть где-то на задворках Симферополя цех по изготовлению задних крышек телевизоров. Там же кроют плёнку для упаковки изделия. За цехом свалка. На ней отходы плёнки хоть лопатой гребь. Вход и выход в цех свободный.

Едем в столицу. Машину оставляем у грузовых ворот, а сами направляемся через проходную на территорию цеха. Группа из трёх человек свободно ходит по цеху, осматривается. Никому до нас нет дела. А вот и стол, на котором кроют плёнку. Отходы как раз в том размере, что нам нужно!

От радости «в зобу дыханье спёрло». Короткий разговор, небольшие деньги - и четыре мешка набитые пакетиками, прошмыгнув под воротами, у нас в машине! Еще несколько раз приезжали от кооператива за отходами, с каждым разом цена на них росла, но и так было выгодно их покупать.

Усилия Кости Дружинина с трудом, но увенчались успехом: в Раздольненской типографии удалось разместить наш заказ. Плохо только то, что её полиграфические возможности оказались весьма скудными. Они не могут изобразить на инструкции счастливую женщину, избавившуюся от болей благодаря нашим аппликаторам.

Чаплыгин уже неделю как «играет» на пластавтомате – ждёт пресс-форму. При каждой езде в Симферополь, заскакиваем на «пуговицу», интересуемся: когда? Скоро. Опять «скоро», но когда? Скоро! Наконец, слышим «забирайте!»

Установили пресс-форму на станок. Первый жим. С шипом расходятся половинки, на одной из них то, к чему так долго шли: 4 по 4, всего 16 аппликаторов за один жим! За 3 месяца мы совершили то, что так и не смогли сделать на государственном заводе «Продмаш»! Вперед, кооперация!

Из-за плохой притирки рабочих поверхностей пресс-формы аппликаторы получались с приливами. В будущем поставим на подшлифовку, а пока приливы будем отщипывать кусачками или отрезать ножницами.

Буквально через часы в городе уже знали, что в «Ударнике» появилась работа, которую можно выполнять на дому. Желающих заработать, сидя на кухне, множество. Станок трудится в три смены, из кооператива мешками уносят колющиеся заготовки.

Повезли на «Спортбазу» первые мешки с пакетиками аппликаторов. Договорились о цене поставщика – 5 рублей за упаковку в 100 штук. Оплата сразу после поставки.

На последнем пункте очень настаивал Константин Иванович. Такой установки мы придерживались всё время, поэтому по оплате у нас никогда не было недоразумений.

Налоговая инспекция, почувствовав, что кооператив набирает силы, зачастила к нам. И здесь на высоте положения оказался Дружинин. Если другие кооперативы, вкусив вольницы, пустились в свободное плавание, то наш учёт ничем не отличался от учёта государственного предприятия.

Константин Иванович свободно отвечал на вопросы инспекторов, иллюстрируя ответы цифрами или строчками документа. Он следил за тем, чтобы документы, побывавшие в руках проверяющих, неизменно возвращались на место.

Запомнился один эпизод. Приходит парень, показывает удостоверение и начинает «шмон». Костя, быстро раскусив его некомпетентность, принял сугубо официальный тон. В конце концов налоговый вскричал:

- Извините, кто кого проверяет? Я вас или вы меня?!

Дружинин невозмутимо отвечает:

- Я вас, молодой человек. По вашим вопросам, я понял, что в институте у вас были нелады с бухучётом. Таким образом, проверка не в вашу пользу.

Больше этот парень к нам не приходил. Следует отметить, что за всё время пребывания кооператива на ул. Матвеева нас не беспокоили ни судами, ни начётами.

Разобравшись с аппликаторами, я решил воспользоваться возможностями Чаплыгина в Ливнах. Вместе и поехали.

Ливны и река Сосна, на которой стоит этот город, широко известны в истории. Еще со времен Золотой орды здесь был перевалочный пункт и место военных стычек. До революции Ливны - купеческий город. В годы Великой Отечественной войны городу сильно досталось: он несколько раз переходил из рук в руки.

После войны 60-тысячный город «наградил» четырьмя заводами союзного значения. Один из них - завод «Пластмасс», на котором и состоял Юра Морозов, друг Чаплыгина, секретарем парткома.

Тут следует удивиться тому, что меня, как заговоренного, всю жизнь сопровождает фамилия Морозов. Мама – Морозова, жена – Морозова и вообще Морозовы на каждом шагу! К счастью, ни в одном из них я не разочаровался.

Юра подсказал нам удачный ход. Другой ливенский завод, выпускающий жидкостные счётчики, из месяца в месяц не выполняет план по товарам народного потребления. Стоит помочь ему.

Было время, когда правительство, жестко ограничивая импорт, пыталось компенсировать нехватку товаров народного потребления, выпуском их на предприятиях, которым они часто были несвойственны. К примеру, на евпаторийском заводе «Вымпел» совместно с контактными парами выпускались пластмассовые Микки-Маусы и другие сказочные герои.

Состоялась встреча с директором ливенского завода, наметили пути сотрудничества. Заключение договора о взаимодействии. Затем я полезно контактировал непосредственно с главным инженером.

У завода накопилось большое количество отходов пластмассы. Мы посмотрели эти отходы и ахнули: у нас они пойдут за первый сорт. По стоимости – копейки.

Инструментальный цех оснащен современными станками. Вот где делать пресс-формы. Это тебе не пуговичная фабрика. Чаплыгин хорошо знал начальника этого цеха. Быстро проявились общие интересы. Нам нужны пресс-формы, а начальнику цеха мебельный гарнитур. У нас уже

были хорошие отношения с директором мебельного магазина, что размещался в здании «Крытого рынка», поэтому наши возможности – не пустой звук.

Выяснилось, что в инструментальном цеху находится невостребованная прессформа на изготовление вешалки-плечики. Главный инженер обещал под договор о взаимной помощи отдать ее нам во временное пользование.

На заводе пластмасс мы, по наводке Морозова, осмотрели списанный пластавтомат немецкого производства типа «Мономат». Его почему-то списали почти новым. Чаплыгин осмотрел его и вынес заключение, что у станка всё на месте и есть смысл купить его. Нам продали его по цене металлолома.

По приезду стал вопрос о покупке собственной грузовой машины. Наёмная слишком дорого обходится. Тут опять проявилась находчивость Чаплыгина. Он разыскал списанный «ЗИЛ». Машина была после аварии, в результате чего повело раму. Остальное, в том числе и мотор, в хорошем состоянии. Чаплыгин взялся выправить раму и сделал это. Так у нас появилась хорошая грузовая машина.

Теперь водитель Гера Автух совершает постоянные рейсы Евпатория – Ливны. В Ливны мы везем нашу продукцию, а оттуда пластмассу, станки, пресс-формы. Так привезли и «Мономат».

Чаплыгин пригласил с «Вымпела» специалиста по гидравлике, повозились пару недель и «Мономат» заработал. Секретарь парткома завода «Пластмасс» Ю. Морозов, узнав об этом, устроил головомойку начальнику ремонтного цеха этого завода. Такой станок проворонили!

По эскизам Саши Морозова нам изготовили комплект пресс-форм (3 шт.) под одноразовую пластмассовую посуду. База «Спортоваров» слабо берет её, это не аппликаторы. Где-то услышал, что в Мытищах есть база снабжающая районы Заполярья. Еду туда. Показываю образцы посуды. Им нравится. Охотники с удовольствием будут её покупать.

Заключаем договор. Подписываю типовой бланк. Стоп! Что это? Оплата после реализации? Не пойдет! Сразу после поставки. Не можем. И показывают инструкцию, где трактуют: кооперативам производить оплату только после реализации всей продукции. Выгодный контракт накрылся. Государственному предприятию будете сразу оплачивать? Будем. Хорошо. Ждите, я вернусь.

Еду в Ливны и на заводе жидкостных счетчиков объясняю ситуацию. Договариваюсь: мы готовую продукцию поставляем на завод. Здесь вкладывают в пакет именную этикетку со штампом ОТКа и отправляют по указанному адресу. Завод получает оплату и автоматом отправляет ее нам, оставив себе накладные расходы.

Возвращаюсь в Мытищи с доверенностью от завода и заключаю договор. Теперь Гера Автух стал чаще ездить в Ливны. Завод, благодаря нашим поставкам, начал регулярно выполнять план по товарам народного потребления.

И кооперативу хорошо. Люди стали достойно получать за свой труд, а это – основа высокой трудовой дисциплины. За два с лишним года я уволил только одного рабочего, который, прогуляв три дня, сорвал выполнение важного заказа.

Как-то обращается ко мне Саша Морозов и спрашивает:

- Тебе не кажется, что некоторые стали зарабатывать больше председателя: тысячу рублей в месяц?!

- Это не некоторые, а пока только Володя Шевель, - поправляю я его.

- Было бы начало. Нужно, пока не поздно, пересмотреть нормы.

Володя «штамповал» на нашем первом стареньком автомате заготовки прищепок. Эта продукция пользовалась большим спросом. Шевель хорошо разобрался в своей «машине», и она, под его присмотром, работала безукоризненно. Кроме этого, станок и в обеденный перерыв не останавливался. Володя обедал, а жена, принеся еду, стояла за станком.

Нельзя такого усердного рабочего бить по рукам, тем более прищепка рентабельна. Зачем жмотничать, если всем хорошо?

И вспомнился разговор, состоявшийся в Северодвинске. Один из соседей по гостиничному номеру, сетовал на то, что рабочие на испытании подводных лодок зарабатывают больше их создателей - кандидатов и докторов наук, до тысячи рублей. Так им и этого мало!

Я тогда был солидарен с соседом. Тысяча рублей в месяц казалась заоблачной зарплатой. Чтобы получить эту тысячу мне нужно было отработать десять месяцев! А теперь, когда в руководимом мною предприятии рабочий может зарабатывать как испытатель подводных лодок, я только радуюсь.

Пытаюсь вспомнить обстоятельства увольнения из кооператива Наумова и Люкова. Признаться, - ни одной детали. Не буду выдумывать: ушли и ушли. Спокойно ушли, раз не запомнились.

1990 год. Мне 63 года. Если раньше любил ездить по командировкам, то теперь, чувствую, устал от них. Притягивает мягкий диван, порой очень хочется и днем прилечь. Да и за письменным столом не прочь бы посидеть. Голова забита различными эпизодами, историческими фактами.

К этому времени вышло правительственное разрешение выпуска книг за счет индивидуального заказчика. Узнав об этом, я перевёл пенсию на сберкнижку и начал накапливать деньги для этой цели. Таким образом, материальная база создана, остановка за малым.

Уволиться - не привыкать, но кого оставить за себя? Никогда не задавался подобной проблемой.

Моим заместителем числится Саша Морозов, но это формальность, дань заслугам в организации кооператива. Жаль, что Костя Дружинин уволился, но и он устал работать. Он на шесть месяцев старше меня. Есть ещё Володя Чаплыгин, но, как мне видится, руководить из-за стола – не его призвание. Он органичнее чувствует себя в массах. Рассказать анекдот, обложить матом и дать провинившемуся по морде – за ним не заржавеет. Он энергичен, решения принимает слёту, а должность председателя требует вдумчивости. Сможет ли перестроиться?

Зная, что Морозов не тянет на руководителя, я все же решил провести эксперимент. Пусть он сам увидит своё несоответствие. Тогда легче будет убедить его не претендовать на руководство кооперативом.

Чтобы произвести необходимые финансовые платы и иметь нужную сумму денег для оперативных дел, касса кооператива должна ежемесячно пополняться не менее чем 65-ю тысячами рублей. Их можно получить при условии неустанного контроля за сбытом продукции.

Выпуск самой продукции – не проблема. Рабочие места заполнены, оборудование исправно работает, сырьё в достатке. Основная забота – произвести отгрузку в соответствии с договорами.

В преддверии каждого месяца я составляю список отгрузок. Он не ограничивается Ливнами и Симферополем. Есть и другие пункты поставок. Наши аппликаторы знают и в Архангельске. А это железная дорога. Путейцы разговаривают с нами через губу. Не всегда и деньги помогают. Поводов для придинок к кооператорам хоть отбавляй. Вот и старайся как-то гасить их.

Составляю, уже для Морозова, список поставок на июль 1990 года, расписываю каждый пункт. На мой взгляд, и ребенок, пользуясь такой шпаргалкой, мог бы справиться с задачей.

В присутствии Чаплыгина, передаю Морозову план отгрузки на следующий месяц, растолковываю каждый пункт. Вопросы есть? Вопросов нет.

- Работайте, парни, а мне надо дома кое-что поделывать, запустил за работой.

Прошло дней десять, и я наведалься в кооператив. В конторе застал Чаплыгина и бухгалтера Ларису Фадееву. На моём столе пусто, только блокнот с планом сиротливо лежит там, где я его оставил. Спрашиваю у бухгалтера:

- Как отгрузка?

- Нормально, - и показывает документы.

Я сравниваю их с планом и вижу, что железнодорожная отправка замерла на нуле.

- Где Морозов? - спрашиваю Чаплыгина.

- А он только утром приходит.

- И что?

- Спрашивает «как дела?», мы отвечаем «нормально». Полистаёт блокнот, с тем и уходит.

- Нет, - не согласна Лариса, - он говорит «Работайте, ребята» и только после этого уходит.

- Что ж вы не подтолкнули его? Разве не видите - план горит?

- Он начальник, пусть и думает, - отвечает Чаплыгин.

Вижу – разговор в пользу бедных. Когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдёт. Как прав был дедушка Крылов, высказав эту глубокую мысль. Будь Дружинин, он заставил бы их всех крутиться. При нем в случае моего отъезда никому не приходилось передавать дела, и они шли так, будто я и не уезжал. За всем следил Константин Иванович.

Эксперимент удался наполовину: я сам себе доказал, что и до этого знал: мой шурин в руководстве – пустое место. Тычу его носом в разжеванное, которое даже проглотить не пытался. Он вяло оправдывается, ссылаясь на плохое здоровье. Чувствую, что-либо доказывать бесполезно. Что ж, теперь я с легкой душой отклоню его кандидатуру.

А то, что это придется делать, не сомневаюсь: для его жены и её родственников он самый подходящий руководитель. Ирина командовала бы Морозовым, как Раиса Мишей, который Горбачёв.

В сентябре я объявил о своём увольнении. Некоторое смятение. Никто не верит, что ради какой-то писанины, можно бросить хорошо оплачиваемую работу. Ведь я так и заявил, что хочу заняться литературой. Саша Морозов съезжил:

- Пысьмэнником надумал статью?

Несколько человек, узнав, что я твёрдо намерен уходить, опередили меня. В их числе была Ида Михайловна, жена Трубина. Она была хорошей переговорщицей. Благодаря ей, я смог не ездить в несколько командировок. Предлагаю Иде Михайловне остаться, говорю, что её дипломатический талант Чаплыгину очень пригодится.

- Нет, я с ним работать не буду.

30 сентября 1990 года состоялось собрание членов кооператива. Краткий отчёт о работе - и тут же слагаю с себя полномочия председателя правления кооператива. Началось выдвижение. Звучат две фамилии: Чаплыгин и Морозов. Голосование: большинством голосов проходит Чаплыгин.

Никогда не думал, что мне так тоскливо будет расставаться с нашими дворовыми собаками. Их три: абсолютно черный Барон, серо-белая Альма и младшая из них – Даша. Она, не в пример своим сородичам, со следами породистости.

Стоит зайти утром в контору, как Даша прорывается следом и становится лапами ко мне на колени и, повизгивая, приветствует. Достая еду для неё, но мне говорят: Принцесса уже позавтракала.

Это второе имя Даши. И назвали ее Принцессой, наблюдая за отношениями между дворовыми собаками. Главенствовал Барон. Он редко лаял, но часто рычал и чаще всего на Альму. Бывало, устраивал ей трёпку. К Даше же относился с пиететом, во всём, даже в еде, он ей уступал. Сначала Принцесса поест, потом все остальные.

Как-то заметил, что после работы собаки провожают меня на автобусную остановку. Впереди Даша, за нею остальные. Не было случая, чтобы Барон и Альма провожали меня без Даши, хотя наоборот было и не раз. Говорю ей:

- Иди домой, Дашенька, а то заблудишься.

Глажу её, а она смотрит на меня любящими глазами. Ни одна женщина так глубоко не проникала ко мне в душу, как эта милая собачка.

В последний день поговорил с ней наедине. Сказал, что её любят многие, и скорее всего она найдет среди них кого можно будет полюбить. С тем и забудет меня.

Не успела забыть: через несколько дней (17 октября 1990 г.) Даша погибла под колёсами автомобиля.

Когда мы с Леной завели серую пуделяшку, то по моей просьбе её назвали Дашей.

Недели не прошло, как Чаплыгин приходит ко мне домой. Грустный, озабоченный.

- Что случилось, Владимир Михайлович?

Рассказывает: явились к нему в контору какие-то парни и заявили, что срок аренды помещения закончился, поэтому предлагают убираться.

- Срок аренды не кончился, - возражаю я, - посмотрите документы. Пусть подадут в суд.

- Те парни по судам не ходят, они иначе решают дела – сообщил Чаплыгин. – Они уже от двери напомнили мне, что я имею дочь.

- Тут я пас, Владимир Михайлович, решайте сами.

После длительной паузы, Чаплыгин спросил:

- Это правда, Александр Николаевич, что вы потому так быстро ушли из кооператива, что и к вам приходили те верзилы?

- И я бросил вас под танк? – возмутился я. - Вы сами верите этому?

- Не знаю.

Я напомнил Чаплыгину, что уже в июле надумал уходить, поэтому и устроил Морозову проверку, которой он сам был свидетель.

- Хорошо, - сказал он, - что бы вы делали на моём месте?

- У меня, Владимир Михайлович, нет дочери в Евпатории, поэтому мне легче было бы с ними разговаривать.

Кооператив «Ударник» всё же сменил дислокацию. Он разместился в бараке за «Вымпелом».

22. В «Трибуне»

Итак, я – вольный казак. Что я имею, кроме массы свободного времени? Немного денег, их должно хватить на первый случай. Во многих записях историческая мешанина, из которой нужно приготовить что-то приличное. После многодневной работы над черновиками получаю две папочки по сто с лишним страниц машинописного текста. Это повести: «Рыжий кот» и «Взятка для начальника ЖЭКа». Что дальше?

А дальше объявился мой старый знакомый Саша Лоевский. Я поздравляю его с назначением редактором газеты «Трибуна». Лоевский меня позвал, и мы встретились.

После долгих воспоминаний, он предложил мне поработать в его газете. Мне было лестно такое предложение, и я согласился.

Лоевский давал задание, пояснял, на что обратить внимание, и я шел туда, где никогда не собирался быть. Через дня три (быстро я не умею работать) приношу редактору материал. Он черкает его, и в ближайшем номере газеты статья появляется под моим именем.

Попросил Лоевского посмотреть рукопись «Рыжего Кота». Он не стал над нею засиживаться. Произвольно открыл страницу, пробежал взглядом и зачитал абзац, акцентируя голосом: «пришел», «ушел», «вышел».

- Понятно? – спросил он

- Более чем, - сознался я.

- Вот и работайте. Ищите синонимы, избегайте повторения в близком соприкосновении одних и тех же слов. Не злоупотребляйте местоимением «который».

Тут к месту будет сказать вот о чём. Напоминаю: наши взаимоотношения начались в 60-х годах. Тогда Лоевский по сравнению со мной, казался мальчишкой. Он мне «вы», я ему «ты». Сейчас же порядок вещей изменился: он – начальник, а я «пришей кобыле хвост». Поэтому предлагаю:

- Саша, давай договоримся: ты зовешь меня по имени и тыкаешь, или я величаю тебя полным именем и при том выкаю. А то как-то неудобно получается.

- Всё удобно, Александр Николаевич, - возразил Лоевский. – В память о наших прежних добрых отношениях, всё останется как было.

- Ну, спасибо, Саша, - сказал я, расчувствовавшись, и мы пожали друг другу руки.

Снова за машинку, снова переписываю уже «готовые» повести. Признаться, мне уже надоело вчитываться в один и тот же текст, проверять на слух каждое предложение. Пора ставить точку.

Провожу разведку и узнаю, что районные типографии сформированы ради выпуска районных же газет. Бумага отпускается им под тираж газеты и ни грамма больше. Типографии не слишком заинтересованы в выпуске художественной литературы, проще штамповать книжечки бланков.

К Евпаторийской типографии на драной козе не подъедешь. По мнению Дружинина в этом отношении более перспективна Красноперекопская типография. Можно попытаться счастья и в Бахчисарае. От него же получаю номера телефонов этих типографий и имена директоров.

С городского переговорного пункта начинаю зондировать почву. Обе типографии не прочь принять заказ, но нужно выполнить два обязательных условия: обеспечить тираж бумагой и на рукописи иметь разрешающий штамп редакционного отдела Крымского комитета по печати.

Еду в Симферополь и за небольшую плату сдаю рукописи в указанный редотдел. Прошу как можно тщательнее просмотреть тексты на предмет стилистических и грамматических ошибок. Обещают. Тут кто-то говорит:

- А вот Марк Агатов, тоже евпаторийский автор, запретил что-либо изменять в своих текстах.

Я тогда не знал Агатова, поэтому представил его большим знатоком русского языка и позавидовал ему.

А вот строки из книги воспоминаний Ильи Борисовича Мельникова «О родных, о временах, о друзьях» Е. 2012 г. В 1991 году он вынужденно сложил с себя редакторские полномочия в газете «ЕЗ» и «...встал вопрос – чем заниматься? И тут от умного, предприимчивого земляка Марка Пурима, ныне он один из активнейших депутатов горсовета, поступило предложение: стать редактором необычного издания «Детективы от Агатова». Я, конечно, согласился» (стр. 133).

Имея за плечами такого знатока всех тонкостей редактирования, как Илья Борисович, можно и покуражиться.

Штамп, считай, в кармане, но где взять бумагу? На сей раз Костя Дружинин – не помощник. Звоню на винзавод главному бухгалтеру Валентине Алексеевне Иваненко. Да, на складе есть залежавшаяся тонна какой-то бумаги. Приехал с заполненным бланком от Лоевского.

Бумага мелованная, в листах. Большая часть очень толстая. Если не путаю, плотностью до 180 г/м. Беру, пусть хоть такая, но будет. Вывожу бумагу в пансионат «Северный». Игорь Дмитриевич Трубин выделяет сухую комнату для ее хранения.

Забираю в Симферополе проштемпелёванные рукописи, образцы бумаги и еду в Красноперекоск. Предъявленная бумага годна только на обложку. Заключаю договор на издание «Взятки для начальника ЖЭКа». Произвели предварительный подсчет стоимости издания с тиражом 5 тысяч. К оплате около 6 тысяч рублей.

Теперь Бахчисарай. Директор типографии, Цаль Евгений Николаевич, весьма общительный человек. Мы сразу перешли на ты. Посмотрел привезенные мною образцы бумаги и однозначно сказал:

- Вези, обменяю вес на вес.

Так и получилось: «Взятку...» я бумагой обеспечил. Попутно выручил Цаля от некоторой беды. Его кинули «крутые» ребята. Под надуманным предлогом отказались от выполненного заказа. Я выкупил его у Цаля, заодно отпечатал у него «Сказание об озере Мойнаки».

19 августа 1991 года. В Москве ГКЧП. Казалось, что мне до этого, но и меня этот путч чуть-чуть коснулся. Уже 20 числа попадает в руки интересный материал. Дали всего на 3 часа. Перепечатать на машинке не успею, а он может пригодиться для «Трибуны».

Еду в «Крымниипроект». Там у меня знакомый главный инженер Тиняков. В то время множили документы на «Эре», эрили. Обращаюсь к нему и получаю отказ. Были бы чертежи - с удовольствием, но текстовый материал строго запрещено множить. Кто запретил? Вчера вызывали в Симферополь, там и читали этот приказ.

- Так мой текст безобидный.

- Нам не дано право определять смысловое качество текста.

Я понял, что Тиняков действительно не мог нарушить данную ему установку. Тогда партийные органы или КГБ могли испортить жизнь любому.

Шел домой и думал, что, утвердись в стране ГКЧП, мне и книги не удастся издать. Признаться, стало грустно.

Мои старики, мама и Вадим Фёдорович серьезно приболели. Я снабжаю их продуктами и лекарствами. В то время с тем и другим была проблема. Всё добывалось в очередях. В аптеке №191 выдавали лекарства ветеранам войны. Очередь к этому отделу была постоянна, но лекарства не всегда. Подходишь к выдаче, а нужного лекарства нет.

Вадим Фёдорович обзванивал городские аптеки и сообщал мне, где оно есть, но уже за деньги. Так я узнал номера всех городских аптек и их расположение.

Кстати, Вадим Фёдорович принял ГКПЧ с восторгом. Меня, сдавшего к тому времени партийный билет, спрашивал:

- Что будешь делать? Как будешь оправдываться?

- Я не уверен, что это придется делать.

- Придется, придется! – утверждал он.

Вадим Фёдорович прожил еще два месяца и умер 16 октября 1991 года.

Мама очень тяжело перенесла смерть отчима. У неё усилилось недомогание, которое в народе называют «перебои сердца». Врач Кристинишина (так мне запомнилась эта фамилия), которая её лечила, разводит руками: «Что вы хотите – возраст». Мама регулярно принимала таблетки «папазол» и различные настойки. Всё.

Сейчас я, «обогащенный» этой же болезнью, лечусь у врача Шевнина. Ежедневно принимаю 4-5 наименований лекарств. Папазола среди них нет. Худо-бедно живу. Вот что значит вовремя сделанное назначение и наличие нужного лекарства в аптеках. Почему всего этого не было при Советской власти?! Вопрос риторический, если не сказать - глупый.

1991 год заканчивается, но красноперекопцы, ссылаясь на перегруженность линотиписта, договор не выполнили. В декабре еду в Красноперекопск и договариваюсь с линотипистом о работе во внеурочное время. Обещает до конца года набор завершить.

Тут же узнаю, что в 1992 году будут отпущены цены. Если в 1991 году я мог обойтись шестью тысячами рублей, то в 92 эта же работа будет стоить в 2-3 раза дороже, но и это не предел.

Понял, что своих накоплений мне не хватит. Куда обратиться? В кооператив? Лена возражает, да и мне не с руки к ним обращаться. На новом месте, как мне виделось, у них дела идут плоховато.

Снова позвонил на винзавод (теперь уже фирма «Ампелос») главбуху Валентине Алексеевне Иваненко. Объясняю ситуацию. Обещает переговорить с директором.

А тут разыскал меня директор Бахчисарайской типографии и сообщил, что нашел бумагу и может издать мою вторую повесть «Рыжий Кот». Приезжай, заключим договор.

Валентина Алексеевна известила меня, что Евгений Григорьевич согласился со мной поговорить. Еду на винзавод. Директор внимательно меня выслушал и дал согласие на оплату издания моих книг на сумму не более 80 тысяч рублей! Запасся письмами от «Ампелоса» и поехал в Бахчисарай, а за ним и в Красноперекопск.

В Бахчисарае совершил ошибку, которая стала уроком при последующих общениях с типографиями. Я подался уговорам директора Цаля и согласился выпустить «Рыжего Кота» 10-тысячным тиражом.

Конечно, на фоне прежних массовых тиражей, к которым мы привыкли в Советском Союзе, 10 тысяч не так уж много, но то время ушло, выросло новое поколение, приобретающее доселе неизвестные нам возможности коротать свой досуг. В результате половину тиража я не смог реализовать, и он ушел в утиль.

И другой важный фактор реализации книг - высокие накладные расходы торгующих организаций. Часто получается так, что в цене одного экземпляра книги накладные расходы превышают себестоимость самой книги. О каком гонораре после этого может идти речь?

К сказанному следует добавить и тот факт, что полки магазинов и киоски «Союзпечати» завалены множеством других книг и брошюр, которые в советское время на пушечный выстрел к типографиям не допускались. Они привлекали к себе пошлой сенсационностью. Поэтому обычная литература не совсем охотно принималась к продаже.

В поисках путей сбыта своих книг обратился за советом к журналисту Леониду Александровичу Терентьеву, с которым познакомился в «Трибуне».

Это удивительно бескорыстный и высоких моральных качеств человек. Мне, принявшему за основу нравственные нормы времени в котором живу, порою было трудно с ним общаться. Но мы и до сих пор с ним в дружеских отношениях. Он мой первый советчик и наставник в творческих делах.

Леонид Александрович дал мне адреса двух человек. Александра Рыбина и Марка Пурима (о нём я уже вспоминал). Если Александр Кириллович мне хорошо помог, и мы с ним до сих пор общаемся, то Марк Пурим в части реализации оказался бесполезным. Но уже то, что я с ним

познакомился – хорошо. Сейчас он стал заметным человеком в Крыму, и я имею возможность при упоминании о нём представлять себе реальную персону.

В процессе реализации своих нетленных (слово заимствованно у Л.А. Терентьева) произведений, я пришел к заключению, что книгу легче написать, чем продать, тем более продать безубыточно.

Маме всё труднее ухаживать за собой. Я вынужден перебраться к ней. Меряю давление и делаю всё, что надо делать сиделке. В субботу из Симферополя приезжает Ольга (сестра), привозит борщ, котлеты на неделю, и я до вечера воскресенья свободен.

Маме взбрело в голову пить только минеральную бутылочную воду. В доме должна быть постоянно охлажденная минеральная вода. Она телевизор не смотрит, газет не читает. Откуда такая блажь, не знаю.

Трудность была в том, что этой воды в магазинах часто не бывает, но и это не всё. Хуже, что воду продавали только в обмен на посуду. Приходишь в магазин, а воды нет. Сдаёшь посуду, не нести же её обратно. В другой раз вода есть, а посуды у тебя нет. Доказываю:

- Ведь я тебе лично вчера сдал десять бутылок! Неужели не помнишь?

- Помню, но это было вчера, а сегодня мне нужно отчитаться за те бутылки, что выдали мне сегодня.

Вот и бродишь по городу от одного магазина к другому с авоськой полной пустых бутылок. Сдавать их «за так» нет резона.

23. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ МАМЫ

Сентябрь 1992 года. Маме всё хуже. В больницу ложиться отказывается, скорую помощь вызывать запрещает. Верит только бесполезной Кристинишине. Вызываю её только затем, чтобы несколько успокоить маму. Она при виде её будто бы оживает. Давление смирала, поговорила, десятку в ладошку получила и - до свидания, выздоравливайте, Дора Евдокимовна. Всё чаще от мамы слышишь: «Хочу к Вадиму».

В ночь на 21 сентября мама не спала. Не спал и я. Утром измерил давление. 100/60. Чтобы не волновать, сказал ей, что 140/70. В 7 часов пошел в ванную. Был там 10 минут. Вышел, а мама уже не дышит. Трогаю, а она тёплая. Может, жива?

Стучу к соседу Лёне. Он врач. Лёня посмотрел маму и определил смерть! Он же позвонил в поликлинику и распорядился выдать мне справку. Похоронили маму рядом с Вадимом Фёдоровичем на кладбище у Каменоломни.

24. ПЕРВЫЕ ШАЖКИ В ЛИТЕРАТУРЕ

В середине 1992 года я получаю от Евгения Григорьевича Плаксина заказ на книгу по истории Евпаторийского винзавода. Считаю это за честь и со всей ответственностью принимаюсь за дело.

Узнаю, что в музее по этому предприятию нет никаких материалов. Придется начинать с нуля. Еду в Крымский архив, что на Кечкеметской, 3. Нахожу интересные материалы. Начало сделано.

Вспоминаю, что до войны дом №16 по Раздельной улице называли домом Кокуша. Ведь это его «раскулачили», забрав винные подвалы в пользу государства.

Захожу во двор этого дома. Довоенных жителей не нахожу. Единственно, одна бабушка, указывая перстом, сказала:

- Говорят, вот там жил какой-то богатый еврей.

Вдруг, слышу гневный голос со второго этажа:

- Ты что это, татарская морда, ходишь тут выспрашиваешь да высматриваешь? Иди отсюда, а то сейчас кипятком оболую!

Ухожу, жалея о том, что не был любопытным хотя бы 20 лет назад.

Работая в архиве винзавода, наткнулся на акт от 08.06.44 г. об ущербе, нанесенным ему в годы фашистской оккупации. Среди подписантов С.И. Кушуль, главный бухгалтер. На ту минуту Семита Исааковна была известна как знаток истории караимского народа.

У меня появилась необходимость встретиться с ней, чтобы расспросить о винзаводе.

Встретились у неё в доме, что на улице Просмушкина. Просторная комната, беленные стены увешаны темными от лет портретами предков хозяйки. В последующем мы еще несколько раз беседовали в этой комнате. Потом я написал очерк «Караимы». Героями которого были Семита Исааковна и другой караим Семён Федорович Эринчек.

Нахожу небольшие воспоминания Олимпиады Юрьевны Выбороновой. Она была до войны главным виноделом. А Валентина Яковлевна Черныгина – довоенная заведующая лабораторией. Так по крохам восстанавливались первые шаги этого предприятия. Далее будет легче: послевоенный архив находится на заводе.

Тут же продолжаю работать у Лоевского в «Трибуне». Редакция у него на квартире (ул. Революции, 50/1). Сдаю материал, получаю новое задание...

Как редактор, Лоевский довольно-таки любопытно работает. Приносишь статью. Он раскрывает ее и, не читая весь текст, с первой строки начинает черкать. Я это воспринимаю как должное, но многоопытный Лёва Линиченко не собирается такое терпеть.

- Ты што делаешь? – возмущается он, - ты ж ещё не читал, а уже правишь!

- Правлю, Лев Григорьевич, правлю, - невозмутимо отвечает редактор.

- Это ты брось, - не успокаивается Линиченко, - что ты там мог найти?

Начинается обмен мнениями. Я слушаю, затаив дыхание.

В «Евпаторийской здравнице» (впредь «ЕЗ») и в «Трибуне» появляются рецензии на мои книги, а в «Крымских известиях» Л. А. Терентьев поместил статью обо мне «Зигзагами судьбы». Он же организовывает мою встречу с членами клуба любителей поэзии.

25. ПОМОЩНИК ДЕПУТАТА

1993 год заканчивается выборами. В России при выборах в Государственную Думу «проклюнулся» В. Жириновский. Это он в предвыборной речи обещал каждому мужику по бутылке водки, а каждой женщине по мужику. Сработало. С триумфом прошел в Думу.

В Крыму нечто другое: выборы президента во вновь провозглашенной Республике Крым. В фаворитах Н.В. Багров, спикер крымского парламента. Откуда-то, чертиком из табакерки выскочил Ю.А. Мешков. Если у Багрова всё серьезно, то у Мешкова сплошной популизм, замешанный на тяге крымчан к России. Посланец Мешкова съездил в Москву и по телевизору объявил, что «ребята заверили его (посланца), что в случае победы Мешкова, крымские старики будут получать пенсию в рублях, а не в каких-то там долбанных карбованцах».

Во второй тур выборов проходят Мешков и Багров. Питаясь воздухом, начиненным обещаниями (фраза по Шекспиру) народ Крыма избирает президентом Юрия Мешкова.

А. Лоевский и его соратник В. Заскока - депутаты Верховного Совета Крыма. Они прошли сквозь яростную предвыборную борьбу и победили, поддержав однозначно Мешкова. Они понимали, что их кумир по деловым качествам не чета Багрову, но русский патриотизм увлек их.

В разговоре с ними, я пытался доказать пагубность для Крыма позиции Мешкова, отсюда и их позиции - не помогло. Но наши разногласия не помешали Лоевскому предложить мне стать его депутатским помощником. Я дал согласие и с 1 сентября 1994 года начал работать в этой должности.

В это же время закончилась работа по изданию книги «Хроника Евпаторийского винзавода» тиражом 5 тысяч экземпляров. Весь тираж ушел на завод. Я горжусь этой книгой потому, что первый сумел исследовать и описать путь развития одного из важных предприятий нашего города. Теперь в музее не скажут, что у них ничего нет о евпаторийском винзаводе.

А 11 сентября, слушая российские «Вести», узнаю, что в Крыму произошел президентский переворот. Мешков утром этого дня низложил Верховный Совет Крыма и взял власть в свои руки. Цеков, спикер парламента, в свою очередь объявил о созыве чрезвычайной сессии.

В 16 часов мы с Лоевским должны были встретиться. Звоню ему - молчок. Позже узнаю, что он с Заскокой еще до обеда уехал в Симферополь.

Не буду расписывать дальнейшие политические события. Верховный Совет сохранился, а Мешков покинул пределы Украины.

Моя работа с Лоевским ограничивается регулярными приёмами граждан его избирательного округа. Хотя с просьбами о помощи приходят избиратели и других округов. Предлагаю депутату организовать встречу с электоратом. Лоевский не согласен. Его мотивировка весьма странная: а вдруг никто не придет? Что ж, хозяин – барин. Не хочешь, не надо, моё дело предложить.

Лоевский становится главным редактором газеты «Крымских известий» органа Верховного Совета Крыма. Ему дают квартиру в Симферополе. В Евпатории он бывает наездами. Я продолжаю вести прием избирателей, езжу в столицу по вызовам или за зарплатой.

С большим трудом удается установить памятники над могилами мамы и Вадима Федоровича. Мастерская на Каменоломне. В ту сторону автобус ходит только до овощебазы. От неё по шпалам пёхом в край посёлка. Хорошо, тогда ещё ходким был.

16 декабря 1994 года мне устанавливают телефон. Для этого пришлось сдать номер телефона, который был у мамы. Да и с такой форой были сложности, но спасибо Записоцкому (начальник узла связи), он поддержал меня.

26. ПО УШИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Продолжаю накапливать материал по истории Крыма. Чтобы глубже вникнуть в облик крымского татарина, поступаю на курсы изучения татарского языка. Ими руководит Вадим Алданович Миреев, кандидат химических наук, но как тонко он чувствует язык! В 1992 году я закончил курсы, получив удостоверение учителя крымско-татарского языка в младших классах.

Появилось ощущение, что начинаю вязнуть в имеющемся историческом материале, но по-прежнему не знаю как к нему подступиться. Наткнулся на трагический эпизод, в котором излагается история конфликта в высших кругах татарского общества, в результате чего Крымское ханство становится вассалом Османской империи.

Начать с него? Но ему предшествует прорва других событий... Например, возникновение самого Крымского ханства. Какие события содействовали этому? Передо мною лес с его дровами.

В 1994 году после долгих раздумий и неудачных проб начала вырисовываться более или менее стройная картина работы, которая в последующем вылилась в трилогию и получила окончательное название «Крымский кязан».

Решил начать повествование не с 1475 года, как предполагал сразу, а с 1395 года. В основе первой книги - конфликт между ханом Тохтамышем и эмиром Эдигеем.

По Эдигею у меня было очень мало материала. Надеялся на словарь Брокгауза и Эфрона. Там в 79 томе должна быть статья о нём. В нашей библиотеке этого тома нет. Еду в Симферополь. Тоже нет 79 тома! Что за наваждение? Звоню в музей директору Т. Е. Придневой. У них библиотека еще в ящиках, не разобрана, но она посмотрит. Есть этот том! Читаю и разочаровываюсь. Так долго добирался до этой статьи и так мало информации в ней.

Успокаиваю себя тем, что, коль нет фактажа, то руки развязаны, и я могу фантазировать. Главное, не наломать дров. Тщательно продумываю последовательность событий. Наиболее важные выношу на бумагу, получаю что-то похожее на план. Удивляюсь самому себе: раньше им пренебрегал – писал, что бог на душу положит.

Заметил такую особенность: чем глубже в мыслях вникну в какой-либо эпизод, тем легче и лучше он ложится на бумагу. Это, конечно, не открытие, но для меня каждая мелочь именно им и была. Следует помнить, что за моими плечами не сидит ангел-спаситель в виде достойного образования.

Лёня Терентьев, как литературный ментор, уже много позже появился на моём горизонте. Встречи с ним и его женой Наташей, а при этом рассуждения на темы литературной грамотности позволили мне пополнить свой скудный багаж знаний.

Другим желанным собеседником был Гай Алексеевич Мороз. Он тонко анализировал характеры описанных мною героев, давал разумные советы. Пришло время, и я расспросил Мороза о его жизни. Был потрясен услышанным. С его разрешения, незадолго до его кончины, написал о нём очерк. Он успел его прочитать и одобрить.

До меня о нём никто не писал. Имя Мороза и тем более биография были под негласным запретом. Об этом я узнал от редактора «ЕЗ» И. Мельникова.

После публикации очерка в «ЕЗ» звонок. От группы своих единомышленников выступает один из ведущих поэтов евпаторийского литобъединения Г. Зверьков. Он отчитал меня за прославление прислужника фашистов, не принимая во внимание то, что тот был реабилитирован ещё советскими органами.

Но когда на том же литобъединении отмечали годовщину смерти Гая Алексеевича, подобные высказывания не прозвучали. Я выступил с пересказом своего очерка, отметив при этом жертвенную роль в жизни Гая его жены Таисии.

Не знаю, как пишется в молодые годы, но когда тебе под семьдесят то день на день не приходится. Случаются дни от письменного стола не оттащишь – так легко слова ложатся на бумагу. Но чаще одолевает вялость, и она затаскивает тебя на кровать, к слову, находящуюся рядом. Борешься с этим состоянием, заставляешь себя писать. Но ведь пишешь не бессмыслицу,

а связный текст, который должен отражать не твоё настроение, а жизнь другого человека, чаще всего не похожего на тебя. Видишь – не получается. Так вялость и побеждает.

Было бы только это. Замечаю, что и через очки не вижу написанное синей пастой. Окулист Зарема Ибрагимова находит в моих глазах катаракту. Что делать? Оперировать. Так за чем остановка? Нужно подождать, когда созреет. Это сейчас оперируют катаракту на любой стадии её созревания, а в 90-е годы ждали, когда хрусталик отвердеет и его можно будет вытащить из глаза пинцетом. Теперь пишу перьевой ручкой, черными чернилами, да еще крупными буквами. Только так вижу написанное.

27. О ПРЕМИИ ИМЕНИ ДУВАНА

В конце 1995 года объявили о введении городской премии им. С.Э. Дувана. Пока я раздумывал: «быть или не быть», звонит Лёня Терентьев и говорит, что у меня есть резон выставиться на премию.

Собрал необходимые документы. Проблема в том, что претендента должна выдвинуть какая-либо организация. Обращаюсь в архив. Отказали по причине того, что сами выдвигаются. Звоню в музей. Сказали, что сейчас только отказали Кутайсову. Для меня не могут сделать исключение. Обращаюсь в газету «Трибуна» к Н.Б. Щербаковой. Даёт согласие. Позже довелось множество раз встречаться с Ниной Борисовной. От них остались самые добрые воспоминания.

Несу документы председателю Дувановской комиссии Валерию Давидовичу Розенбергу. Документы приняты.

В газете список претендентов. Воспроизвожу его так, как он дан в газете: «В области литературы выдвинуты работы журналистов городских газет А.Н. Стомы, Ю.А. Теслева и Т.А. Дугиль, а также писателя-сатирика Г.А. Мороза и детского поэта В.А. Иванова» (Газета «Евпатория» 8.03.96).

5.04.1996 г. Дежурю как помощник депутата. Звонит Ада Харитоновна Эренграсс, уважаемая в городе дама, и поздравляет меня с Дувановской премией. Но перед этим Лёня Терентьев сообщил мне так же по телефону, что по литературе премию не будут присваивать.

- Ада Харитоновна, - говорю ей, - первое апреля уже прошло.

- Как вы могли такое подумать!? Я от чистого сердца! Я только сейчас разговаривала с Розенбергом, и он об этом мне сказал.

Я поблагодарил Аду Харитоновну за поздравление, но сомнения остались. Я больше верил Терентьеву, и он оказался прав.

Последующие события не прояснили причину принятия такого решения, поэтому посчитал нужным обратиться к председателю комиссии.

Валерий Давидович с пониманием отнесся к моему недоумению и подробно рассказал, что предшествовало принятию решения о не присуждении премии по литературе.

Из претендентов на премию остался я один. Активность Дугиль (ходила на приём к мэру А.П. Даниленко и упрашивала дать ей премию), отторгла от неё членов комиссии, кроме того, на неё пришло 6 отрицательных отзывов. Так и на остальных отрицательные отзывы превалировали. На меня были только положительные отзывы.

У Розенберга не было сомнений в том, что я пройду. В это время и позвонила Эренграсс. Следом за этим комиссию посетил депутат горсовета В.К. Населенко. Он узнает об успехе автора «Рыжего Кота».

Вот как он сам рассказывал на сессии горсовета, где я присутствовал, о своей реакции на это сообщение:

- Узнаю, что премию может получить какой-то там Стома. Ужас! Я спрашиваю у комиссии: «Кто такой Стома? Кто читал «Рыжего Кота? Я, например, не читал». А он мог получить премию!

Результат его деятельности: Стоме не хватило одного голоса.

Розенберг подтвердил этот результат. Кто-то дрогнул после спича Населенко.

28. ВОКРУГ «ЭМИРА ЭДИГЕЯ»

В октябре 1996 года заканчиваю первую книгу трилогии. Назвал её «Эмир Эдигей». В первой части книги описываются события происходящие в Польше. Подбирая имена для героев-поляков, использовал бывшие у меня на слуху фамилии: Лоевский и Заскока. Жалоб от их носителей не было.

Отпечатал на пишущей машинке два экземпляра. Что дальше? Денег на издание нет, желающих помочь тоже. Встретился с одним предпринимателем. Целый час удовлетворял его любопытство, но потом: извините, денег нет.

Подумал, что эта тема может привлечь внимание татар. У меня был знакомый Люсьен Селяметов. Он в то время заведовал восстановлением текие. Мы с ним там и познакомились. Отдаю ему рукопись для прочтения. Авось заинтересует, авось найдутся денежные татары.

10 марта 1997 года (эта дата, как и другие, зафиксирована в дневнике) звонок из Симферополя. Я в то время дремал и Лене пришлось меня будить. Говорит главный редактор газеты (сразу не разобрал) «Янъы дюнъя». Он сказал, что прочел рукопись «Эмир Эдигей» и роман ему понравился. Он догадывается, что я пожилого возраста. Тут же пояснил свою угадку: чтобы собрать такой материал, нужно потратить много лет жизни. Рукопись передал ему Люсьен. Говорили долго.

Встречаюсь с Люсьеном в самом текие. Он рассказывает, что сам закончил Литературный институт, что в Москве. Кстати, его же закончил и Нузет Умеров. Они однокурсники. Когда он понял, что «Эдигей» - стоящая книга, решил показать Нузету.

При первой же okazji я поехал в Симферополь. Сначала встретился с Лоевским в редакции газеты «Крымские известия», в его кабинете. Чувствую, что его отношение ко мне изменилось.

- Вот вы тут романы пишете, а мне и статьи написать некогда.

- В чем я виноват? Ведь не я тебя на этот пост взгромоздил.

- Не в этом дело, - отвечает Лоевский. - Я думал, вы будете статьи писать обо мне, как о депутате.

Напоминаю:

- Я одну написал - и что из этого получилось?

- Нужно было дать мне на прочтение, - возразил Лоевский.

- Тебя не было в Евпатории.

- Можно было подождать с публикацией и привезти.

Статья, о которой я упомянул, была написана о работе жилищного отдела горисполкома. Жилищники, обидевшись на критику, напустились на Лоевского, справедливо считая, что это с его подачи их, якобы, оклеветали. Лоевский совсем забыл, что сам нацелил меня на эту тему, и сразу налетел, утверждая, что я его ссорю с полезными людьми.

- И это не всё, - сказал он, с каким-то сладострастием делая паузу.

- Что же ещё?

- А ещё – на вас жалоба.

Снова пауза. На этот раз я не торопил его. Взял со стола степлер и стал его рассматривать. Это рассердило Лоевского:

- Не стройте из себя дурачка!

Я удивленно посмотрел на него.

- Читайте! – резко сказал он и сунул в мою сторону тетрадный лист в синюю клеточку.

Читаю. Автора сразу узнаю – старый знакомый. Он был у меня на приёме и пробовал качать права. Это был тот горе-бригадир, которого, работая на авиаремонтном заводе, я лишил премии за хулиганские действия на рабочем месте. А вот подробности приема.

В тот день я на двадцать минут опоздал на работу по причине поломки трамвая. Пришел, меня уже ждут двое избирателей. Извинился и начал приём. Первого посетителя отпустил быстро, а второй засел.

Он требовал, чтобы я немедленно шел в дом, где он проживает, и тут же разобрался с его соседкой, которая содержит много кошек. Мы, конечно, друг друга узнали, но не стали об этом напоминать. Я посмотрел на адрес проживания просителя и увидел, что он не наш избиратель. Но это не помешало дать ему совет обратиться со своим запросом к участковому милиционеру.

Всё это подробно описано в жалобе с присущими этому жанру преувеличениями. Заявитель возмущен неаккуратностью помощника депутата: опоздал на прием чуть ли не на час, тогда как множество людей, палимые солнцем (в октябре), ждут его. Помощник депутата (заявитель не называет моей фамилии) вместо того, чтобы вникнуть в суть просьбы вашего избирателя надменно отфутболил его к участковому милиционеру, который вообще мышей не ловит (может поэтому и разводят кошек?). Ну и «прошу принять меры».

- Был факт? – спросил Лоевский, когда я, невольно вздохнув, отложил жалобу.

- Всё так и было, - ответил я, - за исключением некоторых деталей.

- Не будем в них копать. Почему вы отказались вникнуть в нужды избирателя и отфутболили его?

- Потому и направил его к участковому, что вник в его, как ты говоришь, нужды. Кому, как не участковому положено, устранять конфликты между жильцами вверенного ему участка? Ту кошатницу уговорами не проймешь, здесь власть нужна.

- Так с вашей подачи, Александр Николаевич, мы теряем голоса, так необходимые к будущим выборам.

- Посмотри на адрес жалобщика, и ты увидишь, что он не твой избиратель.

Перед моим уходом Лоевский, как бы мимоходом, заявил:

- Имейте ввиду, Александр Николаевич, я вынужден буду вдвое уменьшить ваш оклад.

По дороге в редакцию «Янъя дунья» я продумал тот бестолковый разговор с Лоевским и решил, что затеян он был ради последней фразы, из которой я узнал, что теряю половину оклада.

В решении моего начальника была логика. В пределах оклада, который я получал, Лоевский имел право содержать трёх помощников. Видимо, он решил взять второго. В Симферополе он ему сподручнее, чем я в Евпатории. Мог бы так и сказать, ведь я не кисейная барышня, которую нужно специально подготавливать к неприятностям.

Редакция газеты размещалась в общем дворе (ул. Горького, 23). Комната площадью метров 40. Два стола, один диван. В комнате несколько татар. Представляюсь. Чувствую благожелательный отзыв. Ко мне подходит представительный мужчина с белокурой шапкой волос на голове и представляется:

- Нузет Умеров.

Начинается длительный разговор о моей книге «Эмир Эдигей». Мне задают вопросы, я отвечаю. Выходит, не один Нузет прочел рукопись. Замечаю, что татары меньше осведомлены в своей истории, чем я сейчас. Чаще всего вопрос начинается: «А это правда...?»

Нузет считает, что путешествие Джанике в Крым несколько затянуто. Он бы его сократил. Он так же сказал, что хотел бы перевести книгу на татарский язык. Пообещал познакомить с этой книгой комитет по делам национальностей.

После этого я еще несколько раз был у него в редакции. В комитете книга понравилась, но у них нет денег на её издание. При одной из встреч Нузет сказал, что крымско-татарская история плохо освещена в драматургии. Предложил написать пьесу на эту тему. Я обещал подумать.

Я никогда не увлекался чтением пьес и не был театралом. Способ решения такого простого вопроса, как уложить пьесу в отведенное для спектакля время, мне был неизвестен.

Я взял сборник пьес Чехова и начал читать все подряд. Произвёл некоторые арифметические подсчёты - и кое-что прояснилось.

За основу взял эпизод из второй книги трилогии «Хан Хаджи-Гирей»: деятельность Джанике по возведению на престол первого крымско-татарского хана. Сдал ее Нузету, и она была опубликована в 2004 году в журнале «ДОЛЯ».

В своём повествовании я забежал несколько вперед. 1996 году у меня даже в голове не было «Хаджи-Гирея». Я еще не знаю, что делать с Эдигеем, а тут ещё какой-то Хаджи. Посылаю рукопись в Харьковское издательство «Фолио». От ворот поворот.

В Симферопольской библиотеке им. Франко просматриваю еженедельник «Книжное обозрение». В одном из номеров читаю, что московское издательство «Континент» приглашает авторов к сотрудничеству.

Звоню, говорю, чем располагаю. Присылайте.

В это время Костя, сын жены от первого брака, заканчивал отпуск и отъезжал в Москву. Прошу его забросить рукопись по указанному в объявлении адресу.

В 10 часов вечера 18.04.1997 года позвонил Костя из Москвы. Он сказал, что разговаривал с редактором «Континета». Она сказала, что книга ей понравилась. Как она считает, мой стиль схож со стилем Мориса Дрюона. Вот о чём не думал.

Через месяц Костя сообщил, что рукопись у литературного агента Павла Андреевича Уляшова. Он размножил её на ксероксе и разнес в издательства.

06.08.1997. Звонок из Москвы. Женщина передаёт вопрос литературного агента Уляшова: готов ли автор продать свою рукопись за 1,5-2 тысячи долларов? Я ответил, что надо подумать и взял у женщины телефон Уляшова.

Позвонил Терентьеву и спросил совета, сказав при том, что сумма гонорара не так уж велика. Леонид Александрович согласился со мной, но добавил, что издаваться в Москве можно было бы и даром, поэтому названный гонорар вполне приемлем. Хорошо, что ещё самому платить не приходится.

До Москвы дозвонился сразу. Не успел представиться, как Уляшов называет меня по имени отчеству. Сказал ему, что согласен на 2 тысячи. Со своей стороны, он ввел меня в некоторые подробности будущего договора, но назвать издательство отказался - еще не пришло время. Договорились, что я потревожу его в следующую среду.

13.08.1997. В новом разговоре, Уляшов возвращается к сумме гонорара, хотя в прошлый раз мы этот вопрос решили. Я понял так, что он переживает, что не смог поднять его. На мой вопрос об издательстве, он так и не ответил, отделившись общими фразами. Неужели боится, что я сам выйду на издателя?

19.09.1997 г. состоялся неприятный разговор с Лоевским. Вижу, всё идет к разрыву. Я знаю, что он только женился, а у новой жены имеется непутёвый брат. Должность помощника была бы ему очень кстати.

Мне, собственно, держаться за эту должность нет смысла. Начнется новая предвыборная компания, и мне пришлось бы заниматься её организацией. Конечно, 165 гривен в месяц мне не лишние, но расставание устраивает больше.

Лоевский требует, чтобы я ехал в Симферополь и оформлял расчет. У меня другие планы. Пришло время созревания катаракты и меня на днях должны положить в больницу. Пребывание в ней займет около двух недель. Давненько я не был на больничном, воспользуюсь напоследок.

23 сентября мне сделали удачную операцию на левом глазу, а 2 октября я еду в Симферополь и, не заходя к своему начальнику, иду в отдел кадров, где оформляю увольнение. Не знаю почему, но кадровик сказала мне:

- Мы не дадим Лоевскому взять нового помощника.

Я промолчал. Мне их грызня до фени, поэтому при прощании с Лоевским не сказал ему - а то, не дай бог, вздумает вернуть.

08.10.1997 г. позвонил Уляшову и узнал, что, по всей вероятности, 23 октября состоится подписание договора. Он предложил мне перезвонить ему 20 числа. Я сказал, что, возможно, приеду сам.

- Зачем? Всё сделаем без вас.

- У меня в Москве есть и другие дела.

14 октября звонит уже Уляшов. Удивился: ему жена запрещает делать иногородние звонки. Нет, он в какой-то редакции. Первый вопрос:

- Зачем вы едете в Москву?

- Я вам в прошлый раз говорил, что надо. Хочу купить компьютер. У нас они не продаются.

- Берите ручку и запишите текст доверенности.

- Диктуйте, у меня хорошая память.

Он диктует, я прерываю его:

- Хватит. Если понадобится доверенность, мы ее оформим в Москве.

- У нас не будет для этого времени.

- Найдем!

- Вы не будете иметь дело с издательством. Гонорар получу я и выдам вам под расписку. Таков порядок.

- Ладно, - не стал я спорить и спросил: - 20 числа звонить?

- Звоните, но вечером.

Обдумывая весь этот разговор (в запись не всё вошло), я решил 20 числа не звонить, а ехать в Москву без приглашения.

В Москве меня встретил Костя на машине. Я поселился у Лёли, двоюродной сестры Лены. На другой день созвонился с Уляшовым и договорились о встрече 23 октября у него дома. Я попросил Костю сопровождать меня: чем черт не шутит?

Прекрасная квартира в многоэтажном доме на Хорошевском шоссе, не то, что наши хрущевки. Уляшев явно недоволен.

- Вам в издательство ехать незачем, - говорит он, - договор я буду подписывать сам.

- Вы это не сможете сделать без моей доверенности, - напоминаю ему. – Я её не писал и писать не собираюсь.

Вижу, как он расстроился. Тут телефонный звонок. Уляшов выходит к аппарату, и мы слышим, что звонят из издательства. А вот и его ответ: «Да, приехал».

По дороге Уляшов попросил меня не говорить при издателях о проценте его гонорара. Я пообещал, догадываясь, что его гонорар несколько завышен.

Вот они – боги, которые решают быть тебе писателем или нет. Кирилл Савельев – ответственный секретарь издательства. Своим обликом напоминает нынешнего певца Николая Баскова. Кирилл чуть ли не с порога сказал мне, что это он читал мою рукопись и с его подачи её приняли к изданию. С признательностью пожал ему руку.

Заместитель главного редактора Владимир Константинович Успенский. Простецкий парень, без закидонов. Своим неприятным видом напоминает механика кооператива «Ударник» Чаплыгина.

Подписываю договор. Сумма гонорара 2200 долларов. Не здесь ли крылась причина «непущания» меня в Москву? Аванс 700 долларов.

Успенский говорит, что в первой половине 1998 года книга выйдет в свет.

В коридоре я рассчитываюсь с агентом не с аванса, а со всей стоимости гонорара. Расчувствовавшись, он приглашает нас с Костей отобедать. Я сразу отказался, но потом подумал, что всё равно где-то придется этим заниматься. Поехали на Красную Пресню, в ЦДЛ, что на площади Восстания, рядом с высоткой. Вот где, оказывается, Парнас!

Видно, что Уляшов здесь свой парень: он здоровается, с ним заговаривают. Расположились в буфете. Наш гид сказал, что здесь еда дешевле, чем в ресторане, а подаётся из одного котла. Кто мог, тот выпил.

Уляшев подарил мне две книжки своих стихов. Он признался, что любит Крым. Читал стихи посвященные нашей с Костей родине. Посетовал, что никак не мог приобрести «Очерки Крыма» Маркова. Я пообещал поискать. И так сложилось, что в первую же поездку в Симферополь, увидел эту книгу в прекрасном издании. Павел Андреевич был очень тронут моим вниманием к его просьбе.

Я сказал Косте, что хочу купить компьютер, и спросил где можно его приобрести? Костя, подумав, пообещал организовать компьютер через каких-то ребят.

На другой день я съездил опять в издательство: отвёз подправленную рукопись. Уже вечером зашел в компьютерный магазин. Разбежались глаза. Понял, что полному профану здесь делать нечего. Порадовался, что Костя взял эту заботу на себя.

В книжном магазине на Никольской изобилие. Хожу от полки к полке и глазам своим не верю, что в одной небольшой комнате (метров 60) может быть столько редкостей. Помня, что мне еще добираться до квартиры, а это с пересадками в метро, не стал перегружаться. Купил только трехтомник «Христианство». Это «выжимки» из 82 томов энциклопедии Брокгауза и Эфрона и других русских энциклопедий!

Пришел к тому месту, где должен быть «мой» дом и не узнаю его. Хорошо, знал Лёлин телефон. Нашел автомат, звоню. Так и так.

- Где ты?

- У магазина «Третий Рим».

- Будь там за тобой придут.

На следующий день я уезжаю. Поезд отходит в 8 утра. Лёля провожает меня. Где-то недалеко от её дома проходит электричка и привозит прямо на Курский вокзал. Не нужно мотаться по метро.

На Курском у вагона меня ждет Костя со своей женой Раисой и коробками компьютера. Смело спрашиваю:

- Сколько с меня?

- Нисколько, - отвечает Раиса, - это подарок.

Разложил подарок на полке и думаю: а что дальше? Дальше будут таможни: российская и украинская. А у меня даже магазинного чека нет. Костя сказал, что обошелся без магазина.

Допустим, освободив от коробок, монитор и принтер, можно будет положить в ящик, что под сиденьем. Системный блок уже не поместится. Оставить на полке, даже верхней, заметят. Иду на переговоры к проводникам. Они согласны спрятать системный блок за 100 долларов. Много, но тут не поторгуешься. Границу пересёк благополучно.

29. КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ

Уже дома, приглашаю компьютерного специалиста - и начинается священнодействие. Не прошло и часу, как у меня в комнате зажегся монитор! Это случилось 28 октября 1997 года.

По моей просьбе компьютерный парень провёл «ревизию» новой забавы. Вскрыл системный блок: узлы американской сборки. Монитор марки «Самсунг» - одна из лучших фирм. Принтер марки «Хьюлет-Паккард» тоже хорош. Еще раз спасибо, Косте и Раисе.

Чтобы в дальнейшем не возвращаться к компьютерной теме, скажу, что так и проработал он у меня 11 лет без поломок. Сменить его на новый компьютер заставило развитие техники: вместо дискет – диски и флешки, на мой струйный принтер нет картриджей. Новые струйные принтеры более мощные. Их не «тянет» мой системный блок.

Итак, ноябрь 1997 года. Пробую вернуться в творческое русло. Напоминаю себе, что Эдигей выдвинул идею отторжения крымского улуса от Золотой орды. Усилиями его жены, дочери Тохтамыша, Джанике, идея получила развитие. Как проходил процесс, какие препятствия ей приходилось преодолевать и чего она в конце концов добилась? Вот об этом и следует писать. И писать уже на компьютере.

Кто бы знал, как не с руки ловить ускользающую мысль и одновременно искать правильный подход к капризному, на взгляд неумехи, современному механизму. Считаю, на два фронта воюешь.

В преодолении таких сложностей и завершился 1997 год. Год редкой удачи в моей жизни.

Рано радуюсь. Понял это сразу после первого звонка в издательство «Букмен», состоявшийся 04.02.1998 г. Узнаю, что Успенский уволился, а вместо него некая Мазепова. Меня с ней не соединяют.

Связываюсь с Ульяшовым. Он подтверждает факт увольнения Успенского и оценивает это одним словом: плохо. Незадолго до этого события он с ним разговаривал, и тот сказал, что «Эдигей» в наборе.

Я прошу Костю связаться с Кириллом Савельевым и узнать у него о моей проблеме. Вскоре Костя передал слова ответственного секретаря издательства: «Книга будет издана в апреле-мае. Обложка уже согласована». Может зря волнуюсь, и Мазепова намерена выполнить договор?

Деятельность Джанике-ханум начала вырисовываться на страницах нового романа, названного мною «Хан Хаджи-Гирей». Но работа прерывается. Ко мне обращается сестра Ольга и просит помочь устроить ее внучку в санаторий «Чайка». Сами пробовали – не получилось.

Встречаюсь с Гофельдом. Договариваемся: я пишу очерк о его санатории и тут же, за оплату (мне платят), провожу уроки в санаторной школе по древней истории Крыма. Сестра получает путевку в санаторий.

Начинается та же тягомотина, что испытал при написании очерка о винзаводе: информация о довоенном периоде отсутствует, не говоря уже о дореволюционном. Опять-таки, в музее нет материалов о санатории «Чайка». Но, что ни говори, очерк на 90 страниц готов. Отпечатал два экземпляра: один себе, другой санаторию. Сведущие люди очерк одобрили. Запомним год – 1998.

Пролежала эта рукопись недвижимо до 2012 года. Тут о ней вспомнили. Звонят с «Чайки» и просят приехать по вопросу издания книги к столетию здравницы, которое исполняется в 2013 году.

Встречаюсь с главным врачом и ежу с ней. Намечаем план действия, жмем друг другу руки. На этом – всё! Столетие отметили – книга не издана. Что ж, подождем следующего столетия.

А что с «Эмиром Эдигеем»? А ничего! Мазепова уволилась из «Букмена». В августе 1998 года в России случился дефолт. Рубль упал, цены взлетели, планы рушатся. Костя съездил в «Букмен». Можете взять рукопись, 700 долларов оставьте себе. На этом, я бы сказал, и исчез кураж. Решил довольствоваться тем, что из моей старой головы еще что-то полезное нет-нет, да изойдет.

В январе 1999 года закончил писать «Хаджи-Гирея». Отпечатал два экземпляра. И тут же начал сочинять «Менгли-Гирея». А время течет. Вот, поистине, единственное, что не зависит от чьих-то причуд.

Такой-то год будет? Обязательно. А вот такой? Тоже будет. Нас не станет, а он всё равно будет! Все это знают и спокойно реагируют, только поэты раскукарекали: «Время, вперед!» «Остановись, мгновенье!» И где они теперь? Прошу прощения за подобный сумбур, но доживёте до моих лет, ещё не то можете сморозить под коварное течение времени.

30. ИНФАРКТ

25 09.1999 год, суббота, банный день. Выпускаю воду из ванны, забивается канализация. Когда увидел, то уровень воды на полу был чуть ли не по щиколотку. Бросились с Леной выгребать воду. Успели! Соседи не всполошились.

В тот же день пошел по магазинам в поисках соляной кислоты - верного средства очистки канализационной трубы. Чувствую слабость и, порою, нет-нет, да качнет в сторону. Ну пойдй скоренько домой, выпей валерьянки, приляг. Это я сейчас такой умный, а тогда продолжал искать кислоту. Нашел, залил в канализацию и успокоился. Надолго ли?

В 3 часа ночи я свалился с постели. Лена услышала грохот, пришла. С её помощью взобрался снова на кровать и хотел продолжать спать, но она не стала внимать моему полубредовому шепоту, и я услышал, как открывается замок наружной двери.

Александр Михайлович Яценко, врач «Скорой помощи», жил этажом ниже и, к счастью, оказался дома. Он только заглянул в спальню, как тут же бросился к телефону. Он кричал, требуя немедленной высылки кардиологической бригады.

И вот небольшая спальня набита людьми, к моему телу приставляют присоски, жужжит аппаратура. Сквозь болезненную дрему слышу приглушенные голоса: «Пульс сорок, инфаркт четвертой степени, требуется реанимация. Нужно везти в больницу».

Возможно, в моей памяти непроизвольно возник эпизод, когда врачи «Скорой помощи» разрешили моему знакомому со «свежим» инфарктом спуститься к машине со второго этажа. В результате увезли труп. Возможно, и не было этих воспоминаний, а была простая констатация факта, но я прошептал едва раздвигая губы:

- Я сам не смогу спуститься вниз.

- Этого и не потребуется, - ответил Александр Михайлович и побежал по этажам поднимать мужиков.

Теперь я лежу на клеенчатой поверхности в трусах, укрытый покрывалом, на котором меня спускали с этажей. Сквозь туман в глазах, вижу медсестру в белом халате и врача в летнем костюме сизого цвета. Вопрос «Как себя чувствуете?» повторяется множество раз.

В комнату входит Лена. Я спрашиваю её:

- Где я?

- Успокойся, - отвечает она, - ты в больнице.

Врач, показывая ей наполненный шприц, говорит:

- Вот это лекарство стоит 14 гривен. Вы сможете его оплатить?

- Делайте всё, что необходимо, мы всё оплатим.

Утром меня переложили в палату и началось лечение.

Из небольшого баллончика с изуверской методичностью булькают прозрачные веселые капельки. Они стекают по невесомым трубочкам и проникают через иглу в вену. При этой процедуре нужно лежать на спине, и упаси бог шевелить рукой, в вену которой вставлена игла.

Первое время эту руку даже привязывали. Дело в том, что от бездумного созерцания симпатичных капелек, я засыпал и во сне обязательно дергал неположенной рукой.

Но не только в этом беда, а во времени, в течение которого приходилось лежать бревном. Оно растягивалось до трех часов, а бывали дни, когда одна капельница с небольшим промежутком, менялась на другую. В эти дни даже читать не хотелось - все внимание было сосредоточено на этих назойливых, кажущихся живыми, прозрачных существах бесцеремонно проникающих в твой организм.

С каждым днем я чувствовал себя все лучше и стал завидовать тем больным, которым было разрешено вставать с постели. И вот в один из обходов, на вопрос врача Олега Владимировича Шевнина: «Как самочувствие?», я бодро ответил:

- Прекрасное!

Врач с укоризной посмотрел на меня и резко спросил:

- Не громко ли сказано?

Я несколько смутился, но не сдался:

- Как скажешь по другому, если мне действительно значительно лучше, чем просто хорошо?

На лице Шевнина проступили жесткие линии, губы сжались. Он, молча смотрел на меня, будто думая: «Сказать или не сказать». И вот услышал:

- Уясните себе, Александр Николаевич, самочувствие часто подводит человека, потому что не всегда бывает идентично реальному состоянию организма. Что касается вашего состояния, то для упоения у вас нет никаких оснований.

Далее последовали обороты речи, заполненные медицинскими терминами.

- Ваше состояние, - продолжал врач, - никогда не будет прекрасным и вам нужно будет об этом всегда помнить, чтобы не попасть в критическую ситуацию. Картошка с рынка, алкоголь, даже в праздники, вам будут противопоказаны. Кто забывает это, часто возвращаются на «круги своя», а то и чуть подальше.

При этом он посмотрел в окно.

- Да, вот еще что, - вспомнил Олег Владимирович, - ваша жена беспокоится: не отразится ли ваша болезнь на состоянии головного мозга. Это сложная проблема, но вопрос поставлен своевременно. Видите ли, печень мы можем промыть, почки прокачать, а вот если сосуды мозга будут повреждены, то это безвозвратно. Из-за плохой работы сердца они действительно могут пострадать. Сейчас вы получаете нужные лекарства, и мы делаем все возможное, чтобы это не случилось.

Вот откуда такое количество капельниц, - подумалось мне, - спасибо, Лена.

- Теперь остановка за вами, - добавил врач. - Главное не вскакивать, не делать резких движений и не вставать с постели до особого разрешения. Вот такая получилась лекция на ваше «прекрасно», Александр Николаевич. Уж извините.

Олег Владимирович замерил давление, посчитал пульс и, больше ничего не сказав, подошел к другому больному.

Приходилось видеть, как помещали в палату больных с инфарктом, а утром они молча покидали палату. Когда же произошел очередной уход, я спросил у врача Виктора Георгиевича Солодовниченко,

- Почему этого парня не стали лечить? Неужели привезли по ошибке?

Врач, обычно жизнерадостный, грустно ответил:

- Никакой ошибки. Просто мы живём в нищей стране.

- И...?

- Этот человек не может купить нужные ему лекарства, а у нас нет бесплатных. Отсюда: нет денег – будь здоров!

- Этому парню, видимо, нет и сорока?

- Тридцать четыре.

Виктор Георгиевич отошел от меня, не замерив давление. Я понял, что затронул весьма болезненную тему: врачи отказывают больному в лечении из-за его безденежья. Где ты, пресловутая клятва Гиппократова? Где ты декларированное бесплатное здравоохранение?

С глубокой печалью позволю себе отметить, что Виктор Георгиевич прожил совсем немного и умер в возрасте 54 лет, о чём свидетельствует данный снимок. Мы помним Вас, Доктор!

Заканчивалась третья декада моего пребывания в больнице, когда мне сообщили, что на следующий день выпишут.

Так и случилось. Елена принесла одежду, и вот я осторожно, держась за перила, спускаюсь с третьего этажа. Вдохнул полной грудью чистый, влажный воздух и закашлялся. Елена хлопнула ладонью по спине:

- Не передай.

Началось возвращение в жизнь.

31. ПОСЛЕ ИНФАРКТА

Читаю дневниковые записи постинфарктного времени и вижу, что зря время не терял. Пишу мрачный рассказ о своём пребывании в больнице. Тут же зафиксировал факт того, что задумал написать книгу о городской партийной организации. Собирался назвать её «Ум, честь и совесть...», но позже обозвал её более нейтрально: «Из жизни Пospelова». Несколько слов об этой книге.

«Из жизни Пospelова» я издал (2009 г.) и весь тираж раздарил. Первый отзыв от Ольги, сестры: «Откуда ты знаешь такие подробности?» И последний (2012 г.). Вопрос Ильи Борисовича Мельникова: «Где вы всё это откопали? Ведь вы не работали в горкоме». «С миру по нитке», - ответил я. И это не вся правда. Ведь я и в XV веке не жил, а, вроде, что-то описал.

Вернёмся в 2000-й год. Еще до инфаркта у меня была начата третья книга трилогии «Хан Менгли-Гирей», в 2000-м продолжил. Очень трудно писалось, но я не останавливался, хотя чувствовал, что потом многое придется переделывать. И всё же в феврале послал рукопись этой книги в Москву. Таким образом, у Ульяшова оказались вся трилогия, которая сейчас называется «Крымский кязан». К этому названию я пришел не сразу.

11 марта позвонила жена Кости Раиса и поведала о встрече с Ульяшовым. Он сказал, что издатели готовы поработать над трилогией, но опасаются, что будут трудности с реализацией. Рынок забит книгами. Вот, если бы я мог выкупить тираж... Такой возможности у меня нет.

В это же время протекла крыша над водосточной трубой, проходящей рядом с моей входной дверью. Пришлось заниматься ремонтом, после чего слег на неделю: болело сердце. Думал новый инфаркт. Пронесло.

26.09.2000 г. Исполнился год с того момента, когда я торжественно въехал на каталке в палату интенсивной терапии кардиологического отделения евпаторийской больницы. По утверждению врачей, после такого инфаркта, что был у меня, только 5% больных удаётся прожить больше года. Выходит, я попал в число удачников.

В эту печальную годовщину, я чувствую себя лучше, чем до инфаркта, но, как понимаю, это всё за счёт тех лекарств, которые подобрал мне лечащий врач Олег Владимирович Шевнин. Как только ухудшается здоровье, звоню Анне Владимировне, его жене, и мне называют дату приёма. И так до сего (2013 г.) времени.

Кстати, в мае 1999 года, ещё до инфаркта, я первый раз побывал на приёме у врача Шевнина. Он прописал нужные лекарства и назначил следующий приём на август. Подошел срок, но я, посчитав, что у врача в сезон и без меня полно народу, решил отложить поход за здоровьем на октябрь. Не получилось.

Вопреки моим намерениям, мы встретились с врачом в сентябре, но уже в больнице. К моему удивлению, Олег Владимирович узнал меня! Даже помнил когда он мне назначил приём.

- Что же вы не пришли, когда вам было назначено? – спросил он строго.

Я что-то начал мямлить. А что бы вы делали на моём месте? Дело даже не в инфаркте, мне и без него было плохо: так глупо, не послушав врача, профукать здоровье!

Шевнин, видя моё состояние, мягко сказал:

- Успокойтесь, Александр Николаевич, вылечим ваш инфаркт.

Вот такие зигзуги (спасибо Ельцину за это слово), порою делает наша жизнь.

2000-й год. Творческие метания продолжаются. Взбрело в голову написать книгу о трагической судьбе Шагин-Гирей, последнего крымского хана. В этом намерении была логика: рассказал о первом хане, расскажи и о последнем.

Чтобы как-то проникнуть в эпоху Екатерины Великой, решил перечитать «Фаворит» В. Пикуля. Дело в том, что Шагин-Гирей побывал в Петербурге и Екатерина его благодетельствовала.

Если раньше просто упивался событиями описанными в «Фаворите», то сейчас читаю осмысленно. Вижу огрехи стиля и несовершенство композиции. Автор нагромождает факты, не

заботясь об их влиянии на сюжет. Создаётся впечатление, что они мешают развитию событий. Так и не дочитал...

Имея некоторый опыт работы с материалами, полученными в процессе работы над исторической темой, я разложил их по папкам в хронологическом порядке, составил таблицы жизни главных героев. Осталось умственно переселиться в выбранную эпоху и, опираясь на исторические факты, начать с помощью слов вязать узлы будущей книги.

Если напрячь волю, то совершить можно и нежеланную работу, но принудить к ней мозг невозможно. Сколько ни напрягался, ни одной достойной мысли не мог от него получить. Подобного со мной до сих пор не было. Случалось – писал ерунду, но писал, а тут полный ступор.

Подобно нейрохирургу начал копать под черепом и пришел к мысли, что мой мозг, за многие годы эксплуатации татарской темы, настолько пресытился ею, что в конце концов взвыл: «Тебе мало того, что сделал? Жадина - говядина!» Жаль, но мозг – не руки/ноги, если заартачится, не принудишь.

Так мой архив пополнился еще одной кипой бесполезных бумаг.

При содействии Кости, я опубликовал в рекламном журнале «Биржа авторских прав» аннотацию на трилогию «Крымский къазан». Получив журнал на руки, я лишний раз убедился, что историческая тема не пользуется популярностью.

Из всех, предлагаемых в журнале произведений, 4 – мистика, 3 - детектива, 6 – фантастик, много книг о любви и автобиографических. И только моя историческая трилогия в гордом одиночестве.

Даже больше: в рубрике «Приглашаем авторов» объявлен спрос на мистику, детективы и любовные романы. Отсюда вывод: книжные жути и страсти – любимая забава нынешнего читающего люда. Без Познания в наше время можно обойтись.

На телевидении как-то была передача «Кто хочет стать миллионером». Перед Галкиным (ведущий передачи) мужчина, бывший офицер, 26-ти лет от роду. Ему вопрос: «На каком полуострове находится Перекопский перешеек?» И наводящие ответы: «Апшеронский, Крымский, Таманский и... (забыл какой)». Сидит отставник – дуреет. Обращается к залу: ответы распределены поровну между четырьмя подсказками. «Звонок к другу» – врачу из Ярославля. Тот долго мямлит, пока не выдал: Таманский!

Обычно доводятся основные данные о претенденте на миллион, так было сказано, что этот офицер любит читать Стивена Кинга. Всего перечитал. Дочитался...

32. В КУЧЕ СОБЫТИЙ

25 декабря 2000 г. по крымскому радио сообщили об убийстве женщины 73-х лет. Это случилось в Евпатории в доме №73 по улице 13 ноября. Лена сразу же определила, что это дом Любови Михайловны, ее близкой знакомой.

Лена позвонила Любе и та подтвердила, что в её дворе погибла, бывшая в гостях, соседка. Эдик, который жил у Любови Михайловны на правах сиделки, пошел провожать гостью, чтобы запереть за ней калитку. Женщина свалилась посередине двора и захрипела. Эдик бросился к ней, подложил под голову свою вязанную шапочку и побежал вызывать скорую. Медики констатировали смерть, а милиция, обнаружив рядом с умершей шапочку ей не принадлежавшую, загребла Эдика.

Вскоре выпустили, ибо медики определили, что старушка умерла от кровоизлияния в мозг. Однако, через день его снова арестовали.

Лена звонит Любе:

- Что опять случилось?

Та, после нескольких общих слов, выдала:

- А может он и в правду убил её?

Возмущенная Лена прекратила разговор. Я, как и Лена, не верили в то, что Эдик мог кого-то убить.

Я знал этого парня. Он помогал мне ремонтировать крышу. Несколько дней мы общались с ним, и я понял, что он добрый и хороший человек, но несчастный. Есть такая категория людей, которые, за что бы ни брались, получают пшик.

Эдика осудили на 6 лет. Я пошел было на суд, но запутавшись в кабинетах, опоздал – перед моим носом закрыли дверь. Все годы его отсидки мы посылали ему посылки. Лена комплектовала, а я относил на почту.

Эдик «отслужил» свой срок от звонка до звонка. Любовь Михайловна приняла его, и он продолжал за ней смотреть. Из месяца в месяц её здоровье ухудшалось. В разговорах с Любой стал вопрос: что будет с Эдиком после её кончины? Неужели за годы ухода за тяжелобольной он не заслужил хотя бы каморки в её обширном доме?

Любовь Михайловна, пылая любовью к внучке, никак не решалась отписать часть дома Эдику. Наконец, она это сделала. Получив наследство, внучка купила Эдику однокомнатную квартиру, а дом продала. Приобретение крыши над головой, как мне думается, единственная удача в жизни Эдуарда Малюкова.

06.08.2001 г. в газете «Известия» в рубрике «Житейские истории» был опубликован мой небольшой рассказ. Но радости не было. Рассказ так переврали, что читать было противно. Одна услада – отметился в «Известиях».

А история, сама по себе, интересная. Вот она.

Ближе к полудню я и Лена вышли на улицы древней крепости Эски-Кермен. Жарко, хотим пить, а у нас вместо воды бутылка сухого вина. Воду с собой не брали, надеясь на осадный колодец, что по описанию, имеется на территории крепости.

Колодец нашли: крутая каменная лестница ведет куда-то в глубину скалы. Лена осталась наверху, а я начал спуск. Ступеньки мелкие, да ещё сбиты за века многими ногами.

Спустился. Чуть ниже уровня пола – темная поверхность воды. Она в низкой пещере. Зачерпнул и тут же понял, что вода для питья непригодна!

От досады крикнул. Ну как можно было так опростоволоситься? Ведь знал же, что застойная вода тухнет. А другой здесь и не могло быть, ведь вёдрами черпать её некому. Как теперь быть? Где искать воду?

Только ступил на первые ступеньки, чтобы подняться наверх, как слышу за спиной, с места, где только сейчас горевал, голос:

- Дяденька, вам вода нужна?

Вздрыгнул от неожиданности, оглянулся. У воды во плоти стоит мальчишка лет 14. Ошеломленный, спрашиваю:

- Откуда ты взялся?

- Оттуда, - махнул он рукой влево.

Смотрю, кроме стены ничего не вижу. Мальчик, поняв чему я удивился, пояснил:

- Там лаз, а за ним большая дыра.

Я начал соображать и вспомнил, что в VIII веке скифы осаждали эту крепость и взяли ее, пробив ход в скале в сторону осадного колодца.

- Да, мне нужна вода, - наконец заявил я.

Мальчик вывел меня через скифский пролом за пределы крепости и, показав на другую сторону долины, сказал:

- Видите пещеру? Там - вода.

Он еще не скрылся за камнями, как я вспомнил – Лена! Как она воспримет факт моего превращения в четырнадцатилетнего подростка?

- Парень! – окликнул я мальчика, - там наверху моя жена, так не пугай ее, расскажи как всё было, и что я скоро вернусь с водой!

11.08.2001 г. послал в «Крымскую правду» очерк о Мазепе. В письме попросил сообщить о решении редакции. Уже 20 числа позвонили мне из Симферополя и сказали, что «Мазепа» будет опубликован месяца через полтора.

31 октября «Мазепа» действительно был опубликован со значительными сокращениями. Да иначе и не могло быть – очерк для газеты большой. Удивительно, но даже гонорар выслали по почте – 36 гривен.

Решил очерком не ограничиваться и замахнуться на что-то большее. Несколько дней подряд читаю и конспектирую в читальном зале библиотеки «Мазепу» Н. Костомарова.

Своей будущей книге даже заглавие придумал: «Поцелуй Мазепы». Его можно будет легко мотивировать, ибо в то время мужчины в верхах свободно лобызались с подобными себе. Целовался Пётр Великий, не отставал от него и Мазепа. Другое дело, что за всем этим стояло. Вспомним хотя бы «поцелуй Иуды».

Чтобы не возвращаться больше к Мазепе, скажу, что я так и не дописал эту книгу. Где-то 150 страниц пошли, как по маслу, а дальше – стоп. Уговариваю себя, но без толку. Чувствую, что этот тип осточертел мне хуже горькой редьки, не лежит к нему душа. Правда, позже, что-то из готового материала было использовано при написании первой части повести «Крымские походы».

Как-то краем уха услышал по радио, что где-то кто-то издал книгу о Евпаторийском текие – монастыре дервишей. Где приобрести? В Книготорге нет. Будучи в редакции «ЕЗ», спрашиваю - там не знают. Только тогда вспомнил, что в Евпатории, на Интернациональной, 17 находится татарская библиотека.

Здесь и узнал, что автором книги «Гезлевские «Текие дервиш» является Алифе Яшлавская. Тут же купил очень милую книжечку за 3 гривны. Бумага отменная, орнамент а-ля ислам, фотографии.

Тут же в библиотеке спросил об авторе. Она сейчас в Евпатории. Вполне возможно, захочет со мною встретиться. Оставил свой телефон.

Дома за один присест читаю то, что Алифе-ханум написала о текие - и полное разочарование! Ничего нового не узнаю, зато имеются искажения известных фактов.

Сажусь за статью-отзыв. Но чувствую: делаю что-то не то. Почему-то не хочется критиковать Яшлавскую, но и оставить замеченные искажения без критики нельзя. Заверил себя, что, не послушав саму Алифе-ханум, статью не напечатаю.

18.04.2002 г. звонок. На проводе Алифе Яшлавская! Договариваемся о встрече. В 12 часов следующего дня я вошел во двор текие. Вот и Алифе-ханум: миловидное лицо, легкие движения,

пышная копна волос с проседью. Короткое знакомство, и я приглашен в кабинет, расположенный на втором этаже в «Чайном домике». Прохожу коридором первого этажа и вижу, что со стен сдирают штукатурку. В чём дело?

- А вы потрогайте её, - предлагает Алифе-ханум.

Беру в руку кусок и чувствую, как он рассыпается в руках без всяких на то усилий. Так это чистый песок! В нем нет не только алебаstra, но и элементарной извести! Предел глупости так штукатурить! Если нет мозгов, то не берись кого-либо обманывать, иначе сядешь в лужу, а то и вообще в помойку.

Узнаю, что всё это сделано в бытность Люсьена Селяметова «хозяином» текие, предшественника Яшлавской. Она вызвала контролеров, чтобы зафиксировать это безобразие.

Мне жаль этого парня. Это он помог мне почувствовать себя каким-никаким, но писателем. Как он смог так проколоться? Видимо, строительство собственного дома вынудило его делить строительные материалы в свою пользу. Дели, но знай меру!

Его дом рядом с татарской библиотекой. Он и до войны тут стоял. По приезду на «историческую родину» Люсьен предъявил документы: право на место, оставшееся от разрушенной собственности и получил разрешение на её восстановление.

Это редкий случай в городской жизни Евпатории. Документы сохранились благодаря бабушке Люсьена, которая, отправляясь в изгнание, унесла с собой Коран и документы на дом в него вложенные. Кто этого не сделал, то восстановить свое право собственности через БТИ не смогли, ибо в 1962 году КГБ по этой теме изъял в БТИ все архивные документы.

Итак, я на втором этаже «Чайного домика» в кабинете Алифе-ханум. Скромная обстановка, «украшенная» самодельным электрокозлом и прекрасным (не чета моему) компьютером. Как выяснилось, - подарок турок.

Хозяйка с удовольствием рассказывает о своих многочисленных встречах со стариками. Их рассказы заносит в память компьютера. Она показывала мне эти записи – их тьма тьмущая. На работу с ними понадобятся годы и годы.

Дал Алифе-ханум прочитать мой отзыв на её книгу. Вижу, она расстроилась. Мне неловко, но в материале нет ни слова охаивания, только факты, мимо которых невозможно пройти.

Слышу вздох Алифе и слова:

- Ведь теперь армяне смогут требовать возврата текие.

Это произвольная реакция на моё доказательство того, что в этом здании до текие была армянская церковь. Пришлось утешать её тем, что логические выводы – не документ, поэтому можно не беспокоиться.

Часто приходится сталкиваться с пренебрежительным отношением ко всему советскому. Такое впечатление, что вдруг появились безукоризненные люди, и только они, не в пример недавним предкам, творят добро и осеняют светом истины прошлое и настоящее.

В статье есть момент, когда я ссылаюсь на видного советского историка архитектуры Н. Токарского. Узнав, что он советский историк, Алифе прервала себя: ему нельзя верить. Мои напоминания, что Токарский не политик и в данном случае речь идет о V-X веках, её не убедили.

Не хочу нарушать данное мною слово не публиковать указанную статью, но когда придет время прочитайте её в дневнике и увидите, как лихо Алифе Яшлавская расправлялась с историей, находясь уже в идеальном мире правды и добра.

На прощание, эта добрая женщина, положив руку мне на плечо, проговорила:

- Пусть вам будет счастье, пусть моя энергия зарядит вас.

33. В ОЖИДАНИЯХ

Просматриваю дневниковые записи 2002 года и, признаться, нет желания пересказывать их. Что интересного может быть в постоянно не сбывающихся творческих ожиданиях, в сообщениях о смертях близких людей, в моих переживаниях по поводу событий в Москве (захват террористами концертного зала, где ставили мюзикл «Норд-Ост»)?

Что же 2003 год мне готовит? Сейчас у меня есть возможность не гадать на кофейной гуще, а за пять минут прожить его заново. Что и делаю.

Из прошлого переползла в этот год забота об издании книги «Очерки Евпатории». Стремление «расколоть» на это предпринимателя Александра Леонидовича (бывшего Сашу) Нестеренко оканчивается пшиком.

Привожу кусочек (обойдемся без слова «фрагмент») дневниковой записи от 11.02.2003 г. «Сегодня пытался связаться с Нестеренко по телефону и неудачно. Женский голос: «Кто спрашивает?» Я назвал. «Сейчас проверю». Слышу в трубке мужской голос: «Нет!» Опять женщина: «Александра Леонидовича нет». «Я, девонька, до вашего сообщения уже знал, что Хозяина на месте нет, так как слышал его голос». Мне пытались доказать, что ошибся, но я не стал слушать очередное враньё».

Я стараюсь пореже пользоваться словом «фрагмент», чтобы невзначай не уподобиться той женщине, которую слышала моя Лена в магазине: «Взвесьте мне, пожалуйста, фрагменты вон той курочки».

Лёня Терентьев собирается издать книгу афоризмов «Мысли по случаю». У него проблема с компьютерным набором, т.к. до сих пор печатает на машинке. Я напросился помочь ему, поэтому сейчас (26 февраля) сижу за компьютером и набираю его книгу. Дня через 3-4 закончу. Мне нравится этот человек, находящийся в постоянном поиске истины, поэтому с удовольствием делаю эту работу.

Короткими фразами о дальнейшем (майские записи).

Л. Терентьев издал «Мысли по случаю» в количестве 50 экземпляров и теперь не знает, что с ними делать.

Л. Нестеренко окончательно отказал мне в помощи в издании «Очерков Евпатории».

Начал переписывать на компьютер «Эмира Эдигея».

Встретился с Л.Г. Пахомовым. Он в день освобождения Евпатории (13 апреля 1944 года) задействовал городской радиоузел. Он стал одним из героев моей книги «Сквозь мутные стёкла времени».

Ю.К. Теслев на страницах «ЕЗ» высказался за строительство псевдо крепостных ворот. Я был противником этой идеи. Свои аргументы высказал в заметке: «Керкинитида - родина Гомера». Она была опубликована в «ЕЗ». Не знаю почему, но на планерке в редакции газеты, В. Шелест спросил у редактора: «Зачем вы позволили Стоме размазать Теслева по стенке?»

Написал очерк о В.И. Стальбовском. Мы были с ним знакомы еще по артели «Стахановец» (я упоминал о нем). При написании книги «Сквозь мутные стекла времени» Володя стал одним из главных её героев под именем Пети Видлянского.

Состоялась встреча (21 мая) с работниками музея на тему: строили турки крепость в Евпатории или нет? От музея выступали Т.Е. Приднева, Л.И. Дубинина и Н.Б. Дмитерко. Хорошо поговорили, но каждый остался при своём мнении.

Своё представление о строительстве крепости я изложил в рассказе «Легенда о ваятеле». В августе его опубликовала «ЕЗ».

9 сентября с утра поехал в редакцию «ЕЗ». На входе встретился со Светланой Новиковой. Я тут же похвалил ее за действительно хорошее стихотворение, которое она опубликовала в юбилейном (2500 лет Евпатории) номере «ЕЗ». Света подарила мне поэтический сборник «Душа», где её стихи сразу на первых страницах.

Признаться, сборник понравился, и я, покорпев над ним, написал статью о его авторах. Статья удалась. Звонил даже Сергей Овчаренко (уважаемый мною поэт). Но самое интересное - звонок от Рыбина. Рассыпался в комплиментах, да так, что пришлось останавливать. У Александра Кирилловича просьба по поводу книги стихов Супрун-Цвейман.

- Напиши о ней рецензию.

Я отказываюсь. Спрашиваю:

- Почему бы тебе самому не написать?

- У тебя лучше получится. Ну давай, что тебе стоит.

Вспоминаю, бывало, он помогал мне с реализацией книг. Вспомнил и даю согласие.

Встретились на трамвайной остановке «Мойнаки». Александр Кириллович показывает мне толстенную книгу. 400 страниц! И это всё стихи? Открываю наугад страницу, читаю, и уши на лоб лезут: таких слабых стихов давно не читал! И это в такой солидной книге!

- Нет, Александр Кириллович, не хочу на старости лет наживать врагов.

- Неужели не понравилось? – удивляется Рыбин. - Так почитай еще. Там есть и хорошие стихотворения.

Опять вспомнил, что он мне помогал.

- Ладно, может действительно найду что-либо приличное.

Дома. Лена сразу посадила за стол – обедать. Ем, а она, увидев на моём рабочем столе новую книгу, полистала и спрашивает:

- Зачем у тебя эта книга?

- Попросили рецензию написать.

- Тебе мало врагов, новых хочешь нажить?

Вот те раз! Будто слышала мой разговор с Рыбиным.

- Ты чего так решила?

- Сам-то ты читал эти стихи?

- Не успел, - приврал я.

- А надо было бы поинтересоваться.

В мои планы не входило сразу, с места в карьер браться за эту книгу, но коль так, принялся читать.

Заглавие по-женски нежное: «В страну прекрасную – любовь». Листаю в поисках достойных похвалы стихов и не нахожу! От некоторых впадаю в оторопь: как может автор не понимать, что пишет ерунду?

Вот пример: стихотворение «Крым», стр. 157.

«Сама природа изваяла

Сей профиль царский, воротник!

Екатериной намекала,

Что Крыму Русь – надёжный щит!»

И дальше:

«Крым отвоёван умно, тонко,

Суворов храбро воевал –

«спасибо» он своим потомкам

Теперь наверно б, не сказал».

Ну что хорошего в таком творчестве?

Может быть, всё это так и забылось бы, но тут же «ЕЗ» публикует хвалебную статью Л. Григорьева (псевдоним Льва Линиченко) о другом евпаторийском поэте, Геннадии Зверькове. Как пример высокого стиля, Лев Григорьевич приводит строки из стихотворения хвалимого автора. Пегас хромает на обе ноги.

Сгрёб я все это в кучу и написал статью. Несу в «ЕЗ». Илья Борисович не дочитав до конца, говорит:

- Согласен, Геннадий Дмитриевич не поэт, но печатать эту статью не буду.

- Почему?

- Напечатать, значит – убить его. Он перенес несколько инфарктов. Он живёт этими стихами, вбив себе в голову, что он поэт. Вы убить его хотите?

Затем заговорили о той книге, где 400 страниц. Мельников встаёт из-за стола и идет к шкафу. Снимает с полки книгу, кладет передо мной и спрашивает:

- О ней речь? Так вот Цвейман и меня просила написать рецензию, но я никогда этого не буду делать.

Мне стало легче: значит мы с Леной не совсем привереды. Отдал Рыбину эту злополучную книгу с сотней извинений. А ту статью, что Мельников отклонил, вклеил в дневник. Придет время, кто захочет, сможет почитать.

24 октября встретился на бульваре с художником Анатолием Александровичем Сухих. Он сразу же поблагодарил меня за быстрое согласие на встречу, чем удивил. Оказывается, художник Звягинцев (не имел чести быть знаком) сказал ему, что я веду затворнический образ жизни, на телефонные звонки не отвечаю и т.д. На звонки отвечаю, но на каждый зов откликаться – извините, не могу. Когда бы я тогда писал? Сколько этих лет осталось?

Я заинтересовал Сухих как автор «Рыжего Кота». Он разрабатывает тему Евпаторийского десанта. Книгу внимательно прочитал, поэтому вопросы были по существу. Я на них, как мог, отвечал.

Анатолий Александрович показал мне несколько кадров из немецкой кинохроники о десанте. Один из них был запоминающимся: десантник сдаётся в плен немцам у ворот дома №4 по Мойнакской улице. Позже этот кадр я видел в самом фильме.

Мы прошли с ним к бывшему моему местожительству: Раздельная, 7. Потом прошли к Каменным воротам. Сухих интересовался универмагом. Я показал ему место расположения этого магазина. Расстались у Бо-Риважа.

34. НОВАЯ БОЛЯЧКА

11 ноября поехал в Симферополь к Лоевскому, чтобы взять для горсобесса справку о зарплате за время работы помощником. Встреча непосредственно с Лоевским затянулась. Шесть лет прошло с нашей последней встречи. Было что рассказать друг другу. Я удивил его палочкой, с помощью которой хожу, он меня седовласостью.

Лоевский рассказал о своей работе над «Зодиаками». Он на каждый знак зодиака написал стихотворение. Я об этой работе знал, он давно ею занимается. Сейчас он переводит их на 12 языков. Зачем? Я так и не понял из его разъяснений.

На вокзале узнал, что опоздал на нужную электричку. Другая - через 3 часа. Приехал домой в 19 часов в паршивом состоянии. Не знал, что это только цветочки.

Следующий день. Паяю штекер, но место пайки, как в тумане. Принялся сливать воду из батареи – не поступает тепло. И свалился на пол... Удачно упал - не ушибся. Встал. Не знаю что со мной стряслось. Несколько шагов - и снова хлоп. На этот раз почувствовал острую боль в правом бедре. С помощью Лены добрался до постели. Лежу и чувствую острую боль в пояснице и в ногах.

Лена вызвала на дом невропатолога. Он определил – ишемический инсульт. Началось лечение. Через несколько дней боли утихли, стал передвигаться. Ноги не болят, но и не слушают. Опираясь на палку и на выступающие предметы, с трудом передвигаюсь по квартире. Не совсем уверен, что удастся восстановить прежнее состояние, хотя и оно не было блестящим.

30 ноября этого же 2003 года закончились уколы и капельницы. С трудом передвигаюсь и это уже хорошо. Плохо то, что снова забилась канализация. В прошлый раз это закончилось инфарктом.

Сижу на краю ванны, стоять почти не могу, вдруг телефонный звонок! Вспомнил, что трубка в спальне. Добрался до кровати и кулем свалился на неё. А трубка еще в метре от меня и продолжает взывать. Тянусь и думаю: вдруг это какой-то пустячок, который не стоит таких усилий? Но нет – звонит Раиса из Москвы.

8 декабря. Лена продолжает очень заботливо за мной ухаживать. У нас разногласия: Она за то, чтобы я больше лежал, а я хочу ходить. Ходить не потому, что приятно волочить свой организм в пространстве, а потому, что надо. Завтра на эту тему будет разговор с невропатологом – Лена вызвала его.

Врач «успокоил» тем, что 40% таких больных, как я, так и остаются привязанными к постели. У меня динамика хорошая, и я скоро стану на ноги, но спешить не следует.

Сделал Лене заявку на чистку овощей. А сможешь? Смогу! Тогда, может, и мясо помелишь? С удовольствием! Хватит бездельничать! За работу, товарищи!

Но нет добра без худа. Из-за сосудорасширяющих лекарств, которыми кормили меня при лечении инсульта, стало хуже работать сердце. Это определил врач-кардиолог Олег Шевнин. Теперь уже он меня лечит.

35. ПЕРВЫЙ УСПЕХ

В «Крымской правде» объявлен конкурс на тему: «Родина, которую мы потеряли». Люди откликнулись. Из номера в номер печатают их доверчивые размышления на заданную тему. Себе попробовать? Подумал и написал, что пришло на тот момент в голову.

Вот этот материал в натуре.

« ПО КОЧКАМ ПАМЯТИ

Получилось так, что я не смог своевременно узнать результат футбольного матча «Россия-Уэльс» поэтому дольше обычного волновался, но когда узнал о победе россиян, все окупилось давно не испытываемым блаженством. Испытал и задумался: почему я, живущий уже много лет на Украине, все еще не чувствую себя сыном этой страны?

В 1952 году я демобилизовался из армии и, имея хорошие предложения в России, пренебрег ими и вернулся на родину, в Крым. Знать бы, что через два года он будет отдан Украине, не сделал бы этого, а так... Читаю вывески: «Перукарня», «Лазня» и кипит все внутри. Появилась даже крамольная мысль, что и после Сталина, которого в то время костерили на чем свет стоит, мало что изменилось. Нами по-прежнему управляют чиновники, уверенные в своей непогрешимости, для кого, все, что идет вразрез с их мировоззрением – исторический мусор, а что не соответствует их ощущениям – не имеет места быть.

Прошло время, и издыхающая система нанесла людям свой последний удар. Как шкодливые школяры, скучковались в укромном уголке упоенные властью нечестивцы, задымили сигаретами, пустили по кругу бутылку водки и в пьяном угаре, представившись радетелями народными, стали править каждый в своей вотчине.

А что Украина? Сменивший беловежского сидельца президент, несмотря на обещания, не смог изменить ранее взятый курс на галицинизацию страны. Создается впечатление, что и он не нашел для обретенной по случаю независимости другого ей применения. И стала галицинизация страны – единственным «достижением» властей за годы суверенности. В остальном полный провал, характеризующийся тем, что процветающая ранее УССР, уровень жизни которой был одним из самых высоких в СССР, сейчас по доходам на душу населения опустилась вровень с африканскими странами, и бывшая житница СССР не может обеспечить себя даже хлебом.

Я не хотел бы все сводить только к тому, что раньше жилось легче, сытнее, безопаснее. Разве не было бы тоски по утраченной России, если бы нынешняя Украина и смогла бы обеспечить эти блага? Я преднамеренно не говорю «про СССР», ибо лично у меня по нему нет печали, а есть неизбывная скорбь по утраченной Родине – России, которая в какой-то короткий период своей истории и называлась СССР.

Возможно, у психологов нашелся бы диагноз тому явлению, когда человек болеет за футбольную команду чужой, а не своей страны, но, как видно, у них появится и другой, более серьезный повод для подобных изысканий. О нем совсем недавно поведал министр обороны. Он заявил, что мало кто в украинской армии «может себе представить, что будет воевать с Россией». Неужели прозрели, неужели стали понимать, что правительство, остающееся бесстрастным по отношению к народным устремлениям, рискует стать предметом всеобщего возмущения?

Независимо от того хочется верить, что в силу исторической справедливости единокровные и единовверные народы восстановят поправное единство и счастливо заживут в общей колыбели, имя которой – Россия!»

Газета напечатала мою работу, и она влилась в общую массу конкурсных надежд. Будем ждать решения жюри.

Перечитываю этот опус и чувствую, что его вопль и сегодня (12.09.2013 г.) к месту. Но не будем о грустном.

«Крымская правда» публикует результаты конкурса. Я побеждаю в своей возрастной группе. 24 февраля следует приехать за призом.

И вот я в редакции уважаемой газеты, приветливые лица, обаятельный Михаил Алексеевич Бахарев, главный редактор.

Для вручения призов собрались за длинным столом. Появляется знаменитый крымчанин – Леонид Иванович Грач. Он, видимо, инициатор конкурса. Зачитывают итоги, говорят добрые слова. Кто хочет выступить? Я хочу!

В тот период в газете была опубликована статья на татарскую тему. Читая её, я плевался. Поэтому и не смог выступить. Моя горячая речь не вызвала удивления у работников редакции, наоборот, Бахарев тут же сказал:

- Мы думаем так же как вы, Александр Николаевич.

В качестве приза мне вручили хороший телевизор (он до сих пор работает), потом обмывали призы шампанским, но я пил минералку. Бахарев спросил:

- Вы вино не пьёте. Может водку?

Я сказал, что свою бочку уже давно выпил, поэтому довольствуюсь водичкой.

Ребята в черных костюмах и при галстуках, по команде Грача, отнесли мой приз в машину. Стоим в коридоре, разговариваем. Вдруг Грач говорит Бахареву:

- Скажи, Михаил Алексеевич, а что если мы предложим Александру Николаевичу возглавить евпаторийское отделение общества имени Богдана Хмельницкого?

- Что ж это идея.

У меня не было желания заниматься политикой. Поэтому, сославшись на преклонные годы и здоровье, отказался.

36. ЛЕВ ЛИНИЧЕНКО И ДРУГИЕ

3 марта «ЕЗ» опубликовала очередной «шедевр» Льва Линиченко с длинным названием: «Не всё зависит от медиков ...». В нём он сугубо предвзято излагает мой с ним разговор о состоянии городской медицины. Я же упрекал Линиченко в написании излишне пафосной статьи «Живи долго, сердечник!» В ней больного сразу же по доставке в больницу, не спросив о его финансовых возможностях, кладут под капельницу. Тогда как в жизни иначе: есть деньги – будем лечить, нет денег – свободен!

Вот строки из его последней статьи. Начало встречи: «В редакцию зашел мой старый знакомый – инвалид А. Стома». Конец встречи: «Со словами: «Все вы такие умные» он ушел из редакции». Между «пришел» и «ушел» происходит та дискуссия, где поверженный инвалид А. Стома, расставаясь со своим умным старым знакомым, бросает ту пресловутую фразу.

Я тут же написал язвительный ответ. Вопрос: Мельников опубликует его? Ведь ранее его уже упрекали за публикацию моей реплики на статью Теслева (об этом я упоминал).

Мельников готов опубликовать, но Лениченко доказывает, что именно такой диалог, как он описал, у нас и был, и обижаться, мол, нечего. Илья Борисович предложил прийти в понедельник на планерку и на ней разобраться: тупак Стома или нет.

Планерка. У Лёвы появился свидетель, завхоз редакции, который может подтвердить: именно такой диалог, что приведен в газете, и состоялся между нами. Я хорошо помню, что, кроме нас двоих, в кабинете никого не было.

Мельников спрашивает свидетеля:

-Вы подтверждаете, то, что всё так и было, как написал Лев Григорьевич?

Завхоз подтверждает. Теперь я обращаюсь к свидетелю:

- Коль вы утверждаете, что слышали наш разговор, скажите, о чём он был и повторите концовку, как она вам запомнилась.

Свидетель мнётся. Ну?

- Не помню, - отвечает он и вместе с Лёвой садится в лужу.

Признав Лёвины ошибки, общественность пытается нас помирить. Лёв Григорьевич восклицает: «Я не подам ему руки!» «Извини, Лёва, но я тот пасквиль не мог оставить без внимания». Собрание не поддержало публикацию моего материала. Их можно понять, и я соглашаюсь с ними.

Мельников подошел ко мне и стал обсуждать мою новую статью. В конце сказал:

- Этот спор многим пойдёт на пользу. Будут думать, прежде чем писать всякую ерунду.

Когда я писал о своей работе на авиаремонтном заводе (в/ч 42894), то не упомянул об Эммануиле Ноевиче Кизельштейне. В то время он был начальником планового отдела. Мы хорошо понимали друг друга, поэтому у меня никогда не было с ним трений. Он звал меня Сашей, я его Ноевичем. Потом мы встретились с ним на «Вымпеле». Он, кстати, был влюблён в мою будущую жену Елену. Он как-то сказал мне:

- Если бы не ты стоял на моём пути, то другого я раздавил бы, как мышку!

Потом он уехал к сыну в США. Незадолго до его отъезда, он позвонил, и мы встретились. Он подарил мне книгу о еврейском календаре.

Мой очерк «Евпаторийская трикотажка» вызвал интерес, в том числе и у Кизельштейнов. Дело в том, что первым директором фабрики был их отец. Младший брат Эммануила Владимир сообщил ему об этом, и Ноевич позвонил мне из Бостона (США) и попросил выслать ему очерк. Я отослал ему рукопись «Очерки Евпатории».

Отношения с Кизельштейнами продолжилось через Владимира. Он рассказал о своем среднем брате Григории. История этого парня заинтересовала меня и вылилась в очерк, который я назвал: «Упрямый Кольцов и вредный Моня». В нём есть интересные подробности об Эммануиле-Моне.

А 16 августа опять позвонил Эммануил из Бостона. Еще раз поблагодарил за очерки. Первым же очерком «Манят тайны веков» просто восхищался. Просил всё, что у меня появится нового высылать ему.

Приснилось мне, что я нахожусь в какой-то яме. Со мной любимая собачка Ника. Я с трудом вылез на поверхность и пошел, забыв о Нике. Вдруг слышу зов: «Шурка». Оглядываюсь, а это Ника зовет меня. Её мордочка выглядывает из-за края ямы.

Для меня удивительным было имя «Шурка». Так меня звали в далёком детстве. Откуда взялось это имя сейчас? Спрашиваю об этом у Лены. Та смеётся: «Спроси у Ники».

37. «ОЧЕРКИ ...» КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Ноябрь 2004 года. Время так называемых выборов. Уже ясно, куда идет Украина. Туда ей и дорога.

Проходящий год (2004) был не так уж плох, хотя издать ничего не удалось. Наладились хорошие отношения с «ЕЗ». Мельников меня охотно печатает. Даже большой очерк о Володе Стальбовском дал в декабре. В газете чуть-чуть платят, и мне этого хватает на обслуживание компьютера, не надо отрывать деньги от скудного домашнего бюджета.

Нельзя забывать и то, что в этом году получил приз от газеты «Крымская правда». Старенький «Фотон» не чета новому корейцу.

А ещё написал книжицу-пособие «Как стать писателем». Мельников прочел её, согласился с изложенными там установками и поинтересовался как у меня возникла мысль написать такое. Был творческий простой, вот и воспользовался им.

Здоровье как в той песне о погоде: полгода плохая, а другие полгода вообще никуда. Хорошо только то, что не повторилась та бяка, что случилась в прошлом году после визита к Лоевскому.

2005 год, 17 марта – мой день рождения. 78 лет. Лена нашла возможность выделить из нашего бюджета денег на издание книги «Очерки Евпатории». Учитывая наши непомерные затраты на лечение и лекарства, представляю, что это ей стоило.

Кто-то может задаться вопросом: «Почему не муж, а жена принимает финансовые решения?» Понимая его обоснованность, попытаюсь пояснить.

Можно было бы отделаться одной фразой: «Таков обычай в моей семье», но я, из уважения к читателю, предложу более пространственный ответ.

Мне было 15 лет, когда я получил свою первую зарплату. Я её, как и последующие, отдал маме. Потом армия. В военной школе ставка 8 рублей в месяц, да и ту конвертировали в облигации. Ставка у старшего моториста - 17 руб. 50 коп. И такое до 25-летнего возраста. В последний год службы нам установили ставку сверхсрочника: где-то 600 рублей. За весь год купил себе только куртку, которую еще долго носил в гражданке.

Где остальные деньги? Не помню. Нас, получающих такую сумму, на всю эскадрилью было менее 10 человек. Вот и расходились эти рублики направо и налево.

Работаю в гражданке. Все деньги, как и раньше, отдаю маме. Мелочь на папиросы оставляю.

Женился. Все деньги отдаю жене. У меня нет привычки и желания ими распоряжаться, я не умею раскладывать их по статьям расхода. Всё это делала Полина. Вы помните историю с пачкой денег в бельевом шкафу? Даже после этого случая я не изменил установившегося порядка.

Кто-то спросит: «А мелкие расходы?» Я, работая на заводах, часто получал премии. Мне их хватало.

Развод и снова женитьба. Все деньги у Елены. Она, независимо от финансового достатка, умело ведёт хозяйство. За многие годы совместной жизни, у меня не было повода разочароваться в ней. Она чутко реагирует на малейшие нюансы моего настроения. Это позволяет ей разумно и своевременно на них реагировать. Что ещё нужно мужу, который никогда не купался в золоте и не имеет привычки ужинать в ресторанах?

Сразу, после свалившихся с неба гривен, я принялся копаться в очерках, собирать их в книгу. Когда разложил всё это перед собой, то понял – нет худа без добра. Спасибо Нестеренко за то, что отказал мне когда-то в помощи. В новом составе книга будет куда интереснее и насыщенной.

В апреле сдаю дискету с очерками в типографию «Крымский Афон» и узнаю, что корректорская услуга у них не предусмотрена. Придется светить своей малограмотностью и невнимательностью. Заказ, тираж 100 экземпляров обошелся в 680 гривен.

Уже в мае был в «ЕЗ», раздавал «Очерки Евпатории». Они разошлись, как горячие пирожки. Света Новикова к месту рассказала хохму, но прежде, для ясности, пару слов о другом.

Сразу после тех позорных трёхраундных выборов президента самостийной державы, евпаторийская «Пора» (гадкое националистическое сообщество штурмовиков Ющенко) напустилась на Ведмецкую, заведующую гороно со всякими дурацкими требованиями. «ЕЗ» дала несколько материалов по этому поводу.

Теперь о хохме. Света разговорилась как-то с киоскершей «Союзпечать», что возле Центрального универмага.

Зная Новикову, как сотрудника «ЕЗ», она выразила недовольство тем, что газета плохо защищала Ведмецкую от «Поры». Света с ней не согласилась.

Киоскёрша, как пример боевитости называет фамилию Марка Пурима, который писал раньше под псевдонимом Кристиан Агатов.

- Я до сих пор его с удовольствием читаю, - говорит киоскер.

- И что же вы из него читаете?

- Как что? – удивилась та. - Статьи, которые он пишет в «ЕЗ».

- Что-то не припомню, чтобы Агатов писал в нашей газете, - усомнилась Света.

- Удивляюсь, что вы так говорите! Ведь он и сейчас пишет, но под псевдонимом Александр Стома!

38. ДЕПУТАТ В ТУМАНЕ

5 июня. Сегодня взял у Леонида Григорьевича Пахомова из ремонта свой радиоприемник «ВЭФ». Предыстория такова.

Леонид Григорьевич был героем моего очерка «Цена реального времени». Я подарил ему книгу с этим очерком, чем обрадовал старого солдата. Он не знал, как меня отблагодарить. Даже деньги предлагал. Исчерпав запас всевозможных вариантов благодарности, выдвинул последний:

- Дайте, я вам что-нибудь отремонтирую!

Пахомов с детства был радиолюбителем, а потом стал лучшим в городе механиком по ремонту радиоаппаратуры.

Я сразу ответил, что мне ничего не нужно ремонтировать. Вижу, как огорчился мой герой. И тут вспомнил, что где-то был старенький «ВЭФ», который не выкинул только потому, что он давно не попадался мне на глаза.

И вот теперь сижу и слушаю симфонию на тему ремонта радиоприемника. Леонид Григорьевич с чувством рассказывает, какими недостатками страдало это чудо советской радиотехники. Оказывается, и о таких прозаических вещах можно говорить возвышенно.

Это была наша последняя встреча с этим замечательным человеком. Как-то позвонил ему по телефону и услышал бессвязное бормотание. Человек что-то хотел сказать, но не мог. Я с большим сожалением положил трубку. А хотел обрадовать Леонида Григорьевича тем, что он станет героем моей новой книги «Сквозь мутные стёкла времени». Не получилось.

В ночь с 18 на 19 июня разыгралась ужасная гроза. В 00 часов я отложил книгу, которую читал, вынул вилки из розеток, потушил свет и сижу, прикрыв глаза. Молния, не хуже электросварки бесновалась в комнате, веки не были ей преградой. Но это не так страшно, как неистовый трескучий гром, рвущий тишину в клочья. Где его привычно-ворчливое громохание?

Пришла Лена. Сидим рядком, слушаем. А гроза, словно распоясавшийся разбойник, неиствует прямо в комнате - стены ей не преграда!

Но вот по стеклам захлестал дождь. Гроза тут же стихла, словно утонула в нём.

7 июля в «ЕЗ» поместила мою статью «Исповедь атеиста». К теме уважения православной церкви, как таковой, я давно подбирался, но ничего не получалось. А тут сел и сразу написал.

Через пару дней звонит Илья Борисович и сообщает, что священник Ильинской церкви о. Георгий прислал в редакцию благодарственное письмо по поводу этой статьи. Зачитал его. Спасибо на добром слове о. Георгий!

Читаю в еженедельнике «Крымское обозрение» интервью с В.К. Населенко под заголовком «Революционный держите шаг!» Решил отреагировать на непомерные амбиции этого человека. Видите ли, он метит в мэры Евпатории!

Больше недели мучился... Несу в «ЕЗ». Илья Борисович прочитал и согласился с моими выводами по тому интервью, но тут же всплыл повод не печатать их в «ЕЗ»: неэтично как-то давать отзыв на материал, который был опубликован в другой газете. Так и осела эта статья в моём дневнике. Считаю возможным привести ее целиком в этой книге.

ДЕПУТАТ В ТУМАНЕ

Назовите мне страну или деревню, где не было бы проблем, заодно подскажите место где не жульничают и не воруют. Может быть такое и было когда-то, но не в наши просвещенные времена. Не исключение и Евпатория. Об этом и рассказывает В.К. Населенко, депутат городского совета в интервью, опубликованном в одной из крымских газет под лозунгом «Революционный держите шаг».

Но не криминальные эпизоды привлекли меня в этом интервью, по телевизору и не такое показывают. Мне стали интересны многочисленные умолчания Владимира Кирилловича на фоне будущих выборов Головы городской громады (мэра).

Но прежде поинтересуемся на чьи же баррикады он держит тот самый революционный шаг.

Населенко, по его словам, один из первых в Евпатории поддержал кандидата в президенты Украины В. Ющенко. Поддержал и ладно, тем более по результатам голосования это не было заметно. Но вы не знаете во что обошелся ему этот выбор!

Против него тут же вздыбился пресловутый админресурс. Кроме этого: «Мне приходилось преодолевать сильнейшее противостояние, как со стороны депутатского корпуса, так и со стороны своих избирателей». Ему поджигают машину, угрожают по телефону.

Так ради каких идеалов мучился бедный страдалец? Нет, не идеями он был ведом, а чутьём. Оно у него проявилось сразу же после первого тура выборов. Вот тогда взял след и не ошибся: «Но я не поддался на провокации, потому что твёрдо верил в победу Ющенко».

Итак, интуиция не подвела. Появились надежды, открылись возможности, обострилось внимание общественности. У людей с улицы интервью не берут. Тех только опрашивают. Теперь коллеги-депутаты и избиратели могут сопеть в тряпочку и покорно слушать его изречения.

Послушаем и мы, куда деваться: «В Киеве перемены заметны. У нас же пока не ощущаем». Ох это «пока»! Какая масса оттенков у этого короткого слова. Или «мы». От чьего имени говорит наш герой? Или это привычка бывшего партийного ватажка говорить от имени народа?

Но не будем отвлекаться – упоминание Киева настраивает на серьёзный лад, тем более Населенко задают интересный вопрос: «Вы желаете, чтобы власть сменилась и в Евпатории, как она меняется повсеместно?» Ждете прямого ответа? Где вы видели, чтобы большой политик не окутывал себя клубами словесного тумана? Так и тут: «Нет, я не это хочу сказать, а то, как в целом по стране, назрела настоятельная необходимость, чтобы в исполнительную власть пришли достойные люди».

Из ответа понятно, что от Населенко ничего не зависит, над ним и над нами всеми довлеет настоятельная необходимость, против которой, как против грозного лома, нет приёма. Вот такая предопределённость нам уготована. Достойные, где вы?

Нужно отметить, что в лоб он не критикует нынешнего мэра А.П. Даниленко. Все городские беды и недостатки он списывает на исполком и на неразумных заместителей. Хотя куснуть получается. Вот пример: «Сейчас решение вопросов он передоверяет своим заместителям. Он, видимо, устал от проблем, да и здоровье стало подводить».

Итак, мы заметили, что Населенко в открытую не осуждает работу Даниленко, хотя в этой области более или менее разбирается, но не стесняется оценивать то в чём он полный профан – здоровье человека. Почему? Да потому, что деловой авторитет нынешнего мэра трудно пошатнуть. Что остаётся? Здоровье конкурента. Здесь – простор для измышлений. Знакомая ситуация: есть громадное желание избавиться от человека. И мирно «уходят» по состоянию здоровья.

Есть и такой вопрос: «Поддержит ли Владимир Кириллович Андрея Петровича, если тот выставит свою кандидатуру?» Вот ответ: «Я не буду пока прямо говорить на эту тему. Это вопрос ответственный».

Прислушайтесь: «Я не буду пока...» и далее: «...вопрос ответственный». Как вам манипуляции? Какой тайный умысел заставил неистового буревестника исполнить не свойственную ему роль робкого школяра? Это уже не туман, а прямо дымовая завеса.

Опустим ряд вопросов/ответов и остановимся вот на этом: «Вы сами пойдёте на выборы?» Воочию вижу, как потупился взор Кириллыча и слышу проникновенный голос: «Скорее всего сделаю попытку. Может быть, это моя лебединая песня! – но тут подбородок вздергивается, глаза светлеют: - Здоровье, слава Богу, позволяет, опыт работы есть и немалый. К тому же рядом со мной семь десятков проверенных соратников (...), а также десятки активистов Союза предпринимателей. У нас колоссальный опыт проведения избирательной компании (...))»

В ответе чувствуется волнение и не удивительно, ведь это без всяких «может быть» и есть лебединая песня нашего героя. Кто не знает смысла этого красивого символа? Он означает значительное событие, последнее его проявление. А тут и гвардия припасена в количестве семидесяти душ и не считанные десятки из Союза предпринимателей.

Возможно, я зря тревожусь, но недавние события, не только где-то, но и в Евпатории, не оставляют места для благодушия. Ведь для меня наш город не просто место пребывания, поэтому тягостно думать, что не в добрый час взрвёт толпа и исторгнет из чрева своего чудище себе подобное.

Стараюсь думать, что так не будет, но не получается, а тут еще приспело интервью с призывом держать революционный шаг.

04.07.05

39. АЛИФЕ - ХАНУМ

15 октября в «ЕЗ» появилось объявление о том, что в текие состоится собрание по теме «Крымские ханы» и к тому приписка: «Крымских дворян просим удостоить данное собрание своим присутствием».

Хотя не отношусь к дворянскому сословию, решил посетить уважаемое собрание, ибо подумал, что оно будет интересным. На всякий случай взял с собой пару книжек «Очерки Евпатории».

Давно не был в текие. Новые добротные ворота. Переступаю порог и вижу справа белую стену украшенную арабскими вязями. Здесь же раковина с водопроводной водой. Позже узнаю, что на эти удовольствия турки выделили 25 тысяч долларов.

Хозяйка текие, Алифе-ханум, протянув приветственно руки подошла ко мне. Мило поздоровались. Ханум повела меня в дом.

В одной из комнат чаепитие. За длинным столом сидят женщины-дворянки. Так представила их Алифе-ханум. Только одну из них узнал. Её звали Зина, и знаком был с ней еще по артели «Стахановец». В то время татар в Крым на пушечный выстрел не пускали. А тут еще и дворянка.

Я от чая отказался, а Алифе тут же начала меня превозносить, как какую-то знаменитость. Я тронул её за рукав и, показывая на дверь, сказал: «Вас там спрашивают». Так и прервал её славословие.

Алифе пошла встречать делегацию крымских юристов (экскурсия), а меня передала в попечение молодой женщине с прекрасными глазами лани. Её звали Эльвира. Она повела меня к стенду, где в рамках выставлены различные документы. Древностью от них не веяло, поэтому большого интереса не представляли. Эльвира, сняв с гвоздика одну из рамок, сказала мне, что эта бумага доказывает дворянское происхождение Алифе Яшлавской. Да поможет ей Аллах!

Затем мы спустились во двор. Там Алифе-ханум, окруженная экскурсантами, рассказывала историю текие. Эльвира сообщила мне, что работает в Комитете по делам депортированных народов.

Я начал понимать, что объявленные «крымские ханы» и рядом не стояли в данном мероприятии. Алифе, закончив лекцию, пригласила юристов пройти в купольный зал текие. Пошли туда и мы с Эльвирой.

У северной стены скамейки, посередине зала разостлан большой ковёр, по стенам развешаны какие-то пейзажи. Их плохо видно из-за слабого света, едва пробивающегося через верхние окна.

Из одной из многочисленных келий раздался тихий арабский мотив. В зал вошла Алифе и снова начала что-то рассказывать. Я её слышал, но не понимал её речи. Не знаю что причиной тому дефект моего слуха или неважная акустика зала, но определенно мешала музыка. Она рядом, со стороны моего правого уха. Выключить? Но в чужой монастырь...

Алифе умолкла и отошла в сторону. Из келий плавной походкой вышли два парня. Одеты как дервиши: черные халаты, на головах высокие войлочные колпаки, ноги босы.

Один из них затянул длинную и заунывную молитву. Он из раза в раз повторял её. Я догадался, что произносится фатиха (так называется первая сура Корана). Я с волнением вслушивался в звучание молитвы, о которой не раз писал в трилогии, но никогда не слышал её в произношении мусульманина.

Затем парни начали танцевать. В основном вращение вокруг своей оси. Когда-то читал о неистовых танцах дервишей, но этот танец исполнялся в умеренном темпе. На ковер вышла и Алифе-ханум. Плавное движение по ковру и те же вращения. Музыка смолкла – танец закончился. Впечатляющее зрелище. Мне нужно было уходить, а ханум была занята с юристами. До ворот меня провожала Эльвира. Я подарил ей и Алифе «Очерки Евпатории».

40. СЕМЬЯ ЛУХНЕВЫХ

Как-то позвонил И.Б. Мельников и говорит, что со мной хочет познакомиться Татьяна Николаевна Колпакова. У неё что-то есть о Евпаторийском десанте.

Созвонились. Татьяна Николаевна – учитель русского языка. Приятно было слышать хорошо поставленный голос и правильную русскую речь. У неё дядя, проживающий в Харькове, что-то знает о десанте. Договорились, что она мне позвонит когда получит от него нужные нам сведения.

Мы встретились в редакции «ЕЗ». Я пришел за 15 минут до назначенного срока, чтобы перекинуться несколькими словами Л. Г. Линиченко, но тут же у входной двери меня перехватила незнакомая женщина.

- Вы Стома? А я Колпакова.

Позже Татьяна Николаевна рассказала, что до нашей встречи мимо неё прошли десяток мужчин, и она никого не остановила. Остановила только меня, и попала в десятку.

Она зачитала мне дядино письмо. Как часто бывает, память, возвращая нас к пережитому и выстраданному, заполняется привнесенным со стороны историческим мусором, который мы принимаем за собственные мысли. Дядины воспоминания мне такими и показались.

Но встреча продолжалась, и я узнаю, что Татьяна Николаевна, да и дядя – прямые потомки Лухнева, о котором я упомянул в очерке «Свидетельство неизвестного», зная только фамилию жертвы фашизма. Именно это упоминание и послужило толчком интереса Лухневых ко мне. У меня же появилась возможность узнать о том человеке значительно больше.

Встречи продолжались, в результате я написал очерк «Вдогонку за памятью», где излагается трагическая судьба семьи Лухневых. Основой очерка послужили воспоминания детей Н.Д. Лухнева Коли и Саши и его жены, их мамы.

Выпишу из этого очерка часть письма-воспоминания Николая Николаевича Лухнева с его детским, но дорогим мне стихотворением.

«А еще у меня был карандаш и старый чей-то школьный дневник. Я тогда уже мог немного писать, что ни говори, закончил первый класс 13-й начальной школы. Так вот, когда становилось муторно, а это было чаще всего в отсутствии дома мамы, я, чтобы не плакать, писал стихи. Вот одно из них:

Часов 12 ночи, у печки. 1943 год.

Вдвоём с братом, прижавшись. В ночи,

Между немцев прорвалась гармонь.

Придёт мама?! И наши в Керчи!

Нам с братом, считаем – пятнадцать.

Ночь есть ночь и в углах темнота.

Чуть тлеет, мигает коптилка одна.

Где мама? Так нужно дождаться!»

Вдумайтесь. Два мальчика, которым на двоих пятнадцать лет, не ссорятся, не суетятся, что свойственно их возрасту, а сидят, прильнув друг к другу. В тоске ждут маму. В темных углах, колыша огонёк коптилки, гуляет ветер. Где-то слышится гармонь. Это немцы забавляются, но наши в Керчи! Маленький поэт верит в нашу победу, но сейчас ему всего нужнее мама.

Воспоминания семьи Лухневых были использованы мною и в романе «Сквозь мутные стёкла времени». Здесь уже сам Николай Дмитриевич герой связанных с десантом трагических событий.

Татьяна Николаевна прочитала в рукописи мою книгу «Из жизни Поспелова». Ей, как бывшему работнику горкома комсомола, были знакомы и интересны перипетии данного романа.

Попутно она, как учитель русского языка, не могла не исправить допущенные мною грамматические ошибки.

Последний месяц 2005 года прошел под знаком конфликта России и Украины по поводу газа. А тут и холода подоспели. Если 20 января весь день шел дождь и температура воздуха была +9 градусов, то на следующее утро за окном уже -13 гр. В квартире пока +21. «Крымская правда» сообщает: «В связи с установившимися холодами, давление газа в системе уменьшилось». Нет бы наоборот.

26 января несколько потеплела с -21 гр. температура воздуха поднялась до -12 гр. В квартире +11 гр. На батарее можно свободно сидеть.

Хватит о зиме. О весне вообще писать не хочется. В этот период года я плоховато себя чувствую.

Дни проходят в суете: одну за другой перечитываю книги трилогии «Крымский казан» и всякий раз вижу огрехи. Ох, сколько их! Знаю, что осталось не меньше. Но это потом, сейчас на эти тексты смотреть не могу. А пока напишу что-нибудь в «ЕЗ».

41. ИЛЬЯ МЕЛЬНИКОВ

В июне 2006 года в «Евпаторийской здравнице» смена власти. Как мне казалось, к руководству стремился Юрий Константинович Теслев, но досталось оно Нине Борисовне Щербаковой. На сессии горсовета её утвердили редактором газеты.

Илье Борисовичу Мельникову дали грамоту и поблагодарили за многолетний и плодотворный труд. Могли бы и расщедриться.

Еще 25 мая Илья Борисович позвонил мне и рассказал, как происходили выборы нового редактора, и как он решился отойти от дел. Как я понял, на этом настояла его жена. Я спросил: «Как же вы, оставшись не у дел, будете себя чувствовать, ведь вы не просто работали, вы отдавались работе?» Он отвечает: «Вот видите, вы меня поняли, а жена нет». «В таком случае, - говорю я, - остаётся заняться творчеством». Слышу в трубке смешок и за ним ответ: «Кому оно нужно наше творчество без денег?»

Я не могу на этом вот так остановиться и больше ничего не сказать об этом замечательном человеке. В городе он известная и уважаемая многими личность. Но для меня он еще и значимый в моей жизни человек. Илья Борисович, прочитав как-то подборку моих первых рассказов, освятил меня на литературный труд, поместив один из них в своей газете.

Это много позже, когда стал часто печататься, то мог спокойно воспринимать вид своих публикаций, но тогда я был потрясён, увидев свой рассказ в типографском наборе. Я буду век благодарен Илье Борисовичу за получение такого ощущения, как вера в свои способности.

В последующие годы наши отношения строились в связке:

автор – редактор. И скажу откровенно: из редакторов, с которыми приходилось работать, единственно Илья Борисович был очень заботлив к тексту автора. Несколько раз он звонил мне домой и спрашивал мнение по тем или другим исправлениям моего текста. Такое внимание к автору многого стоит. Другие редакторы, черкая, зачастую губят авторскую мысль, превращая её в бессмыслицу.

И уже в 2012 году узнаю, что Илья Борисович издал книгу своих воспоминаний. Мне очень захотелось её приобрести и прочитать. Звоню ему домой. Договариваемся о встрече, но моя болезнь помешала ей состояться. Только 29 января 2013 года мы встретились.

Чтобы не мудрить, приведу дневниковую запись о ней.

«Наконец-то вырвался к И. Мельникову. Встреча была тёплой. Вообще Илья Борисович очень обаятельный человек. Подстать ему и его жена Светлана. Хорошо поговорили.

И.Б. рассказывал мне о неизвестных мне доселе эпизодах из его жизни. Например, я обратил внимание на обложку его книги, где он изображен рядом с самолётом «Ан-2». Оказывается, он имел непосредственное отношение к авиации. Тут и Светлана сообщила, что её отец был лётчиком. Я пошутил: «Может у вас на балконе и самолёт имеется?»

Уже в прихожей, Светлана, словно моя Елена, ухаживала за мной: поправляла шарфик, даже завязала шнурок, с которым я не смог сразу справиться. И.Б., даря мне свою книгу «О родных, о времени, о друзьях», сделал очень интересную надпись.

С увлечением прочитал воспоминания Ильи Борисовича. В ней он вышел из-за редакторского стола и предстал передо мною и наивным ребёнком, подвергнувшимся недетским испытаниям, и романтическим юношей, осваивающим военную профессию. Стремление к знаниям совместилось с его литературными способностями, и он стал журналистом, а там и редактором.

Любовь и уважение автора к своим близким и желание рассказать о них как можно больше несколько перенасытило текст книги. Ну что ж, это еще раз свидетельствует о бескорыстной доброте автора воспоминаний, о его безмерной благодарности людям, сопутствующим ему по жизни.

42. В РЕДАКЦИИ «ЕЗ»

06.06.06. – эти цифры смакуют, вспоминая библейское число зверя 666. Мне как атеисту всё это до лампочки, поэтому спокойно направляюсь в редакцию «ЕЗ», чтобы встретиться с новым редактором Ниной Борисовной Щербаковой, поздравить её и передать свою статью.

Застал Нину Борисовну не в кабинете редактора, а на её старом месте, где она сидит рядом с Лёвой Линиченко и завхозом редакции. Поздравляю и тут же удивляюсь.

Новый редактор заверяет, что не перейдёт на место редактора до тех пор, пока Мельников не представит документы об аренде помещения и акт инвентаризации имущества. А что Илья Борисович? Разводит руками и говорит, что от Куклева ничего не принимал.

Линиченко показывает мне список имущества на одной странице. Он тычет пальцем в одну из строчек и спрашивает меня: «Ты скажи мне, зачем Теслеву объектив к фотоаппарату за 1200 гривен?» Я смотрю в сторону завхоза, но тот сидит, как истукан. Это же его проблемы, а не Линиченко.

Нина Борисовна прочитала мою статью и сказала, что подпишется под каждым словом, но... Такое заверение я уже не раз слышал от Ильи Борисовича и знаю чем это кончается.

Я плохо помню содержание той статьи, но мотив для её написания в памяти сохранился. В пасхальные дни апреля я услышал в трамвае разговор двух женщин. Речь шла об освящении пасок на мемориале «Красная горка».

На следующий день читаю в «ЕЗ» обращение священника церкви им. Св. Ильи. Смысл его в том, что освящением на Красной горке будут заниматься отступники из Киевского патриархата, поэтому их действия являются незаконными.

На этой основе я что-то и написал. Нина Борисовна пообещала посоветоваться А.П. Даниленко и тогда решить судьбу этой статьи, а пока показала мне документы, полученные ею только-только.

Читаю письмо от имени евпаторийско-сакских церковных деятелей Киевского патриархата на полутора страницах - опровержение апрельского обращения священника Ильинской церкви.

Второе письмо от представителя президента Украины в Крыму Геннадия Москаля. Он обвиняет «Евпаторийскую здравницу» в антицерковной и антиукраинской деятельности. Через какой микроскоп он всё это увидел?

Нина Борисовна в некоторой растерянности. Но чем я могу ей помочь? Ведь я, в противоположность ей, лицо безответственное, мне можно всё. «Посоветуйтесь с Даниленко», - говорю я и забираю свою статью. У неё и без моих выкладок забот хватает.

43. В ГНЕВЕ

Как-то выбрался из дому за газетами, а заодно и за овощами. Я в 9-м микрорайоне. Скупился и жду трамвая. Он удачно останавливается дверью передо мной. Пролез по ступенькам в салон первым, но там еще три двери! Все места заняты! Но нет, одно свободно.

Направляюсь к нему, но тут перед самым моим носом на сиденье ставят сумки. Это рядом сидящая молодая женщина их положила. Я молча стою, в надежде на то, что она, увидев старого человека с палочкой, догадается снять сумки. Не тут-то было. Я, закипая гневом, говорю ей:

- Уберите сумки!

- Не видите, занято! – равнодушно, как ребёнку-недоумку поясняет женщина.

Я взревел:

- Убери сумки, я сказал!

Сумки поспешно убраны, и я плюхаюсь на сиденье.

Когда отдышался, стало стыдно. Откуда он взялся этот рык? Ведь со мной никогда подобное не случалось. Стоп! Зачем врать самому себе. Было. Давно, но было.

1990 год. Кооператив «Ударник». Из Ливен приходит машина с грузом. Среди всего прочего должна быть пресс-форма для отливки складных стаканов.

В то время курортники утоляли жажду из автоматов с газированной водой. Вода в достатке, но попить не всем удаётся: не в каждой сумочке завалялся граненный стакан. Складных же стаканов в городе не купишь. Вот мы и стараемся, но пресс-форма подзадержалась, а лето не ждёт.

Руководит выгрузкой Чаплыгин. Он и привёз груз. На машине осталась только одна «железяка», но это явно не то, что я жду. Рабочие подтаскивают её к краю кузова.

- Это что? – спрашиваю Чаплыгина.

Он, явно смущенный, говорит:

- Да это «Новинка» заказала пресс-форму.

«Новинка» - это кооператив, наши соседи по двору.

- А где стакан?

- Видите ли, Александр Николаевич, не успели к отъезду. В следующий заезд обязательно привезём.

- «Новинку», значит, протолкнул, а нас, «видите ли», не смог! Или ты забыл где работаешь!

Эти и другие слова я не говорил, а кричал. На следующий день машина снова ушла в Ливны.

В первых числах октября 06 года позвонил Леонид Терентьев и предложил связаться по телефону с Яковом Абрамовичем Бузиашвили на предмет взятия у него интервью. Сам Лёня из-за плохого зрения не может этого сделать.

Я знал Бузиашвили. Мы с ним работали на авиаремонтном заводе. Он был мастером в ОГМ (отдел главного механика). Наши отношения не часто пересекались. По крайней мере, не помню, чтобы ругались или вместе пили водку.

Слушая Терентьева, понял, что беседа беседой, но Яков Абрамович замахивается на большее. Я сказал, что роман о его жизни писать не буду.

Вечером этого же дня звонок уже от самого Бузиашвили. С места в карьер спрашивает, сколько мне лет. Отделяюсь общими словами, тогда он сообщает, что ему 90, не встаёт с постели (поломал бедрный сустав) и очень плохо видит.

Напоминает, что когда-то мы вместе работали на аэродроме, и он был начальником ОГМ. Я не стал уличать его во лжи. Пусть потешится. Может, человек действительно забыл, кем он тогда работал.

Видимо, Яков Абрамович, учуяв мою кислую реакцию на его воспоминания, прекратил тревожить прошлое и перешел к изложению своих творческих планов. Из его слов можно было

понять, что он и сам мог бы описать свою яркую жизнь, но, к сожалению, плохо видит. Поэтому просит меня подключиться к его проблеме.

Я тут же отказался от этой чести и предложил найти человека, умеющего вообще писать и надиктовать тому свои воспоминания. У меня же на это нет ни времени, ни желания.

Не знаю, на что рассчитывал Бузиашвили. Это у Брежнева с Ельциным были литературные негры, но он же не из их числа. Яков Абрамович, обидевшись, напомнил, что я ему уже второй раз отказываю. Вроде того, что знай, Стома, ты - нехороший человек.

Я не стал уточнять эпизод первого отказа, но, думается, он вспомнил, как просился мастером в цех. Я не удовлетворил его просьбу по причине его природной неповоротливости.

Однажды я слышал как Мельник, настоящий начальник ОГМ, отчитывал Бузиашвили за медлительность. Тот оправдывался, ссылаясь на французскую поговорку: «От самой красивой женщины нельзя ждать большего, чем она сможет дать». Я впервые услышал эту максиму, поэтому и запомнилась та сцена.

44. А ЧТО В «ЕЗ»?

Более трех месяцев прошло с того дня как Мельников сдал бразды правления Щербаковой. Можно сказать, что газета от этой ротации потеряла.

Считалось, что Илья Борисович, не отличаясь решительностью, сглаживал острые углы. Сейчас же видно, каким умным и широко мыслящим редактором он был. При нём газета была разносторонней, хотя и в том состоянии мы, читатели, ухитрялись находить в ней изъяны.

При новом руководстве «ЕЗ» сделала крен в сторону коммунальных проблем. А из области здоровья узнаем о бутулизме, болезни Боткина и т.д. Что ни прочти в газете – всё тишь и гладь. О событии, произошедшем в Евпатории, можно скорее узнать из «Крымской правды», чем из «ЕЗ».

Но я еще столкнулся и с неумелой правкой моих материалов, публикуемых в газете. Я обратился к редактору с личным письмом, но Нина Борисовна решила обнародовать его на редакционной планёрке. Исходя из этого, я считаю возможным поместить его в Приложении к данной книге.

45. ЭДИГЕЙ «РОДИЛСЯ»!

Лена сообщила, что мы поднакопили денег, и я могу издать своего любимого «Эмира Эдигея». Я не стал расспрашивать, как нам это удалось, а сразу связался с издательством «Крымский Афон». Её редактор Геннадий Евгеньевич Васильев вошел в моё положение и согласился на тираж в 50 экземпляров, хотя, как правило, у них минимальный заказ – 100 штук.

Подсчитали стоимость тиража – 1500 гривен. Отсюда одна книга – 30 гривен. Это 2006 год. В 2012 году этот же том обошелся уже в 44, 60 гривен.

29 декабря получаю на руки тираж, затаскиваю его на пятый этаж и задумываюсь: что делать дальше? Что тут думать – раздавать. Тем и занялся, но прежде...

Начал просматривать «Эдигея» в бумажном виде и ужаснулся – в тексте много опечаток. Ведь перед тем как отнести диск в издательство, я книгу перечитал и, что заметил, исправил. Прав Лёня Терентьев, говоривший, что собственный текст трудно исправлять.

Несмотря на то, что эмир надоел мне до чертиков, снова внимательно читаю. Замеченные ошибки исправляю прямо в книге и тут же выписываю их на листик с указанием страницы и номера строчки.

Теперь, перед тем как подарить кому-то эту книгу, я вношу в неё поправки. Не эстетично, некрасиво, но что делать? Лучше так, чем прослыть неучем.

Наступил 2007 год. Купаюсь в лучах славы. Наташа Терентьева публикует в «ЕЗ» заметку: «Эмир Эдигей» родился!» В нем есть такая оценка: «Мне хочется поставить этот исторический захватывающий роман рядом с яркими современными любимыми мной произведениями Жюльетты Бенцони «Марианна, звезда для Наполеона» и «Катрин». Вот так, и не меньше.

В «Обзрении крымских дел» красуется фото обложки книги и неподписанная статья «Роман недели». Особенно понравился плач неизвестного мне автора: «Увы, вместо хоть какого гонорара за многолетний труд, измученный автор был вынужден издать его за собственные кровные, по крупницам собранные из пенсии...» Жаль, но этот, не совсем редкий случай, понимают только те, у кого у самих нет денег.

Люди, которым раздал «ЭЭ», читают и хвалят автора за легкость стиля и занимательность сюжета.

Вот один эпизод из этой серии. Начался он в ноябре 1997 года. Я на приёме у врача-окулиста Заремы Ибрагимовой. Решался вопрос катаракты. Я еще нахожусь под впечатлением заключенного договора с издательством «Букмен». Тронутый добрым отношением ко мне Заремы Ибрагимовны, обещаю подарить ей «ЭЭ» как только его издадут.

Выполнить обещание смог только через 10 лет. И вот звонок от Ибрагимовой. Она сказала, что в их семье была ссора по поводу того, кому раньше читать «ЭЭ». Вот муж прочел книгу и хочет выразить мне благодарность.

Я выслушал много лестных слов. Мне было интересно знакомиться с восприятием книги не журналистом, а инженером. Было замечание по поводу неточной передачи татарской лексики. В остальном он сходил с мнением людей с гуманитарным образованием.

Даже больше. Ибрагимов заметил, что мой литературный стиль напоминает ему Мориса Дрюона. Мнение моего критика в Евпатории один к одному совпало с выводом редактора из «Континента», что в Москве. Уж ясно, что говоря это, они не ставили задачу сделать мне что-то приятное, а передавали своё впечатление, удивительным образом совпавшее.

Что ж, можно было сделать вывод - книга удалась. Теперь задача – собрать всю триаду в кучу, т.е. издать и «Хаджи», и «Менгли».

46. ОЛЬГА КАМИНСКАЯ

Пишу в «ЕЗ» заметку о только что принятом законе о голодоморе. Её публикуют. И вот звонок. Читательница представляется полным именем Ольга Евгеньевна Каминская. Затем узнаю, что я подобными статьями разжигаю вражду между народами. Пытаюсь разъяснить свою позицию, но в ответ слышу пожелание гореть мне в аду!

Второй раз я столкнулся с этим именем после того как Юрий Теслев опубликовал (05.04.07) в «ЕЗ» коварную заметку по поводу решения президента В. Ющенко разогнать Верховную Раду. Мне пришлось прочитать этот текст два раза, чтобы вникнуть в истинную позицию автора. Заметка небольшая, поэтому привожу ее здесь целиком.

«Не знаю, почему все набросились на нашего Президента. Я, например, целиком и полностью поддерживаю решение Ющенко распустить парламент! Поддерживаю и каюсь, что на выборах голосовал против нашего замечательного президента. Надеюсь, что в результате столь мудрого решения произойдет то же самое, чем закончилась политическая свара в 1993 году, когда из-за борьбы за власть Ельцину было не до Крыма.

Да здравствует мудрая политика нашего мудрого Президента!»

11.04.07. было опубликовано разъяснение Ю. Теслева по поводу этой хохмы, где он отмечает, что у «оранжевых» отсутствует чувство юмора. Свидетельство этому – отзыв Ольги Каминской, опубликованный в это же 11 число апреля. Она благодарит редколлегию газеты «в поддержку Указа Президента Украины о досрочном роспуске парламента». И так на два столбца.

В сентябре 2009 года я имел счастье лично встретиться с Ольгой Евгеньевной. До этого был от неё звонок. Она просила продать ей трилогию «Крымский къазан». В магазине, куда я их сдавал для продажи, её уже нет. Не было и у меня. Ольга Евгеньевна думает, что я набиваю себе цену, предлагает большие (относительно) деньги.

В конце концов она просит разрешения отпечатать один экземпляр лично для неё. У неё сосед – директор какой-то типографии, и он согласен отпечатать один экземпляр, если будет рукопись на диске. Я дал согласие.

Вот мы и встретились. Ехал и думал: кто же это пытался меня в ад загнать? Приличная женщина средних лет, очень активная – словами так и сыплет. Напомнил о нашем разговоре. Помнит, но забыла место, куда меня послала. Я напомнил. Попросила прощения.

Я ей передал диск с трилогией. Через некоторое время узнаю, что книги отпечатаны. Приезжаю к Каминской на работу и вижу целых восемь книжек! Типография, в которой ей печатали трилогию, не могла переплести каждый том как они есть. Поэтому пошли на раздробление. Получилось восемь книг общей стоимостью 500 гривен. Так что в Евпатории у Ольги Евгеньевны Каминской есть экземпляр трилогии уникального издания.

47. БОСПОРСКИЕ АГОНЫ

В «ЕЗ» 30.04.07 опубликовано сообщение о литературном конкурсе «Боспорские агоны». Стихи, проза. Тематика широкая, но меня заинтересовала история древних городов. По ней у меня много материалов, но условие конкурса – три страницы.

Выбрал рассказ «Легенда о ваятеле». Он был опубликован в «ЕЗ» и я его включил в книгу «Очерки Евпатории». Беда в том, что рассказ объемом где-то в пять страниц. Нужно сокращать, но что? В нем нет «воды», каждое предложение на своём месте. Скрепя сердце, принялся кромсать.

Пришлось убирать более полутора страниц. Некоторые места мне нравились, но и ими пришлось пожертвовать. Чтобы не нарушать последовательность изложения, пришлось додумывать новые вариации. И в таком усеченном виде отнес рассказ Янине Грошевой. Она библиограф в библиотеке им. Пушкина. Ей было поручено собирать конкурсный материал.

Уже 15 июня позвонил И.Б. Мельников. Он, оказывается, член конкурсной комиссии. Попросил прояснить некоторые вопросы, заведшие комиссию в тупик.

Вопрос: откуда я взял наименование «Рыночные ворота»? Ведь они назывались «Базар-капуси»?

Ответ: по моей теории крепость строили не турки, а греки. Об этом и рассказ. «Базарными» ворота стали в татарскую эпоху.

Кто-то из комиссии заявил, что легенда, опубликованная в «ЕЗ» была интереснее.

Я согласился с этим и объяснил эту метаморфозу вынужденным сокращением текста.

27 июня позвонила Янина Грошева и пригласила на подведение итогов по конкурсу «Боспорские агоны», которое состоится в библиотеке им. Пушкина 1 июля, в 17 часов. Итоги конкурса держатся в большом секрете, и она не может о них что-либо сказать. Да я и не спрашивал.

Мероприятие растянулось на два часа. Сначала комиссия награждала саму себя, потом участников конкурса, которые не вошли в призеры. Вся процедура сопровождалась чтением текстов участников и стихов классиков, вокальными выступлениями.

Наконец дошла очередь и до меня. Я получил приз по номинации проза. После выступала представительница Беларуси. Начала с того, что услышала белорусскую фамилию – Стома. Видно он чем-то связан с Белоруссией. Она смотрела на меня, и я наклонил голову в знак того, что она угадала.

Потом минут 30 отвечал на вопросы двух учительниц по книге «Очерки Евпатории». Подходили участники собрания и поздравляли с успехом. Приехал домой с эмалированным подносом и кружкой. Это награда за «непосильный» труд.

Позвонила женщина, представившаяся Таисией Николаевной. Я её не знал. Она начала с того, что ей на какой-то конференции в Симферополе вручили мою книгу «Взятка для начальника ЖЭКа». Она недоумевает: ведь она никакого отношения к коммунальным службам не имеет. Что я мог ей сказать? Потом она сообщила, что два раза прочла эту книгу, но так и не поняла в каком городе всё это происходит. Я удовлетворил её любопытство.

Встретился с одной поэтессой по её просьбе. Поговорили. Она подарила мне свой сборник с просьбой дать отзыв на него. Я согласился и попросил позвонить через месяц. Разобрал по «косточкам» почти каждое стихотворение. Рецензия получилась на 12 листах. Жду звонка, а его нет. Позвонил сам.

Трубку взял муж поэтессы. По тому, как он начал расхваливать «Эмира Эдигея», я понял, что он выпивший. Прервал его и сказал, что звоню не ему, а его жене.

- Её нет дома, а в чём дело?

- Я написал рецензию на её сборник. Хотелось бы...

- Что там можно рецензировать?!

- Ну почему? - возразил я, - в сборнике есть вполне приличные стихотворения.

- Если есть хорошие стихи, то это только мои! Она дура, поэтому хороших стихов писать не может!

Я не пожелал вникать в их семейные отношения, поэтому прекратил разговор.

Пересказал диалог Лене. Она сказала, что не завидует той женщине. Здесь налицо творческое соперничество, но зачем так унижать жену?

Рецензия долго пролежала у меня, пока я не решился пойти на ненужную мне поэтическую тусовку, и лично вручить свой отзыв поэтессе.

Заметил, что последнее время меня завалили стихотворными сборниками. Понимаю, что это не от желания потешить меня, а в надежде, получить отзыв на их творчество. Наша пресса не словоохотлива на этот счет, но откуда ещё автор может получить оценку своего труда?

Положил перед собой три сборника. Авторы: В. Греков, Т. Дрокина и Ю. Захаренко (по алфавиту). Начал думать. Пришел к мысли сделать сравнительный анализ работы трех авторов. Беру тему, например – осень, и сравниваю, кто как с нею справился.

Различия в подходе к теме вижу, заметно и отличие в её раскрытии. Наиболее лирично, поэтически, всё это выглядит у Дрокиной, но поэтической конкретики больше у Грекова. В статье стараюсь быть лояльным. Говорят, художника может каждый обидеть.

Принёс статью в «ЕЗ». Нина Борисовна очень занята. Сажу и читаю свежую «ЕЗ». Входит в кабинет Юрий Теслев. Увидев меня, говорит:

- Вот он где! А меня спрашивают: кто такой Стома, который так хорошо пишет?

- Шутим?

Таких подковырок от Юрия Константиновича можно ждать на каждом шагу.

Оставив статью у редактора, пошел с Теслевым к нему в кабинет, чтобы посмотреть его новые фотографии. Рассматриваю, а он сетует, что не может издать альбом – нет денег. Среди фотографий нахожу свою. Теслев как-то украдкой снял меня. Взять даром, не хватило нахальства, купить – нет денег. Так и осталась она где-то в его закромах.

Правда, много позже, позвонил ему и предложил выкупить свой портрет, который экспонировался на выставке в музее. Договорились о встрече. Портрет мне понравился, что ни говори, а Теслев превосходный художник. С лёгкой душой заплатил 200 гривен.

48. ПАМЯТИ ГАЯ МОРОЗА

21 августа 2007 года умер Гай Алексеевич Мороз. Ушел из жизни удивительный человек, человек глубокого ума, доброй души. Тут же сел за поминальную статью о нём. Приведу несколько строк из неё.

«Если верить тому, что душа почившего еще 40 дней не покидает дорогие ему места, то сейчас Гай Алексеевич где-то рядом и, возможно, ждёт, что я напишу о нём. А мне не хочется повторять истертые в веках слова, употребляемые по этому случаю, ибо знаю, они его не обрадуют, - он и в жизни, и в творчестве любил естественность, неизбитые слова и оригинальные мысли, презирал криводушие, неправду, напраслину».

28 августа «ЕЗ» опубликовала мою статью-обзор «Творческие непохожести». Откликнулся Греков. Он сказал, что не они трое поэты, а я поэт. Ну, обычное восторженное суждение настоящего поэта.

Чуть погодя звонит Ю. Захаренко и благодарит меня за статью. Я отвечаю: «Пожалуйста», считая, что он благодарит за статью о них, мучениках высокого стиля, но не тут-то было. Благодарность его как председателя городского литературного объединения предназначалась за поминальную статью о Г. Морозе.

Далее он как-то невразумительно заговорил о статье к 29 сентября (40 дней со дня кончины Мороза), которая должна быть описанием жизни покойного.

Неожиданно для меня разговор переключился на то, что в Евпатории нет памятника Пушкину. В Саках есть, а у нас нет! После я множество раз буду слышать этот аргумент – повод глупого соперничества.

Я возразил: памятник Пушкину в нашем городе вовсе не обязателен. Есть улица его имени, библиотека, наконец, «лучший в Европе» театр. Другое дело памятник Маяковскому, обогатившему город поэтическим шедевром!

Захаренко возражает:

- Маяковский сочинил поэму о Ленине. Он большевик!
- Живи вы в то время и писали бы стихи, как сейчас, то предложи вам написать поэму о Троцком, вы бы с готовностью это сделали. Не так ли?
- Согласен, - сказал Захаренко, - но Маяковский был вообще плохой поэт и сочинял черти что.
- Вы об этом же писали в классном сочинении, которое называлось: «Владимир Маяковский – лучший поэт советской эпохи»?
- Не говорите ерунду!
- Вот и приехали. Но что вы имели в виду, намекая на статью к 40 дням?
- Разве вы не дали согласие её написать? – удивился Захаренко.
- Помилуй бог, я вам этого не говорил.
- Ну хорошо. Напишите?
- Теперь ваша очередь, я уже писал.

49. РАЗГОВОР С Г. ЗВЕРЬКОВЫМ

После опубликования «Трех непохожестей» в «ЕЗ» был звонок и от Геннадия Зверькова. Это о нём я полемизировал с Лёвой Линиченко. Помните? Еще он звонил в отношении очерка о Гае Морозе. Вспомнили?

На этот раз Зверьков начал разговор с того, что в городском архиве зашел разговор обо мне. У него спросили, что он думает о моей особе? Он, якобы, сказал, что Стома – человек с большой буквы.

Я назвал его излишне смелым, ибо абсолютно не зная человека, нельзя так высоко оценивать его. Он сказал, что судит обо мне по моим публикациям. Я попросил говорить по существу.

Он сообщил, что издал книгу стихов в 400 страниц и хочет её мне подарить. Я представил себе что меня ждёт, если приму этот дар. Я в четыре раза с меньшей книжкой потратил месяц, а что будет с этой? И другое: я помню предупреждение Мельникова, что о Зверькове плохо писать нельзя. С трудом открестился от подарка.

Октябрь. Наскребли с Леной денег на издание оставшихся двух книг трилогии «Крымский къазан». Начались поездки в издательство «Крымский Афон». Знакомлюсь с женой Васильева Нелли Валентиновной. Она по образованию филолог, с нею интересно разговаривать.

У меня же проблема с дискетами. Никак не хотят открываться по требованию ноутбука Васильева. Он бежит к соседям - результат тот же. Еду домой, ставлю в дисковод дискету – полный порядок! Будто не капризничала эта паршивка в чужом компьютере.

Покупаю новые дискеты. Меня предупреждают, что они из старых запасов. Промышленность перешла на выпуск дисков. Еще одна проблема вырисовывается. Уже долгое время мучаюсь с принтерами, а тут еще и дискеты. Пришло время подумать о новом компьютере, ведь моему старичку уже десять лет, хотя системный блок и монитор работают безупречно, специалисты говорят, что им место в музее.

Наконец, с дискетами всё улажено, теперь очередь Васильева волноваться. По словам Нелли Валентиновны, возникла проблема с картоном на обложки.

Обратился в «Книготорг» с предложением сдать на продажу трилогию. Оставил в качестве образца «Эмира Эдигея». Людмила Михайловна, начальница «Книготорга», повезла книгу в Симферополь на согласование. Там дали добро на продажу.

В одну из встреч Нелли Валентиновна сообщила, что с большим интересом прочла все три книги трилогии. Ей, говорит, понравился мой стиль. Сказала, что сейчас никто так не пишет. Не думал, что у меня уже и стиль выработался. Она же подала мысль, что не плохо бы в школах иметь эту трилогию. Пусть бы по этим книгам ребята изучали историю Крыма.

Рассказал Лене об этом разговоре, так она, бескорыстная душа, предложила передать все книги в школы. Я не решился на такой подвиг.

50. НАТАЛЬЯ МУРАТОВА

В этом же октябре позвонил Лёне Терентьеву и сказал, что у меня накопился материал по Евпаторийскому десанту и, в частности, по Жуковской, и я хочу взяться за новую книгу. Леонид Александрович высказал мысль, что есть смысл включить в эту книгу эпизоды из «Рыжего Кота». Идея понравилась.

Но у меня нет электронной копии этой книги. Ведь печатал эту повесть на пишущей машинке. Теперь снова придется всё перепечатывать. Что ж, если хочешь кататься, нужно и саночки возить. Тем и занялся.

Утро 11 ноября. Проснулся в 7 утра от какого-то завывания. Сначала думал, что гудит автомашина за окном, но распахнулась прикрытая форточка, и в комнату ворвался холодный ветер. Понял, что начался ураган. Пришла Лена и мы с ней «принялись считать раны»: сначала потух свет, потом перестала течь вода, притухло отопление.

Сегодня намечались два мероприятия, и оба сорвались. Не пошел в музей обозреть фотовыставку Ю. Теслева и не встретился с С. Овчаренко, который хотел подарить мне две свои книги.

К вечеру свет дали, а воды, как не было, так и нет. С нею нет и тепла. Лена сообщила, что по телевизору передали ухудшение погоды. В 21.40 дали воду. Значит и тепло пойдёт.

А это уже 2008 год, 11 января. Погода ужасная: шквалистый ветер (бора), 11 градусов мороза. Нужно идти в аптеку и по магазинам. Лена в такую погоду не ходок, иду я.

Ходил и ездил по городу 3 часа. Домой иду нагруженный по завязку (когда ещё выберешься). Ветер крутит между домами: то упрётся в грудь - шагу не ступить, то по боку хлестнёт – палкой упираюсь. Дышу, широко открыв рот – бегемот в человеческом обличье. Но вот и мой подъезд, сажусь на скамейку, чтобы отдышаться. О борьбе старца с природой больше писать не буду – скучно.

С Сергеем Овчаренко, позже, но встретился. У меня в руках две хорошо изданные книги. Читаю стихи. Они превосходны. Не знаю, кто бы в Евпатории писал лучше. Была ещё Елена Жаркова, но она где-то в Москве затерялась.

Сравнительно хорошими темпами идет переписывание «Рыжего Кота» на компьютер. Замечаю, что раньше стилистически писал хуже. Да что сравнивать: править текст на пишущей машинке или на компьютере? Пришел к выводу, что править написанное на компьютере можно до бесконечности. Сколько раз смотришь на текст, столько и огрехов находишь.

Как-то написал небольшую статью, прикинул затраченное на неё время и ахнул: на каждое предложение затратил не меньше часа! Хорошо писать, если не живешь по принципу: всё сразу и сейчас, если материально не зависишь от количества выданных, в единицу времени, строк.

17.02.08. В процессе участия в собрании, посвященном памяти Гая Мороза, познакомился с Натальей Андреевной Муратовой. Она подарила мне книжку стихов, подписанную псевдонимом Мария Скарабей. И несколько журналов-газет «Брависсимо», редактором-издателем которого она является.

Муратова попросила у меня копию очерка о Гае Морозе. Выяснилось, что «ЕЗ» она не выписывает. Интересно: на издание «Брависсимо» деньги есть, а на газету нет. Спонсор, оказывается, помогает.

Прочел стихи и обрадовался чеканным фразам, без капли воды в пользу коварной рифмы. Есть же таланты в Евпатории! Только как им выбраться за её пределы?

Уже в апреле мы снова встретились. Получился интересный и содержательный разговор. Наталья Андреевна тонко чувствует поэзию, что можно отнести за счёт её филологическим образования, но пародийные способности с образованием не получишь.

51. ПУБЛИКАЦИЯ В «ИЗВЕСТИЯХ»

В московских «Известиях», которые мне пересылает Костя, появилась рубрика «Фамильные ценности». Решил послать туда фотографию своих родственников. Сделали её в 1947 году. Там, кроме незнакомых мне людей, изображены мама, тети Паша, Марфа, Аня и дядя Коля. Как мог, поведал о их судьбах и послал это в газету.

В октябре «Известия» опубликовали этот материал под заголовком «Семья крымской партизанки». Под фотографией перечисление семьи Морозовых. Затем жирным шрифтом:

«Всего два года прошло с окончания той жестокой войны, когда в Евпатории был сделан этот снимок. Двенадцать женщин и трое мужчин – невольная иллюстрация к послевоенной демографии», - написал в редакцию, откликнувшийся на конкурс фамильных легенд, стартовавший в «Известиях» в январе, наш читатель из Крыма Александр Стома».

Далее остальной текст моего письма без правки, что доставило некоторую радость: моё умение писать оценили в столь уважаемом издании.

Сейчас май 2008, и я закончил перенос на компьютер «Рыжего Кота», даже что-то добавил. Пора писать новую книгу. Начну её с появления в Евпатории Жуковской, но прежде пролог. Не знаю, как он впишется в будущую книгу, но он в голове сложился, и я уже не могу его не написать. Если не пролог, то пусть хотя бы рассказ.

Кончились майские праздники и слава богу. Неработающему и непьющему они как-то бесполезны, только лишняя суета. Газет нет, а если есть, то заполнены отчётами о прошедших праздниках. Единственное благо – наслаждаешься песен тех лет.

В России произошла смена власти. Радует деловая обстановка в этой стране и всё горше становится от мысли, что ты не её гражданин.

Парадоксальный случай. Уже не один день мучаюсь осознанием того, что не могу вспомнить, как отправить файл в корзину. Уже больше 10 лет работаю на компьютере, а тут такой провал. Ломаю голову и вдруг вспомнил! Надо же было забыть простейшую операцию!

Что это? Сигнал свыше, чтобы поторапливался, а то не успеешь. Что не успею, то я и без высших сил знаю, ибо закончу одну работу, а за ней гонится другая. А между ними масса иных проблем, не говорю о бытовых.

Например, замена компьютера. Аж пищит, как надо! Системный блок и в холодную погоду начал греться, а летом вообще пышет. Хожу по компьютерным ателье, присматриваюсь, прицениваюсь. Цены не по карману. Со стороны ничего не светит. Замахнулся, было, на Дувановскую премию, но в этом году она скисла, как застоявшаяся простокваша.

29 мая. Звонит мужчина и спрашивает разрешения подарить мне книгу собственного сочинения. Спрашиваю: с кем имею честь? Комин Влиллен Иванович. Он с удовольствием читает мои публикации в «ЕЗ». В данном случае встречаться не пришлось: книгу принесла внучка Катя. Очень милая девчушка.

Передо мной проза, не стихи. И то хорошо. «Приключения воздушного штурмана Травило». Так называется книга, которую подарил мне Влиллен Комин, бывший штурман морской авиации. Книга насыщена авиационными байками. Вспомнился барон Мюнхаузен, так как некоторые истории выходили за пределы законов физики. Что ж, на то он и Травило.

В телефонном разговоре рассказал Влиллену Ивановичу о своих впечатлениях о его труде, не забыл упомянуть и о бароне. Порадовал его. К сожалению, встретиться не пришлось: Комин умер в этом же 2008 году в октябре 19 числа. Пишу эти строки в октябре, то бишь через пять лет после кончины этого (судя по книге) прекрасного человека. Царствие ему небесное.

Пока я грезил о покупке компьютера, Леонид Александрович Терентьев взял и купил его. 15 августа я пошел знакомиться с новой машиной.

За весь комплект Лёня заплатил 4 тыс. гривен. В него входит комбинированный со сканером струйный принтер. Если бы он спросил у меня совета, я бы не порекомендовал покупать этот комбайн. Сейчас в продаже есть отдельные сканеры и лазерные принтеры, что по сумме денег не намного дороже комбайна, а в эксплуатации надежнее.

52. НОВЫЙ КОМПЬТЕР

Остаток августовских дней и начало сентября сплошь и рядом заняты бытовыми проблемами и борьбой с болячками. Единственное светлое пятно – приснился отец. Это случилось впервые за всю мою сознательную жизнь. В силу этого и зафиксирую его, хотя сам не большой любитель пересказывать сны или слушать о них.

Поезд медленно движется. Я стою на нижней ступеньке вагона. Вижу внизу отца. Кричу ему: «Папа, поедem вместе, держи руку!» Отец хватается за неё, делает несколько шагов и отпускает. «Нет, - шепчет он (но я слышу), - не могу!» Я поехал дальше, а отец остался.

Проснулся и тут же подумал о загробной жизни. Как хотелось бы поговорить с отцом. Как мало я знаю о его жизни. Тем более ничего не знаю о моих родственниках по линии отца. Он хоть и моложе меня сейчас вдвое, но всё равно остаётся старшим. В загробной жизни, как говорят знающие (!), тени людей вообще вне возраста. Папа, до встречи, уже немного осталось!

Решение проблемы компьютера подходит к концу: собрал 3 тысячи гривен, сделал заказ. К обычной комплектации прибавил дисковод для дискет. У меня на них много материала записано. Это несколько задержало комплектацию, но 17 сентября звонок: компьютер у подъезда. Прошу поднять на пятый этаж.

Пришел парнишка с кучей коробок. Оплатил 30 гривен за подъем, и я среди своей мечты! Начал расставлять всё по своим местам. Засветился экран, печатаются буквы, но не работают оба дисковода. Звоню в сервис магазина-продавца.

20 сентября приехал парнишка по имени Саша. Запустил принтер, оживил дисковод для дисков, а дискетный дисковод оказался вообще не подключенным к системе. Подключил. Общее впечатление потрясающее. Компьютер 2008 года разительно отличается от моего 1997 года выпуска.

Вспомнил, как 11 лет назад сражался с компьютером, завезенным из Москвы. Тогда и ему, и мне здорово доставалось, пока не свыклись и не полюбили друг друга. Всё началось сначала: забываю порядок операций, принтер гонит пустую бумагу, диски не реагируют на команды. В общем, снова в первом классе.

Как выяснилось уже в декабре, мы с Лёней вовремя купили компьютеры. Проследите за ростом цен. В рекламе под рубрикой «Уникальная цена» некий компьютерный комплект стоит 2499 гривен. Это до декабря. Но с 15 декабря этот же набор, под той же рубрикой стоит 2599 гривен. Но с 22 декабря тот же комплект, под той же рубрикой стоит уже 3599 гривен! В ноябре купил сканер за 462 гривны. В сентябре он стоил 380.

26 сентября 2008 года в возрасте 59 лет умер Саша Морозов – родной брат Лены. Это он пригласил меня организовать кооператив. Лена весь день плачет, вспоминая, каким хорошим был ее младший братик.

На похоронах встретился с В. Чаплыгиным. В мае этого года в кооперативе (ООО «Ударник») случился пожар. Сгорело всё, в том числе и документы. Что были в сейфе, Владимир Михайлович спас, но это мизер. Был и шкаф, забитый документами, он, конечно, сгорел.

Нам с Леной подвезло: успели включить в пенсионные дела нашу работу в кооперативе. Пару лет тому назад я просил инспектора сделать это же, но он ответил: «Зачем это вам? У вас пенсия и так по максимуму». Но пенсионные законы меняются не по дням, а по часам.

На этот раз удалось привезти в кооператив пенсионных инспекторов, и они, просматривая чёткие документы, составленные К.И. Дружининым, выписывали нужные им цифры, чтобы включить их в наши пенсионные дела.

Леонид Александрович Терентьев консультируется у меня по работе с компьютером, но скоро произошел перелом, и уже я у него учусь. Я отличаюсь от него тем, что не лезу в проблему глубже, чем это мне нужно именно сейчас. Лёня же, наоборот, пока не изучит её полностью – не успокоится. Ему и карты в руки – он хорошо знает английский язык.

53. ВЗРЫВ ДОМА

1 октября, пошел в ЖЭК, чтобы сообщить, что дождевая вода, вливаясь в водосток, выливается на мою входную дверь, и только часть её уходит по трубе на улицу.

Мне удалось заполучить бригаду из трех человек, и я полез с ними на крышу. Выяснилось, что один находчивый парень, жилец нашего дома, снял с водостока чугунную крышку и приспособил её к своей телевизионной антенне. Ножки крышки были глубоко утоплены в рубероид, залиты смолой. При её выдергивании с места и было повреждено покрытие.

По дороге домой предупредил того парня, что негоже на крыше заниматься самодеятельностью. Через какое-то время он прибегает ко мне и заявляет, что готов возместить мне материальные потери по данному делу. Я давно живу в этом доме и помню этого парнишку еще голопузиком, да и возмужал он на моих глазах: в бороде ходит.

- Всё, Саша, - говорю ему, - ты мне ничего не должен. Только больше не шали, ведь большой уже.

Иду на собрание в литобъединение, посвященное 90-летию Гая Мороза. Выступил. Оглядываю от трибуны почетное собрание и вижу убеленных сединой стариков и бабушек в платочках. Как золото в руде, изредка просматривается молодежь. Не дождавшись конца собрания, пошел на выход. За мною увязался незнакомый мне мужик возрастом лет шестидесяти.

Еще в коридоре спрашивает: сколько жителей было в Евпатории до войны. Удивился цифре: считал, что не более 10 тысяч было. Вышли из здания, он не отстаёт. Я примостился у крыльца на бетонной возвышенности, отдыхаю. Он рядом.

Начали знакомиться. Дудко Дмитрий Михайлович, 36 года рождения, учился в Кракове, воевал в УПА против поляков. Ранен в ногу. Был осужден по 58 статье, получил 15 лет заключения. По причине инвалидности, работал в лагере библиотекарем. Знает несколько языков, в том числе китайский (жена китаянка).

Прочитал мне несколько приличных сатирических стихотворений. Я предложил снова встретиться, чтобы написать о нем очерк. Отказался. Ну, что тогда сидеть? Встал и пошел, он рядом. Я подал руку, и ему ничего не оставалось, как пожать её и уйти.

Обдумываю эту встречу. Чем я его мог заинтересовать? От очерка отказался. Тогда пришла мысль, что он казачек, засланный в ЛИТО СБУ. Увидел нового человека и заинтересовался: кто такой, чем дышит?

Когда Лёня Терентьев узнал об этой встрече и моём выводе, он поправил меня: «Диму Дудко знаю много лет. Он стоматолог-протезист, всесторонний человек, писатель и художник. Нет, не по заданию СБУ – просто ему интересны интересные люди».

25 декабря этого же 2008 года. Что-то заспались в то утро. И сразу ошеломляющая новость: на Некрасова взорвался дом! Тут же позвонил Терентьеву, ведь его дом где-то рядом, если не он сам. Кто-то снял трубку. Слышу в ней многоголосие. Аллэ, Аллэ! Наконец, ответила Наташа: «Даю трубку Лёне». Слава богу, живы!

Леонид Александрович в своём репертуаре: после «Привет» спрашивает: «Какие новости?» Какие у меня могут быть новости?! Это у тебя новости! Лёня рассказал. Взрыв произошел в доме напротив, что выходит фасадом на улицу Некрасова, в 21:45. Вся эта трагедия была видна с их балкона. Люди кричат, дом разваливается! Ужас! Пожара, хорошо, не было.

Через полчаса приехала скорая помощь, через час появились спасатели. Милиция оцепила место трагедии. В магазин пропускают по паспортной прописке. Взяла трубку Наташа. Она сказала, что всю ночь вопила какая-то женщина!

«Интер» и российские телеканалы сообщают с места события. На экране разрушенный дом, суета. Подобные виды мелькают на ТВ каждый день. Где только не взрывается, где только люди не гибнут и не суетятся? Будто привыкли, но это у нас, совсем рядом!

Лена собирается в магазин. Пообещала к развалинам не ходить: не для её нервов такое зрелище. Дай бог, чтобы хватило ума сдержать данное слово.

Сообщили по ТВ: число погибших 19 человек. Всего в доме могло быть 83 человека. В город приехали Ющенко и Тимошенко.

27 декабря сообщили, что погибших 27 человек. В «ЕЗ» опубликован их список. Много молодых и даже детей. Были и приехавшие за тридевять земель, чтобы погибнуть под обломками чужого дома!

Ю. Тимошенко, как обещала, хорошо помогла городу: пострадавшие получили лучшие, чем были, квартиры. Их благодарность вылилась в коллективную просьбу присвоить Юлии Владимировне звание «Почетный гражданин Евпатории». У руководства города хватило ума не поддаться их порыву.

Почти год длилось разбирательство. Состоялся суд: начальник ЖЭКа получил 6 лет, мастер ЖЭКа – 7 лет, сварщик – 8 лет. Якобы, за то, что они организовали под домом мастерскую с газовой сваркой, то и послужило причиной взрыва.

54. ПУБЛИКАЦИЯ В «ПОГРАНИЧНИКЕ»

Я ещё ничего не писал о своем дяде Николае Евдокимовиче Морозове. Он родной брат моей мамы. Всю жизнь прослужил в погранвойсках на Дальнем Востоке. В войну был ранен, после чего вышел в отставку. Жил некоторое время в Евпатории, а потом переехал в Симферополь. Когда я приезжал в отпуск из армии, то встречался с ним.

Дядя Коля умер в возрасте 92-х лет. Я был на похоронах. После мне вручили две общие тетради, которые дядя просил передать мне. В них было описание его жизни. Поработав над ними, я написал повесть «Тучи ходят хмуро».

27 декабря позвонили из Москвы, из журнала «Пограничник». Сказали, что в январе и феврале следующего года моя повесть «Тучи ходят хмуро» будет опубликована под их заглавием «Трудный путь пограничника Морозова».

Звонил Геннадий Анатольевич Ширяев, ответственный секретарь журнала, экс-полковник КГБ (это я позже узнал, просматривая присланные журналы). Ширяев сказал, что мне вышлют два экземпляра журнала и гонорар.

Для связи с ним дал свой домашний телефон.

Посмотрел квиток от почты и увидел, что отослал рукопись в 2007 году 28 сентября. Приятно отметить, что Лена радовалась моему успеху больше чем я.

2008 год плавно перенес свои проблемы в 2009. Украина и Россия вконец запутались в газовых вопросах. Президент одно говорит, премьер другое, а различные приживалы вообще черти что буровят.

Завтра (19 января) Тимошенко должна лететь в Москву на подписание документов. Полетит? Подпишет? Если подпишет, то будут выполняться договоренности? Прецеденты были.

Тут и свои проблемы подоспели. Полная разбалансировка сердечного ритма. Сердце останавливается после одного удара, хорошо - через два. Лена не может замерить давление. С трудом получила 190/70. Она говорит: «Саша, я не хочу, чтобы ты раньше меня умирал». Вызвали скорую. Сделали уколы. Врач одобрил действия Лены, которые она совершала со мной до его приезда. Спасибо, Ленусь, ты меня уже не первый раз выручаешь.

Лёня Терентьев сделал услугу: отредактировал «Поспелова». Сiju над его правками и не со всеми соглашаюсь. Он не признаёт нестандартные повороты речи, вульгаризмы. По нему, даже малограмотный персонаж должен говорить правильно, не коверкая язык. Но, в общем, и моих вывертов хватает. От них и нужно избавляться.

В каком-то из номеров «ЕЗ» была информация за подписью В. Шелеста о появлении в городе копии немецкого документального фильма о Евпаторийском десанте. Для меня, работающего над этой темой, это прекрасный источник познания тех событий. Звоню Шелесту.

Виктор Николаевич сказал, что город не дал денег на перевод немецкого репортажа из фильма. Меня интересует, есть ли этот фильм на диске? Есть, но у Пекарникова. Шелест дал его мобильный телефон. Звоню Пекарникову. Узнаю, что диск в музее, и Пекарников передал Т. Придневой все свои права.

Звоню в музей. Татьяна Евгеньевна согласна на то, что я посмотрю фильм, но переписать его не разрешает – авторские права у Пекарникова. Я возражаю, ссылаясь на того же Пекарникова. Тут же сказал, что у меня есть фотоальбом партизанки Прасковьи Морозовой. Так давайте его сюда!

Да, у меня было два альбома тёти Паши. Мне их передала племянница Татьяна Волоховская. Я один из них взял за основу и скомпоновал всё, как посчитал нужным, в один альбом. Тут же подоспел материал из «Известий» «Семья крымской партизанки», и я вставил его в этот альбом.

Понадобился месяц частых звонков и переговоров, чтобы уговорить Татьяну Евгеньевну дать мне не только посмотреть немецкий фильм о десанте, но и получить копию. В тот знаменательный день её не было на месте, и я вёл дела с Людмилой Ивановной Дубининой,

заместителем по науке. Ей же передал тётин Пашин альбом и два экземпляра книги «Очерки Евпатории».

Людмила Ивановна рассказала мне о незнакомом мне до этого авторе Дмитрие Дудчике. Он издал брошюру «Евпаторийский десант». Людмила Ивановна слушала по местному радио выступление Дудчика, где тот заявил, что на Красной горке похоронены не 12,5 тысяч человек, а «хорошо», если тысяча, а Евпатория должна гордиться тем, что расстрел проводился под руководством фигуранта Нюрбергского процесса. Вот такой цинизм.

Несколько дней подряд кручу ленту о десанте. Удручающий фильм. По этому случаю написал небольшую статью в «ЕЗ» и отправил по почте, ибо ноги настолько разболелись, что хожу с трудом.

11 марта статья была опубликована. Тут же мне позвонила Т. Приднева и отругала по первое число за эту статью. Меня это очень удивило. Ведь когда я посмотрел фильм в музее, то сказал Людмиле Ивановне, что возможно напишу статью, она не возражала.

В тот же день, как только пришел из музея домой, позвонила Л. Дубинина и подтвердила, что Татьяна Евгеньевна не возражает против статьи. И тут такой облом. Я сказал об этом Т. Придневой, но она такого не помнила. Директриса прислала ко мне домой секретаря, и я отдал ей музейный диск. Зачем он им, не знаю. Ведь копия у меня в компьютере. И не зная этого Татьяна Евгеньевна не могла.

Не помню, в какой ситуации, но я как-то спросил у неё: обижается ли она на меня по-прежнему за ту статью о десанте? Татьяна Евгеньевна, улыбнувшись, ответила: забудьте об этом.

55. ВСТРЕЧИ

2 мая 2009 года посетил, за кои века, свою родную Раздельную улицу. Часть её вошла в сферу действия программы «Малый Иерусалим», поэтому стены, выходящие на улицу, как могли, украсили.

На входе в «мой» квартал установили воротную арку. Не знаю, с ка-кого боку она здесь появилась. Фасад дома, выходящий на Училищную улицу, штукатуруется. Когда-то свою часть фасада я сам ремонтировал. Что понравилось, так это покрытие улицы. Раньше была бугристая булыжная мостовая, затем уродливый асфальт, а теперь ровная поступь гранитной плитки. Впору гарцевать на ней!

Захожу во двор через металлические ворота. Нет родных запахов жареной картошки или сбежавшего молока. Во дворе ни одного человека, а с этим тишина. Окна и двери закрыты, несмотря на теплую погоду. Где вы тётя Ната и тетя Эстер, которые часто, перегнувшись через окна, обсуждали дворовые новости?

А вот здесь было крыльцо, ведущее в квартиру Дворковичей. По утрам, только проснувшись, дворовые пацаны приходили сюда и, рассевшись, грели под теплым весенним солнцем свои кости, обтянутые еще бледной кожей.

Отсюда виден весь двор. Новые постройки изменили ландшафт двора, но ржавая крыша подвала, привет из далёкого детства, салютует мне, приглашая, как прежде, взобраться на неё и соскользнуть по скату вниз. Когда мы гадали по тебе, уважаемая крыша, то ты была ухоженной: тебя чуть ли не каждый год красили то половой, то зеленой краской. Сейчас же ты ни пацанам, ни взрослым уже не нужна.

Был бы поздравнее, пришел бы сюда с краской и привёл бы тебя, по старой памяти, в порядок. Только прокатиться по тебе уже не смог бы: боюсь, что не выдержишь моего теперешнего веса.

Так и не увидев людей, я тихо покинул двор, понимая, что, кроме ржавой крыши подвала, меня здесь никто не помнит. Так и уходят наши иллюзии.

Знаменательное событие: 14 июня 2009 года Леонид Александрович Терентьев дочитал трилогию «Крымский къазан». Прочитал как критик. Поначалу не мыслил что-либо писать о ней, но, как он сам сказал, «ушел в повествование с головой» и понял, что перед ним стоящая вещь, о которой следует написать. Так родилась серьёзная и обстоятельная рецензия.

Лёня рекомендует добиваться издания трилогии, она того стоит. И я этого хочу, но... Пока же он разошлёт рецензию по газетам.

13 августа «ЕЗ» опубликовала рецензию Л. Терентьева на «Крымский къазан». Начались звонки по поводу покупки трилогии. Отсылаю всех в «Книжный мир». А там ажиотаж. Какой-то москвич закупил сразу несколько экземпляров трилогии, требует еще. Из магазина звонит заведующая и просит подбросить еще книг. Но у меня их нет.

Начал подумывать об издании «Поспелова». И тут независимо от меня, Лена говорит: «Ведь ты хочешь издать «Поспелова», издавай». Вот такая произошла телепатия. Осталось выяснить: кто из нас телепат?

4 июля встретился с дочерью Ольгой. С нею пришел её сын, а мой внук Саша Бахарев. С ними же овчарка Сойер. Весьма добродушный пёс.

Ольга взяла в свои руки ход нашей встречи. После обмена новостями, она перешла к рассказу о своём впечатлении от только прочитанной трилогии «Крымский къазан». Её проникновение в эпоху, описанной в книгах, буквально потрясло меня. Ведь я её помню ребёнком, который, несмотря на попытки приучить его к книгам, так и не стал книголюбом.

Помня её только весёлой и подвижной девочкой, я сейчас с изумлением слушаю её грамотную речь и глубокие мысли о той жизни, которую она может знать только из моих книг. Значит прочла. И не только, ещё и осмыслила!

Вы бы знали, с какой радостью я пишу сейчас эти строки. Какое счастье было понимать, что твой, когда-то, на тот взгляд, беспечный ребёнок открылся тебе прекрасной стороной,

которой никогда не ждал от него! Ведь она не филолог, не русист, а совсем из другой отрасли – хореограф. Она – тренер по художественной гимнастике. В её команде есть чемпионы Европы.

Мне всё больше нравится мой внук Саша, мы встречаемся с ним уже второй раз. Хорошо образованный и рассудительный молодой человек. Немного поспорили с ним о веяниях времени. Я, например, попытался доказать, что при чтении с экрана человек теряет контакт с книгой, а через это не так глубоко проникает в суть прочитанного. Саша не согласился со мной и доказал, что восприятие зависит от человека, который читает.

Пару лет спустя, я купил «электронную книгу» и смог убедиться, что внук был прав.

28 августа – звонок. Что за этим последовало, я описал в небольшой статье, опубликованной в «ЕЗ». Вот этот материал:

«Это История измеряется эпохами и веками, а жизнь человеческая годами или даже месяцами (для младенцев), поэтому срок в полвека, в людском измерении, можно отнести, если не к древности, то уж точно к старине. Привилегия заглянуть за эти пределы не каждому дается, а если удалось, то равнодушным не останешься. Так было и со мной.

Все началось с телефонного звонка. В наше время многие проблемы начинаются или кончаются посредством этого сигнала. «Слушаю». «Саша, здравствуй!» Ошеломленный, я что-то пробормотал. Голоса своих немногочисленных абонентов, которые так меня еще называют, я знаю наизусть. Так чей этот резкий, слегка взволнованный голос?

«Саша, здравствуй, это я – Инга!» Инга, Инга? Мои серые клетки не подают сигнала ассоциативной связи имени с человеческим образом. Наконец, с трудом выдавил из себя: «Инга Добахова?» Вот тут все и стало на свое место. Последний раз мы, молодые и энергичные, общались более пятидесяти лет назад! В последующем – белое пятно.

По настоянию Инги, встреча должна состояться в Старом городе, в новых застройках она плохо ориентируется. Еду к месту встречи и думаю: как мы друг друга узнаем. Понимаю, от меня, от прежнего, опирающегося на палку, мало что осталось.

Вот и памятник десантникам. Озираюсь. Рядом море. Здесь мы час-то купались и загорали на песке, а не на камнях, как это делают нынешние купающиеся. Во все стороны снуют люди. Где же ты, Инга? Идущая от меня женщина вдруг развернулась и пошла навстречу. Меня как током пронзило: такой разворот на месте, крутой и энергичный - её разворот! Точно так, развернувшись, она ушла от меня, чтобы вот так через десятки лет объявиться!

Стройности ее фигуры позавидуешь и сейчас. А она, посмотрев на меня сквозь узкие очки, грустно заметила: «Я бы тебя не узнала». В этом опять та далекая Инга, с ее точными суждениями. Я не огорчился, ибо старость принимаю за благо, которое дается не каждому. Изъяны? А где их нет?

Сели. «Ну, рассказывай», - сказала она. «Лучше ты скажи, откуда свалилась?» «Из Полтавы. Работала преподавателем английского языка. Два года тому назад, в возрасте 73 лет отошла от дел». «Устала?» «Нет, просто не могла участвовать в насаждении образовательной псевдореформы. У меня была возможность уйти, я и ушла». Вот один из самых безобидных эпизодов из ее школьной жизни. Пришла в их школу новая завуч. Через какое-то время упрекнула: «Что это вы, Инга Георгиевна, по-русски в школе говорите? Пора бы уже выучить украинский язык». А Нестерова (фамилия по замужеству) знала его. Она принесла завучу документы, подтверждающие это. Та удивилась: «Так почему...?» «Я русская по культуре, поэтому говорила и буду говорить по-русски, вам желаю знать русский язык и английский вкупе с ним, так же хорошо, как я вашу мову!»

Были и другие темы для разговоров. Всего не перескажешь. Она, например, пишет стихи, печаталась в газетах, в поэтических сборниках. На мой вопрос: «Как тебе показалась Евпатория?», Инга, знавшая каждый закоулок в городе, призналась: «Многие места не узнаю, приятно удивила Караимская улица, Раздельная, а в новых застройках даже заблудилась. Это в родном-то городе! А еще, не думала, что Евпатория, когда-то засиженная мухами, может стать таким чистым и благоустроенным городом». «А у тебя есть стихи о Евпатории?» «Нет. Я часто вспоминала о ней, но писать как-то не приходилось». И вдруг я увидел знакомый взгляд с

лукавым прищуром, и услышал вопрос: «Хочешь, напишу?» Кто откажется быть свидетелем рождения экспромта? Минуты сосредоточенного молчания и результат перед вами.

Уже после встречи подумалось, что многие проблемы обсудили, а вот здоровьем друг друга не удосужились поинтересоваться. Нехорошо как-то получилось, не по-стариковски».

56. ИГОРЬ КОТАР

Как-то в октябре позвонил мне Игорь Семёнович Котар. Так и назвался. Напомнил, что у нас уже был разговор по телефону. Возможно. Сейчас же он звонит по поводу моей рецензии на коллективное письмо ветеранов на статью В. Заскоки и В. Мешкова, которой я, будто бы, полностью выразил его собственные мысли. Вот эта рецензия.

«ОТ ОРТОДОКСИИ К ЕВАНГЕЛИИ»

Признаюсь, у меня не хватило желания прочитать весь юбилейный материал Т. Дугиль «У истоков великого прорыва» по причине отсутствия в нем новизны и избыточного восхваления персонажа (В. Петунова, первого секретаря горкома КПУ, в бытность которого под Евпаторией строилась космическая площадка, что и считается «великим прорывом»). Это (восхваление) в полной мере отметили В. Заскока и В. Мешков, авторы превосходной статьи «Как «подставили» юбиляра, и не только...».

И тут «ЕЗ» (№190/2010) публикует коллективное письмо «Не осуди историю отцов своих», или Ответ местным «правдоискателям». Оно направлено на разоблачение вышеупомянутой статьи в том, что «...не поиск истины руководит авторами, ...а главное и основное – ненависть к советскому строю, к Коммунистической партии, руководившей всей общественно-политической и экономической жизнью, как нашего города, так и всего Советского Союза в целом». Вот так! Не больше и не меньше!

Я не обнаружил в статье Заскоки и Мешкова вышеупомянутых поползновений, но, допустим, это и так, то, что в этом нового? За последние два десятка лет такое слышали, такое видели, что безоговорочно любящие советский строй смотрятся сейчас реликтами. Вспомним хотя бы С. Хрущева и С. Аллилуеву. Где они сейчас любят Советскую власть? Тогда что хотеть от простых смертных? К этому же следует помнить, что времена высочайшего дозирования любви или ненависти канули в Лету, поэтому «отсель грозить» кому-либо – чистой воды анахронизм и пустая трата времени.

Доказывая исключительность В. Петунова, как руководителя городской парторганизации, авторы письма перечисляют достойные дела, совершенные за годы его пребывания на этом посту. Они впечатляющи! Но зададимся простым вопросом: будь вместо Петунова - Иванов, Петров, Сидоров, многое бы изменилось? Куда бы тот секретарь делся? Крутился бы, как белка в колесе, расшивал бы возникшие проблемы, ублажал бы гостей, а космические площадки, «истоки великого прорыва», сооружались бы в соответствии с Постановлением партии и правительства, независимо от того, кто стоит у руля городской партийной организации. Это к тому, что В. Петунов «вправе считать себя причастным к истокам великого прорыва. И этого права никому у него не забрать». Согласен, но только по той причине, что забирать-то нечего - этого права ему никто не давал.

Авторы письма задают риторический вопрос: «Неужели авторов (В. Заскоку и В. Мешкова. – А.С.) не тревожит жизнь города, как и всей страны, сегодня?!» Затем акцентируют внимание читателей на контрастах. «Вспомните семидесятые года...» и «А сегодня?! За годы так называемых реформ...». Опять согласен с авторами: контраст убийственный. От себя, кроме указанного в письме, добавлю: раньше горячая вода была ежедневно, сейчас только два раза в неделю, да и это следует считать за благо, ибо долгое время ее вообще не было. «Веерных отключений» электричества не было, сейчас они практикуются. Ну, а нынешнее денежное содержание пенсионеров в диком противоречии с ценами на самое необходимое для жизни. Можно продолжать, но не буду, и так все ясно: в бытность В. Петунова жить было легче, а вот сейчас, при А. Даниленко (нынешний городской голова) совсем плохо.

У авторов письма этого утверждения нет. Я вывел его из логики изложения событий и вот для чего. Перед нами два незаурядных руководителя города: В. Петунов и А. Даниленко. Начнем с последнего. Есть ли его вина в том, что в городе не работают заводы/фабрики? Я ее не вижу. Видимо и другие евпаторийцы не усматривают его вины в упомянутых бедах, если многолетне выбирают его на должность Головы города.

Теперь о В. Петунове. Его заслуг в развитии города ровно столько, сколько их должно быть у ответственного работника того времени. Он – назначенец и этим многое сказано: шаг влево, шаг вправо, или какие-либо подковерные дразги, и он летит с должности со скоростью звука. Это и случилось с нашим героем. Ужас! Как можно было расстаться со столь ценным кадром? Расстались, и не ахнули.

Надеюсь, ни у кого не вызовет возражений утверждение, что эти два человека работали и работают в разных условиях. Одному нужно было оказаться в нужное время в нужном месте (на решение государства построить центр космической связи рядом с Евпаторией секретарь горкома партии не влиял); другому в условиях кардинальных перемен, когда рушились политические и жизненные устои, нужно было удержать город в жизнеспособном состоянии. Удержал. И, несмотря на неблагоприятные условия, исходящие из высших государственных сфер (обратный фактор), город не захирел. Даже больше – похорошел.

И последнее. По характерному стилю, письмо достойно публикации в приснопамятной «Правде». Интересным исключением является обращение авторов к Евангелии (см. заголовок письма ветеранов). Это ли не свидетельство того, что веяние времени и их не обошло? Да простит Бог нам грехи наши».

Одобрив рецензию, Игорь Семенович перешел к другой теме. Вот у памятника М. Горького, что на Дюльбере, были могилы немецких солдат, но кладбище заровняли. Хорошо бы поставить на этом месте крест. Спрашиваю: «А как быть с памятью тысяч евпаторийцев, погибших от руки этих солдат?» «Так там лежат солдаты, погибшие под Севастополем!» «Вы можете объяснить: зачем трупы для захоронения везли в другой город? И другое: где тогда хоронили палачей погибших в Евпатории?» На этом у Котара интерес ко мне пропал.

Как потом мне сообщили, что И.С. Котар – вожак националистов, обитающих в Евпатории.

Л. Терентьев скачал с Интернета фильм «До свидания, мальчики». Со щемящей тоской смотрел на мелькавшие кадры родных улиц. Ведь съемка фильма производилась в 60-х годах, до строительного бума. Да и сами ребята были мне близки своим внешним видом и поступками. Упивался неприхотливой музыкой М. Таривердиева!

В начале декабря завёз домой весь (50 шт.) тираж книги «Из жизни Поспелова». Последние дни 2009 года были заняты раздачей этой книги по заготовленным адресам.

57. ПЕЧАЛЬНЫЙ СПИСОК

2010 год. 3 января умерла Любовь Михайловна Константинова, дочь М.А. Орлова, героя романа А. Первенцева «Честь с молодую», выведенного в образе отчаянного капитана Михаила Балабана. Любовь Михайловна была близкой подругой моей жены Елены, поэтому кончина её была и нашим личным горем.

Кончина Любы положила начало череде других смертей, случившихся по всей длине года. Думаю, я не слишком отступлю от каких-то неизвестных мне правил, если сразу, не растягивая по году, помяну имена дорогих мне людей, умерших в несчастливый для них год. Вот этот список с небольшими пояснениями.

1. Константинова Любовь Михайловна - 3 января

2. Волоховская Валентина Николаевна, жена моего двоюродного брата Анатолия, - 21 января.

3. Ровняго Владимир Алексеевич, муж моей родной сестры Ольги, бывший командир комендантской роты (Берлин), охранявшей памятник советским воинам у Бранденбургских ворот и замок Шпандау с его фашистскими сидельцами – 15 февраля.

4. Пахомов Леонид Григорьевич, один из героев романа «Сквозь мутные стёкла времени» - 24 июля.

5. Лоевский Александр Владимирович, мой друг и начальник, редактор «Трибуны» и главный редактор «Крымских известий» - 17 октября.

6. Линиченко Лев Григорьевич – мой частый оппонент и друг, журналист «Евпаторийской здравницы» - 23 ноября.

Царство небесное, покинувшим наш мир!

Буду непоследовательным, если не упомяну и Петунова Валентина Васильевича, скончавшегося в этом же, 2010 году.

Мы, конечно, не были друзьями, даже больше, в его бытность в горкоме мне не дали вторично баллотироваться в депутаты Заозерненского поссовета. Но я, не помня зла, сделал его главным героем романа «Из жизни Пospelова».

В моих руках была возможность вывести его монстром (придумать пару-тройку отталкивающих эпизодов), но этого не случилось, и мой герой вышел вполне нормальным мужиком (таким он и был), ставший жертвой высокопоставленного прохиндея.

Признаться, после, с позволения сказать, рекеме в голову ничего путного не приходит, поэтому, для раскочки, выпишу текст из дневника: «10 февраля, среда, время 12:20. За окном +5 градусов. Воды от растаявшего снега в избытке.

Вчера просмотрел (по компьютеру) фильм «Судьба человека». Помню, видел его первый раз в к/театре «Родина». Впечатление было потрясающим. Иду и думаю о нём. Автоматом перехожу улицу - и тут автобус. Несколько сантиметров спасли меня от столкновения с ним.

А вот сейчас этот фильм показался несколько примитивным. Наверное, так и должно быть. Ведь за 50 лет чего только не посмотрелся.

Прошли выборы президента. До сих пор нет окончательных результатов голосования. Между Януковичем и Тимошенко 3,48%. Для другой пары, чтобы разойтись, эта цифра была бы достаточной, но не для Тимошенко! Эта авантюристка зубами держится за власть.

Что-то нет надежды и на Януковича. У меня создалось впечатление, что он когда-то был кем-то сильно испуган. Дай-то бог ошибиться».

День за днём просматриваю дневник и вижу, что погряз в болоте мелкотемья. Как вам понравятся, например, многодневные раздумья над названием новой книги, которая выросла из повести «Рыжий Кот»? Раньше мне казалось, что главное - написать книгу, а остальное, в том числе и название, приложится само по себе. Увы и ах. Если произведение одномерно, то назови его именем главного героя и всё будет правильно. Но когда в него набежали те, кого не звал, то тут есть над чем задуматься.

К этой проблеме даже Лёня Терентьев подключился, но его предложения в купе с моими не дали нужного результата. Тогда я, исходя из того, что никто лучше поэта не сможет выразить даже захудалую мысль, начал читать стихи.

И вот удача. Если не ошибаюсь, у Гарсия Лорки нашёл выражение: «Мутные стёкла времени». Именно то, что искал! Прибавил к нему слово «сквозь» и заглавие книги готово: «Сквозь мутные стёкла времени». Длинновато, но именно оно выражает суть содержания книги. Ввёл его в текст, вроде прописал по месту жительства, и проблема решена.

Иначе, не так легкомысленно, посмотреть на процесс выбора заглавия своему произведению, позволило обращение редакции еженедельника «2000» (5-12 декабря 2013 г.) к своим читателям: «... обращаемся к вам с просьбой о помощи. Книга уже завершена, но как это часто случается с родителями, им трудно выбрать имя ребёнка. Вот и Сергей (С. Лозунько, автор книги – А.С.) просит наших читателей придумать название для его книги. Присылайте, пожалуйста, свои варианты. Имя самого креативного читателя будет указано в предисловии...»

Если вы, дорогой читатель, еще не уснули над предыдущим текстом, то прочтите уже не о проблеме, а о дурости занявшей мои мысли в этот предвесенний период. Правильнее будет сказать не сами мысли, а кавардак из них.

Толчком послужила моя неспособность ответить на вопрос: где в нашем городе находится армянская церковь? Задали мне его двое молодых людей во время моего прохода мимо мечети Джума-Джами.

Я в растерянности остановился и говорю:

- Где же она? И есть ли она вообще в нашем городе?

- Есть, - утверждают ребята.

Я начинаю перечислять известные мне храмы, но армянского среди них нет. Хлопцы поняли, что толку с меня не будет, поблагодарили и пошли к собору. Я смотрю им вслед и думаю: что это было? И вдруг вспомнил: они спрашивали об армянской церкви! Почему я не смог им ответить? Ведь я там был неоднократно, разговаривал со священником! Даже писал как-то о возвращении храма армянам!

Мне стало не по себе: как ни стараюсь держаться в форме, время своё берёт. Вот оно, шаркающее старческое слабоумие! Не хотелось бы превратиться в огородный продукт. Но если без этого не обойтись, то, пожалуйста, убедившись в моей помидорной сущности, не делайте поспешных выводов, а обернитесь на кустик меня взрастивший, и рассмотрите там то, что позволит сказать: а ведь он не всегда был помидором!

За окном (в тени) +35 градусов, в комнате + 34. Вентилятор гоняет горячий воздух. Хорошо хоть им обзавёлся. Сейчас, как в добрые советские времена, вентиляторы – дефицит. На дверях магазина электротоваров объявление: «Вентиляторов нет». Кондиционеров тоже.

«Добрые» дяди говорят, что жара спадет 18 августа, а «сердитые» - 20, а «злые» обещают жару и в сентябре.

Жара донимает, гнёт к земле. Стало ещё тяжелее ходить, даже по комнате. Всё чаще думаю о том, что будет после того, как отдам концы.

Лена даже по поводу Ники (наша любимая пуделяшка умерла 4 августа) не может до сих пор прийти в себя. В чём-то корит себя, договаривается до того, что Ника еще могла пожить, хотя и несведущему (это я) понятно, что она была обречена.

На данный момент мы представить себе не можем, как будем жить друг без друга. Я говорю Лене: мне будет легче на том свете, если ты не будешь убиваться по мне. Её и поддержать некому: Костя в Москве, других родственников у неё, считай, нет.

А Косте, между прочим, я сказал: узнав о моей кончине, сломя голову, мчись в Евпаторию. Не для того, чтобы почтить мой труп, а ради мамы, которую необходимо будет поддержать в этот час.

По настоянию Лены записываюсь на приём к Олегу Владимировичу Шевнину. 13 сентября я предстал перед внимательным взглядом врача. Вот и решение: сердце и сосуды в относительном порядке. Жить буду.

Олег Владимирович делится впечатлениями о прочитанной трилогии «Крымский къазан». Последнюю книгу он дочитал перед самым отпуском. Под впечатлением от прочитанного, решил объездить все описанные в трилогии крымские места. Ст. Крым, Балаклава, Кафа (так и назвал Феодосию), Мангуп.

Плачу за приём. Шевнин категорически отказывается от денег. Я настаиваю. Он берет меня за плечи, разворачивает к двери: «До свидания, Александр Николаевич, какая плата, вы – великий человек!» Так и было сказано! Спасибо, Олег Владимирович, но больше так не шутите, очень прошу!

58. В РЕДАКЦИИ «ЕЗ»

В апреле всё того же 10-го года понёс в «ЕЗ» новый материал. Знаю, что Нины Борисовны не будет. Обычно вместо неё оставался В. Шелест, а тут В. Чебукин. Когда-то я с ним встречался и разговаривал, но тогда он был директором интерната.

Вхожу в кабинет. Чебукин сидит за приставным столом, лицом к двери. На нем строгий костюм, на голове кепка. Что-то внимательно читает, на приветствие – лёгкое движение рукой: предложение сесть. Сажу напротив, молчу в ожидании внимания к своей особе. «Говорите». Сказано без отрыва от чтения. Понял, что имею дело с интеллектуалом типа Гай Юлия Цезаря. Молча протягиваю свои листики.

Глаза суматошно бегают по ним. Кто так читает! «Отдайте секретарю на регистрацию». Впервые встречаю человека, который ни словом не обмолвился о прочитанном. Похоже на то, что я предложил ему не новый материал в газету, а заявление о заранее оговорённом отпуске.

Мог бы для приличия сказать пару слов, но и этого не сделал, хотя в «табели о рангах» я не последний из самостоятельных авторов «ЕЗ». Уязвлённый, поплёлся к секретарю.

Теперь июль. Понедельник. На этот раз в редакции «ЕЗ» встретился со Щербаковой. Предложил газете небольшое эссе «Зависть». Нина Борисовна прочла его и сказала, что обязательно опубликует. Заметка внесёт разнообразие в официоз газеты.

Но не это было главным в нашей встрече. Нина Борисовна рассказывает. Только перед моим приходом в редакцию, закончилась планёрка, на которой Татьяна Дугиль оболгала редактора.

В прошлую пятницу на Театральной площади состоялся гала-концерт. На планёрке Нина Борисовна констатировала, что концерт прошел интересно, только звук был излишне громким.

На это своеобразно отреагировала Татьяна Дугиль. Она заявила, что редактор на концерте была пьяна, поэтому нормальный звук ей показался громким. К удивлению редактора, планёрка спокойно отреагировала на поклёп Дугиль. Щербакова потребовала от клеветницы письменного объяснения.

Услышав это, я спросил:

- Что Дугиль должна написать?

- Она сорвала планёрку.

- Она дебоширила?

Нина Борисовна не успевает ответить, в кабинет входит сотрудница редакции (я не знаю её имени) и с порога заявляет:

- Нина Борисовна, Дугиль нужно уволить.

- За что? – спрашивает редактор.

- За клевету и хамство, которое она позволила себе на планёрке.

Сотрудница ушла, а Нина Борисовна смотрит на меня, будто спрашивает: «Слышали?»

- За это не увольняют – говорю я ей в ответ и предлагаю: - Пригласите на профком, обсудите на нём её неблагоприятный поступок.

- Председатель профкома - Шелест. А он так и метит на моё место.

Вот и приехали. Оказывается, редактор не имеет необходимой поддержки в коллективе. Проблему «где-то кто-то что-то ляпнул» административными мерами не решают. Здесь требуется решение выразителя мнения коллектива – профкома.

Он отпадает по известной нам причине. Не позавидуешь Нине Борисовне. Вот почему она так часто поговаривает о пенсии. По её словам, ей надо сберечь остатки здоровья для других нужных дел. Наверное, она права.

Интересно, почему И. Мельников оставил вместо себя Щербакову, а не Шелеста? Не говорите мне о том, что так решило собрание коллектива. Илья Борисович обладал достаточным авторитетом, чтобы повлиять на его решение.

Опять июль. На этот раз о встрече с В. Населенко. Если помните, это он своим вмешательством в работу комиссии по Дувановской премии прокатил меня на вороних.

Вхожу в кабинет редактора. Нина Борисовна на своём месте, а он на том, где как-то сидел Чебукин: лицом к двери. Я сказал «Здрассте» и сел лицом к редактору. Успел увидеть, как дернулась рука Населенко, но я свою ему не протянул.

Сию, разговариваю с Ниной Борисовной. Населенко встрял в разговор:

- Вот смотрю, будто мы знакомы, а вспомнить не могу.

- Стоит ли вспоминать, – равнодушно говорю я.

Населенко молча вылез из-за стола и за моей спиной прощается с Ниной Борисовной, а та, наивная душа, решила представить меня. Я не повернулся, не протянул ему руку. Так он и ушел.

20 октября позвонила Н.Б. Щербакова и сообщила, что умер Александр Владимирович Лоевский.

После ухода с должности главного редактора «Крымских известий» он впал в апатию. Не хотел лечиться, плохо ел. Его бывшая жена пыталась расшевелить его, но ей это не удалось. Когда он перестал отвечать на телефонные звонки, она всполошилась.

Ключи от квартиры Лоевского должны быть у соседа. Но они рассорились, и сосед их вернул.

Вскрыли дверь и увидели Лоевского мёртвым. Это было 19 октября. Предположительно, он умер за два дня до этого. 21 октября в «ЕЗ» был некролог в память о замечательном журналисте и краеведе А.В. Лоевском. Там где-то и моя подпись.

Нина Борисовна тут же сообщила, что Лёва Линиченко очень болен.

Лев Григорьевич умер через месяц – 23 ноября после тяжелой болезни на семьдесят третьем году жизни.

59. БУРХАРД МИНИХ И ДРУГИЕ

Прохожу сквером «Огонёк», что возле мечети. Подбегают ко мне две собаки. Одна крупная, другая помельче. Большая гавкнула, чтобы я обратил на неё внимание. Я свободной левой рукой, в правой палка, треплю ей загривок.

Собаке это понравилось, и она, мешая идти, прижалась к моей ноге. Я остановился, но гладить продолжаю. Меньшая собака неожиданно схватила в пасть кисть моей руки, опершуюся на палку. Схватила и, не кусая, держит. Смотрю на неё удивленно, а она будто бы говорит: «Вот видишь, как легко я могла бы тебя укусить, но я этого не делаю. Сама не знаю почему». А я знаю! Начал уже ей гладить загривок, и она сразу же отпустила мою руку.

Вот такая добрая встреча состоялась с милыми бродячими собаками, которым, как выяснилось, не хватало людской ласки.

А вот и новости.

Декабрь. Закончил работу над книгой «Сквозь мутные стёкла времени».

Возникла дикая мысль. Правильнее будет сказать - неожиданная. Вспомнился почему-то фельдмаршал Бурхард Миних. И сразу: что если написать о нём? Ведь он в войне с турками в 1736 году захватывал Евпаторию.

Но постепенно вырисовывается понимание: Крымский поход настолько малая часть жизни этого великого человека, что отделаться только им не удастся. Описывать же всю его богатую событиями жизнь у меня пороку не хватит – не те годы.

За время работы над трилогией «Крымский кьазан» накопилось много «мусора», который не мог использовать в текущей работе, а то и вовсе случайно попавший в сферу моего внимания. Так, собственно, и объявился воевода Василий Голицын.

Ходил на Крым? Два раза ходил. И оба раза неудачно. Кому еще так не везло, как ему? А можно ли поход Миниха назвать удачным? Так что же это получается? Один потоптался у Перекопа и был таков? Другой, как ввалился в Крым, так и вывалился из него. Но, в конце концов, Крым всё же стал российским!

Так вышел на Василия Долгорукова. Я не говорю, что о покорителе Крыма до этого не слышал. Слышал, но увязать его с двумя предшественниками додумался не сразу. Так проклюнулась идея написать о крымских походах.

Леонид Александрович Терентьев, как локомотив потянул меня к конечной станции. Он хорошо освоил Интернет. Пользуясь этим, выискивает в нём материалы и книги по теме близкой к моим будущим трем героям и, скачав всё это на флешку, передаёт мне. Я завален материалами. Садись и пиши.

Помнится, сколько лет потратил на охоту за источниками для создания трилогии. Тогда ни о компьютере, ни об Интернете и мечтать не мог. Я и сейчас не завёл у себя «всемирной паутины» только по той причине, что она есть у Лёни Терентьева.

В противном случае, она и у меня была бы. И я сидел бы за компьютером не 5-6 часов в день, как сейчас, а все 10-12. Не говоря уже о том, что понадобился бы не один день, чтобы научиться пользоваться Интернетом. А стоит ли разбрасываться днями, если тебе уже за 80?

Тут еще одна идея проникла в голову, но уже не мне, а Лёне Терентьеву. Шныря по Интернету, он из бездонных его колодцев вытащил инструкцию «Как опубликовать книгу». Жили без неё и горя не знали. А тут...

Лёня настаивает на необходимости выйти на широкую дорогу. Пора побеспокоить столичные издательства. И вот я, поддавшись его натиску, изучаю эту инструкцию, с нею и другие. Затем, перечитывая сидящую уже в печенках трилогию, пишу синопсисы на каждый том в отдельности.

Если кто не знает, то синопсис – краткое содержание какого-нибудь текста. Итак, перед вами книга в 400 страниц. Вы должны интересно (!) и понятно (!) изложить её содержание на 10-12 страницах. Редактор, прочитав синопсис, должен удивиться и немедленно предложить вам своё сотрудничество.

Может быть у кого-то подобное и случается, но не у меня. Потеряно много времени - и всё кошке под хвост. Успокаиваю себя тем, что Бернард Шоу, гениальный драматург, прежде чем напечататься, был отвергнут 60 издателями.

Этот результат я узнаю позже, а пока, плавно переходя из 2010 года в 2011, продолжаю писать синопсисы.

60. ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ЗНАКОМСТВА

16 января у памятника афганцам состоялась встреча с доселе мне незнакомым Олегом Александровичем Куценко. Мужчина лет 40, приятное умное лицо в обильном обрамлении чёрных волос. Сразу вспомнился Пушкин, который страдал от того, что у него не росла борода, поэтому и холил то, что было - бакенбарды.

Олег Александрович рассказал кратко о себе, о своём друге Максиме Баженове. Они ведут сайт «История Евпатории. От Керкинитиды до наших дней».

После этого начал расхваливать мою повесть «Рыжий Кот». Сетует на то, что нигде не может приобрести экземпляр этой повести. Спросил, кто выведен под именем Толи. Удивился, узнав, что это я. Конечно, в нынешнем состоянии меня трудно представить мальчиком.

Собеседник отмечает, что в повести хорошо описан военный быт города и жаль, что еще не описаны 60-е годы. Я оспариваю этот тезис и показываю ему мою книгу «Из жизни Пospelова». Тут же дарю один экземпляр ему, а другой Баженову.

Олег Александрович смущен, он пытается вручить мне деньги. Тут смущаюсь я, ибо не привык получать за дарёные книги плату. Куценко оказался более настойчивым, и я разбогател на 40 гривен. Расстались, он пообещал позвонить через месяц.

В тот день я не мог знать, насколько значительную роль в моей дальнейшей жизни сыграет этот незаурядный человек и его друг с прекрасной русской фамилией.

Вторая встреча с Олегом Куценко состоялась 31 января. Здесь я познакомился с Максимом Баженовым. Не часто встречаешь человека, к которому с первых слов проникаешься симпатией. Мне приятны люди его типа. Они немногословны, голос их мягок, я бы сказал умиротворяющий. Чаще всего эти люди умны и добры в своих побуждениях. Таким я всегда видел Илью Борисовича Мельникова, вот теперь и Максима Андреевича Баженова.

Разговор опять крутится вокруг «Рыжего Кота». Я, предвидя это, приготовил диск с записью романа «Сквозь мутные стёкла времени», пояснив при этом, что в этой книге они встретятся не только с Костей, но и другими интересными типажками.

Исчерпав одну тему, приступили к другой. Что если повторить издание «Очерков Евпатории»? Олег Александрович гарантирует реализацию. По крайней мере, затраты на издание будут компенсированы. Что-то новое в моей практике - привык дарить книги, а не продавать.

И это не всё. Мне предлагают познакомиться с известным в городе историком Эвальдом Рычко и договориться с ним о редактировании книги очерков.

И вот 10 февраля я встречаюсь с Эвальдом Тадеушевичем у него на квартире. Слушаю его пространную лекцию о древней истории Евпатории. Улавливаю некоторую неточность в изложении факта из книги Эвлия Челеби. Говорю об этом. Эвальд Тадеушевич снимает с полки этот томик и зачитывает нужное место. Я оказался прав. Да и ничего удивительного. Статью о Гезлеве я знаю чуть ли не наизусть.

После этого разговор перешел в другое русло. Рычко успел прочитать мою книгу «Из жизни Пospelова». Посетовал на то, что я осветил мало казусных фактов из жизни как Петунова, так и вообще горкома партии. Пришлось согласиться с критиком, ибо понимаю свою некомпетентность в закулисных историях этого уважаемого учреждения. Жаль, что не был знаком с Эвальдом Тадеушевичем до написания этой книги.

Теперь я с каким-то злорадством забросил «Крымские походы» и полностью завяз в очерках. Лёня Терентьев недоволен. Зачем бросать то, что было начато? Очерки уже были, очерки могут подождать. Всё это так, но не лежит у меня душа к «походам». Почему? Не знаю.

Может, потому, что взявшись горячо за Миниха, быстро понял, что не поддаётся он мне. Не человек, а сфинкс какой-то. Пусть отлежится. Возможно, позже что-то да получится.

Продолжаю работу над очерками. Некоторых из них нет на магнитной записи, приходится снова набирать. Невольно представляю себе, как профессиональный историк будет проверять мои любительские опусы, поэтому стараюсь: я - усердный школьник, пишущий домашнее сочинение.

Вечер. Чувствую себя «не в своей тарелке». Прошу Лену замерить давление. 182/104! Лена ахнул. Началось лечение. Через час уже 142/78. На том бы успокоиться, но Лена ставит на патефон старую пластинку: « Это всё твой компьютер! Когда ты прекратишь гробить себя? Тебе не 30 лет!»

Что делать? Она, наверное, права, но я уже не могу иначе. Я чувствую себя счастливым когда вижу свои мысли, лежащими послушными строчками на экран монитора. У меня тогда часы не тянутся, а послушно следуют излюбленному распорядку.

Что еще нужно старику, чтобы не впасть в грех морализаторства, не скуксится? На удивление, несмотря на болячки, мне много комфортнее жить сейчас, чем было когда-либо в молодости.

Вот и первая ласточка. Звонит из Германии Фёдя Вирко. Когда-то с ним работал на «Вымпеле». Он, у немцев, готовясь к какой-то лекции, заглянул на сайт Баженова-Куценко и нашел мою книгу «Сквозь мутные стёкла времени». Скачал её. Задал несколько вопросов. Просил передать спасибо М. Баженову за эту публикацию.

Сдаю очерки на «растерзание» Эвальду Рычко, а затем у рукописи «Сквозь мутные стёкла времени» подрезаю «хвосты» и 6 апреля везу её в издательство «Крымский Афон». Обещают до конца апреля тираж выдать.

В начале мая встречаюсь с О. Куценко и Э. Рычко. Эвальд Тадеушевич вручает мне рецензированные очерки. Он достаивает их своим послесловием.

Вы знаете, какая фраза из него больше всего обрадовала меня? Вот она: «Пусть читателей не шокирует по-своему прочитанное автором прошлое». И знаете почему? Этим призывом к читателю профессиональный историк отмечает оригинальность («по-своему») автора в трактовке прошлого. К сожалению, он воздержался от более чёткого выражения своего отношения к своеволию автора очерков.

Олег Александрович просит ускорить издание очерков. Я возражаю: недавно потратился на роман «Сквозь мутные стёкла времени», на «Очерки Евпатории» денег нет.

Узнав, что я собираюсь раздаривать весь тираж (50 шт.) романа, Олег Александрович удивился: на его, с Баженовым сайт приходят запросы, где можно купить эту книгу - так о каком раздаривании может идти речь? Он берется помочь с реализацией как этой книги, так и последующих.

61. НА РАЗДЕЛЬНОЙ

Направляюсь на Раздельную, 7 с целью подарить Татьяне Майданюк экземпляр романа «Сквозь мутные стёкла времени», где её брат Костя в числе главных героев.

Я снова в той комнате, где жил мой довоенный друг. Другая мебель, изменена планировка квартиры. Только единственное окно осталось незабываемым. Те же крыши заполняют простор, видимый из него. Мы не раз разглядывали их и рассуждали о том, как легко можно было бы оббежать все эти крыши, ни разу не спустившись на землю.

Таня провожает меня к воротам. Идём через двор и вдруг в мою пятку вцепилась собака. Укуса, по сути, я не почувствовал, ибо она удовлетворилась задником туфли. Таня отчитывает пса, а он, повинно склонив голову, приветливо сигналил мне хвостом, будто спрашивает: это тебе ничего не напомнило? Напомнило.

Вернусь в 20-е годы прошлого века. Николай Стома и Феодора Морозова решили сочетаться браком. К этому времени они так и жили по адресу Раздельная, 7, но своего жилья не имели. Жених снимал угол у домовладелицы Мельцер, а невеста была прислугой у неё.

Николаю, работавшему секретарём ЖАКТа (жилищное акционерное товарищество), по случаю женитьбы, по этому же адресу предоставили комнату, уплотнив купца Василькиоти. Пока Василькиоти не уехали в Грецию, я ходил к ним в гости, где слушал, как тётенька играет на рояле.

После отъезда купцов, их квартира некоторое время стояла свободной, но рояль был на своём месте, только на нём уже никто не играл. Вдруг среди ночи за стеной раздалось монотонное тьяканье сучающей собаки. Откуда взялась?

Утром узнали, что в квартире Василькиоти поселилась большая семья Киржнер. У них же и собака по имени Лялька. Эта маленькая тварь много крови попортила моим родителям, которые, как правило, просыпались от Лялькиных концертов.

Она и детей доставала. Бегаешь по двору и вдруг эта паршивка хватается тебя за голую пятку. Куснула и тут же отскакивает, истошно визжа, будто не она, а её хапнули за пятку.

Вот такую ассоциацию вызвала у меня невинная агрессия дворового пса.

22 июня 2011 года, 12. 00. Выписка из дневника.

«Ровно 70 лет назад мы слушали сообщение о начале войны, решившей судьбу многих миллионов советских людей. Вечная им память!

Я, как могу, участвую процессе сохранения памяти. Благодаря этому память о некоторых из миллионов погибших так и не погасла. Я помню тебя, Костя Майданюк, я помню тебя, Тася Богуславская. Вас, вслед за моей памятью, помнят многие евпаторийцы.

В нашей семье погиб под Севастополем Сергей Волоховский, муж тёти Ани. Геройски сражались на фронтах дяди Трофим и Николай Морозовы. Тяжелую долю крымской партизанки взвалила на себя Прасковья Морозова. Они, все трое, успели и после войны сделать много хорошего для страны.

Великие труженицы мама Феодора, тети Марфа и Анна не сторели в пожаре войны, они не дали умереть и своим детям. Благодаря им, мы долгие годы честно трудились на благо Родины.

Не могу сдержать слёз. Мне не стыдно их. Пусть они будут подтверждением моей искренности в воздании памяти родным и друзьям детства. Вы все живы в моей памяти! Скоро и я буду с вами. До встречи!»

Эта наивная запись сделана под влиянием нахлынувших чувств, возникших в день всеобщей скорби - 22 июня.

62. СКАЗАНО - СДЕЛАНО

Благодаря активному участию Олега Куценко реализация моих книг приобрела совсем другое направление. По договоренности со мной, продажа в пределах типографских расходов – 50 гривен экземпляр, что в разы меньше, чем была бы в книготорге. Но это позволяет возвращать затраты и тем самым заказывать новые партии.

Каким-то образом всплыл интерес к повести «Взятка для начальника ЖЭКа». Олег Александрович попросил дать её почитать, но у меня ни один экземпляр не сохранился. Нет и электронной копии: писал повесть на пишущей машинке. Поделился проблемой с Лёней Терентьевым. У него оказался экземпляр.

Олег Куценко прочел повесть и спросил разрешения разместить её на сайте. Так пришлось списывать электронную копию прямо с книги.

Эта пустая работа совпала с чёрной полосой в настроении: работа над книгой «Крымские походы» ни в дугу. Не думал, что Миних окажется таким вредным мужиком. Как бы ни писал о нём, всё смахивает на милицейский протокол.

К Долгорукому вообще не подступишься. Если жизнь Миниха описывали Манштейн и Костомаров, то о Долгорукове, кроме статей Википедии ничего не нашел. А там, основные вехи его жизни, ни малейших деталей.

Совершенно случайно узнаю, что на белом свете существует роман «Полководец Долгорукий», автор Леонид Ефанов. Попросил Леонида Терентьева поискать эту книгу в Интернете.

И вот в моём компьютере копия романа Л. Ефанова. Просматриваю. Пришел к выводу, что книга написана плохо, но автор компетентен в области истории. Как раз то, чего недостаёт мне.

В романе Л. Ефанова жизнь полководца описана полностью, а мне нужен лишь крымский эпизод его жизни. Отсекаю его и копирую на принтере.

Брать один к одному нельзя. По себе знаю, что один и тот же эпизод можно преподнести по-всякому. Не желая прославиться плагиатором, выбираю те моменты, которые не вызывают сомнения в их достоверности, т.е. то, что не выдуманно, а только использовано автором как исторический факт и не является его собственностью.

К удаче, у Ефанова это было не трудно определить, поэтому проблема в наборе фактов из жизни Долгорукова была более или менее решена. И всё равно сомнения, будет ли книга читабельна, мешают по настоящему засесть за неё.

Не знаю, сколько бы подобное состояние продолжалось, если бы не Олег Куценко. Началось с того, что он передал мне свой разговор с Анатолием Григорьевичем Балабанцевым, главным лорврачом Крыма. Были упомянуты и мои книги. Олег Александрович сообщил главврачу, что я сейчас пишу о крымских походах. Анатолий Григорьевич выразил сомнение в возможности освоить эту тему. Куценко сказал, что раз Стома взялся, то обязательно доведёт работу до конца.

Не знаю, откуда у Олега Александровича такая уверенность, если у меня её не было, но слово сказано. Может показаться странным, но я отнесся к нему также серьёзно, как если бы сказал всё это сам.

С этого момента я помнил, что слово дано и его нужно выполнять. Будь иначе, книги «Крымские походы» могло и не быть.

63. ДУВАНОВСКАЯ ПРЕМИЯ

2012 год.

Жизнь продолжает идти своим чередом и в новом году. Но вот что-то действительно новое проявилось: меня пригласили выступить перед членами Литобъединения. Понимаю, что это большая честь и ответственность. Ведь это не перед детишками выступать, которым достаточно пересказать повесть «Рыжий Кот» и хорошо.

Тут же десятки человек, знакомых с творческим процессом не понаслышке. Чем заинтересовать их, чем увлечь? И тут вспомнилось...

Вспомнилось, как меня чуть ли не сделали «штатным» говоруном. Март 1953 год. Умер И.В. Сталин. Это сейчас можно об этом говорить спокойно, а тогда смерть любимого вождя была трагедией.

В школе рабочей молодёжи митинг по этому случаю. Я один из выступающих. Кстати, не назначенный, а по стремлению рассказать людям о своём горе. Как положено, аплодисментов не было, но по реакции народа понял, что мои чувства переданные словами дошли до их сердец.

Через несколько дней меня вызывают к директрисе и ставят задачу выступить там-то с такой-то речью. Своим отказом вызываю возмущение. Мне, как улику, предъявляют выступление на траурном митинге. Оказывается, такие ораторские способности я не имею права держать втуне. Я объясняю, что «виной» тому было моё искреннее горе по поводу кончины Иосифа Виссарионовича.

Выступление в Литобъединении состоялось и никто, слава богу, не забросал меня тухлыми яйцами.

Буквально через день, а именно 31 января, Олег Куценко сообщил ошеломляющую новость: организация содействия изучению истории Евпатории выдвигает меня на Дувановскую премию. Литобъединение, как зарегистрированная организация, в лице её председателя Юрия Валентиновича Захаренко берет на себя официальную миссию выдвижения.

И уже 4 февраля «ЕЗ» поместила информацию о претендентах на эту премию. Кроме меня, назван художник и скульптор Валентин Перевозчиков. Олег Александрович по собственной инициативе собрал необходимые документы для предъявления их Дувановской комиссии.

«ЕЗ» опубликовала обширную статью о кандидатах на премию, с их фотографиями. Увидев себя на фото (давно не фотографировался), удивился переменам в своём облике. Лена, посмотрев на снимок, сказала, что всё в порядке: такой я и есть. Ей легко говорить: она каждый день меня видит, а каково мне?

4 апреля позвонил Владимир Михайлович Заскока, председатель Дувановской комиссии, и поздравил с премией. Я от души поблагодарил его.

Следом позвонил Олег Куценко и сообщил об этом же. Добавив только, что за меня проголосовали все члены комиссии. Ну что тут скажешь? Валентин Перевозчиков так же стал лауреатом премии.

29 апреля. Открытие курортного сезона. К нему приурочено вручение дипломов. Эта церемония состоялась у городской Доски почета. Дипломы вручал председатель горисполкома или, как сейчас величают, Голова города А.П. Даниленко.

Получил на руки Дувановскую премию - 5 тысяч гривен. Что с нею делать? Посоветовался с Леной и решили, доплатив 1500 гривен, снова издать трилогию «Крымский кьазан» тиражом 50 экз. и раздать её. Ведь, что ни говори, а 5 тысяч – деньги общественные. Олег Александрович с пониманием отнесся к этому намерению и принял активное участие в его реализации.

Вот информация с сайта «История Евпатория. От Керкинитиды до наших дней»:

«23.06.12. Евпаторийский писатель, лауреат Дувановской премии, А.Н. Стома израсходовал премию на переиздание своей трилогии «Крымский кьазан», рассказывающей о Крымском ханстве. Весь тираж передан в дар городским и общественным организациям и учреждениям, а также евпаторийцам, вносящим весомый вклад в популяризацию Евпатории и её истории».

Z. ЭКСПЕРТЫ ЗАДАЮТСЯ ВОПРОСОМ

Итак, он, как обещал, разложил свою жизнь по полкам. И что мы, эксперты, из этого имеем?

2012 год отмечен высокой оценкой литературного труда, совершенного в годы жизненного «листопада», характерного, как правило, не взлётом духа, а увяданием.

Так что же получилось? Почему в активном периоде жизни он не был ознаменован более чем заводской Почётной грамотой, а тут вдруг такое?

Есть над чем задуматься. И конечно о жизни, которую он прожил. Была ли она подлинной, уготованной ему от рождения? Удалось ли ему вопреки обстоятельствам стать её субъектом?

Приходится констатировать: не удалось. Он подчинился совокупности действующих на тот момент условий и, влившись во множество, стал объектом влияния среды.

И только в преклонные годы, освободившись от довлевших ранее обстоятельств и преодолев неуверенность в себе, поверил в данные природой возможности, что и привело к известному результату.

Но может ли оно быть адекватным мерилom всех прожитых до этого лет? Не будем самоутешаться: то, что не было мило с первых же лет жизни и во многие последующие годы, не может быть достойно повторения.

Коллегу с «Вымпела», хотя по другому поводу, мы все же побеспокоим. Её следует поблагодарить за импульс побудивший автора к написанию этой книги. Спасибо Вам, Нина Петровна Пильнова! И дай вам Бог свою благополучную жизнь прожить вторично!

27 декабря 2013 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. О СОБЫТИЯХ 1937 ГОДА

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Едва сумерки прилипли к окнам - Андрюша, ученик второго класса начальной школы №13, под хриплые звуки черной радиотарелки, отправился спать. В это время мать сидела за столом и читала какую-то толстую книгу. Андрюша видел, как у нее слипаются глаза, но она усилием воли снова и снова приоткрывала их. Ей бы тоже лечь спать, но отец еще не вернулся с работы.

Когда утром мальчик открыл глаза, мать сидела на том же самом месте у стола. Ему показалось, что он вовсе не спал, а только вздремнул, но тут заметил, что перед мамой не было той толстенной книги, да и глаза ее были не сонными, а заплаканными. Родительская кровать разобрана, но отца на ней не было, а в коридорчике за дверью, не слышен стук соска ручкомойника. Значит, и там отца нет.

- А где папа? - спросил Андрюша, спуская ноги с постели.

Мать вместо ответа заплакала навзрыд. Сначала сын удивился, а потом встревожился.

- Что-то случилось с папой?

Не прекращая рыдать, мать кивнула.

Андрюше представилось, что отца снова сбила машина. С ним это уже случалось. Переходя дорогу, задумался, и его задел крылом автомобиль. Мама, пережив испуг, спросила в сердцах папу: «О чем ты все время думаешь? «Разве не о чем?» - удивился вопросу отец.

- Мама, почему ты молчишь!? - воскликнул он, вскакивая с постели.

Гуднув носом в полотенце, мать посмотрела на сына опухшими от слез глазами и неожиданно спокойно сказала:

- Его забрало НКВД.

- Как забрало?

- Очень просто. Пришли в час ночи. Сделали обыск и увели...

- А я? Почему меня не разбудила?

- Зачем? Папа, уходя, поцеловал тебя в лоб.

- А за что его забрали?

- Николай (так звали отца) спросил их об этом, но они сами ничего не знали.

Мать снова заплакала. Андрюша знал, что в школе отца одного мальчика тоже арестовали, и во дворе был такой же случай, но не думал, что это коснется и их семьи. Он натянул штаны и сел за стол напротив матери.

- Мне в школу идти?

Она встрепенулась, вытерла лицо полотенцем и строго сказала:

- Обязательно! Сейчас я приготовлю поесть, а ты иди умойся.

Брызнуть на лицо водой секундное дело, и у него осталось время осмотреться. Первое, что увидел, это раскрытый семейный альбом. Фотографии отца и его родственников выдернуты. От одной из них остался оторванный уголок. Книга «Шагреневая кожа», отец читал ее, была заложена на 155 странице. Дверца платяного шкафа открыта. У единственного выходного костюма отца вывернуты карманы.

Андрюша сидел за партой, как никогда, смиренно, но на вопросы учительницы отвечал в невпопад, чем вызвал ее удивленное возмущение:

- Андрусевич, ты учил уроки?

- Учил.

- Так почему ерунду городишь?

- Не знаю.

- Или заболел?

- Не знаю.

- Что ты зарядил, как попка? - спросила Раиса Васильевна и потрогала ладонью его лоб.

- Температуры нет, - сказала она, - а ну повтори таблицу умножения на семь.

Андрюша наморщил лоб, но ни одна цифра в голову не лезла.

- Плохо, Андрусевич, плохо. Давай дневник.

Раиса Васильевна прошла к своему столу и что-то в нем написала. Возвращая дневник, сказала:

- Покажешь родителям и без их подписи в школу не приходи.

Мальчик домой не торопился. На этот раз не ездил на трамвае, а бездумно бродил по закоулкам родного города. Будто старая лошадь, которая неизвестно как находит дорогу к своему стойлу, он незаметно для себя очутился у знакомой калитки. По диагонали, не задерживаясь, прошел через двор. Мамы дома еще не было и... папы тоже.

Вспомнил о дневнике. Достал из ранца и прочел то, что написала Раиса Васильевна: «Ваш сын плохо готовит домашние задания и не знает таблицы умножения. Прошу обратить на это внимание. 24 ноября 1937 года».

Представил как мама, прочитав запись в дневнике, вспомнит, что папа никогда не поднимал на «негодного мальчишку» руку, хотя она неоднократно призывала его к этому, - и вот результат! Она зальется слезами, и будет причитать: «Мало мне одного горя, так тут еще ты свалился на мою голову!» Он невольно заплакал, да так, что не успевал вытирать слезы.

Выплакавшись, умылся и снова, как замороженный, уставился на каллиграфическую запись училки. Нет, показывать это маме никак нельзя! А что делать? Ведь в школу не пустят! После лихорадочного раздумья решил расписаться за отца. Стало легче: он нашел правильное решение. В этот раз пронесет, а потом вырвет лист и мама ни о чем не догадается.

В дневнике была отцова подпись, и он долго всматривался в нее. Буквы «Н» и «А» как-то витиевато переплетались, а заканчивалась подпись бодрым росчерком. Отцов почерк, вспомнил Андрюша, похож на почерк Раисы Васильевны. Ведь не даром, как отец рассказывал, он еще в Польше был учителем в народной школе. Это тут он работает бухгалтером. Кому нужны в

Крымскому польскому или белорусскому языку? В 1923 году Николай Андрусевич, спасаясь от польской охраны, перешел границу. Так он очутился в СССР. Его долго проверяли в Минске, а когда отпустили, он поехал в Крым. Тут и появился на свет Андрюша.

На клочке бумаги мальчик старательно воспроизвел подпись отца. Потом еще и еще. Присмотрелся и понял, что не достиг совершенства. Копия, по сравнению с оригиналом, что куст розы против лебеды. Исчеркал весь листок и только после этого решился расписаться в дневнике.

На следующий день Раиса Васильевна долго гоняла его на уроке арифметики и когда убедилась, что он подтянулся, сказала:

- Ведь можешь, Андрусевич.

Открыв его дневник, чтобы поставить оценку, тут же ахнула:

- Кто это расписался?

Ученик покраснел. Покраснела и учительница, но уже от гнева.

- Как ты посмел подделать подпись отца? - воскликнула она.

Убедившись, что из Андрусевича не выбьешь ни слова, сказала голосом полным презрения:

- Останешься после уроков.

Далее события развивались в такой последовательности: нудная беседа в учительской, разбор случая подделки родительской подписи на собрании класса, а затем и на школьной линейке. Принято решение исключить Андрусевича из октябрят.

Раиса Васильевна пыталась вызвать кого-либо из родителей в школу, но безуспешно. Андрюша упрямо не передавал матери требование учительницы и не показывал ей дневник. Даже угроза исключения из школы не подействовала.

Раиса Васильевна сама пришла к нему домой. Андрюша своевременно увидел ее и спрятался под лестницей во дворе. Только когда учительница с хмурым лицом вышла через калитку на улицу, он покинул свое убежище. Вскоре его позвала мать. Ожидаемой выволочки не было. Он поел и как никогда рано лег спать.

Из октябрят его не исключили, Раиса Васильевна никогда больше не вспоминала о его неудачной подделке.

2. ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «ЕЗ» Н.Б. ЩЕРБАКОВОЙ

Уважаемая Нина Борисовна,

прошу прощения за то, что мои претензии к возглавляемой Вами газете я не представил устно, а предпочел эпистолярный жанр. И все потому, что мне удобнее изложить их на бумаге, а к устному обсуждению, если понадобится, мы всегда сможем прибегнуть.

С некоторых пор я стал замечать, что мои материалы, публикуемые в газете, подвергаются не всегда умелой или же вообще обоснованной правке. При этом замечу: речь идет не о корректуре.

Начну с самого безобидного примера. Номер «ЕЗ» от 19.10.07. «Пушкин или Маяковский». Здесь я употребил жаргонное слово «заманка». Чтобы предвосхитить неудовольствие изысканных читателей, я тут же попросил у них прощения. В редакции посчитали нужным заменить «заманку» на словарное - «вызов». Ваше право, но доведите правку до конца: уберите следующее за ним извинение, ибо просить прощенья не в чем (В газетном тексте столбец четвертый). Извинение осталось и звучит оно теперь как «пришей кобыле хвост». Если бы я прочитал это неуместное извинение у другого автора и не знал бы, что оно плод недоработки редакции, то посчитал бы это неуместным стремлением покрасоваться. Оно мне надо?

Другой материал. 19 марта 2008. «Да вы либерал, Менченко!» Здесь я вынуждено полемицирую с Менченко, отвечая по пунктам на его претензии к моей предыдущей статье: «Предвзято о праздниках». В представленном материале я четко отделил высказывания Менченко от своих, посчитав это существенным условием для понимания сути спора. Получилось: вопрос - ответ. Менченко обозначен буквой «М», Стома буквой «С» Что не понятно? Понятно, но все равно делаем, как хотим.

Первая фраза Менченко, как и было задумано, обозначена фамилией, а моё возражение отмечено не фамилией, а словом «Отвечаю». Вторая фраза Менченко обозначена «М», а мой бесфамильный ответ отделяется от оппонента абзацем. Третья фраза Менченко вообще без обозначения имени. Исправлявший текст, посчитал достаточным вставить: «Читаем дальше» и взять текст Менченко в кавычки. Мое возражение выделяется абзацем и отличается отсутствием кавычек. Далее опять кавычки у Менченко и их отсутствие в ответе. Потом появляется буква «М» и ответ с абзаца.

Текст статьи получился настолько трудным для усвоения, что даже мне, автору этого опуса, пришлось перечитывать его, всматриваться, чтобы разобраться где чье высказывание. Так из-за мизерной экономии площади была безжалостно сломана структура статьи. По мне: нет места - не печатайте! Это будет правильной, чем уродовать материал!

И последнее. «ЕЗ» 22.05.08. Автор А. Рыбин: «Александр Стома: он знает о нас все, а мы о нем?» Заголовок слишком залихватский, аж неудобно. Но это на совести автора. Бог с ним. А вот состояние интервью, помещенное в этой статье требует более тщательного рассмотрения. А. Рыбин, видимо, не сказал в редакции, что интервью, которое он представил, является по сути ответами на анкету разработанную когда-то Ф. Достоевским. В редакции интервью было подвергнуто решительной кастрации. Из 23 пунктов опущены 9, при этом без согласования ни с автором, ни с интервьюируемым. Конечно, при необходимости, можно было бы отбросить менее значимые пункты анкеты, но опять-таки по согласованию!

Дальше - смешнее. Убирая из интервью девять апробированных пунктов, редакция вставляет два своих. Зачем? Неужели только затем, чтобы показать участникам интервью как нужно спрашивать и отвечать? И все это бескорыстно: ведь читатели так и не узнают кто на самом деле автор этой блистательной концовки. Не могу не воспроизвести ее. Вопрос: «Трудно ли быть писателем?» Ответ: «Трудно». Этот вопрос из разряда: «Трудно ли жить?», «Трудно ли дышать?» и т.п. Ответ достоин вопроса. Что он раскрыл, кому от него стало жарко или холодно? «Кто вам помогает?» - последний вопрос. И ответ, якобы мой: «Жена, морально». Почему вы уверены, что я именно так ответил бы? Почему только морально? А может еще как? Кто-то много на себя берет, считая возможным без моего ведома в прессе интерпретировать мои семейные отношения? И все же я хотел бы узнать, с какой целью были встроены эти безыскусные вопросы и такие же, приписанные мне, ответы?

Нина Борисовна, возможно на фоне широких задач, стоящих перед коллективом газеты, мои претензии покажутся брюзжанием старца, не знающего всех тонкостей газетного ремесла. Только мне представляется, что любой автор вправе рассчитывать, что представленный им материал, если и подвергнется правке, то это будет сделано так тонко и так заботливо, что до читателя дойдет именно ЕГО авторский стиль, именно ЕГО мысли и проявится именно ЕГО словесный запас, а не анонимного работника редакции. Мне кажется, что газета только выиграет, если статьи, опубликованные в ней, будут разными. Ведь никто из нас в охотку не пьет дистиллированную воду. Короче, все мы разные. В этом и прелесть общения, в том числе и через газету.

3. Нижеследующую работу включаю по причине упоминания в ней некоторых фактов моей жизни, не вошедших в основной текст данной книги. И еще: в ней мои мысли о сочинительстве. Авось, кому-то пригодятся.

КАК СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ

В ПОМОЩЬ НАЧИНАЮЩЕМУ ЛИТЕРАТОРУ

Я хотел писать, но не знал
как начать, получится ли у меня.

Эрленд Лу,
норвежский писатель

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Все сегодня ходят в сочинителях. Кто тексты (не стихи) к песням кропает, кто к ним набор звуков учиняет, а то и всё сразу. Подобная клубная самодеятельность обуяла многие сферы искусства. Создается впечатление, что происходит что-то несусветное. Если две тысячи лет назад под улюлюканье невежественной и жестокой толпы распяли Иисуса Христа, то сейчас служители мамоны уже под восторженные визги той же толпы распинают культуру.

И присвоили этому явлению названия: поп-культура, поп-арт, постмодернизм etc. Последователи этих «поп» так стараются, что с каждым разом все шире расползается над нами расцветенная привлекательными огоньками пелена безвкусицы. Под ней витает удушливый смрад денег и повальное стремление потешить, испугать, вызвать тошноту. Во все стороны разносится многоголосый призыв: «Да здравствует сладость кошмара!»

Давно подмечено, что человеку свойственно идти по наименьшему сопротивлению. И люди идут. Одни, не имеющие к культуре никакого отношения, диктуют литературный и музыкальный вкус, другие поглощают эти жуткие творения, как голодный кашалот планктон.

Думая над всем этим, я посчитал необходимым хоть как-то противодействовать тотальной попсовизации, и, в меру своих сил, помочь тому кто, вопреки сегодняшним поветриям, видит в литературном творчестве приобщение к истинной культуре, а не сшибание сладких вершков.

Не морщитесь те, кто ждал совета от какого-нибудь современного мэтра литературы. Ему не до нас - он занят созданием очередного шедевра. Ведь не думаете же, вы, что пособие «Как стать миллионером?» напишут для вас Гейтс или Абрамович?

Не совсем правильное соотнесение писателя с миллионером невольно натолкнуло на такую мысль. На телевидении господствуют «Фабрика звезд» с ее ремейками, но нет «Фабрики писателей» или «Фабрики миллионеров». И знаете почему? Не потому, что средствами телевидения изобразить умственное напряжение и высокий творческий подъем невозможно (телевизионщики - ребята ушлые, изловчились бы), а потому, что конечный результат не будет соответствовать задуманному. Представьте себе: кому-то «от сохи» или, как сейчас говорят, «из подворотни», дали несколько раз покривляться перед камерой, и затем объявили его писателем или миллионером. Кто поверит?

Спросил и тут же задумался. А что если «писателю» подсунут тощую книжицу, и он заверит, что только сейчас ее состряпал, а к «миллионеру» в руки пачка зеленых из ниоткуда прилетит? Тогда могут и поверить. Ведь в наше время наибольшую ценность имеет лишь то, что происходит в одно касание - быстро и сразу. Достаточно возбудить низменные клеточки мозга, как сразу фейерверк восторга - какой гэг, поток блаженства - какой кайф! Вот это круто, вот это прикольно, вот это драйв!

А дальше вновь испеченные «писатели» и «миллионеры» будут ездить по городам и весям в сопровождении всяких продюсеров и менеджеров. А те, используя современные шоу-технологии, будут доказывать всему миру, что им, новым лысенко, ничего не стоит создать из лопуха первосортную пшеницу.

И начнут настоящие писатели и миллионеры плакать навзрыд, как это делают сейчас признанные звезды шоу-бизнеса: «Я двадцать лет прорывался к этому статусу, а эти молокососы за три месяца становятся звездами». Жаль только, что эти «звезды» живы одним днем, забывая, что музыка рано или поздно кончается, а жизнь во всей ее тяжести остается. А что касается писателей и миллионеров, то им на самом деле такой кризис не страшен, ибо и тот и другой должен ежедневно доказывать свой статус делом. Кто вышедшими из-под пера строчками, кто

растущими счетами в банках. А это не то, что прохрипеть или прошептать перед микрофоном под лязганье гитар и неистовую дробь барабанов.

Если кого-то удивит, что я ставлю на одну доску писателя, и миллионера, то поясню. У них общее начало. И тот и другой, как правило, не разменивают жизнь на мелочи, они буквально преследуют свою цель, неизменно целеустремленно тянутся к успеху и повседневным умственным трудом достигают его. Но есть и существенная разница между ними. Миллионером можно стать даже в том случае, если ради достижения цели нужно избавиться от таких «мелочей жизни», как: честность, совесть, стыд etc. Писателем - никогда!

Такое, весьма безапелляционное заявление, я понимаю, идет в противоречие с фактами. Книжные полки магазинов забиты сочинениями откровенно мерзостного содержания, и никто не усомнится, что написать такое может только человек самых гнусных правил.

По этому поводу приведу высказывание одного из патриархов массового читав Сидни Шелдона. Он говорит: «Вы знаете, у меня есть теория: если бы в мире не было писателей, то было бы гораздо больше убийц, насильников и поджигателей». Эта теория возникла у Шелдона в связи с тем, что он чувствует себя способным убивать, а романы, в которых он описывает преступления, помогают ему освободиться от той враждебности.

Подтверждение откровения Шелдона находим у Салтыкова-Щедрина: «Каждое произведение беллетристики, не хуже любого ученого трактата, выдает своего автора со всем его внутренним миром». Тогда как же мое утверждение о «безгрешности» писателя? Ничего не остается, как сослаться на закон исключений. Помните со школы: нет правил без исключений?

Жизнь настолько лукава и непредсказуема, что загнать ее в жесткие канонические рамки еще никому не удавалось. Пытались это сделать при Советской власти. Помните, учили, что преступных и других низко моральных деяний при коммунизме не будет? Только потому коммунизм и не состоялся, что строители его не смогли преодолеть преступность, и тем самым привлекательное учение К. Маркса оказалось одним из печальнейших заблуждений всемирной истории. Так стремились, так старались - и все кошке под хвост!

Правда, некое подобие «Фабрики писателей» все же имеет место быть. Это не массовое явление, наоборот, элитарное, но от этого оно не менее гадко. В областных городах, нет-нет да издадут объемистые книги, заполненные бесценными строчками признания в любви к губернатору и его чадам. Эти книги тут же издаются. Авторы помимо гонорара получают общественный статус писателей. На одну из таких книг довелось прочитать удивительную по краткости рецензию: «Коряво, но искренне!» Осталось надеяться, что рецензенту после прочтения 670 страниц той прозаической оды удалось сохранить психическое здоровье и не броситься герою книги на шею, чтобы облобызать его.

Если раньше считалось, что безгливость - одно из условий поддержания здоровья как физического, так и нравственного, то сейчас это ощущение стало тормозом на пути к материальному благополучию, поэтому, наряду с другими низкими принципами, получил второе дыхание и такой: «Воздавший власти, да получит от власти».

Поэтому, если один, из «Фабрики звезд», исполняя песню, вертится и повреждает колени, а не надсаживает голосовые связки, то другой, который из эфемерной «Фабрики писателей», создавая книгу, борется не с холодной буквой, а со страхом растерять любовный порыв к героям своего творения, то они друг от друга мало чем разнятся.

Вся эта преамбула понадобилась для того, чтобы предупредить читателя не тешить себя надеждой сразу стать знаменитостью. Эта книга - не путеводитель по «Фабрике грёз», а клубок ариадновых нитей. Они понадобятся вам для того, чтобы не заблудиться в Лабиринте по пути к Минотавру, а победите вы его или нет, будет зависеть только от вас.

1. NASCUNTUR POETAЕ...

Данная латинская фраза утверждает, что поэтами рождаются, т.е. писателем становится только тот человек, которому Фортуна улыбнулась уже при рождении. Как узнать, была ли благосклонна к вам богиня судьбы при вашем появлении на свет божий? Начнем с самого простого.

В конце Отечественной войны пехотинца Семена Попова переучили на стрелка-радиста, и мы встретились с ним в авиационном полку. Он часто и очень живо рассказывал о войне. Однажды я поинтересовался: почему он не записывает свои воспоминания. Он ответил, что немеет перед белым листом бумаги, сидит и не может вспомнить, о чем хотел писать. Мне это было в диковину, вот не думал, что такое бывает.

Как-то я ухитрился записать один из его рассказов. Потом, как мог, обработал и отдал его Семену. Он был крайне удивлен и обрадован. «Все так и было, - говорил он, читая мной написанное, - неужели я так рассказывал? Но вот этого я не говорил, а вот тут было как-то по-другому, но ничего».

Итак, первое испытание: попробуйте вспомнить и описать какой-либо эпизод из своей или чужой жизни. Допустим, вы свободно излагаете свои мысли на бумаге, а если при этом еще и испытываете трепет восторга от процесса созидания, то вообще хорошо. Но, имейте в виду, это еще не гарантия того, что именно вам улыбнулась Фортуна.

Один мой хороший друг и прекрасный журналист как-то сказал: «Ты знаешь, я могу описать любое событие, сделать анализ, но не могу уйти дальше этого события. У меня не получается, что-то придумать от себя в развитие этих событий, ввести новые персонажи и связать все это воедино». Я понимаю - каждому свое. Журналистика - важная арена мыслительной деятельности человека и совсем иное мастерство и, конечно, уж не низшая форма писательства.

Но это заявление подтолкнуло меня присмотреться к работе некоторых журналистов, и я стал замечать, где они описывают действительное событие, а где начинают фантазировать. Один из них, другой мой друг-журналист, попытался из нашей кратковременной встречи сделать развернутую картину, и вы бы видели, что из этого получилось. Мне пришлось, чуть ли не поругаться с ним, так глупо и безобразно он нафантазировал.

Теперь испытание второе: к тому, что было написано ранее, приплюсуйте новое действующее лицо. Дайте ему имя и придумайте обоснованное действие. Получилось? Хорошо, но и это еще не все.

Случаются в жизни и такие казусы, когда человека невозможно оторвать от бумаги. Его страсть - писать. Что угодно, но писать. К ним, как к никому другому, подходит афоризм обожаемого мною М. Жванецкого. «Писать, - утверждает сатирик, - надо так же, как писать - когда уже терпеть не можешь».

В одном из юношеских журналов было опубликовано письмо за подписью «Морфей». «Родители мои, посчитав, что для шестнадцатилетнего подростка ненормально проводить дни напролет за чтением писем и сочинением ответов, (...) поволокли меня к своему знакомому психиатру. (...) Психиатр долго и обстоятельно расспрашивала меня (...) В конце концов доктор объяснила мне и моим родителям, что, с точки зрения психиатрии, эскапационные люди (от слова «эскапация» - бегство от реальности), увлеченно занимающиеся перепиской посредством почты или Интернета, - суть ущербные. При отсутствии реального живого общения и при наличии некоего комплекса неполноценности, они в конце концов, становятся изгоями общества или его отщепенцами».

Вот такой безапелляционный диагноз. «Морфей», конечно, не согласен с ним и так возражает врачу: «(...) переписка дает мне информации и духовной подпитки не меньше, а в некоторых случаях даже больше, нежели живое общение». Не сомневаясь в умственных способностях этого парня и в его психическом здравии, только подумаю вот над чем: не «энурез» ли у него? То бишь - графомания?

Это явление - не лучшая сторона рассматриваемой проблемы. Этот человек испытывает удовольствие от самого процесса преобразования цепочки абстрактных алфавитных символов в слова, а их в предложения. Возможно, он мало задумывается над тем, ради чего это делает. Если же разохотится и напишет что-то связное, то в этом произведении не будет ни явственной интриги, ни реалистичной детали, а диалоги, в лучшем случае, будут подстать тем, что мы слышим в бразильских сериалах. Вот это и есть графомания, которая, к сожалению, не только не сдает свои позиции, но активизирует их прямо пропорционально росту доходов писаки.

2. НАД ВЫМЫСЛОМ СЛЕЗАМИ ОБОЛЮСЬ

Из сказанного следует, что мало дружить с бумагой и уметь описывать увиденное или пережитое, надо обладать еще способностью отвлеченно мыслить или, что будет точнее, быть способным к художественному вымыслу. Образно говоря, на изображение объективной реальности должен пролиться свет авторской мысли.

Каким бы ярким ни был описанный вами эпизод, но если в нем нет ни капли вымысла, он будет не художественной литературой, а статьей в газету. Хотя и это, само по себе, не плохо.

А если доберетесь до романа, то реальность превратите в обман, тогда как вымысел в этом случае, может возвысить повествование до реальности. Таким образом, ваш роман может стать скучным пересказом чьей-то жизни, которая может быть интересной только самому автору. Как говорил поэт: «Тьмы низких истин мне дороже // Нас возвышающий обман».

Вспомнился эпизод из собственного далекого детства. Было это в начальных классах. Учительница зачитала текст, и мы по нему пишем изложение. Тогда я не знал, что этот эпизод (пожар в усадьбе) из повести А. Пушкина «Дубровский». В отрывке не была указана причина этого бедствия, и я представил себе: «Гром гремит, земля трясется, поп на курице несется», сверкнула молния, и дом загорелся.

При разборе изложений Раиса Васильевна сделала замечание: меня никто не просил исказить зачитанный текст. Позже писали изложение по какой-то сказке, и уж тут учительница меня похвалила за более динамичное, чем в сказке, описание события. Много забылось, а эти эпизоды запомнились. Дальнейшая жизнь показала, что природа дала мне шанс, я его чувствовал, но долго, очень долго не мог им воспользоваться.

Как и всё в жизни, вымысел в литературном произведении должен быть представлен в меру. Правда, если вы пишете откровенный гротеск или фэнтези, как сейчас называют жанр фантазии, то чем невероятнее будут выдуманные вами события и фантастичнее герои, тем с большим интересом подобное произведение будет встречено массовым читателем. Вспомните М. Булгакова и его «Мастера и Маргариту». Но подобные шедевры под силу только тем, у кого, кроме писательского таланта, нелады с психикой. Другой пример - Стивен Кинг.

В середине прошлого века Геббельс на деле доказал, что чем невероятнее ложь, тем больше к ней доверия. К сожалению, постулат фашистского министра не умер вместе с ним. И хотя нынешняя жизнь выкидывает такие штучки, что диву даешься, она, как ни странно, все равно нуждается в убедительном вранье. И чем больше обман возвышается над реальностью, тем вернее приближаемся к художественной достоверности. Для лучшего понимания этого утверждения призовем на помощь Станиславского, классика театральной режиссуры, с его известным: «Не верю!» Это восклицание произнесено в связи с неубедительной игрой актера, ложь (игра) которого была недостоверна, искусственна.

Вот такая коварная дама эта художественная литература, поэтому утверждение, что все вами описанное взято из жизни и поэтому не подлежит сомнению, принимается критикой со скепсисом или вообще не принимается. Помните утверждение, что самый неподобающий жанр в искусстве - скучный? Вот и ломайте мозги над тем, как сделать роман не только достоверным, но и увлекательным. Если вы в состоянии сочетать действительность с вымыслом, то вам и перо в руки.

Правда, бывают и другие моменты в нашей жизни. Рецензент читает рукопись и ему не нравится, что, допустим, советский офицер грубо ведет себя, кричит на детей. Фон этого «безобразия» следующий: первые месяцы войны, ночь, отряд красноармейцев в засаде - ждет высадки немецкого десанта. И вдруг в зоне действия отряда появляются двое ребят лет четырнадцати. Их хватают и ведут к командиру. Тот, уверенный, что перед ним именно те, кого он ждет, строго допрашивает ребят, те, естественно, не признают себя немецкими диверсантами. Офицер кричит. Вот это и не нравится рецензенту. Возражение автора, а он был одним из тех мальчиков, что именно так все и было, литератор отвергает: «Советский офицер не будет кричать на детей и тем более размахивать кулаками перед их лицами».

Нужно ли делать данного командира изысканно вежливым? В угоду идеологам того времени - да, но логика факта, а вместе с ней и правда жизни протестует против этого. При всем пиетете к советскому офицеру нужно понимать, что нервное ожидание может даже ангела превратить в исчадие ада.

Как наиболее зримое и удачное смешение действительности с вымыслом мне видится роман Д. Дефо «Жизнь и необычные приключения Робинзона Крузо». Эта книга, написанная около трехсот лет назад, до сих пор читаема молодежью, а интерпретаций «Робинзона Крузо» неисчислимо множество.

Скорее всего, вы знаете, что прообразом Робинзона был моряк по имени Селькирк. Последние несколько лет, об этом нет-нет да упомянут в какой-либо газете. А в давние времена молодые читатели все принимали за чистую монету. И не мудрено. Автор так достоверно описывает приключения своего героя, что не поверить ему нельзя.

На самом деле Селькирка сняли с необитаемого острова, прямо-таки, в животном состоянии. Он даже говорить разучился. И никого он не одомашнивал, и никакого Пятницы у него не было. Но «версия» Дефо была настолько правдоподобна, что даже сам Селькирк, прочитав роман «о себе», стал пересказывать его, прибавляя, что все именно так и было.

Итак, в действительности мы имеем случай примитивного сосуществования с природой. Человек, оказавшийся наедине с ней, не возвысился над нею, а, наоборот, упрощает свое человеческое предназначение до крайности: питается кореньями, гоняется за козами, убивает их палкой и ест сырое мясо. Если бы Дефо все так и описал, то вряд ли бы мы сейчас о нем говорили. Его Робинзон не просто выживает, он мастерски создает свой мир, окружает себя приятными для него существами. Так, в трудных условиях «острова отчаяния», он сотворил осмысленную жизнь, что и стало заманчивой привлекательностью для читателя. Чем и объясняется долголетие этого романа.

3. ПИШУ - И СЕРДЦЕ НЕ ТОСКУЕТ

В 1894 году молодой И. Бунин встречается с Л. Толстым. Тот наставляет его: «Пишите, пишите, если очень хочется, только помните, что это никак не может быть целью жизни...». Хотя Иван Алексеевич и был под воздействием личности великого писателя, но вряд ли ему захотелось следовать второй части этого напутствия, ведь он уже печатался, а известный критик Н. Михайловский успел к тому времени заявить, что из начинающего автора может получиться «большой писатель».

Мы же воспримем это поучение так, будто оно адресовано нам и для удобства анализа разобьем его на две части. Первая: «Пишите (...), если очень хочется». Вторая: «(...) это никак не может быть целью жизни».

Начнем со второй части. Кому, как не Л. Толстому, знать, насколько каторжным оказывается труд настоящего писателя. Достаточно вспомнить, что «Войну и мир», такую громадину, он видоизменял и переписывал семь раз! На вопрос: «Зачем?» он отвечал: «Золото добывается усиленным промыванием». Кому приходилось делать нечто подобное, тот знает, как трудно заставить себя возвращаться помногу раз к одному и тому же материалу. Старому человеку видимо стало жаль юного Бунина, поэтому он так и сказал. Можно предположить, что за рабочим столом он чувствовал себя подобно Г. Флоберу, который так писал о своих ощущениях: «У меня от белой бумаги кружится голова, а груда очищенных перьев на моем столе представляется мне иногда кустом терновника с огромными шипами, и немало крови я пролил на эти кустики».

А вот как Салтыков-Щедрин оценивал труд писателя: «Ах, это писательское ремесло! Это не только мука, но целый душевный ад. Капля по капле сочится писательская кровь, прежде, нежели попадет под печатный станок».

Кроме этого, в толстовские времена, впрочем, как и сейчас, большая часть авторов не могла рассчитывать на признание и, тем более, на приличное вознаграждение. Из тысяч нынешних писателей известны фамилии только некоторых. Даже из них лишь малая толика считают свое финансовое положение сносным, а удовлетворены литературными заработками - единицы. Среди

них преобладают раскрученные авторы детективных и мистических романов. Остальные «рыцари пера» или бедствуют, или перебиваются, тратя свое драгоценное время на чуждом им поприще, а литературой вынуждены заниматься от случая к случаю.

Вспомните, как В. Астафьеву, великому писателю-солдату, пришлось выпрашивать у Б. Ельцина деньги на издание собрания сочинений в 8 томах, тогда как детективные многотомники выстреливаются, как из ракетной установки «Град».

Из этого следует, что человека, взявшегося за перо, ждут не столько лавры и солидные счета в банке, сколько недооценка обществом, читай издателями. Стоит задуматься и над тем как в такой обстановке сохранять присутствие духа и мир в семье. Широко известный драматург В. Розов, преподавая в московском Литературном институте, так наставлял своих студентов: «Прежде чем вы сядете писать, подумайте о жизни, о том, любите ли вы невесту... Только человек, который рождает детей, может понимать смысл жизни. Что может быть прекраснее отца, который вместе с матерью растит ребенка и знает, что такое пеленки и каша. Сама жизнь, простая, бытовая, - основа искусства».

Конечно, утверждение В. Розова – не откровение, но напоминание о единстве жизни и искусства не бывает лишним.

Мало кто не знает о существовании великой пьесы «Пигмалион». Ее автор, Бернард Шоу, с детства остро ощущал свою одаренность и поэтому решил стать писателем. Он видел свою будущность в написании романов. Его стремление расходилось с желанием матери. В первые годы творчества он, работая на лондонской телефонной станции, зарабатывал гроши, но позже отказался и от этой работы. Он плохо питался, носил рваную обувь, жил на средства своей матери, учительницы музыки. Ее считали плохой матерью, но она никогда не упрекала сына в том, что он «сидит на ее шее».

Он писал роман за романом и отсылал их во все существующие английские издательства. Рукописи возвращались. Б. Шоу впоследствии подсчитал, что ему отказали 60 издательств! В рецензиях на отвергнутые романы отмечалось, что автор проявляет удивительное мастерство диалога. Он решил применить свои способности в пьесах. Только на 41 году жизни (1897) Шоу, получив из США гонорар за пьесу «Ученик дьявола», понял, что покончил с бедностью. В 1930 году был впервые опубликован написанный им еще в 1880 году роман «Незрелость». Заметьте, отвергнутое не одним издательством произведение, было восторженно принято критикой. Вот что значит Имя!

Кто-то потребует более свежих примеров, и я не премину это сделать. На экранах постсоветского пространства с успехом демонстрируется кинофильм «Ночной дозор». Автор сценария писатель С. Лукьяненко, 1968 года рождения. Врач-психиатр. Начал печатать рассказы с 18 лет. Кроме «Ночного дозора», у него еще несколько романов мистико-фантастического характера. В 2004 году в 180-м номере «Комсомольской правды» был опубликован материал, полученный по программе «Прямая линия». Некоторые ответы писателя на вопросы читателей газеты могут и нас заинтересовать.

- Ваша жена выходила замуж за психиатра или за писателя?

- Выходила-то за врача. Но я Софью сразу предупредил, что у нее всегда будет соперница - пишущая машинка. Теперь это компьютер. Часто я принадлежу не ей и ребенку, а своим вымышленным мирам. И лучше ко мне не подходить. Ведь все очень быстро ломается. Достаточно меня попросить, например, вынести мусорное ведро, все равно, мол, сидишь. Я действительно сижу, смотрю в экран. Ведро я, конечно, вынесу, но потом буду еще час заново сидеть.

- Верите ли вы в тайное существование потусторонних сил?

- Нет, не верю. Ауры над головами не вижу. Я, как бывший врач-психиатр, считаю, что взаимодействие человека с потусторонними силами ближе к диагнозу, чем к реальности. А в свой мир я верю, пока пишу. Потом нужно вовремя из него выйти, иначе это уже болезнь.

- Меня зовут Кирилл, я начинающий писатель. Когда на гонорар можно жить?

- Успех появляется, когда автор выдает несколько романов, продающихся тиражом хотя бы 20 тысяч каждый. И в течение года должны быть допечатки тысяч в десять. Лишь семь лет назад книги начали меня кормить. Имя стало мелькать на книжных полках, и читатель запомнил. Прочитав одну книгу, он брал другую. Когда тираж перевалил за 40 тысяч, началась нормальная жизнь.

С. Лукьяненко вполне обеспеченный писатель, поэтому и жена его, кандидат наук, позволила себе оставить работу и заняться воспитанием ребенка. Это хорошо, но на чем строится благополучие?

Не поленитесь и вернитесь к ответу писателя на вопрос о вере его в существование потусторонних сил. Он говорит: - «...взаимодействие человека с потусторонними силами ближе к диагнозу». И дальше: - «...нужно вовремя из него выйти, иначе это уже болезнь».

С. Лукьяненко, как врач, хорошо понимает опасность общения с придуманным им миром, поэтому каждый раз спешит из него выйти, а что делать читателю-ребенку? Каковы будут последствия общения неопытной и неокрепшей души с теми бабайками? Знаем, что творим, но все равно творим. Мамона в восторге.

Количество же семейных трагедий на почве экономических трудностей, а отсюда и непонимания - не перечислить. Вот краткий пересказ письма, опубликованного в журнале «Литературная учеба» (84/2). Женщина, подписавшаяся инициалами, пишет: «Мой муж - молодой писатель. По крайней мере, так он утверждает». На работе у него не ладится, «к нему стали относиться как к не очень серьезному молодому специалисту, пишущему стихи». Наконец были опубликованы два его стихотворения. Это придало надежду, «что если не на работе, то в литературе его дела наладятся». Как-то муж пришел мрачным и заявил, что с поэзией все покончено. Жена обрадовалась, но преждевременно - он сообщил, что теперь «переходит в прозу». Дни и ночи напролет он проводил на кухне, шлепая на машинке. Она же, встречаемая недовольным взглядом, боится заходить туда. Как-то он получил гонорар, и они поехали на юг. Осенью он сдал книгу в издательство, но получил отрицательную рецензию. Снова стал нервничать.

Она верит в способности мужа, стала как-то привыкать к такому образу жизни, но при встрече с друзьями юности ей становилось обидно сознавать, что ее жизнь не так обеспечена и не так стабильна. Заканчивается письмо совсем пессимистично: «(...) не сомневаюсь в том, что прежних отношений между нами не будет, а ведь жизнь у меня одна, и она проходит, а я всего лишь жена молодого писателя». Конца этой истории я не знаю, но, согласитесь, что и без этого понятно, что муж, следуя своему призванию, подверг семью серьезным испытаниям. Зная, как в нашем обществе относятся к начинающим писателям, можно представить, каково ей иметь статус жены молодого писателя.

Есть еще более печальные примеры, но не будем о них. Лучше о радостном. Ф. Достоевскому было 44 года, когда он предложил руку и сердце двадцатилетней Анне Сниткиной. До этого она жила спокойно, радостно и счастливо, поэтому все считали, что этот брак - акт самопожертвования. Писатель, хоть и был уже известным, но из долгов не вылезал. Мы помним его трудную судьбу и, соответственно этому, его мрачные портреты. Но с женой Федору Михайловичу все же повезло.

Прошли годы, и вот что Анна Григорьевна пишет мужу: «(...) Восемь лет! Как они быстро прошли. Голубчик мой, я была очень счастлива и знаю, что никто другой не дал бы мне столько счастья...» Она не была простушкой, как это может показаться.

Вот ее другое письмо: «Не люблю я ссориться: на душе тяжело, мысли такие невеселые, делать ничего не хочется! Я готова лучше уступить, лишь бы сохранить мир». Она не просто уступала, а тушила пустые ссоры милой шуткой.

Анна Достоевская никогда не стремилась выйти из этого нелегкого семейного круга, а со смертью мужа сохранила память о нём.

А как вам, потратившему массу времени и нервной энергии на создание своего литературного детища и испытавшему радость осуществления мечты, прочесть в одной из газет о своем творении примерно такую рецензию: «Тягучий, полный беспросветных длиннот, назойливых повторов и типичного для дебютов самолюбования; с героем беспрестанно рефлексирующим и утирающим слезы-сопли, - это роман...». Далее можно не читать, ибо и так все ясно. «Как теперь людям в глаза смотреть? Как теперь жить?» - спросите вы себя, и, надеюсь, не полезете в петлю, но тошно вам, конечно, станет. Подобных эпизодов в вашей писательской практике может быть множество.

Стоит ли, зная заранее, насколько ухабиста предстоящая дорога, седлать Пегаса? Вот и думайте. А я между тем вспомню для себя, что не хлебом единым жив человек, и разве не в страданиях и невзгодах куется характер настоящего человека? Разве не борцам удается жизнь?

Сам по себе любой творческий труд приносит массу положительных эмоций, которые образуют радостный фон жизни, позволяющий ради этого не считаться с материальными невзгодами. Каждый из нас в состоянии вспомнить не одно имя такого талантливого чудака. Он может быть и кузнецом, и сапожником, ибо человек, создавший новый качественный продукт и есть талант, независимо от того, что он создал. Литературный труд - не исключение. Какая радость сознавать, что из-под вашей кувалды, напильника или пера вышло цельное произведение! Не буду употреблять банальных сравнений, они все равно не отразят всего сонма чувств и того блаженства, которые испытывает человек, держа в руках законченную вещь, а если ее еще удастся продать (издать), то это вообще восторг!

В связи с этим приведу близкое нам по теме высказывание Б. Окуджавы: «Я понимаю, что печатание - это право на известность, на удачу, на выход в свет. Но главное - безумство творчества, стремление создать, а не опубликовать, надежда выразить себя, выкрикнуть что-то свое». От себя замечу, что так может рассуждать человек, не имеющий проблем с издателями.

На эту тему мы еще будем говорить, а сейчас включу в свой текст недавно прочитанный «воплъ» одной писательницы. Вот он: «Мое детище - роман «Наказаны любовью без помилования» - никак не может увидеть свет. Это так больно! Год работала по 12 часов в сутки, 3 раза переписывала текст в 400 стр.».

Можно догадаться, что цитируемая дама уже обращалась в редакции и ей отказали в публикации за счет издательства. Допустим, добудет она деньги (хорошо если спонсор, а коль влезет в долги, то не дай бог), и издаст книгу. И узнает, что ее прежние муки несравнимы с новыми. Она столкнется с проблемой реализации. Если удастся найти продавца, то выяснится, что писательский труд ценится много ниже труда торговца - так высоки будут накладные расходы. Все мытарства с реализацией приведут, в конце концов к горькой мысли, что написать книгу гораздо легче, чем потом избавиться от нее.

В советскую пору с этим у авторов не было проблем. Тогда было почетно слыть культурным человеком, быть начитанным и иметь дома приличную библиотеку.

Сейчас книги вытеснили другие, более современные забавы. Да и реализация приобрела сугубо коммерческий характер, при котором процесс списания стал не просто снятием с подотчета, а отнесением к убыткам. Вот и осторожничают издатели, гадая, как воспримет ваше произведение читатель, не настроенный на глубокое осмысление описанных вами эпических событий.

Теперь, когда, на мой взгляд, вы все знаете, предстоит принять решение - стоит ли начинать? Может, лучше не терзать себя и своих близких, а продолжать вести обычную, размеренную жизнь, ведь и в ней немало прелестей? Если пришли к такому решению, то захлопните эту книгу и не бередите себе душу. Но, если пришли к выводу, что следует попытаться счастья, то наберитесь терпения и будьте готовы отмечать не только праздники души, но и проводы несбывшихся мечтаний. Крепости духа вам, друзья!

Теперь приступим к первой части толстовского напутствия. «Пишите, - говорит классик, - если очень хочется». Ну, мы уже решили, что писать просто жаждем, поэтому и займемся развитием этой темы.

Многим известен завет: «Ни дня без строчки». Он несколько искажает первоисточник, но смысл остался. Вряд ли в нашем мире, помешанном на статистике, имеется сравнительное исследование, в котором говорилось бы, что вот этот писатель каждый день писал ту заветную строчку, а другой через день, а вот этот вообще раз в неделю садился за стол. И извольте - результат.

Не встречал такого исследования и, думаю, его быть не может, потому что творческий процесс, потому и творческий, что не укладывается в рядки, которые и пересчитать легко и осмотреть со всех сторон можно. Бывает, мается человек, ходит вокруг стола, как кот вокруг горячей каши, и не решается сесть за него, ибо знает, что если и сядет, то все равного ничего путного не напишет - «не пойдет». В другой же раз - пишет и остановись шар земной - не заметит. Порою так испишется, что на родившийся столькими усилиями текст смотрит, как мышь на крупу. Получается как в том анекдоте: «Утром едешь на дачу, к свежему воздуху и природе, а вечером возвращаешься с этого долбаного огорода».

Короче говоря, мне думается, что не нужно умирать, чтобы выдавать на-гора ежедневные строчки. Главное - не выключать мыслительный процесс. При ходьбе, при чтении чего-либо, при беседе с кем-либо, вы мысленно постоянно на острие той темы, которая уже начала владеть вами и даже воплощаться на бумаге. Теперь она лежит на вашем столе и жаждет той минуты, когда вы снова вернетесь к ней, развернете и будете из хаоса мыслей создавать симфонию слов. У писателя не бывает выходных или отпусков, днем и ночью он в творческом томлении. Работа от случая к случаю пагубна для него. Постоянство - вот что дает результат! Вольтер по этому поводу утверждал: «Для великих дел необходимо неутомимое постоянство».

Скандално известный автор «Голубого сала» В. Сорокин так сказал корреспонденту газеты о себе как о писателе: «Я занимаюсь литературой, потому что с детства был подсажен на этот наркотик. Я литературный наркоман, как и вы, но я еще умею изготавливать эти наркотики, что не каждый может». Это откровение дорого тем, что писатель первым уподобил литературу наркотику. Вряд ли я стану удовлетворять свои читательские интересы творениями Сорокина, но этот образ, хоть и груб, но ярок и правдив.

4. КАК СЕРДЦУ ВЫСКАЗАТЬ СЕБЯ?

Не секрет, что развитие техники упрощает мышление, оно становится менее эмоциональным, более рациональным, наблюдается тенденция преобладания голого разума над высокими чувствами. Писатель, как может, должен сопротивляться этой тенденции и не обеднять своих чувств, иначе его произведения станут сродни инструкции по эксплуатации очередного чуда техники или копией милицейского протокола.

Насколько деликатен мыслительный аппарат человека, свидетельствует хотя и шутливая, но со смыслом, рекомендация медиков не назначать транквилизаторы людям творческих профессий. Принимая их, они теряют остроту восприятия. Например, если бы художнику Ван Гогу дали такие таблетки, он бы ухо себе не отрезал, но и, возможно, не написал бы свои шедевры.

Наиболее простым и доступным средством сохранения своего психологического и художественного уровня, и утоления духовной жажды можно считать чтение книг. Вообще, как мне думается, человек обладающий задатками писателя, уже по определению, не может быть равнодушным к художественной литературе. Чем больше он читает, тем шире его кругозор, тем ему понятнее волшебная сила слова, тем глубже в своих мыслях он проникнет в сущность человека.

Я не собираюсь кому-то, что-то рекомендовать для чтения. Выбирайте сами. Тем более что я почти не знаю современной литературы - пробавляюсь классикой. Кстати, зашел на днях в книжный магазин, целую вечность не был там, и приятно удивился. На полках появились прекрасно изданные книги прошлых времен. Это хороший признак. Позволю себе смелое

предположение, что появились новые читатели, охочие до настоящей литературы. Будь иначе, не стали бы издатели возрождать то, на что когда-то плюнули.

К моему огорчению, не нашел на полках творений современного классика В. Пелевина. Ведь до сих пор ничего из него не читал. А интересно было бы получить собственное мнение, а так приходится читать всякое.... Но об этом попозже, а сейчас беру в руки ярко оформленную книжонку и, раскрыв наугад страницу, читаю: «Обрати внимание, как грамотно с него снимают кожу. Если подвесить человека вниз головой, то кровь задержится в мозге и болевой шок наступит не скоро». Передернуло.

Прибавьте к подобному чтиву схожие телевизионные передачи и подумайте, каким со временем может стать ваше психическое и нравственное состояние, до какого уровня оно опустится? Кто-то сгоряча скажет, что он «не берет все такое в голову» и на него это не действует. Глубокое заблуждение. На человека действует любая информация, в том числе и улавливаемая только подсознанием. вспомните, как тотальная пропаганда сделала ваших дедов и отцов убежденными коммунистами. Вот образчик того времени: «Ураганный, большевистский огонь по конкретным носителям оппортунистической пассивности!» Как вам лозунг? Чувствуется нажим? И такое изо дня в день. Подобное, правда, несколько другой окраски, наблюдается и сегодня.

Так что, если хотите посвятить свою жизнь высокой миссии писателя, то избегайте соприкосновения с подобными произведениями «искусства», бойтесь их и не стесняйтесь признаваться в этом. Человечество оставило громадный пласт настоящей культуры, вот и пользуйтесь ею.

Продолжим. Мыслительный процесс - наиболее сложный и поэтому самая интересная часть творческого труда человека. Руководить своей мыслью невозможно, ее можно только ловить, хватать на лету, чтобы затем выразить словами. «Пыл страстей возвышенных я чувствую, но слов не нахожу», говорил поэт. Такое мучительное страдание знакомо всем серьезно пишущим. К счастью, случаются и прозрения. В это время мысль становится яснее и определеннее, чувствуется, что она вот-вот воплотится в желанное слово, отражающее «темный бред души и трав неясный запах». Знайте, это прихлынула волна вдохновения.

Помните у Пушкина? «И мысли в голове волнуются к отваге, // И рифмы легкие навстречу им бегут, // И пальцы просятся к перу, перо к бумаге // Минута - и стихи свободно потекут». И еще: «И забываю мир и в сладкой тишине // Я сладко усыплен моим воображеньем, // и пробуждается поэзия во мне...»

Интуицию поэты называют цветком разума, обыватели – чутьем или знанием без понимания, а наука трактует это слово как безотчетное чувство, основанное на предшествующем опыте и подсказывающее правильное понимание. Ну, просто мистика какая-то. А вот как А. Платонов в романе «Чевенгур» описывает мыслительный процесс: «Карей стал слушать шум в своей голове и ожидать оттуда думы, пока у него от усердия и прилива крови не закипела сера в ушах». Вот как нужно напрягаться, чтобы «думы» появились!

Ярко и осязаемо интуиция проявляется при накатывающейся волне вдохновения. Она направляет мысль писателя на те материалы, которые ему сейчас нужны, способствует правильной сортировке «руды», озаряет ум законченностью мысли и затем сияет в итогах.

Известно, что интуиция, как форма мысли, в своем проявлении не руководствуется логикой, но существует и другой вид мышления, называемый индукцией или дедукцией. Разница между ними в том, что в первом случае логическое умозаключение идет от частного к общему, а во втором от общего к частному. Процесс творчества писателя - это та же индукция и чем индуктивнее творчество, тем оно художественнее.

В состоянии вдохновения, человек впадает своего рода в молитвенное настроение, он отвлекается от всех мелочей жизни и его душа озаряется внутренним светом. Порой он сам не знает, что сейчас создаст, но уже чувствует, что образ вот-вот созреет в его голове и затем воплотится в строчках.

Пусть читателя не смущает некоторый налет религиозности в этих рассуждениях, но он, надеюсь, понятен - другими словами состояние вдохновения трудно передать. Это великолепное чувство идет откуда-то извне и, что важно, приходит только в том случае, если у писателя «лень не раньше его родилась». Вот что пишет П. Чайковский в одном из своих писем: «Нет никакого сомнения, что даже и величайшие музыкальные гении работали, иногда не согретые вдохновением. Это такой гость, который не всегда является на первый зов. Между тем, работать нужно всегда, и настоящий честный артист не может сидеть, сложа руки, под предлогом, что он не расположен. Если ждать расположения и не пытаться идти навстречу к нему, то легко впасть в лень, апатию. Со мною случилось не далее, как сегодня. Я работал эти дни без увлечения. Стоило мне поддаться неохоте работать, и я бы, наверное, ничего не сделал. Но вера и терпение никогда не покидают меня, и сегодня с утра я был охвачен тем непонятным и неизвестно откуда берущимся огнем вдохновения, благодаря которому я знаю, что все написанное мною сегодня будет иметь свойства западать в сердца и оставлять в них впечатление. Я приучил себя никогда не поддаваться неохоте».

Этими высказываниями великого композитора можно было бы и закончить тему о вдохновении, если бы на глаза не попала запись откровения, привлекшего внимание своей абсурдностью. Это утверждение одного писателя-сценариста, который, исходя из собственного творческого опыта, заявляет что вдохновения, как такового, не существует в природе. В любой момент жизни он сам, видите ли, может сесть за стол и писать обычным темпом. «Сиди и пиши, а текст так и чешет из-под пера». Не буду иронизировать по этому поводу - в жизни всякое бывает. Один идет в гости с бутылкой водки, другой несет цветы. Все зависит от того, кто идет и к кому идет. Забыл сказать, что этот автор пишет сценарии милицейских сериалов.

Недавно прочел такое воздыхание: «Написать книжку тяжкий труд. Нужно вставать каждое утро. Я же не Пушкин - меня не осеняет». Зря этот писатель думает, что великому поэту все легко давалось. Достаточно посмотреть автографы некоторых его стихотворений, чтобы увидеть, что привычные вершины литературного творчества давались и ему упорным трудом.

Прошли те времена, когда считали, что искусство, в том числе и литература, должно нравственно поднимать человека на новую, высшую ступень. Сейчас эта проблема даже не рассматривается. Одна писательница так и заявила: «Все мои героини отличаются слабостями и недостатками, ведь идеальные героини никому не интересны».

Нужно ли вдохновение, чтобы описывать как человеку дробят кости или как-то по другому лишают жизни? Не знаю, не увлекался этим. Если взять на веру утверждение апологетов попсы, что современное искусство отражает реальность нашей жизни, то непременно удивишься, увидев в городах и селах людей без дырок во лбу. И они (подумать только!) ездят не на «стрелку», а на заурядную работу. Я понимаю, что мои примеры не всех убедят, ведь у нас нет исследования по поводу того, в какие моменты к творческой личности приходит вдохновение, а в какие нет, но не удержусь и предположить, что «чернуху» можно писать и без вдохновения. Отсюда вопрос: искусство ли это вообще?

5. НЕ ЗНАЮ САМ, ЧТО БУДУ ПЕТЬ

Мы подошли вплотную к описанию творческого процесса. Чтобы что-то создать, нужно иметь представление, что из того материала, которым вы располагаете, должно, в конце концов получиться. Для небольшого рассказа достаточно увидеть или придумать какой-то эпизод, для повести или романа ужас, сколько всего надо! Поэтому писатели чаще всего начинают с рассказов. Такой выбор обоснован хотя бы тем, что рассказ не бывает многоядным или многоплановым, отсюда с ним легче справиться. Если случится неудача, то она не так болезненна, как при крахе большого произведения. По мере накопления творческого опыта у вас развивается логическое мышление, отрабатывается умение мотивировать поступки героев, шлифуется стиль. При создании рассказов вам раз от разу приходится задумываться над концовкой, а это наиболее трудное в литературном процессе (почитайте рассказы О. Генри)

Начинающему писателю очень повезет, если найдет издание, в котором мог бы печатать свои произведения. Чаще всего это бывает местная газета, и молитесь на редактора, дающего вам возможность проявить себя, прислушивайтесь к его замечаниям, не стройте из себя Чехова.

После публикации рассказа возьмите свой черновик и сравните с текстом, увидевшим свет. Как правило, хороший редактор так искусно подправит ваш корявый текст, что вы этого сразу и не заметите. Ваше предложение, не меняя смысла, станет удобочитаемым, исчезнут стилистические ошибки. Используйте любую возможность получить грамотную оценку вашего произведения. Принимайте ее с благодарностью. Дома можете пересмотреть замечания и уж там согласиться с ними или нет.

Конечно, если, прежде чем сесть за рабочий стол, у вас есть уверенность, что осилите роман и у вас для него накоплен достаточный материал, то с Богом, пишите роман. Здесь вспомнились две заметные личности в русской литературе: В. Быков и В. Пикуль. Первый начинал с рассказов, второй сразу с романа. В мою задачу не входит анализировать их творчество, скажу только, что с удовольствием читал и того и другого, но ни разу не приходилось слышать, что у Быкова плохой стиль, а вот о Пикуле сколько угодно. Я и сам до сих пор не могу забыть его «раскаленный пар» из романа «Крейсера». Будет не корректно сразу делать вывод: начинайте только с рассказов. Начинайте с чего хотите, но согласитесь, что без навыка выражать свои мысли кратко и точно будет очень трудно создать вещь с высокими художественными свойствами, вернее - невозможно. Ведь не «чернуху» же мы собираемся писать.

Случается, что наши творческие задумки не воплощаются в жизнь, и мы спешим делать выводы о своей бездарности. Не люблю утверждения, что творческая личность обязательно должна быть сомневающейся. Сколько раз приходилось читать примерно такую фразу: «Как и все по-настоящему талантливые люди, он вечно сомневался в себе». Считаю это не заблуждением, а вредным искажением истины. Постоянные сомнения в себе - это клиника, признак душевного разлада. Здесь лечиться надо.

Пусть не сбивают вас с избранного пути возможные неудачи. Они могут быть не только у вас, они не обходили и великих. Вот один пример. В конце 80-х годов XIX века А. Чехов начал писать роман. Он сообщает об этом своему издателю: «Я пишу роман!! Пишу, пишу, и конца не видать моему писанию...» Чехов так увлекся своим замыслом, так был уверен, что роман выведет его на большую столбовую дорогу литературы, что о другом уже думать не мог, но вот работа над романом застопорилась. «Еле справляюсь с техникой. Слаб еще по этой части и чувствую, что делаю массу грубых ошибок», - признается он в другом письме.

В это время Антону Павловичу под 30 лет, он был уже известным литературным автором. Им написаны «Хамелеон», «Унтер Пришибеев», пьесы «Чайка» и «Дядя Ваня». Но в тот период в русском обществе властвовал роман, поэтому Чехов и стремился посредством его войти в высший разряд литераторов. Не получилось и, видимо, к лучшему. В последующем Чехов отмечал, что своим творчеством именно он открыл дорогу короткой форме литературного творчества.

К сожалению, от неудачно начатого романа не осталось и следа. Видимо все написанное было уничтожено самим автором. Исследователь творчества писателя говорит, что Чехов, приступая к нему, по сути, совершил насилие над своим талантом, над присущим ему лаконизмом.

Вы думаете, писатель впал в хандру? Наоборот, освободившись от несвойственной ему работы, он, как избавившаяся от гнета пружина, выпрямился, и под его пером стали рождаться еще более изумительные рассказы.

До сего момента я преднамеренно избегал упоминать слово «сюжет», сейчас же очень кратко поясню значение его, и пойдем дальше. СЮЖЕТ, если перевести это слово с латинского, означает: «подброшенное», то есть факт, подброшенный жизнью. Другое толкование: СЮЖЕТ - концепция действительности. При этом слово «концепция» трактуется как система взглядов. И, наконец, толкование из словаря иностранных слов: «СЮЖЕТ (с франц.) - последовательность и связь описания событий в произведении литературы, в фильме». Из всего сказанного, мне всего ближе: СЮЖЕТ - это факт, подброшенный жизнью.

Широко известно, что Пушкин дал Гоголю сюжет романа. Позже он воплотился в «Мертвых душах». Вспомним другое. Забавный повествователь О. Генри постоянно испытывал

нехватку сюжетов для своих многочисленных рассказов. Он их искал где угодно, даже в тюрьме, и платил за сюжеты деньги.

Пусть мой читатель, располагающий интересными сюжетами, не тешит себя надеждой сесть и тут же создать нечто подобное «Мертвым душам» или «Вождя краснокожих»

Вот что пишет критик («Известия» 09.04.03) об упомянутом ранее В. Пелевине «(...) строить острый сюжет не умеет - его фабульные конструкции примитивны, подчиняются нехитрой схеме: «герой пошел на улицу, встретил такого-то; потом опять пошел на улицу и встретил такого-то, наконец, он пошел на улицу и такого-то встретил». Здесь время вспомнить о другом понятии - ФАБУЛА.

Сюжет и фабула так тесно связаны друг с другом, что не все могут найти различия между ними. Начнем с В. Шкловского, известного литературного теоретика. Он заявляет, что «фабула есть лишь материал для сюжетного оформления». Мне в этой мысли не нравится слово «лишь». Получается так, что был бы сюжет, а все остальное слова доброго не стоит.

Трактовка словаря иностранных слов: «ФАБУЛА (лат.) - сюжетная основа художественного произведения, представленная литературной традицией расстановки лиц и событий».

А вот сравнение М. Горького факта с курицей. Я позволю себе вольность, и буду считать слово «факт» синонимом слову «сюжет». Алексей Максимович просто и очень убедительно доказывает, почему пользоваться фактом нужно с умом. По нему воспользоваться фактом без его обработки все равно, что варить курицу, не ошипав и не распотрошив ее. Так и с сюжетом. Каким бы привлекательным он ни был, с ним еще нужно работать и работать. Вот этот процесс и выражает слово «фабула», то есть воплощение сюжета в художественное произведение. И от вашего умения будет зависеть, что получится из той курицы. Скептик скажет: курица и получится. Правильно. Так и будет, если бездумно присовокупить к ней только шмат хлеба и щепоть соли. Согласитесь, что такой результат подстать кухарке с полевого стана.

Если для рассказа и романа в одинаковой мере нужен сюжет, то для большого произведения, кроме этого, необходимо накопить целую кучу фактических материалов из той эпохи, в которую вы собираетесь вторгнуться. Сами подумайте, просто необходимо знать, какая валюта ходила в тот период, какую одежду носили, что ели, чем ели и многое другое. А если вы взялись описать жизнь исторической личности, то тут вообще не перечислять того, что должно знать об этом конкретном человеке - его рост, осанку, привычки, пристрастия и многое другое.

Чтобы постоянно видеть перед собой этого человека, важно иметь перед собой его портрет, а если его изображение не сохранилось, то придется изучить десятки других лиц той эпохи. В свое время у В. Пикуля в квартире была целая галерея портретов людей из разных эпох и ему это, по его словам, очень помогало в работе.

Коль заговорили о портрете, то нужно договориться вот о чем. Историческую личность не мешает описать близко к оригиналу. Помните «сократовский лоб» увиденный Горьким у Ленина? Было бы большой ошибкой не «заметить» эту характерную деталь лица пролетарского вождя. Все же остальные лица обычно отражают только то, что в данном случае необходимо писателю для придания образу художественной достоверности.

Вот несколько характерных высказываний классиков по этому поводу.

«Я никогда не писал портрета, в смысле простой копии» Н. Гоголь.

«Я бы стыдился печататься, ежели бы весь труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить». Л. Толстой.

«Я никогда не пишу с натуры!» А. Чехов.

«Я положительно враг рабского описывания с натуры» В. Короленко.

«Я портретов с живых людей не пишу...» М. Горький.

Немалую часть писательского труда составляет накопление материала. Вряд ли кому-то из нас не приходилось слышать о записных книжках Чехова. Выдержки из них публиковались в

массовой печати. Он рекомендовал не заполнять свою записную книжку описаниями природы. Эти картины возникнут перед вами сами собой в тот момент, когда они вам понадобятся. «Но, - советовал А. Чехов, - голый факт, редкое имя, техническое название надо занести в книжку - иначе забудется, рассеется».

То, что у писателя должны быть записные книжки - неоспоримо. В них заносятся интересные факты общего порядка и такие же мысли, но, кроме этого, необходим запас сведений по конкретной проблеме, над которой писатель собирается работать. Начинается предстартовое волнение. Проклевывается тема, но жизнестоек ли зародыш? Просматриваются перспективы, но приблизятся ли они? Есть искомый материал, но будет ли он доступен? Прямо-таки - брожение души. Оно может продолжаться месяцами, а то и тягостными годами, ибо до последнего не знаешь, что из задуманного получится.

Ярослав Голованов, известный журналист, отметил для себя (ноябрь 2002 года) вот такой факт: «Замечательную интересную книжку написал (издал и подарил) Эдик Успенский. Оказывается, он с детства интересовался эпохой Лжедмитрия.... Собирал книги, перелопатил уйму архивных материалов. Сочинение получилось очень занятное:... Я спросил у него, будет ли он и впредь сочинять исторические романы. «Ни за что! - воскликнул Эдик. - Это невероятно трудно!» Я-то знаю по «Королеву», как это трудно. Ведь все факты за тебя уже написала история, ничего тебе самому выдумывать не надо. Тебе остается только осмыслить и расположить эти факты, не искажая их исторической природы. Но насколько легче было бы их придумать самому! Эдик собирал материалы и писал своего Лжедмитрия 20 лет. Я собирал, (и сейчас собираю) материалы о Королеве 26 лет. Все правильно: для того, чтобы узнать жизнь другого человека, требуется как минимум треть собственной жизни»

Надеюсь, что каждый человек, ступивший на стезю писателя, сам, без подсказки, разберется какой конкретно материал ему может понадобиться, поэтому нет смысла заниматься пустым перечислением, но некоторые советы будут полезны, особенно для тех, кто только собирается стать писателем.

Анекдот. Мальчик спросил: «Папа, а что нужно, чтобы стать писателем?» Отец ответил: «Надо уметь писать, сынок». Родитель что-то не то сказал? Тогда почему смеетесь? Ах, вы не смеетесь? Тогда почему вы не смеетесь? Вы согласны с папой? Правильно, нет писателя, который не умел бы писать, так же как нет человека, который бы не мог дышать. Но как мало только этой способности, чтобы пройти отведенный вам жизненный путь. Но в данном случае папа поступил мудро - зачем ребенку забивать голову тем, что в действительности нужно уметь делать человеку, чтобы стать писателем. Он все равно всего не осмыслит. Пусть учится писать, а там время покажет.

Возможно, кто-то захочет трактовать слово «писать» как «сочинять», и тогда предыдущее рассуждение теряет смысл. Но тогда и диалог сына с папой перестает быть анекдотом. Двойное толкование фраз фактически может иметь место. При этом не всегда удастся уловить истинный смысл, поэтому, если хотеть быть понятым лучше избегать их. Вот такой пример: «После визита врача, больной начал отходить». Попробуйте уяснить для себя, что в действительности стало с больным.

В прекрасной книге Е. Гинзбург «Крутой маршрут» приведен интересный для нас эпизод. В конце своего мученичества писательница в Магадане. Здесь преподает офицерам НКВД русский язык и литературу. Один из слушателей заявляет примерно следующее (у меня нет под рукой этой книги): «Писателем стать совсем просто. Для этого достаточно придумать какую-нибудь историю, разбавить ее описаниями природы - и книга готова!» К сожалению, не так уж редки упрощенные взгляды на писательский труд. Если человек примет их всерьез, то число разочаровавшихся в жизни увеличится.

Допустим, вы накопили приличный запас нужного вам материала и готовы садиться за стол, чтобы на его основе писать книгу. Будь вы металлургом, и у вас был бы достаточный запас руды, то самое время загружать домну, но вы писатель, поэтому для включения творческого процесса наличия «руды» явно недостаточно. Необходимо задействовать мыслительный процесс,

но как это сделать - не научишь. Просто знайте, что прежняя интенсивность мышления сейчас будет недостаточна. Наступило время вскипятить серу в ушах.

Очень важно в творческом процессе находиться в постоянном поиске. Искать не только на стороне, но и в собственных запасниках. Когда Гоголь получил от Пушкина идею для «Мертвых душ», то оказались к месту его прежние заметки. Он еще мальчишкой вел записи наблюдаемых им явлений и не стеснялся обременять своих родных и знакомых письмами, в которых просил описывать подробности быта украинцев. (Это пригодилось ему при написании миргородских повестей). Вот одна лишь цитата из подобного письма: «Вы не сердитесь, моя великодушная маменька, что я вас часто беспокою просьбой доставлять мне сведения о Малороссии или что-либо подобное. Это составляет мой хлеб».

Наиболее экономно и точно выразил необходимость накопление творческого материала великий немецкий поэт И-В. Гёте: «Поэты похожи на медведей, сосущих собственную лапу».

Писатель значительно экономит свое время, если пишет о среде, в которой сам и находится. Хотя, как вы видели, Я. Голованов и здесь (ведь С. Королев его современник) сетует на трудности. В этом случае сюжеты и фабула строятся на материале, знакомом не понаслышке, но и тут художник не может один к одному описывать увиденное или пережитое. Оно должно пройти через чистилище души и принять тот вид, который присущ мастерству именно этого художника.

Все это красивые слова, а как быть на практике? Легче всего и, я думаю, доступнее всего взять пример изготовления какой-либо вещи по лекалу или по шаблону. Договоримся, что эти полезные приспособления как бы имитируют нашу обычную жизнь. Описывая ее по шаблону, мы из раза в раз получаем один и тот же результат, с одинаковыми качественными показателями. В массовом производстве это приветствуется. Ведь изготавливать эти же изделия без шаблона много дороже, да и будут они всегда хоть чем-то, но различаться, не всегда в лучшую сторону.

Кстати, в промышленности при массовом производстве используются малоквалифицированные работники, но они изготавливают вполне приличные изделия и только за счет применения приспособлений. Но большого мастера не заставишь работать по шаблону. Изделия, изготовленные им, отличаются друг от друга, но они все равно прекрасны. Остальное, подумайте сами.

Истинные писатели и художники обладают высокой внимательностью, их глаза и уши постоянно открыты для восприятия неслышных и невидных для других людей звуков и образов. «Талант, - говорит академик А. Прохоров, - попадает в цель, в которую никто попасть не может. Гений попадает в цель, которую никто не видит». Говорят, что хороший художник различает более трехсот оттенков одного цвета.

А вот пример того, как писатель использует в своем творчестве попавший ему на глаза совершенно случайный факт.

Приехал в Петербург с визитом к Екатерине II принц персидский. История умалчивает, как это случилось, но в его свите оказался человек без носа. И обращается принц к царице с просьбой сделать его покалеченному другу искусственный нос. «В вашей стране, - говорит перс, - есть чудесные мастера. У нас же носы резать умеют, а вот делать их еще не научились»

Заказ был выполнен и мастер представил на оплату счет. В нем писалось: «По приказанию Вашей светлости (П. Зубова - А.С.) сделан мною (О. Шишориным - А.С.) находящемся в свите персидского хана чиновнику искусственный нос из серебра внутри вызолоченный, с пружинным бандажом, снаружи под натуру крашенный...»

Много лет спустя этот счет попался на глаза одному смешливому чиновнику. Он вынул бумагу из папки и стал показывать ее на всяких дворянских тусовках. Некоторое время этот счет был в распоряжении А. Смирновой-Россет. В этот дом был вхож и Н. Гоголь. Не знаю, видел ли он эту бумагу, но о содержании знал определенно. Сюжет с носом привлек писателя, и некоторое время спустя появляются первые строчки: «Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие». Дальше вы знаете, что это за происшествие - майор

Ковалев «... увидел вместо довольно недурного и умеренного носа преглупое, ровное и чистое место». Вы помните, что в то время в России носы не только не отрезали, как в Персии, но даже ноздри уже не рвали, поэтому писатель и предположил, что нос покинул свое место добровольно, оставив после себя не зияющую дыру, а ровное, да еще и чистое место.

Десятки, а может, и сотни людей знали текст той бумаги, но только один человек по фамилии Гоголь рассмотрел в этой истории сюжет для повести. Писатель уклонился от реального факта и создал что-то фантастическое, не могущее быть в жизни. Он и закончил свое творение такими словами: «...и где не бывает несообразностей?...А все, однако же, как поразмыслишь во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете - редко, но бывают».

Здесь я должен сделать некоторое уточнение. Несмотря на то, что «Нос» Н. Гоголя взят мною в качестве наглядного примера использования жизненного факта в художественном произведении, мое личное впечатление от этой повести весьма бледно. Кроме некоторых бытовых зарисовок в ней нет ничего интересного, а история с носом вообще притянута за уши. Эта повесть вызвала у меня такое же недоумение, как и «Черный квадрат» К. Малевича.

Я сказал «уши»? Как кстати! Это напомнило, что еще один писатель «играет» на этом поле. Уже в этом году (2004) Д. Липскеров издал фантазмагорический роман «Осени не будет никогда». У него не нос, а ухо(!) в героях. Из канализационного люка выглянула голова. Возможно сантехника. На беду машина проезжала, ювелирно точно срезав ухо у той головы.

Ухо не долго лежало на асфальте. Оно взмыло вверх и полетело. А вот и открытая форточка. Неизвестно, то ли сквозняком его туда затянуло, то ли перст судьбы направил, но ухо влетело в ту форточку и упало прямо в тесто. В него и зарылось. Тесто испекли, и свой кусок пирога вместе с ухом съел парализованный Иван Шашкин. Действием романа охватывается ровно столько времени, сколько понадобилось Шашкину переварить это ухо и затем полностью исцелиться.

Так что есть еще порох в пороховницах. Что у нас еще не летало? Уверен, дойдет очередь и до того.

В какой-то момент, интуитивно (тут весы или термометр бесполезны) вы почувствуете, что материала накоплено достаточно. Начинаете читать, раскладывать, расписывать и убеждаетесь, что материала и много, и мало. Но уже поздно рассуждать - душа рвется к настоящей работе.

С пользой для дела я опущу вас на землю и сравню добытый вами материал с... картошкой (да простят меня эстеты), которую вы, изрядно попотев, вырастили на той «долбаной» даче. Теперь картошка перед вами. Она внушает вам уверенность - зиму прокормимся, вызывает удовлетворенность - труд не пропал даром, и даже радость - ведь умеем, когда захотим.

Набираете в ведро и что делаете с ней? Чистите. А потом? Вот тут так просто не ответишь. Все зависит от уровня поставленных задач и умения их выполнить. Приходилось слышать о картофеле фри, картофеле пай, картофеле дофин. Догадываюсь, что этим списком картофельное разнообразие не заканчивается.

Вы поняли, к чему я веду? Конечно! Вы очистили от лишнего собранный вами материал (не весь, а часть его) и оставили перед собой именно то, что сейчас может понадобиться и приступаете к обдумыванию начала вашего произведения. Оно дается не сразу, но если перо потянулось к бумаге, не удерживайте его, пишите. Потом, по всей вероятности, придется все это выбросить в корзину, но главное сделано - работа началась, творческая мысль получила ускорение!

Но вернемся к картошке. Есть и более простой способ приготовления ее - в «мундире» (и чистить не надо). Представьте себе, едят и такую, но это на непривередливого или на пресыщенного едока. Как мне известно, здесь выбор небольшой: ее или варят, или запекают. Процесс приготовления очень прост: Фантазия ни к чему, ее и дети с успехом готовят на костре, вдохновение не требуется, дрожать не над чем - в худшем случае кожа лопнет, или обуглится, но что-то съедобное все равно останется. Итак, печем-варим, уверенные, что обязательно что-то

получится, а там - «пипл все схавает». Это иносказание понадобилось, чтобы заострить мысль на том, что добытым материалом можно по всякому воспользоваться. Как и в примере с курицей, все будет зависеть от ваших кулинарных способностей.

Не сетуйте на ограниченность добытого материала, не он виноват, а ваше неумение связать воедино уже известные вам факты. Представьте себе пропасть. Когда-то здесь был мост. Сейчас от него остались отдельные, не связанные между собой столбы. Вам нужно преодолеть это ущелье. Для этого потребуется как-то соединить между собой эти торчащие остатки моста. Вот это самое трудное и интересное в творческом процессе. Допустим, Игрек полюбил Альфу - один столб. Они поженились - другой столб. Они разошлись - третий столб. Что было между этими фактами жизни героев вам неизвестно и узнать негде. Вот и стройте предположения.

Когда очутитесь на другой стороне пропасти - оглянитесь. Если увидите доски, по которым переправлялись, считайте, вас постигла неудача. Увидели мост - радуйтесь: у вас что-то получилось! Окончательный приговор вынесет читатель.

Пусть начинающего автора не смущают люди с энциклопедическими знаниями, более того, общаясь с ними не вызывайте в себе комплекс неполноценности, не занимайтесь самоедством. В жизни не бывает всезнаек, хотя некоторые и пытаются выдать себя за таковых. Конечно, хорошо быть высокообразованным человеком, во многом эрудированным, но у каждого свой склад ума и не у каждого есть возможности закончить даже один институт, не говоря о нескольких. Короче говоря, у каждого свой предел, уготованный ему жизнью.

Главное, не какое образование у человека, а как он смог им воспользоваться, как оно ему пригодилось. Бывает и по-другому. Дают человеку хорошее образование, а он его как бы не получил. И главное, именно к этому я и веду, как бы кто-то ни был образован, как бы кто-то ни был умен, но если у него нет определенного дара, он писателем не станет. И, наоборот, при мизере знаний (средняя школа) человек начинает писать, и у него это не так уж плохо получается. Вспомним Ивана Бунина - гимназия, но Нобелевский лауреат по литературе, Валентина Пикуля - шесть классов средней школы, - автор десятков исторических романов. Ну, а университеты М. Горького всем известны.

Достигнутое этими людьми не феномен, а плод естественного стремления к собственной реализации. Вот как красиво на этот счет высказался профессор московского Литинститута В. Гольшев: «Те, кто за счет личного напора и всепожирающего интеллекта достигнет того, что другим дает университет, относятся к благородной человеческой породе». Не будем спорить, названные мною писатели именно к таким и относятся.

Умные люди говорят, что первый признак художественного таланта - это необыкновенная способность к вниманию и восприятию. Это совсем не то, что мы обычно понимаем под вниманием - смотри и слушай. То - примитив.

Одна из сторон этого дара - умение сосредоточить свое внимание на идее, не дать другим представлениям отторгнуть ее. Умение не расплыться!

Вот некто бесплодно трудится над чем-то. Предложили эту же бесплодность другому. Он сконцентрировал внимание, правильно оценил ситуацию и отказался. А некто продолжает попусту терять время.

Вот что по этому поводу сказал Л. Толстой: «Автор обладает тем особенным, называемым талантом, даром, который состоит в способности усиленного, напряженного внимания, направленного на тот или другой предмет, вследствие которого человек, одаренный этой способностью, видит в тех предметах, на которые он направляет свое внимание, нечто новое, - такое, что не видят другие».

История сохранила такой эпизод. Сократ прочитал на храме надпись: «Познай самого себя». Пораженный этой новой для него мыслью, он невероятно долго простоял перед нею в глубокой задумчивости. В дальнейшем эти слова стали смыслом его жизни и философии. Из него родился другой девиз: «Я знаю, что я ничего не знаю».

Весьма полезно вспомнить, как Сократ использовал это изречение в беседах со своими оппонентами. Представляясь, как сейчас говорят, дурачком, он задавал вопросы, заранее зная правильные на них ответы. Вот как отреагировал на вопросы Сократа весьма самонадеянный философ Менон: «Я, Сократ, еще до встречи с тобой слышал, будто ты только и делаешь, что сам путаешься и людей путаешь. И сейчас, по-моему, ты меня заколдовал и зачаровал и до того заговорил, что и в голове у меня полная путаница.... Ведь я тысячу раз говорил о добродетели на все лады разным людям, и очень хорошо, как мне казалось, а сейчас я даже не могу сказать, что она вообще такое». Так Сократ освободил Менона от самоуверенности.

Это сказано к тому, чтобы не возгордились: «Ах, какой я наблюдательный, ах какой я внимательный». Знайте в себе эти качества, цените их, но никогда не выпячивайте, ибо на каждого Менона свой Сократ найдется.

6. О СТИЛИСТИКЕ

Сейчас чрезвычайно трудно уложить какую-либо искусствоведческую теорию в жесткие рамки правил. Если это делается с пользой для искусства, то пожалуйста, а если только вопреки традиций, то позвольте.... Весьма много противников общепринятого, упорно проталкивается так называемый постмодернизм. Это явление характеризуется фрагментарностью, неопределенностью, низводящим творчество до постоянного перепева идей прошлых произведений. И это называют борьбой с застоем. Вот как подобную мысль выражает О. Проскурин. («Известия», 16.01.02): «Я очень люблю в литературе все, что не укладывается в прокрустово ложе словарей, литературоведческих терминов. То, что балансирует на грани между «фикшн» и «нонфикшн», притчей и эссе, эссе и мемуарами, мемуарами и автобиографией» Соглашусь, что и это должно быть, но, опять же, в меру. Иначе литература станет не детищем вдумчивости, а плодом разнузданной гульбы мысли. Впору будет в психушке открывать ускоренные литературные курсы.

Кому-то может показаться, что я злоупотребляю мыслью: «все должно быть в меру». Кстати, еще древние знали, что «Мера важнее всего» (Клеобул, VI в. до н. э.), а с ними спорить бесполезно.

Вспомните, как возмутился Ф. Киркоров вопросом журналистки, напомнившей певцу о злоупотреблении им ремейками. Видимо, он понимает, что подобный стиль не делает ему чести, но вынужден к нему прибегать, ибо ничего другого, достойного ни он, ни нынешние поэты и композиторы, служа мамоне, сотворить не могут. От безысходности и гнев. Пусть и несправедный.

Я позволю себе остаться в том периоде, когда устойчивость языка была потребностью, а словарный фонд не засорялся всяким непотребьем.

Итак, что такое стилистика? Это нормы литературного языка, которые рассматривают целесообразность использования имеющихся в языке средств для тех задач, которые стоят перед участниками общения. Согласитесь, что деловое письмо пишут совсем не так, как письмо любимой. У каждого из них своя стилистика.

По отношению к художественному творчеству задачи стилистики в общем виде хорошо сформулировал Л. Толстой, сказавший, что искусство писателя выражается в том, чтобы находить «единственно нужное размещение единственно нужных слов». Он же цитирует К. Брюллова в его высказывании в отношении работы над тончайшими оттенками: «Искусство начинается там, где начинается «чуть-чуть». Анализ этого «чуть-чуть» и составляет предмет стилистики. Таким образом, стилистика анализирует средства языка в смысле их значения и выразительности, дает оценку с точки зрения их пригодности для выражаемого содержания.

Мы не будем вдаваться в дебри стилистики, не будем разбирать виды стилей, объем и структуру, а сразу начнем с наиболее часто встречающихся стилистических ошибок. Они могут быть чисто стилистическими, в тех случаях, когда не нарушаются грамматические нормы, а также грамматико-стилистические, если они нарушаются и одновременно искажают содержание текста.

Первым примером может служить такое предложение: «В лагере был барак, в котором жили заключенные, и другие подсобные помещения - кухня и санузел».

Грамматически предложение примера построено правильно, но стилистически: «...жили заключенные, и другие подсобные помещения...». Эту несуразность, где живут люди и подсобные помещения, можно было бы исправить примерно так: «В лагере был барак, в нем жили заключенные, там же находились и подсобные помещения...». Еще одна подобная несуразность: «Шел дождь и солдат».

Пример ко второму случаю: «Оглянувшись назад, мальчик продолжал стоять». Здесь нарушено требование грамматики о том, чтобы действия, обозначаемые деепричастием и глаголом, принадлежали одному лицу. Правильно будет так: «Оглянувшись, я увидел, что мальчик продолжал стоять».

А вот несколько примеров, почерпнутых из школьных сочинений учителем русской литературы Е. Дмитриевой (С-Петербург).

1. Французы бросились наутек, не выдержав духа русской армии.
2. Бедная Лиза рвала цветы и этим кормила свою мать.
3. Он просил прощения, стоя у нее на коленях.
4. Пьер был светский человек и поэтому мочился духами.
5. Вдруг Герман услышал скрип рессор. Это была старая княгиня.
6. Отец Чацкого умер в детстве.

На мой взгляд, все эти удивительные пассажи - результат острого цейтнота. Ученики не имели возможности не только проанализировать, но и просто перечитать написанное. Отсюда, правильно задуманное оказалось абсурдно исполненным. Любое из рассматриваемых предложений может быть легко приведено в надлежащий вид. Достаточно, например, в первом случае заменить слово «дух» «стойкостью», как предложение выпадает из разряда курьезных, хотя и не становится стилистически безупречным.

Делаем вывод - любой текст, особенно написанный в спешке, требует правки. Каким бы стилистом вы себя ни считали, ошибок не избежать. Отложите текст хотя бы на сутки, и вы убедитесь в этом. Писателю, которого не подгоняет школьный звонок, просто необходимо через какое-то время перечитывать ранее созданное. Чем больше временной интервал между написанием и прочтением, тем лучше. Уже через месяц вы будете читать свой текст как чужой, а отсюда более критично к нему относиться.

К стилистическим недочетам относятся также злоупотребления трафаретами речи. Вот один пример из «Севастопольской страды» С. Сергеева-Ценского: «Но от чего бы ни погибла армия, она, прежде всего требовала замены ее другою, более боеспособной, - в этом таилась та крепкая стена, которую не смогли прошибить опытные парламентские болтуны своими речами». Замечу, что для меня сама эта фраза будто налита свинцом, так она тяжела. Неудачно сочетание «таилась крепкая стена». Стена, на то и стена, чтобы скрывать за собой что-то, но не самой скрываться, а тут еще и «таиться». Далее прислушаемся к слову «прошибить». Так и хочется сказать: «Пробить стену лбом». Но в цитируемом предложении сетуют на то, что ее не пробили речами. Если поговорка о пробитии стены лбом подразумевает тщетность применяемых усилий, то, что уже говорить о словесах?

Приведенная фраза, возможно, несколько приободрит начинающих писателей осознанием того, что и маститые допускают ошибки. Допускают.

Кто не слышал утверждение, что словом можно убить человека, кого не понимали пустые речи, кто не удивлялся способностью знакомого складно излагать мысли. Слова, слова, слова. Поистине магически значимо их влияние на наше сознание.

Выборы, митинги, собрания, сходы - везде ораторы, ораторы. Мы поддаемся их умению нанизывать одно слово на другое, превращая в готовые формы фраз. Кажется, что некто говорит легко и свободно, что ему есть что сказать, но, прислушавшись, вы, слыша слова, не уловите

мысль. Он владеет обширным запасом стандартных фраз и, умело, варьируя ими, вкладывает вам в уши истертые истины, общеизвестные факты.

Вспомнил это, когда задумался над словами Пушкина: «Нет на свете мук сильнее муки слова» и «Холоден и жалок нищий наш язык». Почему же, вопреки поэту, тот медоточивый или, наоборот, бичующий оратор мечет слова в толпу, как дворник песок на обледеневший тротуар? Да потому, что он поет уже давно пропетое. Штампы, банальность - его удел. Чтобы вам не отрываться от чтения и не заглядывать в словарь, дабы освежить в памяти точное значение этого слова, напомним: банальный - лишенный оригинальности, избитый, шаблонный, штампованный.

Банальность, как правило, - производное от стремления человека идти по линии наименьшего сопротивления. Что пришло в голову, то и произносит. Если это относительно терпимо в устной речи, то в письменной - противопоказано. Банальность настолько многообразна, что классифицировать ее не имеет смысла. Достаточно уловить ее особенности и в своем творчестве как можно реже пользоваться ее услугами. В первую очередь это речевые штампы. Например: «не от мира сего»; «запретный плод сладок»; «камень преткновения»; «в поте лица своего»; «таково положение вещей»; «имеет место»; «избиение младенцев»; «шекспировские страсти». Перечень нескончаем.

В качестве примера борьбы с банальностью приведу свою же фразу. Вы ее увидите, если вернетесь по тексту на какой-то десяток строк. Там оратор мечет слова «как дворник песок на обледеневший тротуар». Сразу этому сравнению предшествовало другое: «оратор сыплет слова, как из рога изобилия». Услужливая память подкинула, и я все это с готовностью написал, но, перечитав, понял, что воспроизвел банальность. Начал искать замену и после долгих вариаций остановился на дворнике с его песком. Для более точного выражения действий, как оратора, так и дворника, заменил глагол «сыплет» на «мечет». Я не сомневаюсь, что можно найти гораздо лучшее сравнение, но мне в том случае оно не пришло в голову. Попробуйте сами найти более приемлемый вариант. Удачи вам.

Вот другой пример коварства банальности. Бывает, что к некоему слову она тут же без спросу прилипает. Например: «успех - выдающийся»; «поддержка - горячая»; «мама - любимая»; «оценка - высокая»; «друг - верный»; «отклик - живейший». От употребления подобных парных слов текст становится сухим и мало привлекательным, поэтому следует не увлекаться простыми решениями, а искать неизбитые определения.

Мне давно режет слух употребление наречия «достаточно» в несоответствующих для этого слова сочетаниях. Судите сами. Но сначала напомним значение этого слова: «Достаточный, - удовлетворяющий, соответствующий чему-либо, отвечающий каким-либо потребностям».

Теперь прислушайтесь к таким речениям. «Показатель смертности в нашей стране достаточно высок», «Люди здесь живут достаточно плохо», «Получают достаточно малую зарплату». Думаю, достаточно, чтобы захотеть самому не допускать подобного ни в устной речи, ни в письме. Согласитесь, что заменить его словами «весьма» или «очень» совсем не трудно, но почему-то упорно продолжаем утверждать, что «живем достаточно плохо».

Забудем на время о банальности и посмотрим, как не повезло вполне оригинальному писателю. В 30-х годах прошлого столетия у подростков был очень популярен роман В. Катаева «Белеет парус одинокий». Главные его герои мальчишки Петя и Гаврик.

Все бы хорошо, но вздумалось Катаеву продолжить повествование. И он пишет роман «За власть Советов!» В нем ребята уже выросли, и Гаврик стал секретарем райкома партии. Думаю, что вы, как и я, некогда, прочли бы эту книгу и спокойно отложили в сторону. Но, то вы и я, а товарищ Сталин, пролистав этот роман, грозно спросил: «Разве Катаев не знает, кого на Руси звали «гавриками»? Так звали мелких жуликов!» В романе же человек с таким именем в секретарях райкома! Возмущение вождя прозвучало как «Ату его!», и на писателя набросились. Газета «Правда» вменила автору романа чрезмерное использование жаргонных оборотов речи: «Нема дураков», «Слушай сюда», «Сплошь одни жулики». Не поверю, что «Правде» ничего не было известно об одесской манере говорить. Все-то они знали, но когда кусаешь с усердием, о зубах не думаешь.

Русский язык располагает огромным запасом синонимов, которые различаются только тонкими оттенками, поэтому во многих случаях могут заменить друг друга. Есть полная возможность избегать назойливого повторения одних и тех же слов. Подумайте, следует ли демонстрировать убогость своего лексикона?

Но начинающие писатели порою забывают об этом, и, уцепившись за одно и то же слово из раза в раз повторяют его. Особенно часто это происходит с глаголами «пошел» (ушел, пришел, отошел), «сказал» или союзным словом «который». Возможно, в горячке, когда текст так и струится из-под пера, вам не до стилистических тонкостей. Здесь главное, ухватив мысль, вести ее, все глубже и глубже вгрызаясь в сюжет. Зато потом, перечитывая созданное, присмотритесь: нет ли ненужных повторов. Безжалостно избавляйтесь от них.

В этом аспекте будет интересно обратиться к творчеству Э. Хемингуэя. Активная созидательная жизнь писателя пришлась на первую половину XX века. Он автор многих романов и великой повести «Старик и море». Это произведение было оценено Нобелевской премией по литературе (1954).

Но в качестве примера я возьму фрагмент из его раннего романа «Фиеста» (1926), Вот он:

« - Так завтра на теннисе, - сказал я.

- Спокойной ночи, Джейк, - сказал он и пошел обратно в кафе.

- Вы забыли купить газету, - сказал я

- Ах да. - Он дошел со мной до киоска на углу. - Вы не сердитесь, Джейк? - сказал он, поворачивая назад с газетой в руках.

- Нет, чего ради мне сердиться?

- Увидимся на корте, - сказал он и пошел с газетой обратно в кафе».

Итак, перед нами диалог из шести предложений. В пяти из них упомянуто слово «сказал». У этого глагола в русском языке масса синонимов (произнес, вымолвил, заметил). Переводчик почему-то не воспользовался ими. Почему? Видимо не хотел отходить от оригинала. Хотя в предложении: «Вы не сердитесь, Джейк?» не только можно, но и нужно было употребить глагол «спросил».

В этом небольшом отрывке два раза употреблена, без видимой необходимости, фраза: «...и пошел обратно в кафе». Тем более между ними размещена подобная по смыслу: «...-сказал он, поворачивая назад с газетой в руках». Все это похоже на то, что пластинка заела и слышишь бессмысленное: «вжик, вжик».

Понимая, что без подробностей литературное произведение немислимо, все же спрошу, что дает нам упоминание, буквально рядом друг от друга, что некто возвратился в кафе с газетой?

Вот такие недоумения навевают на меня приведенный отрывок. То шутовское упоминание, что наличие стилистических ошибок у маститых должно приободрить начинающих писателей, конечно и должно приниматься как шутка, ибо то, что прощается мастерам, для начинающих возводится в степень.

Здесь, правда, следует оговориться, вернувшись в наше время. В последние годы не стилистика превалирует над правом на издание, но авантюристский характер сюжета вкупе с душераздирающими подробностями. В связи с этим вспомнилась одна издательская байка.

Готовился к изданию восьмитомник широко известного автора детективов (во избежание неприятностей, имени называть не буду). Автор сразу оговорил условие, что издательство не будет соваться своим рылом в его нетленные творения, а примет всё как есть. Но редакторы, просмотрев материал, решили, что в таком виде он не может быть опубликован. Сказали об этом автору, тот пригрозил расторжением договора. Тогда издательство решило наглядно продемонстрировать ему его ошибки. Засели за тексты и вскоре выдали список стилистических ляпов на 45 страницах. При первом же посещении автором издательства, торжественно вручили ему этот перечень. Писатель не только не читал его, даже не листал. Он с явным удовольствием порвал перечень и бросил в корзину. «Вам больше делать нечего?» - спросил он, и на этом дискуссия на тему стилистики была закрыта.

На мой взгляд, все это оттого, что данный автор хорошо понимает для кого он пишет. Его читатель - любитель быстрого чтения, ему важен только сюжет, действие. Все остальное - досадное нагромождение, сквозь которое приходится продирается, чтобы узнать, чем же закончится тот или иной эпизод. Отсюда, какой толк тратить время свое и читателей на пустые, никому не нужные, стилистические изыски или грамматические тонкости? Вот и хамит человек, зная, что его и такого примут, что «пипл все схавает». Извините за повторение этой фразы - не удержался.

Проблема стилистики неисчерпаема, сознавая это, я не буду злоупотреблять вашим терпением. Если вам не удалось изучать этот предмет в стенах учебного заведения, то до всего придется доходить своим умом. Главное - присматриваться не только к самому себе, но и к другим авторам, тем более самые элементарные требования к стилю вы уже знаете.

Успешный американский писатель, сценарист фильма «Где ты Лулу?» П. Остер так говорит: «Всякий раз, когда я начинаю новую книгу, я как будто вступаю на незнакомую территорию. Стил - это как часть твоего генетического кода, как твое тело. Когда я был молод, я думал над стилем все время. Тогда мне нужно было найти способ выразить себя. По прошествии лет он становился для тебя таким естественным, что ты больше о нем не думаешь. Единственно, что важно, правильно рассказать историю. Сейчас меня больше волнует содержание».

7. ИЗ ХАОСА - СОКРОВИЩЕ ВОЗНИКЛО

Содержание произведения всегда должно интересовать автора. Ведь это именно то, ради чего весь сыр-бор закрутился, ведь это, по сути - конечный результат ваших нелегких трудов. К уже известным - сюжет и фабула - следует привлечь еще такие понятия как ПОДРОБНОСТИ и ДЕТАЛИ. Как бы круто вы ни сварили кипяток, чаем, вы его назовете только тогда, когда вольете в него заварку. Каким бы залихватским ни был сюжет, как бы хитро вы не закрутили фабулу, без подробностей и деталей литературное произведение не состоится.

В понятиях подробности и детали примерно та же неразбериха, как и в сюжете с фабулой. Они так близко примыкают друг к другу, что различия между ними едва заметны, но они есть. Для более тонкого понимания нам необходимо вспомнить значение двух латинских слов. Интенсивный - напряженный, усиленный. Экстенсивный - расширяющий, удлиняющий. Так вот деталь - интенсивна, а подробность - экстенсивна. Если не все еще понятно, то поясню.

Деталь, вырисовывая отдельные черты образа, достигает нужного результата способами сжатыми и экономными до предела. Подробности, наоборот, дают развернутое описание того же образа или события.

В свое время, А. Чехов, великий виртуоз детали, восставал против подробностей. Это позволило ему заявить, что «краткость - сестра таланта». Он же утверждал, что «Описания природы должны быть весьма кратки». А вспомните И. Тургенева и его развернутые природные картины. Чехов добрался и до М. Горького. Он писал ему: «У вас, по моему мнению, нет сдержанности... Особенно эта несдержанность чувствуется в описаниях природы». Вместо подробного описания лунной ночи он рекомендует отметить блеск горлышка разбитой бутылки и густую тень от мельничного колеса.

Совсем другая метода создания своих литературных шедевров у Н. Гоголя. Часто наблюдается экономное описание развития событий и вдруг, откуда ни возьмись, посыпались такие подробности, что увязаешь в них. Даже больше, он может ввести в повествование новое действующее лицо, которое никакого отношения к нему не имеет. Вот пример.

На первой же странице «Мертвых душ» появляется молодой человек в канифасовых панталонах. Он подробно описан, читатель узнает, что его манишка была застегнута тульской булавкой в виде пистолета. Он оборотился, чтобы посмотреть на экипаж, при этом придержал картуз, «чуть не слетевший от ветра», и пошел. Больше мы его и не видели.

Или обратитесь к повести, в которой описано как поссорились известные господа. Сколько пуговиц было на мундире городничего, когда он явился мирить этих двух Иванов? Скажу - восемь. А должно быть - девять! Но девятая уже два года как потеряна. Все это время ее ищут, и Гоголь это описывает.

Такие причуды свойственны не только Гоголю. Обратимся к роману «Отверженные». Его автора, великого француза В. Гюго, потянуло блеснуть многословием. Он ввел в свое произведение массу отступлений от основной линии произведения. Издатель пытался урезонить его, но Гюго возразил, и все осталось так, как он хотел.

Без деталей и подробностей не может быть литературного произведения, но пользоваться ими нужно рационально и умно. Пусть вас не увлекают примеры литературных гениев. Даже они, начиная, были более лаконичны.

Приведу несколько примеров использования деталей и подробностей из мало известного у нас американского писателя Р. Чэндлера (1888-1959). Первый:

«Не говоря ни слова, он повернулся и захромал вдоль причала к груде камней. Нагнулся, выбрал самый большой камень, с трудом поднял его и понес туда, где мы с ним стояли. Жилы на его загорелой шее напряглись, как веревки. Он тяжело дышал и, выдыхая через рот, издавал звуки, напоминавшие шипение змеи».

В данном отрывке из романа «Смерть у озера» довольно-таки точно и экономно дано описание физического напряжения человека. Второй пример:

«За столом в деревянном кресле сидел человек, плотно упираясь ногами в пол. У правой ноги человека стояла плевательница, такая большая, что в ней мог бы поместиться брендспойт. Засаленная шляпа его была сдвинута на затылок, большие гладкие без волос руки удобно скрещены на животе над поясом застиранных много лет назад брюк цвета хаки. Его рубашка была такого же цвета, что и брюки, только она больше выцвела. Рубашка была плотно застегнута на все пуговицы. Галстука на нем не было».

Описание продолжается еще на семь строк и поверьте читавшему этот роман, что необходимости в таких подробностях не было. Это та же девятая пуговица городничего. Третий пример выходит за рамки «детали-подробности». Он хорош остроумной неожиданностью.

«Она протянула мне крепкую загорелую руку, и я пожал ее. Вкладывать шпильки в волосы полных блондинок по сто раз на дню - не легкое дело. Руки у нее стали как пассатижи».

Думаю, вы со мной согласитесь, если скажу, что воссоздать явление в его целостности наименьшим количеством слов - подобно высшему пилотажу. И еще. «Будут длинноты, будут глупости», - предупреждал Чехов. Ищите золотую середину, и вы на коне.

8. БЛАЖЕН, КТО ЧАШУ ЖИЗНИ ВОВРЕМЯ ПРИГУБИТ

Я бы не ставил вопрос, когда следует начинать литературную деятельность, если бы не было случаев слишком раннего вовлечения детей в литературный процесс. Подумайте, что может сказать человечеству четырехлетний ребенок? Проклюнулись у дитяти какие-то зачатки литературных способностей (обычно начинается это со стихов), и родители всполошились. Давай поощрять, давай развивать, давай выводить чадо на публику. Как же, растет новый Евтушенко, да что Евтушенко, Пушкин растет!

Вместо нормального развития, ребенок вовлекается в своеобразное шоу, которое тешит самолюбие родителей. Что из этого может получиться, проиллюстрируем на примере Ники Турбиной. Об этом пишет журналист Л. Терентьев: «У нее было все - Ялта, стихи с 4 лет, с восьми - слава, сборник, грампластинка, премия «Золотой лев Венеции», внимание литературных звезд. Потом - муж-иностранец, жизнь в Швейцарии с побегом, Москва, брошенная учеба во ВГИКе, прыжок с пятого этажа, перелом обеих рук. И - смерть в мае 2002 года, в 26 лет».

Ее обласкали, называли гениальной, навалили славу на хрупкие плечи. По этому случаю, она сама позже скажет: «Меня разрекламировали, как маленькую обезьянку в цирке». Выросла и вдруг оказалась в творческой изоляции: «Я - мать-одиночка // У моих стишочков» Остальное вы знаете.

Если уж проклюнулись у ребенка литературные способности, не делайте из этого явления дюже радостное событие. В этом возрасте, редко какой ребенок не удивляет своих родителей каким-либо талантом, тем паче каждый из них уж очень хочет это засечь и, не откладывая в

долгий ящик, отметить на публике. А надо было бы забыть о них, чтобы дать своему чаду возможность нормально развиваться. И радости и огорчения он должен получать в меру, ничего нельзя навязывать, чтобы не вызвать отвращения к предмету навязывания. Придет время, и он сам ухватится за то, что ему дороже всего. Это может быть литературное творчество, а то и нечто другое. Главное не стать жертвой больших разочарований.

Бывает, что родители, наоборот, сдерживают стремление ребенка к литературному творчеству. Подобное было с ныне живущим бразильским писателем Паоло Коэльо, автором знаменитого «Алхимика». Первую литературную награду он получил на школьном конкурсе поэтов. Его родители были уверены, что заработать «на жизнь» литературным трудом невозможно, поэтому нацеливали сына на другую стезю, но мальчик был упрям. Тогда папа с мамой с целью избавить сына от «дури», заточили его в психушку. В общей сложности он побывал там три раза. В результате такого противоборства Коэльо только к 40 годам сумел написать первую книгу, но уже к 50-ти годам стал мировой известностью, да и хлеб насущный зарабатывает литературным трудом.

Если у вас возрастной диапазон не сужен до последнего бастиона и есть возможность поразмышлять над проблемой «когда начинать?», то познакомьтесь с исследованием японского ученого Самоши Каназава. Он всесторонне изучил жизнь и деятельность 280 знаменитых ученых и выяснил, что 65 процентов лучших работ были опубликованы, когда авторам было около 35 лет. А в связи с тем, что многие литературоведы ставят на одну доску ученый и писательский талант, то позволим себе считать указанный возраст оптимальным и для писателей. Сделайте небольшой расчет, прикиньте, сколько времени вам понадобится, чтобы войти в указанный возраст во всеоружии, и действуйте.

Мало начать вовремя свой писательский путь, надо еще суметь его организовать, дабы не превратить в невыносимую тягость вашим близким, да и самому было на что жить. Надо еще не забывать о скептическом отношении окружения к начинающим писателям. Человеческая память охотнее всего сохраняет неудавшиеся опыты, чем наоборот. Поэтому взвесьте все за и против, и примите решение, могущее стать оптимальным не только для вас, но и для ваших близких. Чаще всего это решение потребует жертв и с вашей стороны, но не доводите их до крайности.

Этот случай произошел в далеком 1924 году. Вот текст из того времени: «Московский комсомол прощался с рабочим поэтом Николаем Кузнецовым - в 20 лет он покончил с собой. Кузнецов начинал с прочувствованных строк: «Чтобы коммунистом быть, // Надо перемениться, // Креста на шее не носить, // Богу не молиться». Но потом «жажда достижений в области своих литературных знаний оторвала его от станка. (...) Мы, его товарищи, уговаривали его вернуться на завод. Но у него не хватило силы воли». Голодал, жил в нищете - и вот... «Немыслимы поэты комсомола без завода!»

Конечно, приведенный эпизод весьма печален, у парня была всепожирающая страсть творить, и она свое мерзкое дело совершила. Это крайность. Как правило, крайностей бывает две, на то они и крайности. С первой познакомились, а вторая может произойти в том случае, если одаренный литературным талантом человек спасует перед жизненными трудностями и отложит реализацию своих способностей до лучших времен. Чаще всего они возникают после ухода человека на «заслуженный отдых». Не раз доводилось слышать: «Вот пойду на пенсию, тогда и начну».

Согласитесь, что основная масса людей реализует себя все же в предназначенное для этого время, но и не новость, что вопросы творчества кой-кому удастся решать и в более поздние сроки. В литературе, в большинстве случаев, успех возможен, если человек еще до пенсии снискал себе громкое имя или заработал изрядную сумму денег, которой может хватить на издание хотя бы первых его произведений. Во всех остальных случаях могу с печалью констатировать, что пенсионер, если и успел что-то приличное создать до своей естественной кончины, то опубликовать вряд ли успеет. Я не говорю о том, что воссиять на литературном небосклоне ему уж точно не удастся.

Послушайте, что говорит Бредли Грив, самый успешный писатель Австралии. Ему сейчас 34 года. За 9 лет он написал 8 книг - и ни одна из них не была издана. Восьмая книга только после 15 (!) отказов нашла своего издателя.

На вопрос: «Что бы вы посоветовали молодым писателям, которым отказывают все издательства?», он отвечает: «Есть три правила: первое - писать. Так много, как только можно. Постоянно работать над собой. Второе - иметь мужество показывать свои труды профессионалам. Третье - инвестировать в свои мечты. Верить в себя».

Поспешу прибавить к этим полезным советам еще один. Не только профессионалам нужно «показывать свои труды», но и читателям из народа. Что я имею в виду? Редактор может положительно оценить ваши литературные способности, но обыватель отложит ваш роман после первой же страницы. Я не берусь объяснять, почему это может случиться. Просто поверьте, что и такое бывает.

Так вот, чтобы убедиться в «съедобности» вашего литературного продукта, дайте почитать рукопись знакомому, который не только газеты, но и книги иногда читает. При возврате рукописи поговорите о ней. Чтобы убедиться, что текст действительно прочитан, задайте несколько легеньких вопросов. После всего этого делайте выводы. Если восприятие обывателя близко профессиональному мнению, радуйтесь, если нет - думайте.

Пожилого, но молодого по стажу автора может тешить уже тот факт, что и на пенсии он все же нашел себе применение. Он не просиживает диван перед телевизором, не крушит доски стола костяшками домино, не хандрит от безделья - он занят интереснейшим, всепоглощающим творческим трудом. Ну, а результат...

Заметьте, что, приглашая специалиста, работодатель часто оговаривает возраст - до 35 лет. Не часто, но случаются конкурсы молодых писателей, и опять до 35 лет.

Да что говорить! Со мной был случай. Один видный политик заинтересовался было моим к нему письмом, но, узнав о моем возрасте - интерес сразу пропал.

Сохранились и такие примеры. Л. Толстого в девяностых годах (ему уже семьдесят) спросили, пишет ли он теперь? Тот ответил: «Пишу так, для собственного удовольствия, и ни за что печатать не буду». Драматурга В. Розова спросили об этом же. Он ответил: «Что может писать человек в моем возрасте?» Ему было тогда 85 лет. Актеру МХАТ М. Прудкину (он был в этом же возрасте) задали вопрос о творческих планах (!) Он ответил: «Все бы вроде хорошо, но нет творческой перспективы». Посмеялись? И все же сделаю следующий вывод: писательскому труду, как и любви, все возрасты покорны, за исключением, как вы понимаете, младенческого.

Пушкину не нужно было метаться между пишущей машинкой и компьютером - достаточно было иметь рядом гуся. История литературы свидетельствует, что можно писать и рубилом на каменных скрижалях, но имя свое оставить в памяти народов, поэтому отнесемся к этому вопросу с изрядной долей снисходительности и оставим безусловное право любого из нас выбирать между шариковой ручкой и каким-нибудь залихватским Интелом.

Тем более, что Д. Донцова, известная детективщица, прекрасно обходится без компьютерных излишеств. Она заявляет, что пишет на печатной машинке и притом по 20 страниц в день! Скорость потрясающая. Например, писатель А. Бек, автор классической повести о Великой Отечественной войне «Волоколамское шоссе», в дневнике (1961) отмечал следующее: «Я здорово погнался конец (повести - А.С.) - по пять страниц в день грубого черновика... Вчера сделал свои пять страниц». Следует отметить, что Бек, как и Донцова, писал на печатной машинке.

Вот другой современный феномен - Пол Остер (он уже упоминался). Отвечая на вопрос, он говорит: «Конечно, у меня есть свои маленькие причуды. Например, я всегда пишу в блокноте. Я начал это делать давно, когда был еще молодым. Потом, я всегда пишу от руки, а в конце дня перепечатаваю это на старомодной механической печатной машинке. У меня до сих пор нет компьютера. Мне так удобно».

И все же несколько слов в пользу компьютера. Признаться, не могу нарадоваться на это удобнеее изобретение человечества. Лет двадцать тому назад я и не предполагал, что такое есть на белом свете. В то время даже хорошую пишущую машинку приобрести было пределом мечтаний.

И вот выходит на экраны американский фильм «Роман с камнем». Смотрю его и вижу, как героиня фильма, писательница, работает на компьютере. Она целые фразы переносит с одного места на другое, убирает ненужный текст, и все сразу подтягивается, меняет одно слово на другое и все без каких-либо помарок. Я был потрясен. Пожалуй, из всего фильма только это и осталось в памяти.

Несколько позже у одной большой газеты появился компьютерный центр. Я попросил главного редактора показать мне его. Ни один музей мира не был для меня так интересен. По моей просьбе оператор продемонстрировал процесс печатания текста. Показал его на экране монитора, ввел лист бумаги в принтер, нажал на кнопку мыши, и печатание состоялось! Как в сказке! И когда мне много позже посчастливилось обзавестись компьютером, то я был счастливейшим человеком. Как я его терзал, пока чему-то научился.

Все блага, заложенные в этой умной машине, не идут ни в какое сравнение с открываемыми возможностями при правке текста. А править приходится. Ведь еще Чехов утверждал, что искусство писателя не только в том, чтобы писать, но и в умении зачеркивать написанное. При компьютере чувствую себя в это время свободным человеком, тогда как при работе на печатной машинке - рабом текста. Ведь жаль комкать готовый лист, но приходится, ибо он весь в скобках и в зачеркиваниях. Уже сам едва читаешь этот текст. Ставишь в пишущую машинку новый лист, и где гарантия, что и он не уйдет вслед за предыдущим? Прямо-таки артель «Напрасный труд».

И еще одно замечание. Много раньше, обнаружил, что стилистические ошибки, не замеченные в тексте, написанном пером, становятся более зримыми, если этот же текст отпечатать на машинке, и еще более видимы в типографском исполнении. Был случай, когда, читая гранки, схватился за голову - такую чепуху наворотил. Пришлось переделывать целые абзацы! Хорошо, книга была заказной, а хозяин - при деньгах и без возражений оплатил набор дважды.

Когда я поделился своим «открытием» со знающими ребятами, то они согласились со мной, ибо уже сталкивались с этой особенностью текстов. Так вот, пользуясь компьютером, вы избегаете такой метаморфозы. На экране вы видите вполне «цивилизованный» текст, а отпечатанный на принтере в полной мере соответствует типографскому.

9. О ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ПИСАТЕЛЯ

Я уже говорил, что писатель должен иметь свое суждение о художественной литературе разных времен и народов. Такое двумя-тремя годами не дается. Ведь не скажешь, отложив прочитанную книгу: «Теперь все, дальше читать бесполезно, все равно ничего нового не узнаю». Нет, даже в самой бездарной книге можно найти для себя что-то полезное, хватило бы терпения дочитать.

Как мне кажется, необходимость в публичной библиотеке для писателя должна возникнуть лишь в том случае, если решается какой-то специальный вопрос или понадобилось редкое издание. Ведь не набегаешься по библиотекам, если необходимо освежить в памяти что-либо из Толстого или отвести душу, прочитав несколько рассказов Чехова.

Кроме художественной литературы писателю просто необходимо иметь различные справочники по русскому языку. Тут и толковый словарь, и орфографический, словарь синонимов. Кроме того, не помешает словарь иностранных слов. В зависимости от того, над какой темой работает писатель, необходимы специальные справочники, сборники статей по теме или даже монографии.

Приходилось «копаться» в библиотеке одного видного крымского журналиста. Чего там только не было! От медицинских фолиантов до справочника молодого токаря. Спрашиваю: «Зачем такое многообразие?» - «Кто знает, куда завтра труба позовет», - отвечает он.

В Алуште на горе особняком стоит дом почившего в бозе С. Сергеева-Ценского, автора «Севастопольской страды», которую я с трудом «осваивал» еще в детстве. С трепетом поднимался туда. Надо сказать, бедную библиотеку увидел (может, успели растащить?), но главное, что охватывало круг его интересов, было выставлено. Громадные, забранные в черные переплеты, тома жизнеописаний русских императоров и специальная литература по Крымской войне 1854-1856 годов. Рассматривая за стеклом эти книги, я еще подумал, что с таким обширным материалом по нужной теме писать можно.

Удалось познакомиться и с библиотекой известного советского поэта А. Суркова, автора «Землянки». «Тлеет в тесной печурке огонь», - эти строки дороги людям моего поколения не меньше чем пушкинские «Я помню чудное мгновенье». Видел и Софью Антоновну, жену Алексея Александровича, которой были посвящены эти проникновенные слова. Поклонился ей. Так вот о библиотеке.

В квартире на ул. Горького (сейчас Тверская) в Москве в большой и высокой комнате во всю стену стеклянный шкаф. В нем книги, книги и только книги. В шкафу не было привычных для того времени рядов подписных изданий, наоборот, сплошная эклектика. Глаза разбегались. Только когда добрался непосредственно до полок, понял, что это книги, сплошь подаренные Алексею Александровичу авторами! Ой, кого там только не было! Не буду перечислять, единственно скажу, что почетное место, как мне показалось, там занимали книги Константина Симонова и Ильи Эренбурга.

На даче во Внуково два дома. Поэт с женой жил в одноэтажном доме. Во втором, двухэтажном, внизу кухня-столовая. Деревянная лестница ведет на второй этаж.

Рабочий кабинет хозяина находился на лестничной площадке второго этажа. Фактически это была комната площадью не более десяти квадратных метров. Письменный стол стоял впритык к лестничной ограде, слева стеллаж с книгами, за спиной окно. Дальше спальня с широкой индийской кроватью.

Мне была предоставлена полная возможность почувствовать себя в «котле», где «варилась» настоящая поэзия. По крайней мере, я так себя тогда чувствовал. Просмотрел записи, полистал книги, которые были когда-то у поэта «под рукой». Дело было в 1982 году (поэту 83 г.) и чувствовалось, что Алексей Александрович давно не сиживал за этим столом.

В столе увидел записку нашего крымского поэта Б. Сермана, в которой он благодарил Суркова за помощь, называя его выдающимся советским поэтом. На стеллаже множество книг дореволюционных изданий, среди них и словарь В. Даля, о котором в то время только слышал. Признаюсь, что от этого стеллажа меня отвлекли другие книги.

Уже в спальне стояли глухие, крашенные белой краской, шкафы, а в них книги в мягких сизых переплетах. Повертел одну и замер. На ней был обозначен номер экземпляра с указанием, что рассылается только членам ЦК КПСС и так далее. В этих книгах были представлены переводы зарубежной публицистики. Для того времени это был редкий случай, когда простой смертный, мог познакомиться без купюр с «вражескими измышлениями». Эту ночь я не спал.

Как жаль, что на следующий день нужно было уезжать. От посещения осталось впечатление, что приобщился к чему-то значительному и чрезвычайно скромному. Таковым мне показался Алексей Александрович Сурков, именитый советский поэт, секретарь Союза писателей СССР, лауреат Сталинских премий, экс-редактор «Литературной газеты» и журнала «Огонек».

Внимательный читатель заметил, что я чаще всего обращался к Чехову. Заверяю, что это - случайность, ибо в процессе написания этой книги я и сам не знал, что получится на следующей странице. А то, что Антон Павлович стал наиболее упоминаемым писателем - результат выплеска ранее накопленных впечатлений об этом человеке. Помимо преклонения перед его талантом, я в не меньшей степени восхищен его скромностью. Он, не в пример другим гениям, не был подвержен такому смертному греху, как гордыня. И какая ответственность за свое творчество. Вот часть его ответа на несправедливую критику: «Я не шантажировал, не писал ни пасквилей, ни доносов, не льстил, не лгал, не оскорблял, короче говоря, у меня есть много

рассказов и передовых статей, которые я охотно бы выбросил за их негодностью, но нет ни одной строки, за которую мне теперь было бы стыдно». Многие ли из нас могут сказать о себе подобное, даже не вслух?

В советское время, с подачи Сталина, писателей стали звать инженерами человеческих душ. Можно и так, но Чехова я бы никогда не причислил к этой когорте. Он врачеватель, а не инженер! Он не лез в душу с отверткой в руках, он вслушивался в нее, ставил диагноз и выписывал рассказы! Старайтесь и вы, друзья мои, не ковыряться в душе, а внимать ей и помогать избавляться от недугов.

НАБОР ПОЛЕЗНЫХ СОВЕТОВ НАЧИНАЮЩИМ ПИСАТЕЛЯМ, И НЕ ТОЛЬКО

1. Прежде чем оседлать Пегаса, внимательно всмотришься в ухабистый рельеф предстоящего тебе пути.

2. Выработай способность отвлеченно мыслить, пролей на изображаемую тобой реальность свет своей мысли. Доверяй собственным ощущениям. Фантазируй.

3. Традиционная культура - это в основном культура письменной речи. Помни, что ты ее проводник.

4. Стиль - это как часть твоего генетического кода, относись к нему с уважением.

5. Не ленись, ибо дай себе возможность не работать - не будешь работать!

6. Четкое понимание значения слов - не привилегия литератора, а его обязанность. Не ленись протянуть руку за словарем.

7. Знай свой предел, а тем более не надорвись на ерунде. Спроси себя: действительно ли нужно то, что ты собираешься делать.

8. Укрощай стресс, не смакуй его. Помни: постоянные сомнения в себе - повод для обращения к врачу.

9. Инвестируй в свои мечты. Верь в себя!

10. Если бывают белые ночи, то почему не быть черным дням?

11. Ограниченность материала - повод включить интуицию. Слушай самого себя. Да здравствует гибкость мышления!

12. Не увлекайся собственной биографией. Есть мнение, что писатель начинается после того, когда оторвется от этой сиськи.

13. Описывая помойку, не забывай, что в мире есть и более приятные места.

14. Дарование плюс материальный избыток - верный путь к самореализации.

15. Помни: издатель - не бог, и он, порою, ошибается.

01.12.04